

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2022

Март — Апрель

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор: А.В. Виноградов, д.полит.н.

Редакционная коллегия:

Островский Андрей Владимирович (д.э.н., проф., заместитель гл. редактора);
Дацышен Владимир Григорьевич (д.и.н., проф.);
Ломанов Александр Владимирович (д.и.н., проф. РАН);
Лукин Александр Владимирович (д.и.н., проф.);
Новоселова Любовь Владимировна (д.э.н.);
Портяков Владимир Яковлевич (д.э.н., проф.);
Салицкий Александр Игоревич (д.э.н.);
Стрельцов Дмитрий Викторович (д.и.н., проф.);
Самойлов Николай Анатольевич (д.и.н., проф.).

Иностранные члены редколлегии:

Одд Арне Вестаг, профессор, Йельский университет, США;
Ивасита Акихиро, профессор, Университет Хоккайдо, Япония;
Ким Сок Хван, профессор, Университет иностранных языков Хангук, Сеул, Южная Корея;
Сунь Чжуанчжи, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН, КНР;
Янь Годун, профессор, директор института иностранных языков Нанькайского университета, КНР.

Редакционный совет
Председатель В.В. Михеев, академик РАН.

К.М. Барский, к.и.н.;
О.Н. Борох, к.э.н.;
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф.;
Б.Н.Горбачев, д.и.н., проф.;
А.З. Жебин, к.полит.н.;
А.Н. Карнеев, к.и.н.;
В.О. Кистанов, д.и.н.;
А.И. Кобзев, д.ф.н., проф.;
В.Н. Колотов, д.и.н., проф.;
А.Н. Королев, Ph.D.;
В.Л. Ларин, академик РАН.;
Я.В. Лексютина, д.полит.н., проф. РАН;
В.М. Мазырин, д.э.н.;
В.В. Малявин, д.и.н., проф.;
Н.Л. Мамаева, д.и.н.;
М.С.Михалев, д.и.н.;
И.Ф. Попова, чл.-корр. РАН;
О.А. Тимофеев к.и.н., заместитель главного редактора;
С.В. Уянаев, к.и.н.

Иностранные члены редакционного совета:

Алка Ачария, проф., Института китайских исследований (Нью-Дели, Индия);
Гуань Гуйхай, проф. Пекинский университет (КНР);
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин, КНР);
Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР);
Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция:

С.Н. Алексахина, к.э.н., *зав. отделом экономики;*
К.В. Асмолов, к.и.н., *зав. отделом Кореи;*
Е.В. Власова, *редактор;*
О.И. Казаков, *зав. редакцией;*
А.Н. Карнеев, к.и.н., *зав. отделом истории и внутренней политики;*
В.О. Кистанов, д.и.н., *зав. отделом Японии;*
А.Н. Коробова, к.филол.н., *зав. отделом культуры;*
Р.Ф. Кудакаев, *редактор;*
Д.Б. Славинский, *верстальщик;*
А.Б. Старостина, к.филос.н., *зав. отделом идеологии и философии;*
Л.Л. Сухадольская, *отв. секретарь.*

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;
Тел. +7 (499) 124-09-02; E-mail: pdvjournal@mail.ru; URL: <http://FarEasternAffairs.ru>

Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies RAS

FAR EASTERN STUDIES

2/2022

March — April

The scientific, social and political journal,
published six times per year in Russian
and quarterly in English.
The first issue was published in March 1972.

Published under the supervision
of the Department of Global
Problems and International
Relations of the Russian
Academy of Sciences

Founders: Russian Academy of Sciences and the Institute of Far Eastern Studies RAS

Editor-in-Chief: A.V. Vinogradov, DSc (Political Science)

Russian Editorial Board Members:

Datsyshen V., Dr.Sc. (History);
Lomanov A., Dr.Sc. (History), Prof. of RAS;
Lukin A., Dr.Sc. (History);
Novoselova L., Dr.Sc. (Economics);
Ostrovskiy A., Dr.Sc. (Economics) Deputy Editor-in-Chief;
Portyakov V., Dr.Sc. (Economics);
Salitskii A., Dr.Sc. (Economics);
Streltsov D., Dr.Sc. (History);
Samoilov N., Dr.Sc. (History).

Foreign Editorial Board Members:

Akihiro Iwashita (Hokkaido University, Japan);
Kim Seok Hwan (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea);
Sun Zhuangzhi (Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies,
CASS, PRC);
Odd Arne Westad (Yale University, USA);
Yan Guodong (Nankai University, PRC).

Editorial Council
Chairman Mikheev V., Academician of RAS

Barsky K., Ph.D. (History);
Borokh O., Ph.D. (Economics);
Gorbachev B., Dr.Sc. (History), Prof.;
Karneev A., Ph.D. (History);
Kistanov V., Dr.Sc. (History);
Kobzev A. Dr.Sc. (Philosophy), Prof.;
Kolotov V., Dr.Sc. (History), Prof.;
Korolev A., Ph.D.;
Larin V., Academician of RAS;
Leksyutina Ya., Dr.Sc. (Political Sciences), Prof. of RAS;
Maliavin V., Dr.Sc. (History), Prof.;
Mamaeva N., Dr.Sc. (History);
Mazyrin V., Dr.Sc. (Economics);
Mikhalev M., Dr.Sc. (History);
Popova I., Corresponding Member RAS;
Timofeev O., Ph.D. (History), Deputy Editor-in-Chief;
Uyanaev S., Ph.D. (History);
Voskresenskiy A., Dr.Sc. (Political Science), Prof.;
Zhebin A., Ph.D. (Political Science).

Foreign Members of the Editorial Council:

Acharia Alka, Prof., Director of the Institute of Chinese Studies (New Delhi, India);
Guan Guihai, Prof. Peking University (Beijing, China);
Hu Angang, Prof., Qinghua University (Beijing, China);
Wu Enyuan, Prof., Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China);
Zhu Xianping, Prof., Jilin University (Changchun, China).

Editors Office

S.N. Aleksakhina, Ph.D. (Economics), *Head of the Economics Dept.*;
K.V. Asmolv, Ph.D. (History), *Head of the Dept. of Korea*;
O.I. Kazakov, *Head of the Editors Office*;
A.N. Karneev, Ph.D. (History), *Head of the Dept. of History and Internal Policies*;
V.O. Kistanov, Dr.Sc. (History), *Head of the Dept. of Japan*;
A.N. Korobova, Ph.D. (Philology), *Head of the Dept. of Culture*;
R.F. Kudakaev, *Editor*;
D.B. Slavinsky, *Layout Designer*;
A.B. Starostina, Ph.D. (Philosophy), *Head of the Dept. of Ideology and History*;
L.L. Sukhadol'skaya, *Executive Secretary*;
H.V. Vlasova, *Editor*.

Address: 32 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation
Tel. +7 (499) 124-09-02; E-mail: pdvjournal@mail.ru; URL: <http://FarEasternAffairs.ru>

Содержание

<i>ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА</i>	9
Поздравления журналу «Проблемы Дальнего Востока» в связи с 50-летним юбилеем	10
ПОЛИТИКА	
<i>Виноградов А.В.</i> Евразийская ось Москва — Пекин: вызовы и уровни взаимодействия	20
<i>Швыдко В.Г.</i> Политика правительства Японии в сфере науки и инноваций	34
<i>Мелконян Л.А.</i> Подходы Японии к международному сотрудничеству в области кибербезопасности на примере АСЕАН.....	49
ЭКОНОМИКА	
<i>Гамза Л.А.</i> Цифровой Шёлковый путь Китая.....	63
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО	
<i>Асмолов К.В.</i> Президентские выборы-2022 в Республике Корея.....	80
<i>Журавлева Е.В.</i> Китайский опыт продвижения норм и ценностей путем регулирования социальных медиа.....	97
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА	
<i>Хань Шин.</i> Взгляды китайских и российских экспертов по вопросу создания военного союза между РФ и КНР.....	111
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ	
<i>Ширгазина Э.Р.</i> Гидроэнергетика Бутана: отрасль экономики и одна из основ внешней политики государства.....	123
РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК	
<i>Бардаль А.Б.</i> Экспорт транспортных услуг: Дальний Восток России.....	136
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	
<i>Зорихин А.Г.</i> Деятельность органов военной разведки Японии против СССР в 1922–1945 гг.....	154
ИСТОРИЯ	
<i>Казанцев А.Е.</i> Антияпонская война и историческая политика КНР.....	162

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Кудакаев Р.Ф.* Ежегодная всероссийская научная конференция «Современное китайское государство».....174
- Зуева А.Г., Поленова А.Л., Шкатов Д.Е.* XXVI конференция корееведов России и стран СНГ «Современные проблемы Корейского полуострова»185

РЕЦЕНЗИИ

- Панов А.В.* Рецензия на коллективную монографию: Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями / под ред. Д.В. Стрельцова. М: издательство «Аспект Пресс», 2022. 336 с.191

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

- Памяти Александра Игоревича Салицкого.....194

Contents

<i>FROM THE EDITOR-IN-CHIEF</i>	9
Congratulations on the 50 th Anniversary of the Far Eastern Studies Journal	10
POLITICS	
<i>Vinogradov A.V.</i> Moscow-Beijing Eurasian Axis: Challenges and Levels of Engagement	20
<i>Shvydko V.G.</i> Science and Innovation Policy of the Japanese Government.....	34
<i>Melkonyan L.A.</i> Japan's Approaches to International Cooperation in the Field of Cybersecurity: the Case of ASEAN.....	49
ECONOMICS	
<i>Gamza L.A.</i> China's Digital Silk Road	63
STATE AND SOCIETY	
<i>Asmolov K.V.</i> Presidential Elections-2022 in the Republic of Korea	80
<i>Zhuravleva E.V.</i> The Promotion of Norms and Values through Social Media Regulation: the Experience of China	97
VIEW POINT	
<i>Han Shiyng.</i> The Views of Chinese and Russian Experts on the Russia-China Military Alliance	111
ENVIRONMENT	
<i>Shirgazina E.R.</i> Bhutan's Hydropower: the Economy Sector and One of the Foundations of the State's Foreign Policy	123
RUSSIAN FAR EAST	
<i>Bardal A.B.</i> Export of Transport Services: Russian Far East	136
MILITARY BUILD-UP	
<i>Zorikhin A.G.</i> The Activity of Japanese Military Intelligence against the USSR in 1922–1945	154
HISTORY	
<i>Kazantsev A.E.</i> The Sino-Japanese War (1937–1945) and the Politics of Memory in PRC	162

SCIENTIFIC EVENTS

- Kudakaev R.F.* Annual All-Russian Conference “Modern Chinese State”174
Zueva A.G., Polenova A.L., Shkatov D.E. The 26th Conference of Russia and
CIS Koreanists “Contemporary Problems of the Korean Peninsula”185

BOOK REVIEWS

- Panov A.N.* Review of the monographic book: Problems of the historical past
in Japan's relations with neighboring countries / ed. D.V. Streltsov. Moscow:
Publishing House “Aspect press”, 2022. 336 p.....191

AD MEMORIAM

- In memory of Alexander Igorevich Salitsky194

Обращение Главного редактора From the Editor-in-Chief

50 лет — возраст зрелости в мире людей, у журналов свой счет. Они могут вечно сохранять молодость, надо только научиться соответствовать времени и отвечать на вопросы, которые беспокоят современников. Эта способность сильнее всего проявляется в самый первый период — журналы создаются с ясным пониманием, что без них уже жить нельзя. Именно так и произошло в 1972 г. События в Китае настоятельно требовали широкого и публичного обсуждения, всесторонней научной экспертизы, что значительно расширяло задачи и функции созданного перед этим Института Дальнего Востока Академии наук СССР. Сохраниться значительно сложнее: необходимо постоянно поддерживать тонус и репутацию, улавливать ход истории, фиксировать тенденции, искать им объяснение, а главное, оставаться привлекательным для авторов, которые должны быть уверены, что встретят здесь самую компетентную и взыскательную аудиторию. Пятидесятилетний рубеж — критерий состоятельности и академизма. Журнал выполнил свою главную задачу — без него уже невозможно представить российское китаеведение. Но его миссия на этом не завершена.

Китай, его успехи, которых — редкий в истории случай — не меньше, чем проблем, и, конечно, другие страны Восточной Азии не дают журналу устаревать, отставать от жизни. В погоне за временем мы, конечно, не станем менять название, не будем искусственно омолаживаться, проводить ребрэндинг. Китай оберегает и почитает свою историю, и китаеведы воспитаны в духе уважения традиций и знают, что можно успешно развиваться не по формуле «разрушим, а затем». Не только в нашей области, но и в науке вообще это единственная возможная стратегия. За полувековую историю журнал «Проблемы Дальнего Востока» стал признанным символом качества, профессионализма и ответственности. Редколлегия и редсовет вместе со всеми китаеведами, японоведами и корееведами России будут надстраивать этажи на многовековой фундамент отечественного востоковедения, а журнал останется зоной профессионализма, продолжателем традиций и точкой притяжения для всех, кто изучает Дальний Восток.

Готовясь к юбилею, я посмотрел обращения моих предшественников и понял, что мое обращение в «минуты роковые» тоже исторический документ, свидетельство времени, в нем можно и нужно сказать о том, что не может быть отражено в других публикациях журнала. Наиболее близким по драматизму оказалось обращение В.Б. Воронцова в 1992 г., пришедшееся на самый тяжелый период новейшей российской истории. В нем сквозит такое отчаяние, что были поименно перечислены все потенциальные спонсоры, и надежда, что это стихийное бедствие закончится, надо просто немного потерпеть, пережить, и будет как прежде. Не закончилось.

Ситуация в китаеведении не стала лучше (см. круглый стол ПДВ в № 1 2022 г.), но и мы закалились, приобрели стойкость и опыт, нашли новые способы существования, хотя и понесли потери. Выжить нам помог Китай, интерес к нему многим дал работу, дополнительный доход и новые возможности продолжить его изучение.

Россия и российское китаеведение вновь на крутом вираже истории, наше будущее трудно предсказать. Но и сейчас наши главные надежды связаны с Китаем. Он требует еще большего внимания, чем в момент создания журнала: оставаясь крупнейшим государством мира, великим соседом, стратегическим партнером, он стал еще и крупнейшей экономикой мира, страной, в которой на наших глазах идет формирование основ новой цивилизации.

Журналы умирают, когда перестают отвечать на запросы современников. Вместе с нашими читателями и авторами мы с надеждой смотрим в будущее и, уверен, преодолеем все трудности. Журнал вступает в очередной исторический этап и с вашей поддержкой продолжит свой Дао-путь к новым достижениям и юбилеям.

Андрей Виноградов

**Поздравления журналу «Проблемы Дальнего Востока»
в связи с 50-летним юбилеем
Congratulations on the 50th Anniversary
of the Far Eastern Studies Journal**

В связи с 50-летием в адрес журнала пришли поздравления от наших коллег, читателей и авторов. Редколлегия благодарит всех за теплые поздравления и выражает надежду на продолжение плодотворного сотрудничества.

Вице-президент РАН, председатель НИСО РАН, академик РАН А.Р. Хохлов:

На протяжении 50 лет журнал «Проблемы Дальнего Востока» является ведущим периодическим изданием Российской академии наук, публикует основные результаты научных исследований по проблемам Китая, стран Восточной Азии и АТР. За эти годы журнал занял уникальное место высокопрофессионального научного и экспертного форума по проблемам региона, успешно сочетающего фундаментальные и прикладные исследования. Широко известный в России и мире, журнал стал авторитетной площадкой для обмена мнениями и идеями для нескольких поколений востоковедов и международных партнеров.

Появление нового мирового экономического и политического центра в Восточной Азии, развитие отношений стратегического партнерства с Китаем предьявляют еще более высокие требования к журналу как по качеству публикуемых материалов, так и по охвату тем.

Поздравляя «Проблемы Дальнего Востока» с юбилеем, желаем редколлегии и редакции новых успехов.

Заместитель министра иностранных дел РФ И.В. Моргулов:

Сердечно поздравляю Вас и в Вашем лице всех сотрудников журнала «Проблемы Дальнего Востока» с юбилеем.

За 50 лет с момента учреждения журнала пройден большой путь. Все эти годы «Проблемы Дальнего Востока» оставались авторитетным научным изданием, вносящим ценный вклад в изучение истории, внутренней и внешней политики, экономики и культуры Китая, Японии, КНДР, Республики Корея, Индии и государств Юго-Восточной Азии. И сегодня ваш журнал — это солидная «площадка» для дискуссий по актуальным вопросам востоковедения, пользующийся доверием источник информации и знаний, позволяющий широкому кругу читателей в нашей стране и за рубежом знакомиться с достижениями российской академической школы.

Центральное место в деятельности «Проблем Дальнего Востока» по праву занимает комплексное исследование проблем современного Китая и российско-китайских отношений. Отмечаем весомую лепту, которое издание вносит в укрепление стратегического партнерства между Россией и КНР. Искренне рады тому, что журнал сохраняет славные традиции отечественной синологии, выступая своего рода «интегратором» российского сообщества китаеведов.

За прошедшие полвека редколлегию журнала возглавляли выдающиеся востоковеды — М.И. Сладковский, В.Б. Воронцов, А.М. Григорьев, В.Я. Портяков. Большую

поддержку журналу в качестве его соучредителя продолжает оказывать Институт Дальнего Востока РАН.

Ценим отношения сотрудничества, которые связывают «Проблемы Дальнего Востока» с Министерством иностранных дел Российской Федерации. На страницах журнала регулярно печатаются отечественные дипломаты. Рассчитываем, что и в дальнейшем будем иметь возможность через ваше издание доводить до общественности подходы России к практическим вопросам отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, помогать формированию комплексных знаний о тенденциях регионального развития.

Хотел бы пожелать журналу дальнейших успехов, а всем членам редакционной коллегии и сотрудникам — крепкого здоровья и благополучия. Убеждены, что впереди вас ждут новые профессиональные и творческие высоты.

Отделение глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, Президент ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, академик РАН А.А. Дынкин:

Поздравляю Вас и Ваших коллег из редакции с 50-летием журнала «Проблемы Дальнего Востока». Все эти годы журнал неизменно знакомит своего читателя с актуальными и научно обоснованными знаниями о политике, экономике и культурах стран Восточной Азии. Центральное место на страницах издания занимают проблемы Китая, прошедшего за эти полвека впечатляющий путь от хаоса «культурной революции» до успешных рыночных реформ, заметно повысивших статус китайского государства на мировой сцене.

Журнал обрел авторитет как научное издание с большим общественно-политическим влиянием. Авторы «Проблемы Дальнего Востока» уделяют самое пристальное внимание осмыслению места России в Тихоокеанской Азии, настойчиво ищут пути укрепления нашего сотрудничества со странами региона. Профессиональный востоковедный анализ, в котором содержательные исследования экономики и политики опираются на глубокое понимание истории и традиций, помогает эффективно налаживать международное взаимодействие.

За десятилетия издания англоязычной версии журнал накопил богатый опыт в области ознакомления иностранной аудитории с достижениями отечественных исследователей. Журнал хорошо знают за рубежом, прежде всего в странах Азии. Но в первую очередь журнал «Проблемы Дальнего Востока» востребован российским читателем. Это престижная научная трибуна, на которой ведущие ученые имеют возможность представить новейшие результаты своих изысканий. Журнал занимает достойное место среди научных периодических изданий институтов Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН.

В наши дни тематика журнала становится все более востребованной. Неуклонно возрастает спрос на современные знания о Восточной Азии, на свежий взгляд на перспективы развития связей России с этим регионом. Расширяется потребность в углубленном понимании экономического развития Китая, его внутренней и внешней политики.

Желаю журналу продолжать двигаться вперед с уверенностью в успехе, сохранять высокие профессиональные стандарты, открывать новые научные горизонты. Всем сотрудникам редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока», членам редколлегии и редакционного совета желаю крепкого здоровья и новых творческих свершений.

Посол Российской Федерации в КНР А.И. Денисов:

Общее для всех нас «цеховое» научное издание — журнал «Проблемы Дальнего Востока» — отмечает юбилейную дату. Ему исполнилось 50 лет. Для специализированного периодического издания это немалый срок. Тем более потому, что истекшие полвека были наполнены эпохальными событиями и далекоидущими переменами во всех облас-

тях и срезях нашей жизни, во всем мире и изучаемом нами регионе Восточной и Северо-восточной Азии, в Китае и вокруг него.

Для старшего, среднего поколения китаеведов и «смежников» журнал стал частью профессиональной жизни. Для, как принято говорить, научной смены — источником «накопленного знания» по всем аспектам страновой и региональной проблематики.

В российском посольстве в Китае всегда старались следить за публикациями журнала и рассматривали его как ценный источник актуальных сведений для практической работы и системных оценок для повышения страновой квалификации. Надеемся и дальше иметь к нему доступ в любой форме — что называется, идя в ногу со временем.

Дорогие друзья! Журнал «Проблемы Дальнего Востока» — это, как говорят в Китае, «лао пайцзы» или «старая вывеска», ею надо дорожить. Желаем всем, кто связан с выходом журнала, всем авторам и читателям, нести дальше багаж научного познания, пополняя его качественными и интересными материалами.

С пожеланиями крепкого здоровья и, как говорят в Китае, «удачи в десяти тысячах дел». 万事如意!

Председатель Общества российско-китайской дружбы, первый заместитель Председателя Государственной Думы И.И. Мельников:

От имени Общества российско-китайской дружбы и от себя лично сердечно поздравляю Вас и всех членов редакционной коллегии журнала «Проблемы Дальнего Востока» с 50-летним юбилеем журнала.

За прошедшие полвека журнал «Проблемы Дальнего Востока» стал признанным научным и общественно-политическим изданием, завоевавшим большое признание у нас в стране и за рубежом.

Журнал знакомил и продолжает знакомить своих читателей с Китаем, его историей и культурой, важными событиями в жизни страны, российско-китайских отношениях, играющих важную роль в современной международной обстановке.

В год 65-летнего юбилея Общества российско-китайской дружбы — первого в нашей стране общества дружбы с народами зарубежных стран, созданного в Москве 29 октября 1957 г., нам особенно приятно отметить большое внимание, которое журнал «Проблемы Дальнего Востока» всегда уделял вкладу ОРКД в становление, восстановление и продвижение российско-китайских общественных связей и их роли в поступательном развитии российско-китайских отношений, которые сегодня стали отношениями равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху.

Разрешите выразить уверенность в том, что журнал «Проблемы Дальнего Востока» будет и впредь активно сотрудничать с Обществом российско-китайской дружбы, публиковать материалы о его деятельности в интересах взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами.

Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН В.В. Наушкин и директор Института востоковедения РАН, д.и.н. А.К. Аликберов:

В марте 2022 г. исполнилось 50 лет журналу «Проблемы Дальнего Востока». На протяжении полувековой истории журнал вносит большой вклад в изучение и понимание Китая, развитие и укрепление двусторонних отношений со странами Восточной Азии. Его отличают всесторонний и высокопрофессиональный анализ международных политических и экономических проблем региона, уникальные архивные публикации по истории и культуре Китая, Японии, Кореи, стран Юго-Восточной Азии. Журнал широко известен не только в России, но и за рубежом, на его страницах публиковались ведущие советские и российские китаеведы, ученые и политики других стран.

Значение журнала особенно выросло в последние годы, когда Китай превратился в локомотив экономического развития, а Восточная Азия — в один из центров современного мира. Большое внимание журнал уделяет развитию российско-китайского стратеги-

ческого сотрудничества и партнерства, усилиям России и Китая по поддержанию мира и стабильности в регионе и мире. «Проблемам Дальнего Востока» всегда удавалось соответствовать требованиям времени, оперативно реагировать на новые вызовы и тенденции развития, сегодня он является неотъемлемой частью отечественного востоковедения и вносит существенный вклад в его развитие.

Поздравляем редколлегию и редакцию журнала с юбилеем и желаем авторам и читателям новых достижений в познании Востока.

Декан факультета иностранных языков Нанькайского университета (КНР), профессор Янь Годун:

Позвольте от имени факультета иностранных языков Нанькайского университета выразить Вам и редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячие поздравления в связи с 50-летием журнала. Преподаватели и студенты факультета иностранных языков Нанькайского университета — ведущего центра по изучению российского китаеведения в Китае являются самыми преданными читателями и исследователями журнала.

С момента создания в 1972 г. журнал «Проблемы Дальнего Востока» превратился в наиболее важное, авторитетное и влиятельное советское, а потом российское специализированное периодическое издание по проблемам Китая и АТР. За 50 лет в результате неустанных усилий ИДВ и всех российских исследователей-дальневосточников журнал получил широкое признание за высокие научные результаты и исследовательский дух, превратился в главный источник знаний о самых последних научных результатах изучения Китая в России.

Искренне благодарим Андрея Владимировича за длительную помощь и поддержку исследованиям российского китаеведения, которые проводятся в Нанькайском университете, верим, что под его руководством журнал «Проблемы Дальнего Востока» внесет еще больший вклад в развитие российского китаеведения и укрепление дружбы между двумя народами.

Директор Института Африки РАН, член-корреспондент РАН И.О. Абрамова:

От имени коллектива Института Африки РАН и от себя лично сердечно поздравляю коллектив журнала «Проблемы Дальнего Востока» с юбилеем — 50-летием со дня основания!

За годы своего существования журнал снискал славу одного из наиболее авторитетных изданий в своей области научной публицистики. На его страницах печатались всемирно известные ученые-востоковеды, как российские, так и зарубежные, работавшие в сфере исследования стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

В журнале нашли отражение самые разнообразные проблемы развития Японии, обоих государств Корейского полуострова, Вьетнама и других стран региона. Но центральным объектом освещения был и остается Китай как одна из крупнейших (а по численности населения крупнейшая) мировых держав, страна с особой многовековой цивилизацией, а также наш близкий сосед и партнер. В настоящее время расширение и активизация российско-китайских связей является одним из основных приоритетов российской внешней политики и в публикациях журнала высокопрофессионально и всеобъемлюще освещается развитие этой важной составной части международных отношений.

Ученые-африканисты с большим интересом знакомятся со статьями журнала «Проблемы Дальнего Востока» еще и потому, что в течение последних десятилетий Китай активно проникает в Африку, занимая там все новые и новые рубежи. Это создает логическую основу для сотрудничества Института Африки и Института Дальнего Востока, которое, я надеюсь, найдет отражение и на страницах вашего солидного академического издания.

Желаю членам редколлегии, редакционного совета, авторам журнала «Проблемы Дальнего Востока» крепкого здоровья и успехов в дальнейшем совершенствовании вашего замечательного журнала!

Директор Института Европы РАН, шеф-редактор журнала «Современная Европа», член-корреспондент РАН Ал.А. Громыко, заместитель директора по научной работе Института Европы РАН, главный редактор журнала «Современная Европа», д.полит.н. Р.Н. Лункин:

Поздравляем со знаменательным полувековым юбилеем журнала «Проблемы Дальнего Востока», созданным решением Президиума АН СССР в 1972 г.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» является флагманским изданием Института и одним из ведущих страноведческих журналов в Российской академии наук. На страницах журнала освещаются самые насущные проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона. Среди читателей журнала не только ведущие ученые нашей страны и зарубежья, представители органов власти в России и за ее пределами, но и широкий круг людей, интересующихся Китаем, Японией, Кореей, Монголией, странами Юго-Восточной Азии. Журнал «Проблемы Дальнего Востока» также является примером популяризации достижений российских ученых на международной арене в рамках переводной версии журнала «Far Eastern Affairs».

Институт Европы РАН открыт для широкого сотрудничества между нашими изданиями («Современная Европа», «Научно-аналитический вестник ИЕ РАН», «Аналитические записки ИЕ РАН») для обсуждения региональных и глобальных проблем.

Примите наши искренние поздравления с юбилеем и пожелания научных успехов, творческих удач, процветания журналу и Институту Дальнего Востока.

Ректор Даляньского университета иностранных языков (КНР), Председатель Совета ректоров Университета ШОС (КНР), профессор Лю Хун:

В этом году научный и общественно-политический журнал «Проблемы Дальнего Востока» отмечает свой полувековой юбилей. Вот уже 50 лет журнал плодотворно работает на переднем крае исследовательской мысли, заслуженно заработав репутацию наиболее серьезного издания, специализирующегося на проблематике развития дальневосточного региона. Позвольте мне, от имени и по поручению коллектива Даляньского университета иностранных языков и от себя лично, поздравить Вас с этой знаменательной датой и пожелать редакции и авторскому коллективу больших творческих успехов, а журналу — процветания и расширения читательской аудитории.

Это событие, безусловно, не могло остаться незамеченным среди ученых, педагогов, публицистов, общественных деятелей и всех, кому небезразлична судьба стран Дальнего Востока. Не остался юбилей Вашего журнала и среди его благодарных китайских читателей, нашедших в Вашем издании богатый источник новейшей информации и исследовательского материала по наиболее актуальным общественно-политическим вопросам развития региона. В нашем Даляньском университете иностранных языков, где исследовательской работе в русле регионоведческих исследований Северо-Восточной Азии уделяется самое пристальное внимание, возглавляемый Вами журнал пользуется большим авторитетом. Я лично, как и все наши специалисты, занимающиеся проблемами международных отношений на пространстве АТР, изучающие вопросы возможностей, препятствий и перспектив регионального взаимодействия Дальнего Востока РФ и северных регионов КНР, передаю Вам самые теплые поздравления и пожелания по случаю юбилея!

Полвека для журнала — весьма солидный возраст, отмеченный накоплением солидного авторитета и устойчивой аудитории. Плодотворная деятельность Вашего журнала в последние годы вселяет в нас уверенность, что Вы не остановитесь на достигнутом, что перспективы развития Вашего издания весьма широки, а впереди Вас ждет еще много новых побед. Новейшие тенденции развития китайско-российских отношений, бес-

прецедентное сближение наших стран в новую эпоху ставит перед исследовательским, педагогическим, публицистическим сообществами Китая и России новые, ответственные задачи. Мы убеждены, что журнал «Проблемы Дальнего Востока» станет центром притяжения наиболее авторитетных мнений по специфике текущего момента, и сыграет важную позитивную роль в сближении наших стран и наших народов!

Директор ИНИОН РАН, член-корреспондент РАН А.В. Кузнецов:

Коллектив ИНИОН РАН искренне поздравляет журнал «Проблемы Дальнего Востока» с 50-летием.

Созданный в 1972 г. по решению Президиума АН СССР, выходящий уже с 1974 г. не только на русском, но и на английском, японском и испанском языках, индексированный в международных базах данных, журнал поднимает, освещает и анализирует наиболее актуальные проблемы развития Восточной Азии. «Проблемы Дальнего Востока» — журнал академический, поэтому в каждом из шести номеров, выходящих в год, можно найти глубокий научный анализ теоретических и методологических проблем, научные дискуссии по самым разным темам и круглые столы с участием ведущих ученых страны и мира.

50 лет — серьезный срок. За это время не одно поколение выдающихся ученых-востоковедов выступало на страницах журнала. Их знания, проницательность, умение глобально мыслить и обобщать давали возможность всем интересующимся проблемами Восточной Азии — не только России, но и такого гиганта, как Китай, а также Японии, Кореи и т.д. — объективно воспринимать наиболее актуальные политические, экономические и общественные явления восточных обществ.

О высоком научном уровне журнала, сохранении и претворении в жизнь издательских традиций Академии наук свидетельствует и последний выпуск журнала — № 1 за 2022 г. Острая дискуссия за круглым столом, посвященном 50-летию журнала, собравшая ведущих востоковедов, говорит сама за себя.

Редакционной коллегии, Редакционному совету и всем сотрудникам журнала желаем творческих успехов, которые, без сомнения, найдут свое отражение в будущих выпусках журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Главный редактор журнала «Международные процессы», проректор по научной работе МГИМО-Университета МИД РФ А.А. Байков:

На протяжении полувека ваш журнал сохраняет статус востребованного и влиятельного источника страновой, регионоведческой и мирополитической экспертизы. Сформированный журналом научно-исследовательский ресурс позволяет производить интеллектуальный продукт неизменно высокого качества, который остается примером устойчивой ориентации на ценности достоверного научного знания и добросовестного поиска.

Круг авторов, сотрудничающих с журналом, всегда включал специалистов с большим практическим опытом работы и академических исследователей, представляющих различные научные школы. Широкая международная представленность авторов доказывает связанность научного пространства и стремление к решению общих задач, вне зависимости от изменения внешних условий и порождаемых ими вызовов. Очевидно, что сдвиг центра политического и экономического влияния в мире в Азиатско-Тихоокеанский регион, текущие трансформации во внешней политике России неизбежно приведут к еще большему вниманию к профессиональной экспертизе журнала.

Редакция журнала «Международные процессы» дорожит профессиональными связями с ПДВ и теплыми личными отношениями. Мы с уважением и трепетом стремились перенимать ваш опыт редакционной и научно-исследовательской работы.

Желаем журналу дальнейшего роста и процветания. Убеждены, что, согласно заветам Лао-цзы, вы сможете «всегда оставаться в середине круга, пока все вещи следуют своим путем»!

Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), ректор ГАУГН Д.В. Фомин-Нилов:

Поздравляю Вас, сотрудников редакции, членов редакционной коллегии, авторов, читателей с пятидесятилетним юбилеем журнала «Проблемы Дальнего Востока».

За свою полувековую историю журнал «Проблемы Дальнего Востока» снискал славу «центра притяжения» для нескольких поколений исследователей в области истории, культуры, политики и экономики стран Азиатско-Тихоокеанского региона и стал одним из самых авторитетных научных изданий в сфере социально-гуманитарной проблематики в целом.

Для Государственного академического университета гуманитарных наук сотрудничество с журналом «Проблемы Дальнего Востока» имеет очень важное значение. Научные и информационные материалы, публикуемые на страницах издания, с большой пользой используют студенты, преподаватели и сотрудники университета в ходе учебного процесса и в научной работе.

От всей души желаю журналу «Проблемы Дальнего Востока» и впредь высоко держать знамя отечественной социально-гуманитарной науки.

Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, декан А.Б. Лихачева:

В связи с 50-летием с момента основания журнала Российской академии наук и Института Дальнего Востока РАН «Проблемы Дальнего Востока» разрешите от имени коллектива преподавателей и научных сотрудников, студентов и аспирантов Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ сердечно поздравить Вас, всех членов редколлегии и редакции журнала со столь важным рубежом в развитии этого авторитетного и важного для российского взаимодействия со странами Восточной Азии научного издания!

Полувековой юбилей — это, безусловно, хороший повод для подведения итогов предшествующего этапа развития, планирования новых рубежей и стратегических задач развития. Можно с уверенностью сказать, что за истекший период своего развития журнал, освещавший самые различные стороны развития стран и народов Азиатско-Тихоокеанского региона, а также проблематику развития дальневосточных регионов России, завоевал огромный авторитет в научных, образовательных, деловых, да и в самых широких читательских кругах нашей страны и далеко за ее пределами. На страницах Вашего журнала публиковались важные документы ведомств, отвечающих за проведение внешней политики, материалы практически всех наиболее профессиональных и знающих отечественных экспертов по странам Дальнего Востока и ЮВА, статьи многих известных зарубежных ученых, отчеты о конференциях и круглых столах. Важный вклад вносит журнал в исследования по нашему крупнейшему стратегическому партнеру в Азии — Китаю, в развитии российско-китайского сотрудничества.

В следующий полувековой период своего существования журнал вступает с сильной командой авторов и редакторов, ставящих перед собой новые амбициозные задачи и цели. Позвольте пожелать всему коллективу редколлегии и редакции журнала, а также сотрудничающим с журналом авторам достижения новых масштабных успехов в исследованиях по становящемуся постепенно ключевым для мировой политики и мировой экономики Азиатско-Тихоокеанскому региону, в деле укрепления взаимопонимания между странами и народами!

Восточный институт — Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, Директор Е.В. Пустовойт:

«Проблемы Дальнего Востока» — знаковое издание для специалистов, занимающихся историей, культурой, политикой и экономикой стран Азиатско-Тихоокеанского региона, для тех, кто следит за развитием международного сотрудничества, двусторонних и

многосторонних отношений в этом динамичном и стратегически важном районе мира. Уже на протяжении многих лет ученые, эксперты и государственные деятели почитают за честь стать авторами этого журнала.

50-летний юбилей говорит о том, что, несмотря на перемены в мировой политике и изменения в изучаемом регионе, «Проблемы Дальнего Востока» предоставляют исключительно высококачественную актуальную аналитику, освещающую важные аспекты трансформации АТР, отвечающую научным запросам и интересам читателей.

От всей души поздравляю Вас, Андрей Владимирович, а также редколлегию и редакцию журнала с этой знаменательной датой. Желаю Вам держать высокую планку научного издания, продолжать вдохновлять авторов на интересные исследования, новых творческих находок и успехов.

Всекитайское общество по изучению истории китайско-российских отношений (КНР), Заместитель председателя Всекитайского общества по изучению истории китайско-российских отношений, профессор Центра изучения русского языка, литературы и культуры Хэйлуниязянского университета, главный специалист Российско-китайского инновационного центра всестороннего стратегического сотрудничества и координации Ма Вэйюнь:

В связи с 50-летием журнала «Проблемы Дальнего Востока» направляем горячие поздравления всему коллективу редакции.

С самого начала на протяжении 50 лет журнал ставил ясные цели и внес особый и чрезвычайно важный вклад в распространение научных знаний, пропаганду преимуществ и отличительных особенностей Института Дальнего Востока, расширение научно-го влияния, подготовку научных кадров.

На протяжении 50 лет ИДВ всеми силами поддерживал работу журнала «Проблемы Дальнего Востока», журнал приобрел широкую известность в России и высокое уважение на международной арене. Искренне желаю Вашему журналу становиться еще лучше и популярнее, блистать еще ярче!

Национальный комитет по исследованию БРИКС, Заместитель председателя Правления НП «НКИ БРИКС» Г.Д. Толорая:

От имени Национального комитета по исследованию БРИКС и от меня лично примите самые искренние поздравления по случаю 50-летия журнала «Проблемы Дальнего Востока»!

«Проблемы Дальнего Востока» — один из журналов, который сохранил свое уникальное место в российской науке, несмотря на все турбулентные процессы и тектонические изменения, которые произошли в мире за последние полвека. С момента своего появления в 1972 г. журнал пользовался большим авторитетом, и отрадно, что он не только сохранил свои позиции, но и умножил их. Это уникальное издание, которое является знаком качества для публикаций по востоковедческой тематике, и для нас большая честь сотрудничать с ним.

От имени своих коллег и от себя лично желаю Вам, уважаемый Андрей Владимирович, и всей команде журнала «Проблемы Дальнего Востока» крепкого здоровья, оптимизма, а также дальнейшей плодотворной работы и реализации намеченных планов!

Журнал «Мировая экономика и международные отношения», Главный редактор А.В. Рябов:

От имени редакции журнала «Мировая экономика и международные отношения» сердечно поздравляю Вас и возглавляемый Вами редакционный коллектив журнала «Проблемы Дальнего Востока» с 50-летним юбилеем издания. Для современного мира научной периодики полвека — срок немалый. И журнал прошел его достойно, став известным и влиятельным не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами издани-

ем, профессионально освещающим результаты исследований по проблемам стран Тихоокеанской Азии и всего Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. Популярности «Проблем Дальнего Востока» среди международной научной общественности в существенной степени способствует и будет способствовать англоязычная версия вашего журнала.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока», как того и требуют не только международные базы данных, но и сами условия жизни в глобализирующемся мире, превратился в важную научную площадку, на которой ученые России и различных стран мира представляют статьи по актуальным вопросам политики, экономики, идеологии и международных отношений стран Тихоокеанской Азии, проводят дискуссии по наиболее сложным темам, вызывающим неоднозначные оценки в научной литературе. С учетом возрастающей динамики развития Азиатско-Тихоокеанского региона и превращения его в драйвер развития современной человеческой цивилизации значимость журнала «Проблемы Дальнего Востока» будет только возрастать.

В этой связи хотелось бы пожелать Вам и в Вашем лице коллективу редакции всегда чутко реагировать на происходящие в АТР изменения, радовать читательскую аудиторию свежими идеями и обобщениями, фундированными научными прогнозами. Пусть аудитория журнала растет, цитируемость увеличивается, и на его страницах появляются все новые и новые талантливые имена! Крепкого здоровья Вам и Вашим коллегам и новых творческих достижений!

Главный редактор журнала «Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки», д.полит.н., профессор В.К. Белозёров:

За полвека, прошедшие с момента создания, журнал, завоевал и прочно удерживает позиции ведущего академического издания, специализирующегося на изучении разноплановых процессов, так или иначе связанных с Дальним Востоком. Заслуженные в научном сообществе признание и авторитет стали закономерным результатом упорной, взыскательной и целенаправленной работы сотрудников, направляемой на то, чтобы исследовательские позиции, отраженные на страницах журнала, отличались взвешенностью и основательностью подходов.

Профессорско-преподавательский состав, аспиранты и студенты Московского государственного лингвистического университета регулярно обращаются к материалам, размещенным на страницах «Проблем Дальнего Востока». Выступают они и как авторы статей журнала.

Редакционная коллегия журнала «Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» поздравляет Вас и Ваших коллег с 50-летием создания журнала «Проблем Дальнего Востока»! Желаем журналу творческих успехов, развития и издательского долголетия! Уверены, что и наше сотрудничество будет только развиваться.

Ассоциация японоведов, Председатель МОО «Ассоциация японоведов», д.и.н., профессор Д.В. Стрельцов:

От имени Межрегиональной общественной Ассоциации японоведов разрешите поздравить Вас, а в Вашем лице — и всю редакцию возглавляемого Вами журнала «Проблемы Дальнего Востока» — с 50-летним юбилеем.

За полвека своего существования журнал многократно подтверждал свою репутацию в качестве одного из ведущих отечественных академических изданий в сфере современного зарубежного регионоведения, рупора российского китаеведческого сообщества, крупнейшего научного журнала, поднимающего на своих страницах широкий комплекс проблем стран и регионов Дальнего Востока, международных отношений и политики России в АТР. Из номера в номер журнал стремится донести до читателей суть процессов, происходящих в Китае, Японии, государствах Корейского полуострова, странах Юго-Восточной Азии, а также в регионах Сибири и Дальнего Востока Российской Феде-

рации. На страницах журнала с изложением различных точек зрения выступают авторитетные эксперты, общественные и политические деятели, журналисты.

Принципы журнала включают опору на высокий профессионализм, честность и правдивость, этическую чистоту. Разрешите выразить надежду, что славные традиции журнала будут приумножены, а сам он продолжит выходить и впредь.

*Д.полит.н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации
А.Д. Богатуров:*

Поздравляю редколлегию и редакцию с юбилеем журнала «Проблемы Дальнего Востока» и желаю новых сил на трудном пути повышения уровня взглядов на сложные вопросы развития Китая, Японии, Кореи, Монголии, а также «примкнувших к ним теоретически» стран Центральной Азии и Вьетнама! Больше сил и финансовых ресурсов, выдержки, хитроумия для сплочения интересов европейского и дальневосточного востоковедения, для обсуждения проблем истории, экономики и политики стран региона! Это не видится простым делом, но в пожелании успехов в этом святом деле видится *запах* пожелания!

Начинал свой путь японоведа в Институте Дальнего Востока в 1977 г., статьи в журнале казались своего рода светочем проблем китаеведения и всего востоковедения. Много противоречий, споров, открытий, дискуссий и крупных задач нашей науки! Вклад крупных ученых времен 1970–1980 гг. казался непрерываемым — международников, таких как академика РАН Владимира Степановича Мясникова, докторов исторических наук Юрия Михайловича Галеновича, Дмитрия Васильевича Петрова, Александра Григорьевича Яковлева, историков Леонарда Сергеевича Переломова, Владимира Ивановича Глунина, филолога Михаила Викторовича Софронова, юриста Леонида Моисеевича Гудошникова и других. Эти ученые обогатили нашу науку и смогли поставить в ней проблемы, отвечать на которые не всегда просто с позиций даже нашего дня.

Задача соединить нужду европейского и дальневосточного запросов стояла и тогда, и сейчас. Масса разнонаправленных идей и задач, и в то же время нахождение общего, единого, направляющего развитие востоковедения вперед — это находилось в стадии постоянного обсуждения и решения, в том числе по линии налаживания связей между молодыми выпускниками ВУЗов и зрелыми учеными европейской и дальневосточной России — во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Южно-Сахалинске, Иркутске, Томске, Новосибирске, Челябинске, Екатеринбурге. Новое в поиске моделей развития разных стран — это то, чему посвятил свою деятельность Научно-образовательный форум по международным отношениям, которым я руководил в 2000–2011 гг.

Желаю успехов в поиске новых ресурсов, текстов, мыслей, документов, молодых и зрелых людей, неожиданных тем, злободневных, пусть даже старых, но подлежащих опубликованию! Что происходит во Владивостоке, если мы взираем на это из Санкт-Петербурга или Москвы? Это одна из ключевых задач для науки.

На журнал «Проблемы Дальнего Востока» взирают с надеждой и волнением, связанных с задачами как *выжить* и не уронить высокую планку его *достоинства*!

ПОЛИТИКА**Евразийская ось Москва — Пекин:
вызовы и уровни взаимодействия**

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120019693-3

Виноградов Андрей Владимирович

Доктор политических наук, МГИМО МИД России, участник научного коллектива проекта «Многофакторный анализ "азиатского поворота" в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)» (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76). ORCID: 0000-0001-6080-4463. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 16.11.2021.

Аннотация:

Российско-китайские отношения за последние 20 лет, прошедших после подписания Большого Договора в июне 2001 г., превратились в один из ключевых факторов мирового развития, а их значение в мировой политике, несмотря на активное противодействие Запада, неуклонно повышается. На всех уровнях взаимодействия — двустороннем, региональном и глобальном — они встречаются с серьезными вызовами, однако обоим государствам неизменно удастся находить на них эффективные ответы. По мере обострения китайско-американского соперничества постоянно увеличивается роль России. Не только на уровне двусторонних экономических отношений, но и на глобальном уровне страны демонстрируют взаимодополняемость, что позволяет им решать общие задачи по формированию нового международного порядка и противостоять давлению Запада. Пролонгация Договора не только подтвердила стратегический характер отношений, она открыла новые сферы взаимодействия, в т.ч. идеологического. В условиях углубляющихся противоречий, формирования новых блоков в Индо-Тихоокеанском регионе, направленных на сдерживание Китая, российско-китайское партнерство, не превращаясь в формальный союз, становится все более тесным. Данный вид согласованного и скоординированного взаимодействия крупных государств может быть описан понятием «ось».

Ключевые слова:

Российско-китайские отношения, пролонгация Договора 2001 г., военно-политический союз, ось, идеологический конфликт.

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

Для цитирования:

Виноградов А.В. Евразийская ось Москва — Пекин: вызовы и уровни взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 20–33. DOI: 10.31857/S013128120019693-3.

Формирование нового мирового порядка предполагает детальный анализ его структурных элементов. Российско-китайские отношения в последние годы превратились в системообразующую часть современного мира, оказывают влияние на тенденции и характер развития международных отношений, в т.ч. на формирование новых принципов многостороннего взаимодействия. Среди различных форм политического сотрудничества следующим по значению после военно-политического союза является *ось* — согласованное и координируемое взаимодействие крупных государств, обладающих собственными суверенными интересами, наличие и объем которых, как правило, мешает образованию полноценного союза. Ось задает согласованный ритм их непротиворечивому внешнеполитическому движению и выступает стержнем сопряжения, на который могут быть «нанизаны» другие страны и международные институты.

Фактически такой механизм взаимодействия Китая и России уже создан, но продолжает совершенствоваться, вовлекая другие государства и международные форматы. Заинтересованность Москвы и Пекина в создании устойчивого, международно признанного института взаимодействия в современных условиях продиктована не только интересами их национального развития, но и ясным пониманием того, что в условиях высокой турбулентности и обостряющейся международной конкуренции окружающее их пространство может быть организовано другими силами и на других принципах.

Процесс формирования новых альянсов и, как следствие, перекаривание геополитической карты мира набирают ход. К Евроатлантической солидарности (НАТО) добавляется Индо-Тихоокеанская, в которой к Вашингтону и Лондону¹ подключается Канберра (AUKUS). Параллельно идет формирование альтернативной российско-китайской евроазиатской конструкции безопасности на основе ШОС с участием Токио и Нью-Дели (QUAD). Фактор времени в условиях строительства новой региональной архитектуры становится решающим. Если Россия и Китай не продемонстрируют инициативу и настойчивость, не успеют создать широкую международную платформу, весьма вероятно им придется не выбирать, а присоединяться, подчиняясь и принимая чужие правила, или, в случае отказа, мириться с изоляцией. Несмотря на существенный внутренний потенциал, который Китай уже пытается задействовать в рамках стратегии двойной циркуляции², последствия внешнего вызова могут оказаться для него не менее разрушительными, чем для России. В глобальном мире высокая степень взаимозависимости, а тем более глубокая интеграция сдерживают разрыв экономических связей, но и любая изоляция, даже избирательная, секторальная может привести к трудновосполнимым потерям. Пока в отношениях с Западом ни Россия, ни Китай не могут противопоставить соизмеримые по эффективности экономические санкции, которые по-прежнему остаются инструментом сильной стороны. Тем не менее, по сравнению с периодом холодной войны между СССР и США, аналогии с которой в нынешней ситуации уже невозможно избежать, определенные изменения все же произошли. США и Запад в целом уже не так независимы от своих стратегических соперников, хотя по-прежнему обладают набором уникальных конкурентных преимуществ, которые удерживают у них инициативу.

Не только экономическая конкуренция, но и взаимосвязь, значение которой неизмеримо возросло, стали, таким образом, важным показателем глобального мира и дополнили конфронтацию традиционных военно-политических союзов тесным экономическим сотрудничеством. Распространение глобальных производственных цепочек существенно сократило естественную среду и предпосылки для образования биполярности и биполярных блоков — они уже не могут существовать в прежнем, закрытом виде. В результате структура двусторонних и многосторонних отношений существенно усложнилась, линии напряжения более не ориентированы строго по полюсам, а скорее напоминают токи Фуко, только совокупный вектор которых можно представить в виде общей линии противостояния.

Первые тенденции к глобализации были основаны на экспансии и географическом расширении соперничества великих держав и привели в конце концов к мировым войнам. После Второй мировой войны постепенно установившееся взаимодействие в сфере стратегической безопасности открыло возможности для широкого экономического сотрудничества, которое со временем стало доминирующей тенденцией, фундаментом глобализации. В то же время в послевоенном мире сотрудничество в области безопасно-

1. Возможно, окончательным его оформлением стал Брекзит, заменивший неповоротливый, непоследовательный и ненадежный Брюссель более динамичным и внушающим доверие Лондоном.
2. Салицкий А.И. Два контура: Китай ответил на вызовы 2020 г. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 3. С. 48–60.

сти на стратегическом уровне сочеталось с соперничеством на региональном, вызванном необходимостью консолидации своей и присоединением промежуточных зон биполярного мира. Накопление сил на циркумполярном уровне открывало возможности на глобальном. В этой двухуровневой структуре воплощалась логика биполярности — консолидация внутри для противостояния вовне. Поэтому даже сотрудничество великих держав было секторальным, неполным, выступало лишь элементом соперничества, которое отражало доминирующую тенденцию доглобального мира. Глобализация в корне изменила ситуацию и создала среду для широкого практического использования двух стратегий — соперничества и сотрудничества.

В современном мире, таким образом, представлены обе стратегии взаимодействия великих держав: стратегическое сотрудничество России и Китая и стратегическое соперничество — Китая и США и России и США, которые разбиваются на множество ситуационных кейсов. Точно так же, как пока еще трудно представить появление в нынешних условиях всеобъемлющего биполярного противостояния, невозможно представить и формирование полноценных стратегических альянсов с участием глобальных держав. Ни Россия, ни Китай не готовы занять место, аналогичное месту Франции (или даже Великобритании) в возглавляемом США блоке, что, в частности, продемонстрировал отказ Китая от участия в предложенной США в середине 2000-х гг. G2. Это стало показателем если и не состоявшейся многополярности, то более сложной, чем биполярная, конструкции³, участники которой не в состоянии эффективно соперничать с США по отдельности и вынуждены объединиться, чтобы разделить функции.

Военно-политическое сотрудничество России и Китая, которое удовлетворяет признакам оси, в действительности уже было в XX в. В 1950-е гг. Москва считала, что Пекин может нести значительную часть ответственности за соблюдение интересов социалистического лагеря на Дальнем Востоке, что наиболее полно проявилось в войне в Корее, а Москва тем временем может сосредоточить свои усилия в эпицентре мирового противостояния — в Европе и Северной Атлантике. Союзнический договор 1950 г. придавал более высокий юридический статус этим отношениям, но, по сути, содержательно их не менял, поскольку не распространялся за пределы Дальнего Востока — на Европу и Атлантику. Сейчас ситуация изменилась.

С нормализации отношений с СССР в 1989 г., по формуле Дэн Сяопина «перевернуть страницу», Россия начала терять инициативу в выстраивании отношений с Китаем. С этого момента и до сегодняшнего дня они во все большей степени строятся и наполняются смыслом китайской стороной. Страны поменялись местами. Глубинное объяснение причин этой смены состоит в том, что Китай как единственная на сегодняшний день великая держава, действительно владеющая стратегической культурой, сформулировал тот тип отношений, который его устраивает, что хорошо представлено в китайской концепции партнерств⁴. Нынешние российско-китайские отношения пропагандируются КНР как образцовые именно потому, что они построены по китайскому «дизайну».

Как может быть организована и из каких элементов состоять такая ось? Это зависит от механизмов сотрудничества и взаимодействия на трех уровнях: двустороннем, региональном и глобальном, где двусторонний закладывает фундамент, региональный

3. В Китае эту конструкцию по традиции называют треугольной.

4. «Дружественное партнерство», «партнерство добрососедства и взаимного доверия», «конструктивное партнерство», «стратегическое партнерство», «всестороннее стратегическое партнерство» и т.д. См. 李葆珍 结盟、不结盟、伙伴关系: 当代中国大国关系模式的嬗变 [Ли Баочжэнь. Союзные отношения, несоюзные отношения, партнерские отношения: эволюция современной китайской модели отношений с крупными державами] // 郑州大学学报. 2009年. 第2期. С. 43; См. также Мокрецкий А. Ч. Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // *Международная жизнь*. 2019. № 3. С. 30–48.

определяет внутреннюю структуру, а глобальный предполагает разделение функций и ответственности по зонам и сферам во внешней среде и в реальности уже существует по границам и за пределами американских зон влияния.

Структура двусторонних отношений: вызовы и ответы

Двусторонние отношения представляют интерес для каждой из сторон прежде всего с точки зрения взаимовыгодного экономического сотрудничества и обеспечения национальной безопасности. Но как часть системы международных отношений они могут рассматриваться не только с точки зрения интересов сторон, но и с точки зрения их места в современном мире, роли в формировании международного порядка и поиске ответов на глобальные вызовы.

Стало непререкаемой формулой выражение, что наши отношения находятся на лучшем этапе в истории, у нас высокий уровень политического доверия, нет запретных тем. То же самое в еще более категоричных выражениях утверждалось в 1950-е гг., когда советско-китайские отношения характеризовались искренней дружбой и взаимопомощью, что подтверждают не только воспоминания современников, но и показатели экономического сотрудничества. Опровергнуть это невозможно, но и вспоминать не принято. Сегодня период 1950-х гг. в двусторонних отношениях выпал и фактически наряду с конфликтами 1960-х предан забвению на официальном уровне. А эта часть истории особенно важна сейчас, когда мы вновь стоим перед историческим выбором и ведем поиск отношений нового типа. Одна из задач обоих государств — позаботиться о том, чтобы нынешние отношения, которые сейчас так высоко оцениваются, не стали новой фигурой умолчания, чтобы слова Цзян Цзэминя «передать дружбу из поколения в поколение», зафиксированные в Договоре 2001 г., исполнились. Это будет зависеть от того, насколько хорошо наши страны сумеют преодолеть вызовы времени, а они есть.

Во-первых, увеличивающийся разрыв в экономических потенциалах и вытекающая из этого неравноценная структура и значение двусторонней торговли для каждой из стран.

Для ответа на этот вызов у России и Китая есть план действий. В 2020 г. в связи с пандемией товарооборот сократился на 3 %, но в 2021 г. рос опережающими темпами и заметно превзошел стоимостные показатели последних лет, впервые в истории превысив 146 млрд долл. В основе его лежит энергетическое сотрудничество, добыча и переработка природных ресурсов с постепенной диверсификацией и усилением высокотехнологичной составляющей. В 2021 г. состоялась закладка нескольких российских атомных энергоблоков в КНР, Китай участвует в строительстве комплексов СПГ, предприятиях газохимии и газопереработки (Амурский газоперерабатывающий завод и Амурский газохимический комплекс), прорабатываются проекты сотрудничества в водородной энергетике и т.д. Есть взаимная политическая поддержка китайской инициативы «Пояс и Путь» и российского проекта Большого евразийского партнерства. Все эти процессы не стали результатом односторонних уступок, и, значит, предел сотрудничества еще не наступил.

Во-вторых, изменение внешней среды и нарастание конфронтационности в международных отношениях стало серьезным испытанием для российско-китайских отношений.

Для ответа на второй вызов у нас тоже есть объективные предпосылки — географическое положение и экономическая взаимодополняемость, которые определяют национальные интересы и геополитику. На Дальнем Востоке всегда, когда дело касалось международных проблем, Россия и Китай оказывались естественными союзниками, составляли один лагерь, были первопроходцами в поиске новых форм сотрудничества и взаимодействия начиная с 1896 г. Абсолютное большинство противоречий, которые возникали в наших отношениях, были вызваны внутривосточными проблемами или

идеологическими разногласиями. Решение деидеологизировать отношения способствовало минимизации рисков нового раскола, хотя и не позволяло уже достичь той степени доверия и сотрудничества, которые были в 1950-е гг.

В этой географической близости заключается объективная предпосылка дальнейшего развития российско-китайских отношений, комплементарный характер которых многократно доказала история:

– в развитии экономического сотрудничества и кооперации Дальнего Востока России и китайского Северо-Востока;

– в борьбе с терроризмом и обеспечении стабильности в общем пограничье (в Северо-Восточной и Центральной Азии, включая Монголию и Афганистан). Россия и Китай заинтересованы не только в отсутствии международных конфликтов в регионе, но и во внутренней стабильности соседних государств, способных стать источником гуманитарных проблем, трансграничной преступности и т.д. Это требует поддержки существующих политических режимов и предотвращения «цветных революций»⁵, согласованной позиции в отношении афганских талибов, которую обе страны сейчас стараются выработать.

– в неизменной взаимной поддержке коренных национальных интересов и территориальной целостности. В условиях начавшихся геополитических сдвигов поддержка Россией позиции Китая по Тайваню не может оставаться односторонней, она не вписывается в новую международную ситуацию, на очереди стоит четкая позиция Пекина относительно российской принадлежности Крыма и Курил, которая была ясно зафиксирована в поправках в Конституцию РФ в 2020 г.

В целом, внешнее давление не привело к росту напряженности и размежеванию, а, наоборот, стало фактором сближения по формуле «спина к спине».

В-третьих, поддержание стабильности двусторонних отношений. Современные российско-китайские отношения характеризуются высокой степенью взаимного доверия на высшем уровне. Это, как говорят в Китае, «фундаментальная гарантия стабильности и долговечности». Перефразируя Мао Цзэдуна, пока лидеры двух государств говорят на одном языке, мы можем быть спокойны. В этом состоит отличительная черта новой модели взаимодействия России и Китая, которая характеризует «новую эпоху в отношениях», зафиксированную в июне 2019 г.⁶, и отражает близкую природу наших государств, однотипность их политических режимов.

Однако зависимость отношений между странами от отношений между главами государств это одновременно и плохо, поскольку механизмы институализации таких отношений слабы, отсутствуют прочные гарантии их воспроизводства, создать которые на международном уровне чрезвычайно сложно.

Действующие политические режимы — еще одна, фундаментальная причина, почему российско-китайское сотрудничество маловероятно превратится в долгосрочный формальный союз. Политическая организация Китая и России ни внутри страны, ни тем более во внешнем мире не подразумевает перераспределения власти. Советско-китайский союз был обусловлен признанием неоспоримого авторитета советского руководства со стороны КПК, когда этот авторитет исчез, распался и союз.

5. Ван Чэньшэн, Цзян Хунфэй. Мысли о совместном предотвращении «цветной революции» Китаем и Россией // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 5. С. 100–112.

6. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 21.03.2021). Было подписано через год после переизбрания В. Путина и Си Цзиньпина главами государств.

На данный момент близкое видение справедливого международного порядка и направлений его эволюции является достаточным условием для формирования оси, гораздо более гибкой формы сотрудничества, чем формальный союз. Во всех этих вопросах для достижения результата необходимо внимательное отношение к интересам партнера и координация усилий на региональном уровне — в первую очередь в «ближнем зарубежье» для России и «сопредельном регионе» для Китая, — которые частично пересекаются и характеризуются разнонаправленными и потому потенциально конфликтными тенденциями — центробежными для России и центростремительными для Китая.

Со второй половины 1990-х гг. во внешней политике КНР произошел поворот, который органично вписывался в экономический рост Китая и поэтому не вызвал опасений в международном сообществе. От политики изоляции Китай перешел к политике партнерств. Соседние государства стали первым объектом новой внешнеполитической стратегии Китая, воплощением которой стал Шанхайский процесс, невозможный на начальном этапе без согласия и активного участия России.

Для Китая это был сущностный поворот, значение которого вскрылось с наступлением кризиса глобализации. По мере роста экономической мощи и глобального влияния сфера интересов Китая расширялась и распространялась на другие регионы. Это изменило содержание и характер взаимодействия на экономическом уровне — от «взаимной выгоды» к «совместному процветанию». По словам Си Цзиньпина, Китай готов предоставить соседним странам возможности и пространство для общего процветания, взять на себя больше ответственности, играть более активную роль и предоставлять больше общественных благ в развитии региона⁷. Сотрудничество в рамках ШОС и с АСЕАН было в Китае согласовано и скоординировано, «сопредельный регион» был расширен до «большого сопредельного региона», к нему были подключены Ближний и Средний Восток, Южная Азия, Африка, Восточная Европа и государства Тихого океана. Инициативе была найдена формула: «Один пояс, один путь»⁸.

На протяжении всего периода усиления экономического и политического влияния Китая Россия была поглощена другими проблемами — ликвидацией последствий геополитической катастрофы, вызванной распадом СССР. Российское участие в урегулировании разнообразных конфликтов на постсоветском пространстве (на Украине, в Казахстане, Закавказье) и в Сирии, борьба с санкциями Запада и т.д. отвлекали значительные силы и ресурсы. Вывод войск западной коалиции из Афганистана переложил ответственность за поддержание стабильности в регионе на региональных игроков. В этих условиях Россия должна принять решение относительно меры и степени своего дальнейшего участия в региональных процессах по обеспечению безопасности, определить его относительно бремени, которое она готова взять на себя, что в практическом плане может привести к распределению функций между ОДКБ и ШОС. Китаю в этой связи также необходимо определиться с объемом дополнительной ответственности. Великие державы разрушают не накопленное влияние, что хорошо видно на примере США, а рост ответственности, особенно в периоды нестабильности. Принимая такое решение, Китай не только должен рассчитывать свои силы, но и не может допустить ущемления интересов России.

7. 习近平: 让人类命运共同体的意识在周边国家落地生根 [Си Цзиньпин. Осознание Сообщества единой судьбы человечества должно укорениться в соседних странах] // 人民日报. 26.10.2013.

8. «Один пояс, один путь» — выдвинутое в 2010-х гг. Китайской Народной Республикой (КНР) предложение объединенных проектов «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI в.». *Виноградов А.В.* Китайский проект для Большой Евразии // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 2 (65). С. 6–20.

Эти сложные проблемы, затрагивающие отношения с третьими странами, у которых нет простого решения, объясняют отсутствие союзнических отношений, но предполагают согласованную позицию.

В целом, на региональном уровне Китай демонстрирует положительную динамику на фоне сокращающегося влияния России и, вероятно, готов решать большинство проблем, в первую очередь экономических, в одиночку. Но на глобальном он пока не может самостоятельно противостоять США и нуждается в поддержке России. В этом, возможно, центральная проблема внешней политики Китая. В мире намечается новое глобальное противостояние, структура которого будет отличаться от старой биполярности, и Китай как нарождающийся центр будет влиять на формирование и определять глобальную повестку. Но есть и другая тенденция, которая в последнее время оказалась скрыта глобальными процессами. Мир фрагментируется и идет к многополярности. Роль и влияние Китая будут определяться этим, региональным, уровнем, практически более значимым, формирующим надежный тыл глобального соперничества. У России исключительно важная роль в обоих процессах и, соответственно, направлениях китайской внешней политики.

Российско-китайское стратегическое сотрудничество на глобальной арене

Новые вызовы человечеству — обеспечение кибербезопасности, борьба с изменением климата, пандемией COVID-19 и т.д. — впервые в истории требуют объединения усилий всех стран. Однако стратегический характер проблем, объективно требующих взаимодействия, не означает высокого уровня сотрудничества. Глобальные вызовы и угрозы усложнили структуру международных отношений, за которой неизбежно последует изменение всей системы. Ускорению этого процесса способствует форсированное геополитическое размежевание, которое косвенно свидетельствует о том, что решение глобальных проблем не будет совместным, в нем будут проигравшие и победители.

Как и у стратегического соперничества, у стратегического сотрудничества тоже существуют ограничения: неизбежно наступает этап перераспределения добытых совместными усилиями благ⁹. Оно может быть финальным, подводящим черту под периодом сотрудничества, а может быть промежуточным, для корректировки совместных усилий. Этому условию полностью соответствует прекращение действия трех предыдущих российско-китайских договоров. В подписании Договора в 2001 г. не было особой «прозорливости» дипломатических ведомств¹⁰, якобы предвидевших, что будет через 20 лет. Договоры фиксируют текущее состояние, соблюдаются и уходят в историю, когда вступают в противоречие с действительностью. В отличие от договоров 1896, 1945 и 1950 г.¹¹ продление Договора в 2021 г. свидетельствует о том, что такой момент еще не наступил, он впервые прошел проверку временем и дал новый ракурс для оценки современного состояния российско-китайских отношений, анализа их проблем, перспектив и, главное, роли в мире.

В Китае и России признают, что за прошедшие 20 лет ситуация в мире кардинально изменилась. Изменились не только международная среда, но и совокупная госу-

9. Коллективная выгода распределяется неодинаково. *Gruber L. Ruling the world: power politics and the rise of supranational institutions.* Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 31.

10. *Габуев А.* Домашнее задание на китайском фронте // *Коммерсант.* 15.07.2021.
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4900093> (дата обращения: 25.11.2021).

11. *Денисов И., Лукин А.* Коррекция или хеджирование // *Россия в глобальной политике.* 2021. № 4.
URL: <https://globalaffairs.ru/articles/korrekcziya-i-hedzhirovanie/> (дата обращения: 25.11.2021).

дарственная мощь Китая и России относительно друг друга¹², т.е. созрели условия для того, чтобы зафиксировать новый баланс сил, что неизбежно привело бы к понижению доверительности отношений¹³. Однако изменения договорных отношений в 2021 г. не произошло. Два обстоятельства, как представляется, помешали обсуждать такое развитие событий в практическом плане.

Во-первых, стратегический характер сотрудничества. Цели, которые стояли перед Россией и Китаем, не были достигнуты. Напротив, усиливающееся давление Запада подчеркивало нерешенность стратегических задач и необходимость укрепления взаимодействия. Большой Договор, таким образом, нашел для своего продолжения новые убедительные основания. Попытка адаптировать его к новым условиям и зафиксировать изменения в теле Договора могла отразить смену весов и отношений, но одновременно ослабить единство перед внешним миром. Усиление геополитической неопределенности сыграло важную роль в судьбе Договора 2001 г., его продление давало время для поиска эффективного совместного ответа.

После того как на рубеже 1990-х гг. геополитика вернулась в международные отношения, появилась возможность использовать соответствующие исторические аналогии. Геополитическое соперничество всегда отражало наступление критической точки на графике истории, каждый такой случай в силу своей исключительной важности достаточно хорошо изучен. Ближайшая аналогия современному состоянию мира — это канун Второй мировой войны, когда геополитические амбиции Третьего рейха связали Восток и Запад Европейского континента, объединив их в ситуационный союз. И сегодня, в глобальном мире предпосылки для союзнических отношений возникают там, где отсутствуют взаимное давление и есть взаимное притяжение и доверие. Россия и Китай оказались естественными союзниками, которых сплачивает географическая близость, успешное развитие двусторонних отношений и внешнее давление, исходящее из одного центра.

Во-вторых, продолжающийся переходный период в развитии системы международных отношений. Его доминирующими тенденциями являются как появление новых вызовов и факторов неопределенности, так и усиление конфронтации и углубление разделительных линий. В последнее время отличительной чертой последней тенденции становится ее институализация. Главная задача в этих условиях — сохранить стратегический характер сотрудничества, чтобы иметь возможность совместно влиять на изменение ситуации.

Важнейшим внешним фактором, который влияет на развитие российско-китайского взаимодействия, является борьба США за сохранение американоцентричного миропорядка. Раньше главными возмутителями спокойствия США считали, как и положено в однополярном мире, периферийные государства Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. Только при администрации Д. Трампа произошло окончательное признание фундаментального характера угроз американской гегемонии, исходящих от Китая. За 20 лет Китай стал экономической сверхдержавой и самым фактом своего существования нарушил сложившийся после 1991 г. Pax Americana. Во внешнеполитических документах администрации Д. Трампа стало прямо указываться, что Китай является главным стратегическим противником США. Прямым следствием начавшегося геополитического соперничества стал поиск дополнительных внешних ресурсов для противо-

12. См., например, 冯玉军: «如何处理今天的中美俄三边关系» [Фэн Юйцзюнь. Как урегулировать китайско-американо-российские трехсторонние отношения] // 世界知识. 2019. 第12期.

13. Именно об этом статья А. Лукина и ее широкое обсуждение на Западе. См: *Lukin A. Have We Passed the Peak of Sino-Russian Rapprochement?* // *The Washington Quarterly*. 2021. Vol. 44. No. 3. Pp. 155–173.

действия — за счет увеличения числа союзников, образования новых коалиций и повышения их организационных форм.

Все это привело к необходимости перегруппировки сил, свертыванию их на второстепенных направлениях и концентрации на главных. Проявлением такого подхода стал вывод войск из Афганистана и создание в дополнение к старым новым коалиций (AUKUS, QUAD), направленных в первую очередь против Китая. В значительной степени американские инициативы стали реакцией на китайские инициативы в экономической сфере, в т.ч. в регионах, традиционно представлявших опасность и неподконтрольных США. Выход из ТТП в 2017 г. и отсутствие новых интеграционных планов у новой администрации Дж. Байдена свидетельствуют о том, что у США отсутствует потенциал для создания новых трансрегиональных, а тем более глобальных экономических объединений, приоритетом становится североамериканская интеграция, не экономическая конкуренция, а военно-политическое сдерживание. Разительное отличие от американских амбиций и проектов десятилетней давности¹⁴.

Китай превратился в локомотив экономического развития и глобализации, что особенно ярко проявилось в международной поддержке «Пояса и Пути». Одновременно растет привлекательность его модели развития, эффективность которой в период пандемии получила широкое признание. Об этом уже открыто говорят в Китае, называя свою модель «цивилизацией нового типа»¹⁵ и пропагандируя собственный проект мироустройства — «Сообщество единой судьбы человечества»¹⁶. Китай недвусмысленно и все более явно бросает вызов гегемонии США во всех областях, кроме военной. В этой ситуации ему жизненно необходим мощный союзник.

Оказалось, что никто, кроме России, на эту роль не подходит. По геополитическим и экономическим причинам война всегда была важным инструментом американской внешней политики, которым Вашингтон активно и эффективно пользовался. Россия исторически принимала участие во множестве крупномасштабных военных конфликтов, как правило, выходила из них победителем и не боится войны. В биполярном мире эти позиции сформировали единый дискурс, который позволил заключить серию соглашений о поддержании стратегического паритета и который сохраняется в российско-американских отношениях до сих пор. Ситуация на Украине показала, что США признают русские «красные» линии.

Если только Россия может уравновесить геополитического соперника Китая, то особый характер взаимоотношений с ней автоматически делает ее и фактором, и участником китайско-американских отношений. Россия, таким образом, приобретает особую роль в глобальной стратегии Китая, которая намного превосходит геоэкономическую, соответствующую примерно 2 % товарооборота КНР. За счет военного потенциала Россия смогла вклиниться в намечающуюся биполярность и, компенсируя слабость Китая, повысить свое значение в мире.

14. *Рогов С.М., Шариков П.А., Бабич С.Н., Петрова И.А., Степанова Н.В.* Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/doktrina-obamy-vlastelin-dvukh-kolets/> (дата обращения: 16.11.2021).

15. Коммюнике 6-го пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая // *Синьхуа*. 11.11.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-11/11/c_1310305235.htm (дата обращения: 26.11.2021). Растет и интерес к китайской политической модели. См.: *Виноградов А.В., Рябов А.В.* Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации: попытка сравнительного анализа // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 3. С. 69–86.

16. По словам Си Цзиньпина, она уже оказывает серьезное влияние на соседние государства. URL: http://russian.news.cn/2018-04/23/c_137131515.htm (дата обращения: 10.12.2021).

Раз за разом демонстрируя свой геополитический потенциал, Российская Федерация берет на себя важную миссию: она не дает США сосредоточиться на сдерживании Китая. Из далекого, еще биполярного прошлого она все время бросает Западу вызовы. Так было в 2008 г. в Грузии, в 2014 г. — в Крыму, в 2022 г. — на Украине. В результате Китай каждый раз получает отсрочку, оказываясь за контуром непосредственного противостояния, продолжая накапливать силы, учиться и устранять недостаток опыта в ведении международных дел.

В отношениях с Китаем ситуация иная. Китай всегда избегал войн, отдавая предпочтение другим внешнеполитическим инструментам для защиты своих интересов. На каких условиях им будет найдено равновесие с США пока не ясно, но ясно, что США тестировали и будут тестировать Китай на предмет его готовности к силовому решению проблем в регионе.

Длительное время рассматривался вопрос о вероятности вооруженного столкновения Китая и США в ЮКМ и в связи с Тайванем. Напряжение нарастало, но не привело к вооруженному обострению и, не имея выхода, стало «расширяться», вовлекая новых участников. Провозглашение Соединенными Штатами Индо-Тихоокеанского региона означало не просто привлечение новых союзников и расширение географического ареала противостояния. Увеличение числа участников изменило масштаб — из регионального оно выросло до мегарегионального, по сути квазиглобального уровня. В противостояние стали втягиваться крупные, влиятельные и очень разные страны. Оформление коалиции такого масштаба требует общего, не ситуационного, а фундаментального основания, которое подчеркивало бы стратегический характер сотрудничества. Институализация идеологического противостояния на глобальном уровне началась на Саммите демократий 9–10 декабря 2021 г.¹⁷, придав ему системный характер и существенно сократив возможности для компромисса. Китай, таким образом, как в свое время СССР, получил полный набор характеристик стратегического соперника.

Наметившийся идеологический конфликт, казалось, окончательно похороненный крахом коммунизма в СССР, с одной стороны, фиксирует принципиальные различия Востока и Запада, с другой — подчеркивает единство России и Китая, позволяя каждой из сторон ослабить взаимные подозрения в возможной сепаратной нормализации отношений с Западом. В условиях нарастающей всеобъемлющей конфронтации формируется ощущение экзистенциальной неразрывности безопасности России и Китая, а это, действительно, больше, чем ситуативный военно-политический союз, «больше чем союзники»¹⁸.

Совместное российско-китайское заявление от 4 февраля 2022 г., начинающееся с рассуждений о демократии, демонстрирует исторический смысл пролонгации Договора, наполняет его новым содержанием и закладывает фундамент сотрудничества, более глубокий и прочный, чем экономические взаимосвязи и геополитические интересы. Большую роль в этом сыграли западные страны, которые, противопоставляя демократию автократии, создали условия для сближения России и Китая на новой платформе.

У наметившегося идеологического раскола в нынешних условиях может быть еще более глубокое по историческим последствиям продолжение. По независящим от внешней политики причинам сейчас формируется принципиально новый тип технологической цивилизации. Создание собственной технологической платформы и соответ-

17. The Summit for Democracy // *US Department of State*. February, 2021. URL: <https://www.state.gov/summit-for-democracy/> (дата обращения 30.12.2021).

18. Заявление представителя МИД КНР Ван Вэньбиня. В Пекине прокомментировали слова Путина об отношениях с Китаем // *РИА Новости*. 22.10.2021. URL: <https://ria.ru/20211022/kitay-1755763431.html> (дата обращения: 22.10.2021).

вующей ей общественной парадигмы, в формировании которой Китай продвинулся уже довольно далеко, по своим последствиям может быть сравнимо с разделением мира по религиозному принципу и многократно усилить цивилизационный компонент современных международных отношений. Скорость научно-технического прогресса настолько велика, что уже невозможно определить горизонт последствий происходящих изменений. Процесс осложняется ускоряющимся дряхлением США, на протяжении десятилетий выступавших образцом общественного развития, мировой константой, игравшей центральную роль в системе международных отношений и определявшей архитектуру мира.

От того, с кем будет сотрудничать Россия в формировании стандартов цифрового общества, будет зависеть будущее российской цивилизации. Участие в предстоящих технологических альянсах, вероятно, можно сравнить по последствиям с принятием Россией православия, проложившего ей путь в европейскую цивилизацию. Происходящие изменения открывают для нее новые перспективы: из пассивного наблюдателя и исторического статиста она вновь получает шанс выйти на авансцену мировой истории, подтвердить свою особую миссию.

Противостояние по линии Восток—Запад всегда было не только политическим, но также культурным и идеологическим, а поэтому наиболее значимым для России. После краха биполярной системы и исчезновения идеологической конфронтации его место заняло противоречие Север—Юг, существовавшее в рамках капиталистической экономической системы, а после 1991 г. распространившееся на остальной мир. Россия как проигравшая сторона по умолчанию оказалась в лагере Юга, но не ощущала к нему внутренней принадлежности и пыталась вернуться из этой, низшей экономической в высшую геополитическую лигу, инициировав, в частности, создание БРИКС¹⁹. Так она вновь примерялась к роли создателя исторических смыслов.

Появление идеологической составляющей в отношениях России и Китая с Западом реанимирует противостояние по оси Восток—Запад. Признание обеими сторонами идеологического характера противоречия высоко функционально, способствует внутренней консолидации и не только сближению позиций, но и организационному укреплению. Словно упреждая появление новых сфер сотрудничества, в начале 2021 г. министр иностранных дел КНР Ван И заявил о безграничном потенциале улучшения и совершенствования российско-китайских отношений²⁰.

В условиях обостряющейся международной обстановки Россия и Китай невольно обращаются к истории и видят в ней ту близость, которая помогла бы им и сейчас. Последовавший через 10 лет после заключения военно-политического союза в 1950 г. идеологический конфликт привел к разрыву союзнических отношений, но не смог разорвать глубокую внутреннюю связь, обусловленную общим общественно-политическим строем. Именно поэтому в 1989 г. во время визита М. Горбачева в Пекин были нормализованы отношения не только между государствами, но и между партиями.

Распад СССР исключил самую возможность увидеть новый союз двух держав. Отношения с Россией в этих условиях, не отягощенные идеологическими принципами и союзническими обязательствами, стали сугубо прагматичными, продиктованными взаимными экономическими и политическими интересами. Российско-китайский договор 2001 г. зафиксировал их привилегированный характер, но, одновременно, и жела-

19. Виноградов А.В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // *Сравнительная политика*. 2014. № 1. С. 47–52.

20. 王毅: 中俄战略合作没有止境, 没有禁区, 没有上限 [Ван И. У китайско-российского стратегического сотрудничества отсутствуют конечная линия, запретные зоны и верхняя граница] // 外交部. 02.01.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbjzhd/t1844069.shtml> (дата обращения: 16.10.2021).

ние не конфликтовать с США и пользоваться открывшимися возможностями для экономического роста.

Для российских элит дальнейшему сближению с Китаем препятствовали идеологические различия. Коммунистическая идеология, которая раньше объединяла, теперь развела. Нужно было время, чтобы ситуация изменилась. Международная ситуация многое делает в этом направлении, но главное происходит в Китае. Современный Китай сильно отличается от советских представлений о социализме и все больше воспринимается в России как модель успешного развития, в которой могут найти свое место и российские элиты.

* * *

Китай уловил, овладел и использует ведущую сейчас тенденцию исторического развития, в результате чего все глобальные и региональные кризисы на протяжении последних 25 лет оборачиваются для него усилением позиций, а для Запада — сокращением влияния. Россия нашла себе место в этой тенденции — она на стороне Китая, хотя и не может еще претендовать на равный с ним исторический статус. Украинский кризис 2022 г. негативно отразится не только на экономике России, но и на экономике Запада, по-прежнему зависимой от глобального Юга, в первую очередь поставщиков углеводородов — Ирана, Венесуэлы и др., и только опосредованно затронет Китай. И эта тенденция имеет все шансы сохраниться на ближайшую перспективу.

До тех пор, пока Запад считает Россию своей непосредственной, географически близкой угрозой, он не сможет приступить к борьбе со стратегической угрозой — Китаем. Китай в этих условиях заинтересован в сохранении Россией своего экономического потенциала и обороноспособности и будет в меру сил их поддерживать, и продолжать пользоваться возникшей стратегической паузой, готовясь к решающему этапу противостояния с США. Тесное взаимодействие без формальных обязательств — лучшая политика в этих условиях.

Литература

- Ван Чэньшэн, Цзян Хунфэй.* Мысли о совместном предотвращении «цветной революции» Китаем и Россией // *Проблемы Дальнего Востока.* 2021. № 5.
- Виноградов А.В.* Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // *Сравнительная политика.* 2014. № 1.
- Виноградов А.В.* Китайский проект для Большой Евразии // *Международные процессы.* 2021, Т. 19. № 2 (65).
- Виноградов А.В., Рябов А.В.* Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации: попытка сравнительного анализа // *Полис. Политические исследования.* 2019. № 3.
- Денисов И., Лукин А.* Коррекция или хеджирование // *Россия в глобальной политике.* 2021. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/korrekcziya-i-hedzhirovanie/> (дата обращения: 25.11.2021)
- Коммюнике 6-го пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая // Синьхуа. 11.11.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-11/11/c_1310305235.htm (дата обращения: 26.11.2021).
- Мокрецкий А.Ч.* Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // *Международная жизнь.* 2019. № 3.
- Рогов С.М., Шариков П.А., Бабич С.Н., Петрова И.А., Степанова Н.В.* Доктрина Обамы. Властелин двух колел // *ПСМД.* URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/doktrina-obamy-vlastelin-dvukh-kolet/> (дата обращения: 16.11.2021).
- Салицкий А.И.* Два контура: Китай ответил на вызовы 2020 г. // *Проблемы Дальнего Востока.* 2021. № 3.
- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 21.03.2021).

- Gruber L. Ruling the world: power politics and the rise of supranational institutions. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Lukin A. Have We Passed the Peak of Sino-Russian Rapprochement? // *The Washington Quarterly*. 2021. Vol. 44. No. 3.
- 王毅: 中俄战略合作没有止境, 没有禁区, 没有上限 [Ван И. У китайско-российского стратегического сотрудничества отсутствуют конечная линия, запретные зоны и верхняя граница] // 外交部. 02.01.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbzd/t1844069.shtml> (дата обращения: 16.10.2021).
- 李葆珍: 结盟、不结盟、伙伴关系: 当代中国大国关系模式的嬗变 [Ли Баочжэнь. Союзные отношения, не союзные отношения, партнерские отношения: эволюция современной китайской модели отношений с крупными державами] // 郑州大学学报. 2009年. 第2期.
- 习近平: 让人类命运共同体的意识在周边国家落地生根 [Си Цзиньпин. Осознание Сообщества единой судьбы человечества должно укорениться в соседних странах] // 人民日报. 26.10.2013.
- 冯玉军: 《如何处理今天的中美俄三边关系》 [Фэн Юйцзюнь. Как урегулировать китайско-американско-российские трехсторонние отношения] // 世界知识. 2019年. 第12期.

POLITICS

Moscow-Beijing Eurasian Axis: Challenges and Levels of Engagement

Andrey V. Vinogradov

Dr.Sc. (Political Science), member of research team «Multivariate analysis of the "Asian turn" in Russian foreign policy (achievements, problems, prospects)», MGIMO University (address: 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6080-4463. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru.

Received 16.11.2021.

Abstract:

Over the 20 years that have passed since the signing of the Treaty of Friendship in June 2001, Russian-Chinese relations have become one of the key factors for global development. Despite the active opposition of the West, their importance to world politics is steadily increasing. At bilateral, regional and global levels of interaction Russia and China face serious challenges, but both states invariably manage to find effective responses to them. As the Sino-American rivalry intensifies, Russia's role is constantly increasing. Russia and China demonstrate complementarity at bilateral economic level as well as at a global level, that allows them to meet common challenges to establishing new international order and withstand the pressure of the West. The extension of the Treaty both reaffirmed the strategic nature of the relationship and opened new areas of engagement, including ideological ones. Amid deepening contradictions and formations of new blocs in the Indo-Pacific region aimed to contain China, Russian-Chinese interaction is becoming increasingly interdependent without becoming a formal alliance. It can be described by the concept of axis, i.e. a form of close and coordinated interaction of major nations.

Key words:

Russian-Chinese relations, extension of the 2001 Sino-Russian Treaty, military-political alliance, axis, ideological conflicts.

Funding sources:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00142).

For citation:

Vinogradov A.V. Moscow-Beijing Eurasian Axis: Challenges and Levels of Engagement // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 2. Pp. 20–33. DOI: 10.31857/S013128120019693-3.

References

- Denisov I., Lukin A. Korrektsiya ili hedjirovanie [Correction or Hedging]. *Rossija v global'noi politike*. 2021. No. 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/korrekcziya-i-hedzhirovanie/> (accessed: 25.11.2021). (In Russ.)
- Gruber L. Ruling the world: power politics and the rise of supranational institutions. Princeton: Princeton University Press, 2000.

- Kommiunike 6-go plenuma Tsentralnogo komiteta Kommunisticheskoi partii Kitaia [Communique of the 6th Plenum of the Central Committee of the Communist Party of China]. *Xinhua*. 11.11.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-11/11/c_1310305235.htm (accessed: 26.11.2021). (In Russ.)
- Lukin A. Have We Passed the Peak of Sino-Russian Rapprochement? *The Washington Quarterly*. 2021. Vol. 44. No. 3.
- Mokretskiy A.Ch. Kitaiskaia diplomatiia v epokhu Xi Jinpinga [Chinese diplomacy in the era of Xi Jinping]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*. 2019. No. 3. (In Russ.)
- Rogov S.M., Sharikov P.A., Babich S.N., Petrova I.A., Stepanov N.V. Doktrina Obamy. Vlastelin dvukh kolets [The Obama doctrine. The Lord of the Two Rings.]. *RSMD*. URL: <https://russianscouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/doktrina-obamy-vlastelin-dvukh-kolets/> (accessed: 16.11.2021). (In Russ.)
- Salitskii A.I. Dva kontura: Kitai otvetil na vyzovy 2020 g [Two circuits: China's response to 2020 challenge]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2021. No. 3. (In Russ.)
- Sovmestnoe zayavlenie Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o razvitiu otnoshenii vseobieemyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeistviia vstupyushchikh v novuyu epokhu 5 iyunia 2019 g [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the development of comprehensive partnership and strategic cooperation entering a new era. June 5, 2019]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed: 21.03.2021). (In Russ.)
- Vinogradov A.V. Dialogovyi Format BRICS i ego rol' v stanovlenii mnogopol'yarnogo mira. [The BRICS dialogue format and its role in the formation of a multipolar world]. *Sravnitel'naya politika*. 2014. No. 1.
- Vinogradov A.V. Kitaiskiy proekt dlya Bol'shoi Evrazii. [China's Project for Greater Eurasia]. *Mezhdunarodnye processy*. 2021. Vol. 19. No. 2 (65).
- Vinogradov A.V., Ryabov A.V. Political systems of post-Soviet countries and China in the process of inter-system transformation: an attempt of comparative analysis. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2019. No. 3. (In Russ.).
- Wang Chensheng, Jiang Hongfei. Mysli o sovmenstnom predotvraschenii «tsetvnoy revolyutsii» Kitaem i Rossiiy [Thinking about Jointly Preventing the “Color Revolution” by China and Russia]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2021. No. 5.
- 王毅: 中俄战略合作没有止境, 没有禁区, 没有上限 [Wang Yi. The Sino-Russian strategic cooperation has no end line, no restricted zones and no upper border]. 外交部. 02.01.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1844069.shtml> (accessed: 16.10.2021). (In Chin.)
- 李葆珍: 结盟、不结盟、伙伴关系: 当代中国大国关系模式的嬗变 [Li Baozhen. Alliance, Non-alignment, Partnership: The Transmutation of Contemporary China's Great-power Relationship Model]. 郑州大学学报. 2009年. 第2期. (In Chin.)
- 习近平: 让人类命运共同体的意识在周边国家落地生根 [Xi Jinping. Let the Consciousness of a Community of Human Destiny Take Root in Neighboring Countries]. 人民日报. 26.10.2013. (In Chin.)
- 冯玉军: «如何处理今天的中美俄三边关系» [Feng Yujun. How to Resolve Sino-American-Russian tri-lateral Relations]. 世界知识. 2019年. 第12期. (In Chin.)

Политика правительства Японии в сфере науки и инноваций

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120019303-4

Швыдко Виталий Григорьевич

Кандидат экономических наук, руководитель группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23). ORCID: 0000-0002-7784-1655. E-mail: shvydko@imemo.ru.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022.

Аннотация:

В Японии создана развитая инфраструктура государственной поддержки научных исследований, включая содействие исследовательской деятельности в частном секторе. Эта инфраструктура включает в себя правительственные органы, разрабатывающие и имплементирующие научно-техническую политику; институционализированную систему государственных планов и программ поддержки и финансирования исследований, а также учрежденные государством юридические лица, контролирующие процесс использования выделяемых на эти цели средств. Продолжением государственной инфраструктуры являются исследовательские и аналитические структуры и подразделения частного сектора, на долю которого приходится более 80 % совокупных расходов на НИОКР. Значительную роль в организации НИОКР играют университеты, включая создаваемые при них исследовательские центры и институты.

Юридической базой научно-технологической политики является рамочный Закон о науке, технологиях и инновациях. Цели и текущие задачи этой политики формулируются в пятилетних «базовых планах» их развития, а их видение актуализируется регулярно обновляемой правительственной «стратегией инноваций».

Частью институциональной инфраструктуры и одним из инструментов научно-технологической политики являются «сквозные» надведомственные программы поддержки перспективных исследований и инноваций. Другим новым инструментом, наряду с традиционным бюджетным финансированием учреждений науки и образования, является формирование благоприятной среды для исследователей: устранение межотраслевых и межведомственных барьеров для информации, формирование национальных баз данных и цифровых платформ для научной информации.

Философия и основная задача научно-технологической политики эволюционировали от фронтальной поддержки исследований с учетом государственных приоритетов к целенаправленному поиску и финансированию проектов, способных внести максимальный вклад в реализацию долгосрочных экономических и социальных целей. Стимулирование исследований и инноваций рассматривается в качестве ключевого звена реализации национальной стратегии развития и подчиненной ее целям экономической и социальной политики. При этом объектом поддержки называется не имеющая отраслевой привязки «способность вести исследования, раздвигающие границы знания и создающие новую стоимость» в виде новых продуктов и рынков. Главной проблемой системы стимулирования исследований и инноваций является дефицит надежных объективных критериев и методов оценки эффективности финансовой и организационной поддержки, качества формируемой среды для этих видов деятельности.

Ключевые слова:

Япония, стратегия развития, научно-технологическая политика, поддержка исследований и инноваций, институциональная и информационная среда.

Для цитирования:

Швыдко В.Г. Политика правительства Японии в сфере науки и инноваций // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 34–48. DOI: 10.31857/S013128120019303-4

Научно-технологическая политика в Японии формировалась как одно из приоритетных звеньев общей стратегии развития страны наряду со структурной (промышленной) политикой, антициклическим регулированием, поддержанием макроэкономической стабильности и совершенствованием системы государственных и общественных институтов. В то же время относительная значимость научно-технологической сферы в общей стратегии роста и развития, равно как и связанного с ней инструментария государственной политики, в последние десятилетия заметно возросла, что оправдывает повышенное внимание к ней как правительства страны, так и экспертного сообщества.

Институциональная инфраструктура

Главным органом, отвечающим в Японии за формулирование и реализацию государственной научно-технологической политики, является Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий (*Момбу кагаку сё*). Это министерство было создано в ходе административной реформы 2001 г. путем объединения ряда ведомств, ранее курировавших отдельные сегменты обширной сферы ответственности новообразованной суперструктуры. В числе влитых в нее ведомств было и созданное в 1956 г. Управление по науке и технике (*Кагаку гидзюцу тё*), передавшее учрежденному мегаминистерству функции разработчика принципов государственной научно-технической политики и организатора подготовки стратегических официальных документов в этой области. При этом для практической реализации научно-технологической политики министерство использует не только собственные подразделения, но и вынесенные вовне структуры в виде созданных государством самостоятельных юридических лиц, таких как Японское общество содействия науке (*Нихон гакудзюцу синкокай*), Агентство содействия науке и технологиям (*Кагаку гидзюцу синко кико*, JST) и др.

Другим ключевым актором государства в области научной политики является (Генеральный) Совет по науке, технологиям и инновациям (*Сого кагаку гидзюцу инобэ сён кайги*, исторически — преемник Совета по науке и технике при премьер-министре), выполняющий сегодня функцию главной площадки для выработки и обсуждения основных положений правительственной политики в сфере науки и инноваций. Членами этого совета являются все министры, в силу своих обязанностей так или иначе вовлеченные в процесс разработки и реализации государственной научно-технологической политики. Кроме того, в него включены приглашенные эксперты из бизнеса и науки, имеющие опыт административной работы в сфере науки и инноваций. В работе совета также принимает участие и председатель профессионально-общественной организации национального академического сообщества — Японского научного совета (*Нихон гакудзюцу кайги*)¹.

Совет по науке, технологиям и инновациям обладает разветвленной внутренней структурой, включающей в себя различные комиссии и рабочие группы, имеющие возможность привлекать для своей работы внешних экспертов. При этом структура является подвижной и гибкой, с изменяющимся перечнем подразделений и комиссий, что позволяет совету готовить широкий спектр рекомендаций для исполнительной власти как по ее запросам, так и в инициативном порядке.

1. Японский научный совет создан под эгидой главы правительства страны для обсуждения учеными-исследователями разных специальностей и аффилиации своих профессиональных проблем, а также для координации их контактов с административными органами и зарубежными научными организациями. Не имея каких-либо формальных властных полномочий, эта структура тем не менее имеет возможность лоббировать принятие государственными ведомствами решений сообразно мнению и в интересах академического сообщества.

Кроме того, в составе правительственной администрации предусмотрена должность специально уполномоченного министра (*найкакүфу токумэй танто дайджин*), курирующего научно-технологическую политику. Соответствующая функция, возлагаемая премьер-министром на одного из членов кабинета, заключается в общем контроле за разработкой и реализацией государственной научно-технологической политики и ее финансированием. Выполняющий эту функцию министр в рамках оговоренных полномочий имеет возможность формулировать задачи для любых ведомств либо их подразделений, имеющих отношение к научно-технологической политике, и контролировать их реализацию.

Общей задачей деятельности всех вышеназванных институтов (в той их части, которая относится к научно-технологической политике) является реализация целей, сформулированных в базовых документах и принимаемых, как правило, решением кабинета министров на основании представлений Совета по науке, технологиям и инновациям. Главным из этих документов является так называемый Базовый план развития науки, технологий и инноваций (*Кагаку гидзюцу инобэсэн кихон кэйкаку*)² — сравнительно компактный по объему документ, принимаемый на пятилетний период, содержание которого сводится к изложению официального видения основных направлений развития науки и инноваций в глобальном и национальном масштабах и планируемых мер по воплощению данного видения на практике. Необходимость разработки и принятия этого документа установлена Основным законом о науке и технологиях 1995 г. и подтверждена новым, дополненным вариантом этого закона, принятым в 2021 г. с обновленным названием и рядом изменений редакционного и содержательного характера³. За годы, прошедшие со времени принятия закона, было последовательно разработано и принято шесть «базовых» пятилетних планов, последний из которых, утвержденный решением кабинета министров в марте 2021 г., будет действовать в период 2021–2025 фин.гг.

Вопреки своему названию, этот документ не является планом в строгом смысле этого слова, т.к. не содержит детальных директив для государственных и негосударственных субъектов, равно как и перечня или графика принятия ими конкретных решений. Скорее, он формулирует общие задачи и ориентиры, которые эти субъекты должны принимать во внимание при разработке ими своих программ поддержки исследований — ориентиры, отражающие квалифицированные суждения академического и экспертного мейнстрима. В результате последние находят своё выражение в структуре и направлениях расходов на НИОКР и образовательные программы, ведомственных заказах на разработку технологий и их внедрение в общественном секторе, а также в работе над необходимыми регуляторными механизмами — как государственными, так и относящимися к системам саморегулирования.

Кроме того, соответствие тем или иным положениям «базовых планов» является важным моментом при разработке и принятии государственными ведомствами мер поддержки «инновационного» бизнеса, в первую очередь мелкого и среднего, что для многих ведомств является одной из позиций отчетности. Такие меры, как известно, включают в себя облегченное налогообложение по некоторым видам деятельности, а также организационное и информационное содействие. Для крупного бизнеса поддержка по этим направлениям включает в себя также внешнеполитическую поддержку экспорта технологий и связанных с ним зарубежных инвестиций.

2. Слово «инноваций» добавлено в название плана с 2021 г., до этого он имел название «Базовый план развития науки и технологий» (*Кагаку гидзюцу кихон кэйкаку*).

3. 科学技術イノベーション基本法 [Основной закон о науке, технологиях и инновациях]. URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=407AC1000000130_20210401_502AC0000000063 (дата обращения: 14.11.2021).

Поскольку пятилетний горизонт в современных условиях является чрезмерно далеким даже для документов общего характера, с 2013 г. в рамках «базовых планов» периодически утверждается актуализированный вариант правительственного видения научно-технологической политики с обязывающим названием «Общая стратегия инноваций» (*Того инобэсэн сэньяку*)⁴, замысел которого состоит в постоянном обновлении или уточнении повестки научно-технологической и инновационной политики с учетом новых явлений и оценок.

При этом стоит иметь в виду, что как пятилетние «планы», так и принимаемые в соответствии с ними «стратегии» являются именно изложением правительственного видения общих направлений научно-технологического развития и вытекающих из него национальных задач, но не конкретной росписью потоков средств, направляемых на реализацию этих задач по государственным или иным каналам. Последнее остается прерогативой отдельных ведомств и иных акторов, выступающих в роли спонсора или заказчика исследовательских и опытных работ или деятельности в сфере образования. При этом видение проблем, изложенное в вышеназванных официальных документах, в действительности является лишь одним — и не всегда главным — фактором, определяющим конкретных адресатов выделяемого ведомствами финансирования или иных форм поддержки.

Наконец, к институтам научно-технологической и инновационной политики следует отнести учреждаемые министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий «сквозные» программы, ориентированные на решение определенных комплексных задач с привлечением для их решения как различных звеньев и подразделений внутри министерства, так и в отдельных случаях внешних по отношению к нему организаций. Это, в частности, программы формирования «опорных точек научных исследований мирового уровня», стимулирования научных исследований в университетах, укрепления базового научного потенциала и др.

Примером последних могут служить так называемые государственные приоритетные программы — действующая «Программа создания стратегических инноваций» (SIP) и завершенная в 2019 фин.г. «Программа поддержки прорывных исследований и разработок» (ImPACT), а также специально разработанная «Программа расширения государственно-частных инвестиций в НИОКР» (PRISM).

Наиболее существенную роль сыграла и продолжает играть первая из вышеназванных программ — SIP. Она представляет собой надведомственный проект, запущенный и функционирующий под эгидой администрации кабинета министров по инициативе Совета по науке, технологиям и инновациям и объединяющий ресурсы примерно десятка ведомств, в той или иной форме финансирующих инновационные разработки и исследования. Для поддержки выбрано относительно небольшое число направлений (для второго этапа, начатого в 2018 г., их выбрано 12), в рамках которых директор каждого из них пытается построить «сквозную» цепочку проектов — от фундаментальных исследований до практического использования. Хотя источником средств для проекта являются бюджеты участвующих в проектах ведомств, распоряжение выделяемыми средствами, а также контроль за их использованием осуществляет уже упоминавшееся Агентство содействия науке и технологиям (JST), а планирование и осуществление поддержки конкретных инновационных проектов — специально созданный управляющий орган, формально независимый и предположительно свободный от ведомственных интересов⁵.

4. До 2018 г. документ еще более претенциозно именовался «Общая стратегия [развития] науки, технологий и инноваций» (*Казаку гидзюцу инобэсэн сого сэньяку*).

5. SIP (戦略的イノベーション創造プログラム) 2020～日本発の科学技術イノベーションが未来を拓く [SIP (Программа создания стратегических инноваций) 2020: Научно-технические ин-

Сходный механизм был использован и для реализации второго из запущенных в середине прошлого десятилетия «приоритетных государственных проектов» — программы ImPACT, ориентированной на поддержку высокорисковых «прорывных» проектов с высоким потенциалом преобразующего и стимулирующего воздействия на экономику и общество. Для его реализации было выделено 55 млрд иен, которые были аккумулированы в управляемом JST специальном фонде и потрачены в течение 2017–2019 фин.г. на поддержку исследовательских проектов в университетах, научных учреждениях и в частных компаниях, отобранных руководителями 16 тематических программ⁶.

После его завершения для реализации сходных задач учреждается новый проект под названием «Муншот» (Moonshot) — программа стимулирования высокоперспективных исследований, способных привести к достижению долгосрочных (с горизонтом, простирающимся до середины столетия) целей, утверждаемых Советом по науке, технологиям и инновациям⁷. Для поддержки с помощью этой программы исследовательских проектов, отбираемых с использованием сложной процедуры⁸, формируется специальный фонд, на учреждение и пополнение которого в 2018 и 2019 фин.г. было выделено из бюджета 115 млрд иен⁹.

Вкупе с прямыми расходами министерств и ведомств на ведение исследований и оплату их результатов¹⁰, эти мультиведомственные программы составляют финансовую основу государственной поддержки науки и инноваций как составной части политики стимулирования развития. Вместе с тем следует иметь в виду, что значительная часть реальных расходов на содержание инфраструктуры науки и инноваций покрывается бюджетами учреждений высшего образования — как государственных, так и частных.

Кроме того, частные компании, имеющие в своем составе аналитические и исследовательские подразделения, также являются важной частью институциональной базы научных исследований и инфраструктуры национальной научно-технологической по-

новации, рожденные в Японии, открывают будущее] // 発行：内閣府政策統括官 (科学技術・イノベーション担当) / 令和2年9月. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/panhu/sip2020/sip2020.html> (дата обращения: 14.11.2021).

6. 革新的研究開発推進プログラム (ImPACT) 終了時評価報告書 [Доклад об итогах реализации Программы поддержки прорывных исследований и разработок] (ImPACT)]. 発行：総合科学技術・イノベーション会議/令和2年1月23日. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/sentan/hyokahokoku.pdf> (дата обращения: 14.11.2021).
7. На середину 2021 г. утверждено 7 таких целей, сформулированных в самом общем виде и отражающих чрезвычайно амбициозное и оптимистичное видение будущего — от повсеместного применения квантовой вычислительной техники и достижения 100-летнего порога здоровой активной жизни до «экологичного» получения ресурсов для «преодоления физических, интеллектуальных и пространственных ограничений развития членов общества».
8. В этой процедуре задействованы внешние по отношению к профильному министерству институты содействия НИОКР — вышеупомянутое Агентство содействия науке и технологиям (JST), Организация развития новой энергетики и промышленных технологий (NEDO), Центр поддержки биопромышленных исследований (BRAIN), Агентство содействия медицинским исследованиям и разработкам (AMED).
9. ムーンショット型研究開発制度に係る戦略推進会議の進め方等について [О деятельности Совета для содействия реализации «Общей стратегии инноваций» по организации системы поддержки исследований и разработок «Муншот»] // 発行：内閣府政策統括官 (科学技術・イノベーション担当) 未来革新研究推進担当/令和2年12月25日. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/moonshot/senryakusuishin/3rd/paper1.pdf> (дата обращения: 14.11.2021).
10. Помимо вышеназванного профильного министерства соответствующие статьи предусмотрены в бюджетах как минимум десятка ведомств министерского уровня, в том числе министерства обороны.

литики. Более того, частный сектор является главным спонсором НИОКР в национальном масштабе, хотя в силу методологических сложностей точные границы, а значит, и конкретные размеры этого финансирования достоверно определить трудно.

В частности, очевидно, что грань между деловой аналитикой или прикладными разработками, с одной стороны, и собственно исследовательской работой — с другой, порою настолько подвижна и условна, что провести грань между ними практически невозможно. Еще сложнее выделить расходы на исследования в бюджетах крупных компаний и организаций, имеющих сложную внутреннюю структуру и классификацию затрат. Тем не менее, агрегированные данные, получаемые методом официальных опросов и досчетов и публикуемые правительственным статистическим ведомством¹¹, позволяют получить общее представление об объемах расходов на исследования и их структуре. Согласно оценкам ведомства, в 2019 г. совокупные расходы на эти цели в стране составили 19,6 трлн иен (3,5 % ВВП), из которых чуть более 8 % составили расходы общественных (некоммерческих) учреждений, 19 % — учебных заведений, а всю остальную часть — исследовательские бюджеты корпоративного сектора.

При этом финансирование за счет государственных средств (включая местные бюджеты) составило 3,3 трлн иен (0,6 % ВВП), то есть примерно шестую часть общих расходов на исследования¹². Приблизительно те же пропорции были характерны для нескольких предшествующих лет, данные по которым имеются в официальной государственной статистике¹³.

Принципы и содержание

На ранних этапах формирования инфраструктуры государственной научно-технологической политики деятельность японского правительства в этой сфере состояла, главным образом, в финансировании, а также в административной и организационной поддержке исследований, организуемых государственными университетами и научными учреждениями (институтами, центрами, лабораториями). Эта поддержка была формализована рядом законодательных актов, в первую очередь «Основным законом о науке и технологиях» 1995 г., который после внесения в него в 2021 г. крупных изменений и дополнений получил новое название — «Основной закон о науке, технологиях и инновациях»¹⁴.

По мере роста финансовых возможностей государства инструментарий поддержки усложнялся, росло число каналов использования общественных средств для стимулирования прогресса науки и технологий. Получила развитие идея целенаправленного поиска и финансирования исследовательских проектов, призванных внести существенный вклад в экономическое и социальное развитие, в обеспечение его динамизма и позитивного эффекта для будущего роста. Государственная поддержка исследований и инноваций в возрастающей степени рассматривалась в качестве важной части стратегии развития и подчиненной ее целям экономической и социальной политики.

11. Статистическое управление при Министерстве внутренних дел и связи (*Сомусё*), позиционируемое как главное статистическое ведомство Японии (в официальном переводе — Statistics Bureau of Japan).

12. 2020年(令和2年)科学技術研究調査結果 [Результаты обследования исследовательской деятельности в сфере науки и технологий 2020 г.]. URL: https://www.stat.go.jp/data/kagaku/kekka/kekkgai/pdf/2020ke_gai.pdf (дата обращения: 14.11.2021).

13. 科学技術要覧 令和2年版 [Наука и технологии. Основные показатели 2020]. URL: https://www.mext.go.jp/content/20210810-mxt_chousei01-000017284_14.xlsx (дата обращения 01.02.2022).

14. 科学技術イノベーション基本法 [Основной закон о науке, технологиях и инновациях]. URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=407AC1000000130_20210401_502AC0000000063 (дата обращения: 14.11.2021).

Это потребовало от правительства большего осмысления содержательного аспекта оказываемой этой сфере поддержки, попыток формализации ее критериев и оценки эффективности. Последнее становилось еще более актуальным по мере увеличения финансовых возможностей государства и, соответственно, сумм, которые выделялись на поддержку научно-технологического развития. Вместе с тем заметных успехов в разработке инструментария оценки эффективности соответствующих расходов добиться не удалось. Возможно, реализация этой задачи оказалась гораздо более сложной, чем это представлялось правительственным экспертам, либо же интеллектуальные и организационные ресурсы, направленные на ее решение, были недостаточны. Все, что предлагалось экспертами и было в той или иной степени использовано в практике ведомств, финансирующих научные исследования, — это те или иные варианты наукометрических индикаторов, завязанных на количество публикаций и их цитирование, либо достаточно субъективные оценки привлекаемых для этой цели экспертов. Так или иначе, последние десятилетия продемонстрировали, что оценка целесообразности и результативности тех или иных конкретных форм и направлений поддержки исследовательской активности объективно сложна и требует дополнительного внимания.

Первые «базовые планы развития науки и технологий», принятые в период с 1996 по 2011 гг., исходили главным образом из логики «догоняющего развития», выделяя в качестве приоритетов поддержку тех направлений исследований, которые наиболее бурно развивались в США и считались наиболее многообещающими направлениями будущей технологической гонки: информационно-коммуникационные технологии, прикладное использование вычислительной техники в обрабатывающей промышленности (3-D технологии, робототехника), биотехнологии, «новые материалы»¹⁵. При этом контент и границы этих направлений формулировались в самом общем виде, отражая главным образом уровень представлений о них чиновников-бюрократов, и сопровождалась отсылками к анонимным «мнениям сообществ специалистов» и «экспертизе академических и деловых кругов».

Основная же часть текста официальных документов была заполнена рассуждениями о важной роли исследований и технологий в обеспечении базы для будущего роста экономики и гармонизации социальных отношений. Сама же поддержка этой сферы деятельности была в основном привязана к финансированию государственных учреждений науки и образования и возможности выведения из-под налогообложения части расходов частных компаний на НИОКР.

Определенные изменения в подходах, да и в некотором смысле в философии научно-технологической политики японского правительства наметились в середине 2010-х гг.¹⁶ В том или ином виде — иногда в явном, но чаще в неявном, они отразились в содержании пятого и шестого «базовых планов», принятых кабинетом министров соответственно в 2016 и 2021 гг. В самом общем виде их можно сформулировать следующим образом.

Во-первых, «исследования и разработки» как объект государственного стимулирования были дополнены понятием «инновации», что нашло отражение не только в текстах правительственных программных документов, но и в названиях «базовых планов», а также в названии главного закона, формулирующего основания для государственной

15. См. *Проничкин С.В.* Поддержка науки в Японии: организационные формы и финансовые механизмы // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 5 (50). С. 115–127. DOI: 10.24833/2071–8160–2016–5–50–115–127

16. См. *Швыдко В. Г.* Изменения в системе государственной поддержки науки и инноваций в Японии // *Международный научно-исследовательский журнал* 2015. № 9 (40) Часть 1. С. 76–79.

научно-технологической политики¹⁷. Сущностный смысл такого дополнения артикулируется не вполне ясно, однако можно предположить, что помимо отражения изменения философии экономического развития («от количественного роста — к инновациям») это связано с расширительной трактовкой самого объекта поддержки, в который теперь включаются не только исследования в традиционном понимании этого слова, но и любая активность, ведущая к появлению новых продуктов (товаров и услуг) и/или новых рынков, например высокорисковые стартапы в новых сферах, не подпадающие под привычное определение «науки и технологий».

Во-вторых, из программных текстов исчезли, по крайней мере в качестве политического императива, выделение отдельных отраслей знаний как отраслевых приоритетов финансирования. Предполагается, что инновационные прорывы могут быть ожидаемы в самых разных отраслях, а цепочки «сквозных» технологических изменений, начинающихся с открытий фундаментальной науки и заканчивающихся новациями, выносимыми бизнесом на суд рынков, могут иметь непредсказуемую конфигурацию. Это в значительной степени лишает смысла прежнее выделение наиболее перспективных отраслей знаний или производства для государственной поддержки, что и нашло отражение в документах последних лет. Вместо таких «приоритетных» отраслей объектом поддержки называется универсальная «способность вести исследования, раздвигающие границы знания и создающие новую стоимость» (ценность).

С одной стороны, в новом определении объекта поддержки ключевым элементом является создание в результате исследований новой стоимости, то есть востребованность их результатов рынками. С другой стороны, названное изменение отражает особенности нынешнего этапа технологического развития Японии, когда сферы будущих «прорывных» (с точки зрения эффекта создания новых рынков) инноваций не могут быть заранее вычислены или директивно назначены, а определяются в процессе непрерывного поиска в режиме реального времени. Понятно, что самые общие направления перспективного поиска просматриваются на экспертном уровне: в качестве таковых чаще всего называются использование искусственного интеллекта, повышение качества и быстродействия беспроводной связи, использование интернета для управления материальными процессами на производственных и инфраструктурных объектах. Вместе с тем любые попытки конкретизировать сферы, в которых прогресс технологий может породить качественные скачки, сопровождающиеся резкими рыночными изменениями, в нынешних условиях бесперспективны.

Немаловажно и то, что новое поколение программных документов, включая последнюю редакцию закона о науке и технологиях, особо подчеркивает, что гуманитарные науки являются полноправным объектом поддержки и стимулирования как элемент совокупного знания и источник решений общественных задач.

В-третьих, в документах недавнего времени акцент делается не столько на поддержке исследований как профессиональной деятельности конкретных физических и юридических лиц, сколько на формировании среды, благоприятствующей этой деятельности — институциональной, информационной и образовательной. Конкретно в качестве направлений такой поддержки выделяется создание единой («безбарьерной») информационной среды с максимальным распространением интеллектуальных и информационных продуктов; формирование «исследовательских сообществ», совместно использующих оборудование и данные; поощрение разнообразных форм и моделей высшего образования на основе принципа диверсификации и индивидуализации образовательного

17. Само слово «инновации» вошло в обязательный лексикон разработчиков документов научно-технологической политики еще во второй половине 2000-х гг., будучи широко использовано в третьем пятилетнем «базовом плане».

процесса. По сути, это означает признание того факта, что руководство исследовательской и инновационной активностью, в том числе через направление и перенаправление потоков финансирования, в современных условиях малопродуктивно. Гораздо больший смысл имеет создание среды, снижающей издержки и облегчающей доступ к результатам этой деятельности, в то время как конкретные направления приложения усилий определяются востребованностью возможных результатов и интуицией экспертов.

В-четвертых, в содержании документов просматривается стремление еще больше убрать перегородки между частным и государственным финансированием исследовательской деятельности, максимально использовать всякого рода гибридные схемы ее финансирования из различных источников. Увеличивается частота и степень приоритетности упоминания в них гибких многоцелевых программ поддержки исследований (в частности, упоминавшихся выше SIP и «Муншот»), которые можно в известном смысле рассматривать как альтернативные традиционному бюджетному финансированию государственных научных организаций и вузов. Ставятся задачи увеличения доходов этих институций от выполнения заказов на исследования, финансируемых частным сектором.

Исследования, ведущиеся в вузах, также рассматриваются в перспективе как объект поддержки за счет доходов специализированных фондов (эндаументов) по примеру известных американских университетов. Доходы, возникающие в результате управления этими фондами, сформированными за счет благотворительных взносов и иных источников, должны целевым образом использоваться на поддержку университетской науки и ее использования в процессе обучения. Так, в шестом «базовом плане» упоминается учреждение специального фонда для поддержки университетов как элемента «инновационной экосистемы» и план грядущего увеличения размеров этого фонда до 10 трлн иен¹⁸.

В-пятых, явной особенностью новой трактовки роли научно-технологического развития является акцент на ее социальные функции и последствия (в отличие от прежнего взгляда, ориентированного, главным образом, на экономическую составляющую). Новый подход к будущей роли знаний (или, в официальном лексиконе, «совокупного интеллекта» (*sogotai*)) состоит в том, что знания преобразуют общество в направлении интеграции основных элементов текущего этапа развития технологий (для обозначения этого этапа используется популярный термин «четвертая промышленная революция») в ткань общественной жизни на всем ее пространстве — быта, производственной и образовательной деятельности, политических отношений, управления обществом на различных уровнях, а также в направлении взаимопроникновения материальных и нематериальных компонентов организации жизни общества. Последнее (так называемое слияние «харда» и «софта» в некое единое целое) по не вполне ясным мотивам постулируется в качестве главной характеристики грядущего нового, «постинформационного» уклада экономической и общественной жизни.

Для обозначения направлений и будущего результата ожидаемого воздействия научно-технического развития на общество в официальный лексикон вводится понятие «постинформационного общества», или «общества 5.0»¹⁹. Лишенное конкретного содержания, это понятие обозначает некое новое состояние общества, в котором благодаря новым технологиям будут обеспечены «общая безопасность, уверенность в будущем и личное процветание каждого», а экономическое развитие приобретет устойчивый и ответственный по отношению к окружающей среде характер.

18. 第6期科学技術・イノベーション基本計画（令和3年3月26日閣議決定）[Шестой базовый план развития науки, технологий и инноваций]. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/6honbun.pdf> P. 64 (дата обращения: 14.11.2021).

19. Предыдущими «версиями» человеческого общества (1.0~4.0) в этих категориях являются, соответственно, первобытное, аграрное, индустриальное и информационное.

Несмотря на то, что главным следствием постоянных технологических инноваций мыслится новое качество экономического роста, предполагается, что грядущие инновации, включая их нематериальные плоды и результаты, станут также ключом к разрешению социальных и психологических проблем современного японского общества и достижению его гармоничного состояния. При этом главным инструментом преобразования экономики и общества называется «цифровая трансформация», суть которой состоит в максимально широком применении цифровых технологий во всех сферах деятельности и повышении на этой основе ее эффективности.

Вместе с тем в шестом «базовом плане» отмечается, что для построения идеального постинформационного общества («общества 5.0») одной цифровизации, или, как это формулируется в документе, «цифровой трансформации», недостаточно. Для успешного перехода требуется также снятие перегородок между отдельными субъектами деятельности, обеспечение условий для «безбарьерного сбора, анализа и использования в режиме реального времени информации из различных сфер жизнедеятельности». Идея ликвидации информационных барьеров, создания среды для параллельного и совместного использования аккумулируемых данных всеми общественными субъектами как суть нового «постинформационного» общества лежит также в основе «Стратегии [развития] искусственного интеллекта», утвержденной в июне 2019 г. Советом по науке, технологиям и инновациям²⁰.

Инструменты и их эффективность

Для того чтобы запустить необходимый для достижения этой цели механизм самоподдерживающегося роста знаний и инвестиций в человеческий фактор, текущий «базовый план» рассчитывает на совокупные инвестиции в сферу исследований и разработок в размере 120 трлн иен в течение пятилетнего периода, в том числе 30 трлн иен из государственных источников. Очевидно, что конкретные цифры, приводимые в официальных документах, являются в определенной степени условными: вопрос о включении в эти показатели тех или иных категорий расходов является предметом дискуссий, а цифры для частного сектора определяются посредством экстраполяции данных выборочных обследований. Тем не менее в основе прогноза лежит предположение, что расходы на НИОКР будут увеличиваться параллельно росту ВВП и нынешнее их соотношение (3,5 % от размеров ВВП) на ближайшие пять лет сохранится на достигнутом уровне либо немного возрастёт. При этом целевой показатель этих расходов в размере 4 % от ВВП сохранит актуальность.

Конкретные формы и каналы частного инвестирования предположительно остаются на усмотрение негосударственных субъектов, действующих в соответствующих отраслях и сферах при организационном и информационном содействии со стороны государственных ведомств. Что же касается общественного финансирования, то оно, как и прежде, будет представлено как традиционными формами — обеспечением бюджетов общественных институтов образования и науки, так и относительно новыми инструментами в виде селективного финансирования отдельных научных и инновационных проектов через соответствующие программы, описанные в первой части либо ожидаемые в будущем.

В качестве направлений дальнейшей эволюции этих механизмов, помимо роста объемов направляемых средств, называются поощрение междисциплинарных проектов и проектов в новых, ранее не существовавших отраслях научного знания; повыше-

20. AI戦略2019 [Стратегия [развития] искусственного интеллекта 2019].

URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ai_senryaku/pdf/aistrategy2019.pdf (дата обращения: 14.11.2021)

ние объективной обоснованности критериев отбора финансируемых проектов и возможности оценки их результатов.

Фондам, финансирующим исследования, рекомендуется обеспечить бесперебойную разработку технологий производственной базы современных и перспективных систем передачи данных (5G и пост-5G), а также исследования, результатом которых будут технологии, позволяющие выполнить принятые Японией на себя обязательства по снижению выбросов в атмосферу парниковых газов (планы формирования «низкоуглеродной» или «безуглеродной» экономики и «безуглеродного потребления»).

Вместе с тем основной акцент в новейших документах, как уже было сказано, делается не на наращивании государственного финансирования науки, а на формировании среды, благоприятствующей инновационным исследованиям, «создающим новую стоимость».

Так, в планах правительства присутствует формирование в период до 2025 г. единой цифровой платформы, аккумулирующей разнообразные базы данных, создаваемые отдельными государственными ведомствами, и обеспечение доступа к этой платформе в исследовательских целях. Министерству экономики²¹ поручено разработать нормы и рекомендации для обработки данных и их баз в негосударственном секторе, чтобы обеспечить совместимость и сопоставимость информации в цифровых форматах для различных сфер и отраслей. Для свободного обмена информацией между научными специалистами государственным Национальным институтом информатизации (*Кокуруцу дзёхогаку кэнкюдзё*) создана и поддерживается система открытого размещения научной информации SINET (Science Information NETWORK).

Одновременно фиксируется намерение пересмотреть существующие нормы и ограничения, с тем чтобы облегчить и ускорить карьерный и профессиональный рост исследователей. В частности, речь идет о смягчении регламентации использования средств, выделяемых научным коллективам и индивидуальным исследователям, предоставлении большей свободы в изменении пропорций между статьями расходов, привлечения дополнительного персонала, использования аутсорсинга. С другой стороны, предлагается принять меры, облегчающие исследователям смену аффилиации и построение индивидуальной карьеры с использованием различных форм занятости.

Кроме того, планируется повысить автономность и гибкость администрирования исследовательской деятельности в высших учебных заведениях и научных институтах, основанных государством или органами местного самоуправления либо финансируемых из общественных источников. В частности, это касается таких аспектов, как планирование направлений исследований, определение структуры научных коллективов, сроков контрактных отношений, индивидуальных различий в оплате труда и пр. Дополнительная гибкость привносится и в механизмы финансирования исследований, включая использование внешних (зарубежных) источников. Для организации и финансирования крупных межвузовских исследовательских проектов планируется использовать четыре специализированных организации-агентства (*кэнкю кико*), созданных для осуществления такого рода проектов в области соответственно гуманитарных наук, естественных наук, ускорителей элементарных частиц и информационных систем.

Отдельным направлением является политика повышения конкурентоспособности японских исследователей, что должно достигаться через допущение большей международной конкуренции при организации конкурсного финансирования исследований, с

21. Полное название главного экономического ведомства Японии звучит как «министерство экономики и отраслей хозяйства» (*Кэйдзай сангёсё*), или Ministry of Economy, Trade and Industry (METI) в официальном английском переводе.

одной стороны, и большей открытости, в том числе трансграничной, научно-информационных систем и баз данных — с другой.

Тема сознательного усиления конкуренции в сфере организации исследований не является доминирующей, но всё же присутствует в том или ином виде в каждом документе программного характера, утверждаемом на уровне Совета по науке, технологиям и инновациям. Набор мер, упоминаемых в рамках этой темы, не претерпевает особых изменений и включает в себя дальнейшее использование механизмов конкурсного финансирования исследований и их совершенствование путем унификации, упрощения и повышения прозрачности требований к заявкам, документации и отчетности. При этом можно заметить, что нового развития эта тема в последнее десятилетие не получила, а система оценки качества исследований, основанная на традиционных наукометрических показателях и экспертных оценках, сохраняется в более или менее неизменном виде.

Надежды на совершенствование системы оценки связаны главным образом с повышением степени публичности процесса благодаря возможностям, открываемым цифровой платформой e-CSTI, предназначенной для «сбора данных о ведении и финансировании исследовательской и образовательной деятельности в высших учебных заведениях и иных субъектах исследований и ее финансировании, использования аналитических инструментов для выявления взаимосвязи между затратами и отдачей, а также для обеспечения доступа к этим данным и результатам их анализа министерств и ведомств, университетов, научно-исследовательских и иных организаций, имеющих к этому отношение»²². В упомянутые выше программные документы 2021 г. (шестой «Базовый план развития науки, технологий и инноваций» и «Общая стратегия инноваций 2021»²³) включено положение о том, что использование данной платформы должно стать основой для планирования и управления исследовательской активностью «на основе объективных данных» (evidence-based policy making, evidence-based management).

Впрочем, там же признаётся, что для дальнейшего повышения открытости результатов исследований, финансируемых из общественных источников, требуется не только преодолеть традиционное стремление исследователей огородить свои участки работы от внешнего «просвечивания» и контроля, но и решить ряд институциональных и юридических проблем, связанных с интеллектуальной собственностью, защитой персональной информации и др.

Требуется кропотливая работа по сохранению баланса между реализацией концепции «открытой науки» (open science) и требованиями охраны прав правообладателей в отношении объектов интеллектуальной собственности, к которым относятся и результаты исследований, и их промежуточные продукты (информационные массивы, базы данных различной степени обработки и др.). Ключевым инструментом обеспечения такого баланса называются «стандарты политики обращения с данными», принятие которых в течение ближайшего пятилетия — периода действия шестого «базового плана» (2021–2025 гг.) — должно стать для исследовательских коллективов обязательным условием при привлечении финансирования из внешних источников. Наличие и содержание формализованной «политики обращения с данными» превращаются в один из элементов оценки исследовательских организаций, в частности для присвоения им рейтингов и при составлении различных рэнкингов этих структур.

22. Evidence data platform constructed by Council for Science, Technology and Innovation.
URL: <https://e-csti.go.jp/about> (дата обращения: 14.01.2022).

23. 統合イノベーション戦略 2021[Общая стратегия инноваций 2021] // 令和3年6月18日閣議決定. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2021_honbun.pdf (дата обращения: 14.01.2022).

Частью политики оптимизации среды в интересах повышения открытости и эффективности исследовательской активности является также регламентация использования некоторых категорий научного оборудования — предоставления доступа к нему другим субъектам научно-исследовательской деятельности. С 2022 г. характер использования имеющегося научного оборудования и условия доступа к нему должны стать одним из пунктов публичной отчетности университетов: максимальное использование имеющегося оборудования, в том числе для совместных со сторонними организациями исследований, будет одним из показателей эффективности конкретных учебных заведений.

Сочетанием государственной финансовой и организационной поддержки исследований является также учреждение и обеспечение текущей деятельности специализированных юридических лиц, которым официально вменяется в обязанность устанавливать широкие связи и отношения сотрудничества как с университетской наукой, так и с частным сектором, а также формировать на своей базе масштабные «инновационные хабы».

Литература

- Проницкин С.В. Поддержка науки в Японии: организационные формы и финансовые механизмы // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 5 (50). DOI: 10.24833/2071–8160–2016–5–50–115–127
- Швыдко В.Г. Изменения в системе государственной поддержки науки и инноваций в Японии / В.Г. Швыдко // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. № 9 (40). Часть 1. URL: <https://research-journal.org/economical/izmeneniya-v-sisteme-gosudarstvennoj-podderzhki-nauki-i-innovacij-v-yaponii/> (дата обращения: 09.01.2022).
- Jibu M., Osabe Y. Japan. In: the race against time for smarter development. Paris, UNESCO Publishing, 2021. ISBN: 978–92–3–100450–6. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377433> (дата обращения: 14.01.2022).
- Sato Y., Arimoto T. Japan. In: UNESCO Science Report: towards 2030. Paris, UNESCO Publishing, 2015. ISBN: 978–92–3–100129–1. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406> (дата обращения 14.01.2022).
- 革新的研究開発推進プログラム（ImPACT）終了時評価報告書 [Доклад об итогах реализации Программы поддержки прорывных исследований и разработок (ImPACT)].
発行：総合科学技術・イノベーション会議/令和2年1月23日.
URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/sentan/hyokahokoku.pdf> (дата обращения: 14.11.2021).
- 科学技術要覧 令和2年版 [Наука и технологии. Основные показатели 2020].
URL: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/006/006b/1413901_00004.htm (дата обращения: 01.02.2022).
- ムーンショット型研究開発制度に係る戦略推進会議の進め方等について [О деятельности Совета для содействия реализации «Общей стратегии инноваций» по организации системы поддержки исследований и разработок «Муншот»]. 発行：内閣府 政策統括官（科学技術・イノベーション担当） 未来革新研究推進担当/令和2年12月25日.
URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/moonshot/senryakusuishin/3rd/paper1.pdf> (дата обращения: 14.11.2021).
- 統合イノベーション戦略 2021 [Общая стратегия инноваций 2021] // 令和3年6月18日閣議決定. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2021_honbun.pdf (дата обращения: 14.01.2022).
- 科学技術イノベーション基本法 [Основной закон о науке, технологиях и инновациях].
URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=407AC1000000130_20210401_502AC0000000063 (дата обращения: 14.11.2021).
- SIP (戦略的イノベーション創造プログラム) 2020～日本発の科学技術イノベーションが未来を拓く [SIP (Программа создания стратегических инноваций) 2020: Научно-технические инновации, рожденные в Японии, открывают будущее] // 発行：内閣府政策統括官(科学技術・イノベーション担当) / 令和2年9月.
URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/panhu/sip2020/sip2020.html> (дата обращения: 14.11.2021).
- 2020年(令和2年)科学技術研究調査結果 [Результаты обследования исследовательской деятельности в сфере науки и технологий 2020 г.]

URL: https://www.stat.go.jp/data/kagaku/kekka/kekkgai/pdf/2020ke_gai.pdf (дата обращения: 14.11.2021).

AI戦略2019 [Стратегия [развития] искусственного интеллекта 2019].

URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ai_senryaku/pdf/aistratagy2019.pdf (дата обращения: 14.11.2021).

第6期科学技術・イノベーション基本計画（令和3年3月26日閣議決定）[Шестой базовый план развития науки, технологий и инноваций].

URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/6honbun.pdf> P.64 (дата обращения: 14.11.2021).

Science and Innovation Policy of the Japanese Government

Vitaly G. Shvydko

Candidate of Sciences (Economics), Head of the Japanese Economy and Politics Group, Center for Asia-Pacific Studies, the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7784-1655. E-mail: shvydko@imemo.ru.

Received 09.02.2022.

Abstract:

Japan has developed institutional infrastructure designed to exercise government support for research activities, including those in the private sector. This infrastructure includes government agencies which formulate and implement science and technology policy; a system of official plans and programs to support and fund research, as well as legal entities set up by the government to control the use of funds allocated for this purpose.

Government infrastructure facilitating research is supplemented by research and analysis units of private companies, which account for more than 80 % of total R&D expenditures. A significant role in organizing R&D belongs to universities, including associated research centers and institutes.

Legal framework for science and technology policy is provided by the Law on Science, Technology and Innovation. Goals and actual tasks of this policy are formulated in five-year "basic plans", while government's vision of it is specified in regularly updated official "innovation strategy". Supra-ministerial "cross-cutting" programs to support most promising research and innovation are used as a tool of science and technology policy and a part of its institutional infrastructure. Another new policy tool, apart from traditional government funding of scientific and educational institutions, is the formation of a friendly environment by eliminating intersectoral and interdepartmental barriers to information flows, setting up national databases and digital platforms for researchers.

General philosophy and main task of science and technology policy have been shifting from universal support for research with regard for official priorities, to targeted search and funding of projects promising maximum contribution to attaining long-term economic and social goals. Fostering research and innovation is increasingly seen as a key link in implementing national development strategy and economic and social policy related to it. At the same time, support is not linked to specific industries but targeted on fostering "ability to conduct research to push the boundaries of knowledge and create new value" in the form of new products and markets. The main problem for institutions stimulating research and innovation is the lack of reliable objective criteria and methods of assessing effectiveness of financial and organizational support and the quality of environment created for these activities.

Key words:

Japan, development strategy, science and technology policy, support for research and innovation, institutional and information environment.

For citation:

Shvydko V.G. Science and Innovation Policy of the Japanese Government // Far Eastern Studies. 2022. No. 2. Pp. 34–48. DOI: 10.31857/S013128120019303-4

References

- Pronichkin S.V.* Podderzhka nauki v YAponii: organizacionnye formy i finansovyie mekhanizmy [The Support of Science in Japan: Organizational Forms and Financial Mechanisms]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2016. No. 5 (50). DOI: 10.24833/2071-8160-2016-5-50-115-127 (In Russ.)
- Shvydko V. G.* Izmeneniya v sisteme gosudarstvennoj podderzhki nauki i innovacij v YAponii [Changes in the System of Government Support for Science and Innovation in Japan]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2015. No. 9 (40). Part 1. (In Russ.)
- Jibu M. and Osabe Y.* Japan. In: the race against time for smarter development. Paris, UNESCO Publishing, 2021. ISBN: 978-92-3-100450-6. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377433> (accessed: 14.01.2022).
- Sato Y., Arimoto T.* Japan. In: UNESCO Science Report: towards 2030. Paris, UNESCO Publishing, 2015. ISBN: 978-92-3-100129-1. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406> (accessed: 14.01.2022).
- AI戦略2019 [Artificial Intelligence [Development] Strategy 2019].
URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ai_senryaku/pdf/aistrategy2019.pdf (accessed: 14.11.2021).
- 科学技術イノベーション基本法[Basic Law on Science, Technology and Innovation].
URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=407AC1000000130_20210401_502AC0000000063 (accessed: 14.11.2021).
- 2020年(令和2年)科学技術研究調査結果 [Findings of the 2020 Survey of Science and Technology Research]. URL: https://www.stat.go.jp/data/kagaku/kekka/kekkgai/pdf/2020ke_gai.pdf (accessed: 14.11.2021).
- 総合イノベーション戦略 2021[General Strategy for Innovation 2021]. 令和3年6月18日閣議決定. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2021_honbun.pdf (accessed: 14.01.2022).
- 科学技術要覧 令和元年版 [Indicators of Science and Technology 2020].
URL: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/006/006b/1413901_00003.htm (accessed: 14.11.2021).
- ムーンショット型研究開発制度に係る戦略推進会議の進め方等について [On the activities of the Council to promote the implementation of the "Integrated Innovation Strategy" on the organization of the "Moonshot" research and development support system] 発行: 内閣府
政策統括官(科学技術・イノベーション担当)
未来革新研究推進担当/令和2年12月25日.
URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/moonshot/senryakusuishin/3rd/paper1.pdf> (Accessed 14.11.2021).
- 革新的研究開発推進プログラム (ImPACT) 終了時評価報告書 [Report on Implementation Results of the Program to Promote Disruptive R&D (ImPACT)]
発行: 総合科学技術・イノベーション会議/令和2年1月23日.
URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/sentan/hyokahokoku.pdf> (accessed: 14.11.2021).
- SIP (戦略的イノベーション創造プログラム) 2020~日本発の科学技術イノベーションが未来を拓く [SIP (Program for Creating Strategic Innovation) 2020: Science and Technology Innovations in Japan Open the Future] 発行: 内閣府政策統括官(科学技術・イノベーション担当)/令和2年9月.
URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/panhu/sip2n020/sip2020.html> (accessed: 14.11.2021).
- 第6期科学技術・イノベーション基本計画(令和3年3月26日閣議決定) [Sixth Basic Plan for the Development of Science, Technology and Innovation].
URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/6honbun.pdf> P.64 (accessed: 14.11.2021).

Подходы Японии к международному сотрудничеству в области кибербезопасности на примере АСЕАН

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120019300-1

Мелконян Лусине Арменовна

Ассистент кафедры теории и истории международных отношений ФГСН РУДН
(адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6). ORCID: 0000-0003-0294-8076.
E-mail: melkonyan-la@rudn.ru.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022.

Аннотация:

В статье проанализированы основные подходы японского государства к решению проблем в области кибербезопасности путем выработки соответствующих стратегий и программ, углубления международного сотрудничества для противостояния угрозам киберпреступности и информационной безопасности. Рассмотрены эволюция национальных стратегий и международных соглашений в области кибербезопасности и динамика развития подходов к ключевым вопросам политики информационной безопасности.

В связи с ростом злонамеренного использования киберпространства международными террористами и киберпреступниками в деструктивных целях проблема объединения международных усилий в борьбе с кибератаками на критическую информационную инфраструктуру (далее — КИИ) приобретает особую актуальность. Япония и ранее подвергалась кибератакам на государственном уровне, однако за последнее десятилетие угрозы в адрес институтов государственной власти приобретают более масштабный и тревожный характер. В целях защиты персональных данных и интеллектуальной собственности Япония укрепляет свой оборонный потенциал, расширяя возможности государственных учреждений и Сил самообороны.

Международное сотрудничество Японии в области кибербезопасности рассмотрено на примере АСЕАН, в том числе в рамках соглашения о ВРЭП, с точки зрения не только географической близости со странами ассоциации и наличия экономических связей с ними, но также с учетом эффективного взаимодействия и насыщенных контактов на высшем и высоком уровнях в области кибербезопасности в качестве страны-участницы ВПСТТП.

Автор сравнивает подходы ВРЭП и ВПСТТП к вопросам кибербезопасности и информационного суверенитета, выявляя основные противоречия между участниками этих многосторонних инициатив, объединяющих ключевых игроков АТР, одним из которых является Япония.

Ключевые слова:

Япония, кибербезопасность, Стратегия кибербезопасности Японии, международные отношения, АСЕАН, ВРЭП, ВПСТТП.

Для цитирования:

Мелконян Л.А. Подходы Японии к международному сотрудничеству в области кибербезопасности на примере АСЕАН. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 49–62.
DOI: 10.31857/S013128120019300-1

Источники финансирования:

Данная статья подготовлена в рамках Исследовательского проекта РФФИ-ЭИСИ 21-011-31812 опп «Имитационное моделирование распространения социальных норм и ценностей: глобальные коммуникации VS информационный суверенитет РФ».

Кибербезопасность — один из основных элементов национальной безопасности государств. Угроза киберпространству той или иной страны напрямую представляет собой угрозу критической информационной инфраструктуре государства, следовательно, и ее национальной безопасности.

В рамках существующих механизмов международной безопасности проблема кибербезопасности приобретает сложный, транснациональный характер. Это подчерки-

вает необходимость объединения усилий ключевых акторов международных отношений в целях поиска новых моделей решения новых проблем, таких как киберугрозы.

Ряд авторов полагают, что в условиях сформировавшейся «новой биполярности» между США и КНР все большее значение приобретают новые мировые политические пространства, которые становятся ареной геополитического противостояния. Одним из таких «политических пространств» является киберпространство, приобретшее более критическое значение в контексте ускорения процесса цифровизации на фоне пандемии COVID-19¹.

Международное сотрудничество в области противостояния угрозам в киберпространстве прежде всего исходит из критической необходимости обмена информацией и передовым опытом между ключевыми субъектами кибербезопасности. Япония и ранее подвергалась кибератакам, но за последнее десятилетие все чаще становятся реальностью угрозы в адрес институтов государственной власти. В качестве примера можно привести, в частности, кибератаку на корпорацию Mitsubishi Heavy Industry в 2011 г., что послужило тревожным сигналом для японского государства, учитывая, что данная компания — крупнейший подрядчик Министерства обороны Японии по поставкам военной техники, обладающий сверхсекретной конфиденциальной информацией Сил самообороны². Также правительственные сети страны подвергались в 2012 г. около 3000 кибератак ежедневно, что в два раза превышает число атак в 2011 г. Следовательно, проблема обеспечения кибербезопасности в Японии так же актуальна, как во всем мире.

Япония выразила интерес к кибердипломатии еще в 2006 г., когда была принята первая Национальная стратегия информационной безопасности, в которой упоминалось о намерении страны развивать международное сотрудничество в данной области. Стратегия 2006 г. предлагала «японскую модель кибердипломатии», поскольку «проблемы, с которыми сталкивается Япония как ведущая страна по широкополосному доступу к Интернету сегодня — это проблемы, с которыми другие страны будут сталкиваться в будущем»³. Примечательно, что 74 % зарегистрированных интернационализированных доменных имен во всем мире, согласно статистике webhosting.info, сосредоточено в трех странах: США, Корея и Япония.

В 2009 г. была принята вторая Национальная стратегия информационной безопасности, ставящей целью «международное партнерство и сотрудничество», в особенности с США и ЕС, а также «достижение лидерства страны в области установления стандартов информационной безопасности в Азии»⁴.

В целях реагирования на вышеуказанные угрозы кибербезопасности в 2012 г. Кабинетом министров был учрежден Совет по политике информационной безопасности Японии для координации деятельности следующих министерств: Министерства обороны (обеспечение национальной безопасности), Министерства внутренних дел и коммуника-

1. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // *Вестник международных организаций*. 2021. Т. 16. № 3. С. 7–33 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996–7845–2021–03–01
2. Подходы Японии к кибербезопасности. Как реагировать на неопределенность? // *Информационно-аналитический портал о цифровой экономике и ИКТ-политике Digital.Report*. 17.09.2015. URL: <https://digital.report/podhodyi-yaaponii-k-kiberbezopasnosti-2/> (дата обращения: 19.11.2021).
3. The First National Strategy on Information Security // *Information Security Policy Council Japan*. February 2, 2006. URL: https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/national_strategy_001_eng.pdf, p. 32 (дата обращения: 20.11.2021).
4. The Second National Strategy on Information Security // *National Information Security Policy Council*. February 3, 2009. URL: https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/national_strategy_002_eng.pdf, p. 71 (дата обращения: 19.11.2021).

ций Японии (выработка коммуникационной и сетевой политики), Национального полицейского агентства Японии (борьба с киберпреступностью), Министерства экономики, торговли и промышленности (разработка инициатив по партнерству в целях обмена информацией в области кибербезопасности)⁵.

В качестве целей Совета по политике информационной безопасности были обозначены усиление и координация мер против кибератак на учреждения и компании, обрабатывающие информацию о национальной безопасности, поддержание безопасной и надежной киберсреды для устранения возникающих рисков, связанных с распространением новых информационных и коммуникационных технологий.

Для реализации этих целей 10 июня 2013 г. Совет принял Стратегию кибербезопасности Японии⁶. Ранее при обозначении направлений государственной политики и основополагающих планов Токио использовал дефиницию «информационная безопасность», однако в связи с ростом угроз, выходящих за рамки информационной безопасности, было принято решение использовать более всеобъемлющую формулировку «кибербезопасность» для переоценки и переосмысления всех проблем в этой области.

Ключевые принципы Стратегии кибербезопасности Японии направлены на создание передового, устойчивого и динамичного киберпространства, необходимого для обеспечения национальной безопасности, социально-экономического развития и общественной безопасности⁷.

Стратегия кибербезопасности в качестве основных субъектов кибербезопасности рассматривает государство, компании, связанные с критически важной инфраструктурой и киберпространством, сферы промышленности, информационную науку, малые и средние предприятия.

В настоящее время в Японии политику в области кибербезопасности определяет принятый в 2014 г. «Основной закон о кибербезопасности», основанный на принципах, определенных в «Законе о формировании современного информационно-телекоммуникационного сетевого общества»⁸.

Согласно этому закону, ведущая роль в качестве координационного центра в повышении уровня кибербезопасности принадлежит Национальному центру готовности к чрезвычайным ситуациям и стратегии в области кибербезопасности (National Center of Incident Readiness and Strategy for Cybersecurity). Центр был создан в 2015 г. на основе Национального центра информационной безопасности, действующего с 2005 г. Ключевые направления деятельности Центра включают создание свободного, справедливого и безопасного киберпространства, обеспечение сотрудничества между государственным и частным секторами, академическими кругами и другими субъектами.

Помимо демонстрации основной позиции в отношении политики кибербезопасности, формулировки ее целей и их реализации, NISC также координирует политику ки-

5. Commitment to a Free, Fair and Secure Cyberspace // *National center of incident readiness and Strategy for Cybersecurity*. September 2021. URL: <https://www.nisc.go.jp/eng/index.html#sec1> (дата обращения: 20.11.2021).

6. В Японии принята стратегия кибербезопасности // *Онлайн-издание Digital Russia*. 20.06.2013. URL: <https://d-russia.ru/v-yaponii-prinyata-strategiya-kiberbezopasnoti.html> (дата обращения: 18.11.2021).

7. Cybersecurity Strategy — Toward a world-leading, resilient and vigorous cyberspace // *National Information Security Center*. June 10, 2013. URL: <http://www.nisc.go.jp/active/kihon/pdf/cybersecuritystrategy-en.pdf> (дата обращения: 19.11.2021).

8. Япония: обзор законодательства в сфере кибербезопасности // *Экспертно-аналитический центр ГК InfoWatch*. 11.07.2021. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:3aGjnLIYivoJ:https://cisoclub.ru/yaponiya-obzor-zakonodatelstva-v-sfere-kiberbezopasnosti/+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 20.11.2021).

бербезопасности для защиты критической информационной инфраструктуры, задает единый стандарт мер информационной безопасности государственных органов, разрабатывает план развития человеческих ресурсов в области кибербезопасности и др.⁹

Стратегия кибербезопасности 2013 г. выделяет 3 главные направления деятельности. Первое направление касается обеспечения устойчивости киберпространства для основных субъектов кибербезопасности путем анализа возможных киберугроз, обмена информацией и проведения совместных учений между критически важными инфраструктурами, государственными органами, группами реагирования на инциденты (например, группами полиции и Сил самообороны). Второе направление деятельности отвечает за обеспечение динамичности киберпространства путем пересмотра программ развития человеческих ресурсов в области кибербезопасности. Третье направление касается Международной стратегии Японии по кибербезопасности, предполагающей деятельность государства, направленную на развитие общего понимания процессов, участие в действиях мирового сообщества, участие в глобальном процессе расширения технологических границ. Приоритетными областями партнерства с указанными и другими странами являются создание многосторонних механизмов обмена информацией и реагирования на кибератаки и угрозы, продвижение и поддержка научных исследований и мероприятий в сфере кибербезопасности и др.

Международная стратегия предполагает развитие сотрудничества страны по противодействию угрозам в киберпространстве с государственными органами и национальными группами реагирования на киберугрозы США, Великобритании, Франции, Германии, Индии, ЕС и АСЕАН, участие в международных конференциях, внесение вклада в процесс выработки общих правил для киберпространства. Так, в 2014 г. Япония приняла очередную конференцию, посвященную вопросам защиты КИИ в рамках Meridian Process¹⁰.

Кабинет министров пересмотрел Стратегию кибербезопасности Японии 2013 г. и с учетом растущего количества кибератак в ноябре 2015 г. пересмотрел стратегию. Если предыдущая Стратегия была сосредоточена преимущественно на сотрудничестве в области киберзащиты и наращивания киберпотенциала, то новый документ 2015 г. был принят под воздействием Стратегии национальной безопасности администрации Абэ, ставящей акцент на понятие «проактивного», а не «реактивного» мира. Япония, таким образом, концептуализировала свое стремление стать активным игроком в киберпространстве.

В рамках заседания по вопросам кибербезопасности 28 сентября 2021 г. Кабинет министров принял Новую стратегию кибербезопасности Японии — трехлетнюю стратегию, пришедшую заменить принятую в 2018 г. стратегию. Стоит отметить, что в последней стратегии от 2021 г. РФ, КНР и КНДР фигурируют как страны, представляющие угрозу кибератак для Японии¹¹, однако следует учесть, что документ был подготовлен и составлен на фоне участвовавших кибератак со стороны Китая и ухудшения отношений с

9. Япония: обзор законодательства в сфере кибербезопасности // *Экспертно-аналитический центр ГК InfoWatch*. 11.07.2021. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:3aGjnLIYivoJ:https://cisoclub.ru/yaponiya-obzor-zakonodatelstva-v-sfere-kiberbezopasnosti/+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 19.11.2021).

10. Cybersecurity Strategy // *The Government of Japan*. June 16, 2014. URL: <https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/cs-strategy-en-pamphlet.pdf> (дата обращения: 17.11.2021).

11. В новой стратегии кибербезопасности Японии упомянута Россия // *Известия*. 28.09.2021. URL: <https://iz.ru/1227848/2021-09-28/v-novoi-strategii-kiberbezopasnosti-iaponii-upomianuta-rossiia> (дата обращения: 21.11.2021).

этой страной из-за тайваньского вопроса¹². В стратегии упоминается, что Китай проводит кибератаки в целях кражи информации у компаний, связанных с военными структурами и обладающими передовыми технологиями¹³, а также замечается, что «Китай, Россия и Северная Корея наращивают киберпотенциал своих военных и других структур»¹⁴.

Новизна стратегии заключается в том, что в ней особо подчеркивается элемент сдерживания за счет японо-американского альянса и путем проведения совместных учений японских Сил самообороны и ВС США.

В качестве нового элемента стратегии следует рассмотреть также поддержку наращивания киберпотенциала стран ИТР, включая АСЕАН. Преследуя цели экономической безопасности, Стратегия направлена на обеспечение безопасности КИИ для международных коммуникаций, а также создание новых стандартов безопасности и надежности информационных технологий¹⁵.

Киберпространство в целом и социальные сети в частности — это относительно новые сферы политического влияния, в которых не все государства выработали правила игры, в связи с чем особую важность приобретает осознание необходимости законодательного регулирования государством социальных сетей и медиа. На фоне бурного роста социальных сетей и их популярности, а также опасений государств по поводу fake news и дезинформации национальные правительства многих стран вынуждены разрабатывать модели регулирования киберпространства. Говоря о национальной специфике Японии, следует отметить, что в киберпространстве Японии помимо транснациональных корпораций (Meta, Google, Twitter) представлены также местные онлайн-платформы — японский видеохостинг Niconico, японский мессенджер Line, разработанный компаниями NHN Japan, NHN Corp. и запущенный в Японии в 2011 г.¹⁶

Японский Консорциум электронных сетей разработал «Общие этические принципы работы онлайн-сервисов» еще в 1996 г., поставившие перед собой задачу обеспечения здорового роста и развития социальных сетей и онлайн-услуг вне зависимости от размера компании и принципов управления во избежание диффамации и проблем с общественным порядком с точки зрения морали и этики.

В 2020 г. исследовательская группа при Министерстве внутренних дел и коммуникаций Японии опубликовала отчет, в котором говорится, что добровольные меры, при-

12. Japan's New Cybersecurity Strategy. National center of Incident readiness and Strategy for Cybersecurity (NISC) // *The Government of Japan*. September 28, 2021. URL: <https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/cs-senryaku2021-en.pdf> (дата обращения: 18.11.2021).

13. *Glucksmann T.* How Will Japan's Cybersecurity Posture Impact its Relations with China? // *The Diplomat*. October 16, 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/10/how-will-japans-cybersecurity-posture-impact-its-relations-with-china/> (дата обращения: 20.11.2021).

14. In first, Japan names China, Russia and North Korea as cyberattack threats // *The Japan Times*. September 27, 2021. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/09/27/national/cyber-attacks-measures/> (дата обращения: 23.11.2021).

15. *Pradhan. S.D.* Japan's new cyber security strategy: Significant dimensions // *The Times of India*. August 6, 2021. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/ChanakyaCode/japans-new-cyber-security-strategy-significant-dimensions/> (дата обращения: 23.11.2021).

16. *Tanaka K.* Japan's Citizen Media Meet at Mikawa Medifes 2014 // *Global Voices*. May 4, 2014. URL: https://globalvoices.org/2014/05/04/japanese_citizen_media_festival/; Huffington A. Postcard from Japan: Talking Zen, Abenomics, Social Networking and the Constitution with Prime Minister Shinzo Abe // *Huffington Post*. May 9, 2013. URL: <http://huff.to/1MhvStk> (дата обращения: 12.12.2021).

нимаемые операторами социальных сетей, должны соблюдаться, однако они должны тщательно контролироваться государством¹⁷.

В Японии поведение граждан в социальных сетях регламентируется на уровне этических кодексов. Так, в государственных ведомствах и крупных корпорациях существуют кодексы, регулирующие этические нормы для сотрудников. Эти нормы регулируют поведение представителей корпоративных сообществ в целом, не только в киберпространстве. В Японии редко можно встретить случаи открытой критики действующей власти или демонстрации политических взглядов госслужащими или чиновниками, что демонстрирует высокий уровень строгости этического регулирования корпоративных норм, а также поведения граждан в социальных сетях (и не только)¹⁸.

В Японии все больше становится работодателей, которые устанавливают ограничения на использование работниками социальных сетей в рабочее время, обосновывая это требованием полностью посвящать себя своим рабочим обязанностям¹⁹.

Несмотря на то, что значительное влияние на формирование общественного мнения оказывают СМИ и блогосфера, работники СМИ часто вынуждены ограничивать активность в соцсетях и блогосфере лишь записями о личных интересах и хобби, иначе комментарии подписчиков, содержащие критику власти, могут быть болезненно восприняты руководством компании.

Проблемы в области контроля за соцсетями в Японии часто сводятся к вопросу травли в интернете — кибербуллингу, жертвами которого чаще всего становятся японские дети и подростки. В результате учащения подобных случаев ситуация в области контроля за соцсетями в Японии в ближайшее время может измениться. Депутаты японского парламента регулярно поднимают вопрос о выработке мер по привлечению к ответственности за кибербуллинг²⁰.

Согласно данным FreedomHouse, некоторые соцсети в Японии иногда могут ограничивать контент по запросу правительства. В период с июля по декабрь 2019 г. Facebook закрыл доступ к трем записям после получения распоряжений суда²¹. За рассматриваемый период Twitter получил 12 496 запросов на удаление контента, что на 143 % больше, чем за предыдущие шесть месяцев²². Запросы на удаление контента из Японии составили 45 % подобных запросов во всем мире (рис.1).

Следует особо подчеркнуть, что в обеспечении кибербезопасности и информационной безопасности Япония, в целом, придерживается американских подходов. 23 ноября 2001 г. Япония подписала Будапештскую конвенцию о киберпреступности наряду с

17. Fumio S., Sari K. Social media giants juggle freedom and responsibility // *NHK (Japan Broadcasting Corporation)*. February 12, 2021. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/1507/> (дата обращения: 15.12.2021).

18. В Японии поведение граждан в социальных сетях строго не регламентировано // *Российская газета*. Федеральный выпуск № 27(8378). 09.02.2021. URL: <https://rg.ru/2021/02/09/v-iaonii-povedenie-v-socialnyh-setiah-strogo-ne-reglamentirovano.html> (дата обращения: 13.12.2021).

19. Social Media and Data Privacy in Japan. Restrictions in the Workplace // *L&E Global*. October 14, 2020. URL: <https://knowledge.leglobal.org/social-media-and-data-privacy-in-japan/> (дата обращения: 10.12.2021).

20. Social Media and Data Privacy in Japan. Restrictions in the Workplace // *L&E Global*. October 14, 2020. URL: <https://knowledge.leglobal.org/social-media-and-data-privacy-in-japan/> (дата обращения: 10.12.2021).

21. Japan — Content Restrictions // *Facebook Transparency*. 2019.

URL: <https://transparency.facebook.com/content-restrictions/country/JP> (дата обращения: 13.12.2021).

22. Removal Requests // *Twitter Transparency*. 2019. URL: <https://transparency.twitter.com/en/reports/removal-requests.html#2019-jul-dec> (дата обращения: 13.12.2021).

США, Канадой и ЮАР. Конвенция — первый международный договор о киберпреступлениях, касающихся в первую очередь нарушений авторских прав, безопасности сети и т.д. Будапештская конвенция хоть и регулирует законодательства подписавших ее государств и дает право на трансграничный сбор и использование данных без уведомления об этом ту или иную страну²³, однако в целом продвигает проамериканский подход к кибербезопасности и информационной безопасности. Ряд стран (например, Россия) считают Будапештскую конвенцию по киберпреступлениям устаревшей в связи с появлением новых, сложных проблем, которые не были предусмотрены данным документом, разработанным в 1997–2001 гг., когда преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий были менее масштабными и часто оставались незафиксированными и не носили глобального характера. Их также не устраивает возможность зарубежных спецслужб вмешиваться без официального уведомления в деятельность компьютерных сетей государства, что несет в себе угрозы и риски для информационной безопасности²⁴.

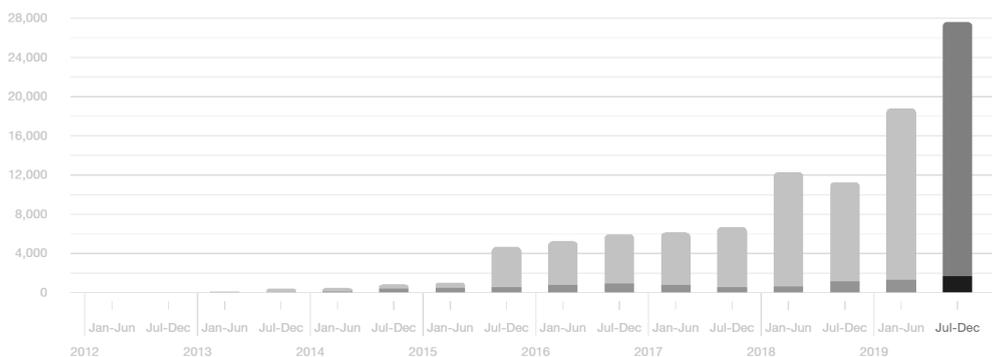

Рис. 1. Последние данные о запросах на удаление: юридические требования (рассматриваемый период: июль — декабрь 2019 г.)

Figure 1. Latest Data on Takedown Requests: Legal Requirements (July — December 2019)

Источники: *Japan tells Facebook to improve data protection*. Reuters.

URL: <https://www.reuters.com/article/us-facebook-privacy-japan-idUSKCN01MW0AG> (дата обращения: 25.12.2021).

В Японии нет законодательных требований к локализации или местонахождению данных. Правила локализации интернет-данных существуют лишь в некоторых отраслях (здравоохранение, медицинский сектор).

В октябре 2018 г. правительство Японии обратилось к руководству Facebook с запросом улучшить защиту персональных данных своих пользователей, усилив меры безопасности и информируя регулирующие органы о любых изменениях в мерах безопасности. Запрос поступил после заявления Facebook о том, что злоумышленники украли данные 29 млн учетных записей пользователей. В апреле этого же года было разоблачено, что персональные данные почти 87 млн пользователей оказались неправомерно доступны британ-

23. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // *Вестник международных организаций*. 2021. Т. 16. № 3. С. 7–33 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996–7845–2021–03–01

24. Российский дипломат назвал Будапештскую конвенцию по киберпреступлениям устаревшей // *TACC*. 04.12.2017. URL: <https://tass.ru/politika/4782506> (дата обращения: 25.12.2021).

ской фирме Cambridge Analytica. Примечательно, что запрос не содержит административных распоряжений или санкций и не имеет обязательной юридической силы, хотя инцидент с Cambridge Analytica мог затронуть до 100 000 японских пользователей²⁵.

В контексте географической близости и тесных экономических связей ключевое место в системе международного сотрудничества Японии по кибербезопасности занимают АТР и ИТР. На базе активного экономического, политического и культурно-гуманитарного диалога со странами АСЕАН развивается и укрепляется взаимодействие в сфере кибербезопасности. Регулярно проходят встречи министров стран-членов АСЕАН и Японии, основной повесткой которых становятся вопросы борьбы с киберпреступностью.

Начиная с 2009 г. Японский национальный центр информационной безопасности (до 2015 г. NISC, в настоящее время — Национальный центр готовности к инцидентам и стратегии кибербезопасности. — *Прим. автора*) ежегодно проводит семинар по сетевой безопасности между правительствами стран АСЕАН (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам) и Японии, на котором руководители подразделений обсуждают деятельность и дальнейшие меры в области информационной безопасности²⁶.

В ноябре 2011 г. в рамках IV совещания по политике кибербезопасности между АСЕАН и Японией было принято решение активизировать совместные усилия по повышению осведомленности о кибербезопасности. С этой целью Япония регулярно предоставляет обучающие видео и брошюры на языках стран — членов АСЕАН, проводит тренинги по управлению кибербезопасностью для госслужащих, а начиная с 2012 г. отправляет японских экспертов на семинары и тренинги в страны АСЕАН.

Администрация Синдзо Абэ проводила внешнюю политику с акцентом на углубление диалога с АСЕАН. Уже в течение первых двух лет его правления (2012–2014 гг.) Абэ, а затем министр иностранных дел Фумио Кисида посетили все 10 стран АСЕАН с целью расширения взаимодействия в области не только кибербезопасности, но и безопасности в целом.

В сентябре 2013 г. в Токио состоялась встреча министров Японии и АСЕАН по вопросам сотрудничества в области кибербезопасности в ознаменование 40-й годовщины установления отношений между Японией и АСЕАН. В результате было подписано совместное заявление министров АСЕАН и Японии по сотрудничеству в области кибербезопасности²⁷, основной целью которого являлось продвижение и осуществление сотрудничества в рамках совместных проектов JASPER (расширение технического сотрудничества в области кибербезопасности), PRACTICE (принятие превентивных мер в реагировании на кибератаки посредством международного обмена), TSUBAME (обмен данными мониторинга интернет-трафика) и др.

В сентябре 2016 г. премьер-министр Синдзо Абэ выступил с важным заявлением на встрече на высшем уровне Япония—АСЕАН о том, что Япония будет продолжать оказывать содействие АСЕАН в разработке политики наращивания потенциала кибербезопасности в соответствии с «Основной политикой поддержки наращивания потенциала в об-

25. Japan tells Facebook to improve data protection // *Reuters*. October 22, 2018.

URL: <https://www.reuters.com/article/us-facebook-privacy-japan-idUSKCN01MW0AG> (дата обращения: 25.12.2021).

26. Japan's Cybersecurity Capacity-Building Support for ASEAN — Shifting from What to Do to How to Do It // *Palo Alto Networks*. July 26, 2017. URL: <https://www.paloaltonetworks.com/blog/2017/07/cso-japans-cybersecurity-capacity-building-support-asean-shifting/> (дата обращения: 23.11.2021).

27. Joint Ministerial Statement of the ASEAN-Japan Ministerial Policy Meeting on Cybersecurity Cooperation // *ASEAN Secretariat*. September 13, 2013. URL: <https://asean.org/joint-ministerial-statement-of-the-asean-japan-ministerial-policy-meeting-on-cybersecurity-cooperation/> (дата обращения: 18.11.2021).

ласти кибербезопасности в развивающихся странах»²⁸, опубликованной правительством Японии в октябре 2016 г.²⁹ Япония заявила, что стремится снизить уязвимость кибербезопасности по всему миру, повысить безопасность повседневной жизни и деловых операций своих граждан, зависящих от КИИ в развивающихся странах, в том числе в АСЕАН, путем создания инфраструктуры для развития японской индустрии ИКТ в этих странах.

Учитывая транснациональный характер кибератак, повышение осведомленности о кибербезопасности и наращивание потенциала имеют важное значение для различных уровней кибербезопасности членов АСЕАН. В связи с этим в октябре 2016 г. АСЕАН провела первую министерскую конференцию по кибербезопасности, участники которой подчеркнули необходимость наращивания технического потенциала в области кибербезопасности для своих стран³⁰.

20 октября 2020 г. в дистанционном формате состоялось XIII совещание по политике в области кибербезопасности АСЕАН—Япония. Примечательным является факт, что на этой встрече страны — члены АСЕАН и Япония помимо обмена мнениями по политике кибербезопасности уделили особое внимание инициативам каждой страны в условиях распространения COVID-19. На этом совещании стороны подтвердили прогресс в совместной деятельности по вопросам выработки политики, а также договорились о новых совместных инициативах по продвижению сотрудничества между правительствами и академическими кругами в целях повышения кибербезопасности во всем регионе АСЕАН³¹.

XIV совещание по политике в области кибербезопасности АСЕАН—Япония состоялось в режиме онлайн 21 октября 2021 г. В дополнение к подтверждению текущего статуса реализации 10 совместных инициатив, принятых в рамках XIII заседания, участники обсудили дальнейшее сотрудничество по таким направлениям, как совершенствование систем обмена информацией и обработки киберинцидентов, углубление сотрудничества в целях защиты КИИ, продолжение политики наращивания потенциала и повышения осведомленности, также расширение взаимодействия между правительствами, сферой промышленности и научными кругами³².

После ухода Синдзо Абэ с поста премьер-министра партнерство Японии с АСЕАН продолжает оставаться приоритетным направлением политики обеих сторон, призванным преодолеть и минимизировать негативные последствия эскалации процесса декаплинга американо-китайских торгово-экономических отношений, а для Японии важно

28. The Japan-ASEAN Summit Meeting // Ministry of Foreign Affairs of Japan. September 7, 2016. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/tp/page3e_000590.html (дата обращения: 24.11.2021).

29. 国際社会の平和・安定及び我が国の安全保障に係るサイバーセキュリティ戦略の推進状況. 第10回 サイバーセキュリティ戦略本部 資料 平成28年10月 内閣官房内閣サイバーセキュリティセンター [«О мире и стабильности международного сообщества и безопасности Японии»: текущий статус продвижения стратегий кибербезопасности. Материалы 10-го заседания Секретариата кабинета министров по Стратегии кибербезопасности, октябрь, 2016 г.]. URL: <https://www.nisc.go.jp/conference/cs/dai10/pdf/10shiryou09.pdf> (дата обращения: 24.11.2021).

30. ASEAN Member States Call for Tighter Cybersecurity Coordination in ASEAN // *Singapore Government Agency Website*. October 11, 2016. URL: <https://www.csa.gov.sg/en/News/Press-Releases/ASEAN-Member-States-Call-for-Tighter-Cybersecurity-Coordination-in-ASEAN> (дата обращения: 23.11.2021).

31. Outcomes of the 13th ASEAN-Japan Cybersecurity Policy Meeting // *METI Ministry of Economy, Trade and Industry*. November 6, 2021. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2020/1106_003.html (дата обращения: 23.11.2021).

32. Outcomes of the 14th ASEAN-Japan Cybersecurity Policy Meeting // *METI Ministry of Economy, Trade, and Industry*. October 22, 2021. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2021/1022_001.html (дата обращения: 23.11.2021).

также противостояние расширению влияния Китая на страны АСЕАН в период пандемии COVID-19 в виде масочной дипломатии, с одной стороны, и усиления контроля над Южно-Китайским морем — с другой.

24 февраля 2021 г. премьер-министр Японии Суга одобрил соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), которое считают победой многосторонности и свободной торговли, имеющей большое значение для экономической глобализации и региональной экономической интеграции. В рамках ВРЭП происходит активная цифровизация торговли, на многосторонней основе устанавливаются всеобъемлющие правила по многим ключевым вопросам, включая кибербезопасность, трансграничную передачу и хранение информации³³.

Сравнивая ВРЭП и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПСТТП), можно отметить, что оба соглашения содержат аналогичные положения о кибербезопасности, электронной торговле (eTrading), а также личной информации и защите потребителей в Интернете. Однако ВРЭП и ВПСТТП расходятся в подходах к положениям, касающихся потоков данных и исходных кодов. В частности, ВПСТТП запрещает локализацию данных и таможенные пошлины на их электронную передачу. Эти положения приводят к утечке информации, не давая возможности размещения центров обработки данных только в пределах границ одного члена, следовательно, существует риск передачи данных стран-участниц на американские сервера. ВРЭП основывается на положениях ВПСТТП о потоках данных, но дает подписавшимся возможность исключений, ссылаясь на «законную государственную политику» и «национальную безопасность». Это означает, что страны ВРЭП могут по-прежнему требовать от компаний размещения центров обработки данных в пределах своих границ, если это требование обосновано законной государственной политикой и исходит из проблем безопасности³⁴.

Между странами-участниками ВРЭП существует обязательство сотрудничать и обмениваться информацией о передовых методах борьбы с инцидентами кибербезопасности и наращивании потенциала властей по реагированию на эти события. Также на стадии разработки находится единый набор правил, касающихся интеллектуальной собственности в целях обеспечения большей прозрачности и сотрудничества³⁵.

Существует значительный разрыв в уровне экономического развития стран ВРЭП, что делает крайне сложным достижение консенсуса по ряду вопросов в рамках инициативы, в том числе по информационной и кибербезопасности, вопросам интеллектуальной собственности. Так, Япония, Австралия, Новая Зеландия и Республика Корея поддерживают инициативы глубокой либерализации по всем направлениям. Учитывая, что Япония является страной-участницей ВПСТТП, взаимные уступки могут привести к расширению свободной торговли и снижению протекционизма в других сферах по сравнению с обязательствами в действующих ЗСТ АСЕАН+1, что, в свою очередь, может повлечь значительные потери некоторых участников соглашения.

33. RCEP a good deal for globalization, regional integration // *China Daily*. May 27, 2021.

URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202105/27/WS60af053ea31024ad0bac1cbf.html> (дата обращения: 10.12.2021).

34. What's the real deal? A look inside RCEP // *Konrad Adenauer Foundation*. December 2020.

URL: <https://www.kas.de/documents/287213/8314289/What%27s+the+real+deal+A+look+inside+RCEP.pdf/c2e33800-a5b2-8e9e-17e5-4fd15c431745?version=1.1&t=1608109127029> (дата обращения: 10.12.2021).

35. Regional trade boost for cyber, digital and data. Denham Sadler // *InnovationAus.com*. November 16, 2020. URL: <https://www.innovationaus.com/regional-trade-boost-for-cyber-digital-and-data/> (дата обращения: 11.12.2021).

* * *

Подводя итоги вышесказанному, можно подчеркнуть эффективность государственной политики и сотрудничества Токио с развивающимися странами в областях кибербезопасности, цифровизации экономик, разработки новых цифровых технологий, что служит важным индикатором потенциала и глобальных усилий Японии по превращению в ведущего актора в сфере управления данными.

В условиях декаплинга США—КНР для АСЕАН и Японии проблема выстраивания качественно новых отношений с Вашингтоном и Пекином является общим вопросом³⁶. Несмотря на то, что прослеживается относительное ослабление позиций Японии в АСЕАН ввиду активизации КНР в период кризиса, вызванного пандемией, Токио воплощает в жизнь идею отношений между странами как между «равноправными партнерами», сформулированную еще в Доктрине Фукуды в 1977 г. в противовес вертикальной структуре отношений, имевших место до сих пор.

Взаимодействие Япония—АСЕАН в сфере информационной и кибербезопасности следует рассматривать как попытку продвижения Японией на страны АСЕАН проамериканских подходов. Существует также мнение, что создание и продвижение ВРЭП в качестве альтернативы ВПСТТП — инициатива Китая, целью которой является противостояние США—КНР в регионе. Тем не менее, считается, что Китай вовлекает Японию в прокитайскую экономическую инициативу посредством экономических выгод, признавая технологическое лидерство Японии и открывая для нее доступ на китайский рынок. В свою очередь, Япония получает возможность с помощью передовых технологий транслировать проамериканские подходы информационной и кибербезопасности на страны ВРЭП.

Так, Япония рассматривает кибербезопасность как важный аспект национальной безопасности. Политика Японии в области кибербезопасности заключается в усилении мер безопасности для национального правительства, поощрении исследований в сфере кибербезопасности в академической среде, исследовательских институтах и борьбе с киберпреступностью.

Важным приоритетом для Японии является защита персональных данных и интеллектуальной собственности, являющихся источниками как международной конкурентоспособности, так и важными активами, которые государство защищает. Для реализации этих целей страна укрепляет свой оборонный потенциал, расширяя возможности Сил самообороны и других государственных учреждений.

Согласно новейшей Стратегии кибербезопасности, Япония в тесном сотрудничестве со странами-партнерами планирует использовать политические, экономические, технологические, юридические, дипломатические и другие эффективные средства и возможности для поддержания стабильности в сфере кибербезопасности и расширения своей роли. Япония является активным сторонником верховенства закона в киберпространстве и поддерживает развитие и соблюдение норм международного права в управлении киберпространством.

Дальнейшее сотрудничество между Японией и АСЕАН в сфере кибербезопасности играет важную роль в контексте обеспечения стабильности киберпространства в регионе. Следовательно, правительству, сменившему администрации Синдзо Абэ и Есихидэ Суги, следует и дальше укреплять взаимодействие с АСЕАН, содействовать содержанию и эффективному диалогу как по традиционным, так и относительно новым направлениям безопасности, в том числе по линии ВРЭП.

36. Post-Abe: Japan-ASEAN partnership crucial in navigating great power rivalry // *ThinkChina*. September 9, 2020. URL: <https://www.thinkchina.sg/post-abe-japan-asean-partnership-crucial-navigating-great-power-rivalry> (дата обращения: 22.11.2021).

Литература

- Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // *Вестник международных организаций*. 2021. Том 16. № 3. DOI: 10.17323/1996–7845–2021–03–01
- Рогожина Н.Г. Масочная дипломатия Китая в странах Юго-Восточной Азии // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2021. Том I. № 1 (50). DOI:10.31696/2072–8271–2021–1–1–50–073–081
- ASEAN Member States Call for Tighter Cybersecurity Coordination in ASEAN // *Singapore Government Agency Website*. October 11, 2016. URL: <https://www.csa.gov.sg/en/News/Press-Releases/ASEAN-Member-States-Call-for-Tighter-Cybersecurity-Coordination-in-ASEAN> (дата обращения: 23.11.2021).
- Commitment to a Free, Fair and Secure Cyberspace // *National center of Incident readiness and Strategy for Cybersecurity*. September 2021. URL: <https://www.nisc.go.jp/eng/index.html#sec1> (дата обращения: 20.11.2021).
- Cybersecurity Strategy // *The Government of Japan*. June 16, 2014. URL: <https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/cs-strategy-en-pamphlet.pdf> (дата обращения: 17.11.2021).
- Cybersecurity Strategy — Toward a world-leading, resilient and vigorous cyberspace // *National Information Security Center*. June 10, 2013. URL: <http://www.nisc.go.jp/active/kihon/pdf/cybersecuritystrategy-en.pdf> (дата обращения: 19.11.2021).
- Drake W. J., Cheon K. Reforming Internet Governance: Perspectives from the Working Group on Internet Governance (WGIG) // *United Nations ICT Task Force. Paperback*. March 11, 2008. URL: <https://ifap.ru/library/book271.pdf> (дата обращения: 19.11.2021).
- Japan's New Cybersecurity Strategy // *National center of Incident readiness and Strategy for Cybersecurity (NISC)*. September 28, 2021. URL: <https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/cs-senryaku2021-en.pdf> (дата обращения: 18.11.2021).
- Joint Ministerial Statement of the ASEAN—Japan Ministerial Policy Meeting on Cybersecurity Cooperation // *ASEAN Secretariat*. Tokyo, September 13, 2013. URL: <https://asean.org/joint-ministerial-statement-of-the-asean-japan-ministerial-policy-meeting-on-cybersecurity-cooperation/> (дата обращения: 18.11.2021).
- Outcomes of the 13th ASEAN-Japan Cybersecurity Policy Meeting // *METI Ministry of Economy, Trade and Industry*. November 06, 2021. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2020/1106_003.html (дата обращения: 23.11.2021).
- Outcomes of the 14th ASEAN-Japan Cybersecurity Policy Meeting // *METI Ministry of Economy, Trade and Industry*. October 22, 2021. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2021/1022_001.html (дата обращения: 23.11.2021).
- Sukumar A. Resolved: Japan Could Lead Global Efforts on Data Governance // *Debating Japan*. Vol. 2 Issue 6. Center for Strategic and International Studies (CSIS). June 27, 2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/resolved-japan-could-lead-global-efforts-data-governance> (дата обращения: 19.11.2021).
- The First National Strategy on Information Security // *Information Security Policy Council, Japan*. February 02, 2006. URL: https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/national_strategy_001_eng.pdf (дата обращения: 20.11.2021).
- The Japan-ASEAN Summit Meeting // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. September 07, 2016. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page3e_000590.html (дата обращения: 24.11.2021).
- The Second National Strategy on Information Security // *National Information Security Policy Council*. February 03, 2009. URL: https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/national_strategy_002_eng.pdf (дата обращения: 19.11.2021).
- Vosse W. M. Japan's Cyber Diplomacy. International Christian University (ICU), Tokyo. October 2019. URL: <https://eucyberdirect.eu/research/japans-cyber-diplomacy> (дата обращения: 17.11.2021).
- 国際社会の平和・安定及び我が国の安全保障に係るサイバーセキュリティ戦略の推進状況。第10回 サイバーセキュリティ戦略本部 資料 平成28年10月 内閣官房内閣サイバーセキュリティセンター [«О мире и стабильности международного общества и безопасности Японии»: текущий статус продвижения стратегий кибербезопасности]. URL: <https://www.nisc.go.jp/conference/cs/dai10/pdf/10shiryoku09.pdf> (дата обращения: 24.11.2021).

Japan's Approaches to International Cooperation in the Field of Cybersecurity: the Case of ASEAN

Lusine A. Melkonyan

Teaching assistant of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6). ORCID: 0000-0003-0294-8076. E-mail: melkonyan-la@rudn.ru.

Received 09.02.2022.

Abstract:

The article studies the main approaches of the Japanese state to solving problems in the field of cybersecurity through developing appropriate strategies and programs, deepening international cooperation to counter the threats of cybercrime and information security. The evolution of national strategies and international agreements in the field of cybersecurity and the dynamics of the development of key approaches to information security policy are considered.

Regarding the growth of the malicious use of cyberspace by international terrorists and cybercriminals for destructive purposes, the problem of combining international efforts in the fight against cyber-attacks on critical information infrastructure is of relevance. Japan has been subjected to cyber-attacks at the state level in the past but over the past decade, threats to government institutions have become more widespread and alarming. In pursuance of personal data and intellectual property protection, the Japanese state is strengthening its defense potential by expanding the capabilities of government agencies and the Self-Defense Forces.

Japan's international cooperation in the field of cybersecurity is considered on the example of ASEAN, including its cooperation within the framework of the RCEP agreement, considering not only the geographical proximity with the association countries and the close economic ties with them, but also the effective interaction and extensive contacts in the field of cybersecurity as a member country of the CPTPP at the highest levels.

The author compares the RCEP and the CPTPP key approaches to the issues of cyber security and information sovereignty, identifying the main contradictions between the participants in these multilateral initiatives that unite the key players in the Asia-Pacific region, one of which is Japan.

Key words:

Japan; cybersecurity; Japan's new cybersecurity strategy; international relations; ASEAN; RCEP, CPTPP.

For citation:

Melkonyan L.A. Japan's Approaches to International Cooperation in the field of Cybersecurity: the Case of ASEAN // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 2. Pp. 49–62.
DOI: 10.31857/S013128120019300-1

Funding sources:

This article was prepared with the support of RFBR-EISI within research project No. 21-011-31812 opn "Simulation of the spread of social norms and values: global communications VS information sovereignty of the Russian Federation".

References

- Degterev D.A., Ramich M.S., Piskunov D.A. Podhody SSHA i KNR k global'nomu upravleniyu kiberneticheskimi resursami: «novaya bipolyarnost'» v «setevom obshchestve» [Approaches of the United States and China to the global management of cyberspace: "new bipolarity" in the "network society"]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij*. 2021. Vol. 16. No. 3. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-01. (In Russ.)
- Rogozhina N.G. Masochnaya diplomatiya Kitaya v stranah YUgo-Vostochnoj Azii [The Mask Diplomacy of China in Southeast Asia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. 2021. T. I. No. 1 (50). DOI: 10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081. (In Russ.)
- ASEAN Member States Call for Tighter Cybersecurity Coordination in ASEAN // *Singapore Government Agency Website*. October 11, 2016. URL: <https://www.csa.gov.sg/en/News/Press-Releases/ASEAN-Member-States-Call-for-Tighter-Cybersecurity-Coordination-in-ASEAN> (accessed: 23.11.2021).
- Commitment to a Free, Fair and Secure Cyberspace. *National center of Incident readiness and Strategy for Cybersecurity*. September 2021. URL: <https://www.nisc.go.jp/eng/index.html#sec1> (accessed: 20.11.2021).

- Cybersecurity Strategy. *The Government of Japan*. June 16, 2014.
URL: <https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/cs-strategy-en-pamphlet.pdf> (accessed: 17.11.2021).
- Cybersecurity Strategy — Toward a world-leading, resilient and vigorous cyberspace. *National Information Security Center*. June 10, 2013.
URL: <http://www.nisc.go.jp/active/kihon/pdf/cybersecuritystrategy-en.pdf> (accessed: 19.11.2021).
- Drake W. J., Cheon K. Reforming Internet Governance: Perspectives from the Working Group on Internet Governance (WGIG). *United Nations ICT Task Force. Paperback*. March 11, 2008.
URL: <https://ifap.ru/library/book271.pdf> (accessed: 19.11.2021).
- Japan's New Cybersecurity Strategy. *National center of Incident readiness and Strategy for Cybersecurity (NISC)*. September 28, 2021. URL: <https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/cs-senryaku2021-en.pdf> (accessed: 18.11.2021).
- Joint Ministerial Statement of the ASEAN-Japan Ministerial Policy Meeting on Cybersecurity Cooperation. *ASEAN Secretariat*. Tokyo, September 13, 2013. URL: <https://asean.org/joint-ministerial-statement-of-the-asean-japan-ministerial-policy-meeting-on-cybersecurity-cooperation/> (accessed: 18.11.2021).
- Outcomes of the 13th ASEAN-Japan Cybersecurity Policy Meeting. *METI Ministry of Economy, Trade and Industry*. November 06, 2021. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2020/1106_003.html (accessed: 23.11.2021).
- Outcomes of the 14th ASEAN-Japan Cybersecurity Policy Meeting. *METI Ministry of Economy, Trade and Industry*. October 22, 2021. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2021/1022_001.html (accessed: 23.11.2021).
- Sukumar A. Resolved: Japan Could Lead Global Efforts on Data Governance. *Debating Japan*. Vol. 2 Issue 6. Center for Strategic and International Studies (CSIS). June 27, 2019.
URL: <https://www.csis.org/analysis/resolved-japan-could-lead-global-efforts-data-governance> (accessed: 19.11.2021).
- The First National Strategy on Information Security. *Information Security Policy Council, Japan*. February 02, 2006. URL: https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/national_strategy_001_eng.pdf (accessed: 20.11.2021).
- The Japan-ASEAN Summit Meeting. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. September 07, 2016.
URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page3e_000590.html (accessed: 24.11.2021).
- The Second National Strategy on Information Security. *National Information Security Policy Council*. February 03, 2009. URL: https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/national_strategy_002_eng.pdf (accessed: 19.11.2021).
- Vosse W. M. Japan's Cyber Diplomacy. International Christian University (ICU), Tokyo. October 2019.
URL: <https://eucyberdirect.eu/research/japans-cyber-diplomacy> (accessed: 17.11.2021).
- 国際社会の平和・安定及び我が国の安全保障に係るサイバーセキュリティ戦略の推進状況。
第10回 サイバーセキュリティ戦略本部 資料 平成28年10月
内閣官房内閣サイバーセキュリティセンター ["On peace and stability of the international community and the security of Japan": current status of cyber security strategies promotion].
URL: <https://www.nisc.go.jp/conference/cs/dai10/pdf/10shiryou09.pdf> (accessed: 24.11.2021). (In Jap.)

ЭКОНОМИКА**Цифровой Шёлковый путь Китая**

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120019578-6

Гамза Леонид Анатольевич

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23). ORCID: 0000-0001-7725-0567. E-mail: leo.center.jp@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022.

Аннотация:

Статья посвящена анализу развития технологий Китая как основного стратегического компонента политики реформ и формирования на этой основе новой модели развития страны. Рассмотрены состояние и структура цифровой экономики Китая и главные направления ее развития в новую эпоху. На примере мирового лидера в области передовых информационно-коммуникационных технологий глобальной транснациональной компании (ТНК) Huawei показаны состояние, динамика и перспективы продвижения китайских технологий в мире в формате строительства проекта «Цифрового Шёлкового пути» (ЦШП). На примере отдельных стран и регионов рассмотрены состояние и особенности формирования региональных блоков Цифрового Шёлкового пути. Подчеркнуто, что в условиях пандемии, нарастающего ужесточения американских санкций и фактической блокады рынка США, ядром и основой формирования ЦШП стала цифровая экономика Китая. Динамично развивается в этом направлении близкий к Китаю региональный блок ЮВА. Значительным потенциалом сотрудничества обладают страны Ближнего Востока и Латинской Америки. Несмотря на санкции, определенные возможности и перспективы сохраняются в Европе. Важным стратегическим активом строительства ЦШП становится Африка. Отдельно проанализированы состояние сотрудничества КНР и России в области информационно-коммуникационных технологий в условиях западных санкций, а также возможности формирования на этой основе российско-китайского Единого цифрового сообщества (ЕЦС) с перспективой его перерастания в Единое евразийское цифровое пространство (ЕАЦС). В заключении делается вывод о том, что Китай продолжит активное строительство глобального ЦШП на основе продвижения китайских технологий на мировые рынки в ходе реализации целей и задач 14-й пятилетки.

Ключевые слова:

Китай, технологии, цифровая экономика, Huawei, Цифровой Шёлковый путь.

Для цитирования:

Гамза Л.А. Цифровой Шёлковый путь Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 63–79. DOI: 10.31857/S013128120019578-6

Китайские исследователи указывают на тесную связь понятия и термина «Цифровой Шёлковый путь» (ЦШП) с выдвинутым Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. новым геополитическим и геоэкономическим проектом «Экономический пояс Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века», который впоследствии стал известен как проект «Один пояс, один путь» (ОПОП) или Инициатива «Пояс и Путь» (ИПП), давший новый импульс движению страны к всесторонней открытости, а также предоставивший национальным компаниям новые возможности для формирования цифровой экономики Китая и планирования своего глобального развития. На прошедшем в мае 2017 г. в Пекине Форуме международного сотрудничества ОПОП лидер Китая впервые использовал этот термин, призвав участников «придерживаться инновационного раз-

вития и укреплять сотрудничество в сфере цифровой экономики, искусственного интеллекта, нанотехнологий, квантовых компьютеров и других смежных областях, подключаясь к Цифровому Шёлковому пути XXI века»¹. В апреле 2019 г. накануне открытия второго Форума он конкретизировал этот призыв, заявив о необходимости «воспользоваться возможностью строительства «Пояса и Пути», чтобы укрепить сотрудничество со странами, расположенными вдоль маршрута, особенно с развивающимися странами, в области строительства сетевой инфраструктуры, цифровых технологий, экономики и безопасности сетей, чтобы построить Цифровой Шёлковый путь XXI века»². После этого термин ЦШП получил широкое распространение в китайских СМИ и научных публикациях.

Цифровая экономика Китая

Формирование ЦШП является следствием развития технологической базы КНР. Китайские ученые считают, что формирование и развитие цифровой экономики в восточных, центральных и западных регионах страны с 2013 по 2019 г. идет параллельно с общим развитием экономики³.

В течение всего периода экономических реформ Китай уделял особое внимание развитию и внедрению современных и передовых технологий. Руководство страны постоянно заявляет, что наука и технологии являются ключевыми факторами развития экономики и общества. В последние десятилетия Китай последовательно наращивает инвестиции в этих областях и сокращает разрыв с развитыми странами. Если в 2000 г. на финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в стране приходилось 0,89 % ВВП, то к 2017 г. этот показатель вырос до 2,13 %. С 2013 г. затраты Китая на НИОКР превышают совокупный бюджет стран ЕС на эти цели и в абсолютном выражении отстают сегодня только от расходов США⁴. В 2020 г., несмотря на пандемию, затраты Китая на НИОКР продолжали расти и достигли 2,4 трлн юаней (377,7 млрд долл.), а их доля в ВВП составила 2,4 %⁵.

Власти активно увеличивают финансирование не только НИОКР, но и фундаментальных исследований, рассматривая их в качестве основы для снижения зависимости Китая от иностранных технологий. Если в 2018 г. расходы Китая на фундаментальные исследования составляли лишь 5 % всех расходов на НИОКР, а в США на них приходилось 15 %, то в 2019 г. они выросли до более 6 %. Расходы на фундаментальные исследования продолжали расти и в кризисном 2020 г., и к концу 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) должны составить 8 %. При этом Китай делает ставку на проведение целевых прикладных исследований в интересах экономики и обеспечения безопасности страны и намерен добиться заложенных в план целей через увеличение финансирования как за

1. “习近平出席”一带一路“国际合作高峰论坛开幕式并发表主旨演讲” [Си Цзиньпин принял участие в церемонии открытия Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» и выступил с программной речью] // 人民日报. 15.05.2017.
2. 吴应宁, 吴晓红, 朱成科, 赵西: “习近平数字经济思想研究” [У Иннин, У Сяохун, Чжу Чэнкэ, Чжао Си. Исследование идей Си Цзиньпина о цифровой экономике] // 昌吉学院学报. 2020年. 12月. 第4期. 第1–9页.
3. 汤长安, 张丽家: “中国数字经济发展的空间格局与演化—基于 2013–2019 年经验数据分析汤长安” [Тан Чанъань, Чжан Лицзя. Пространственная структура и эволюция развития цифровой экономики Китая — Анализ на основе эмпирических данных 2013–2019 гг.] // 商学研究 (双月刊). 2021 年. 10月. 第28卷. 第5期. 第13–28页.
4. Дмитриев С. Инновационный «тотализатор» — ставка на США // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 4. С. 104–110.
5. Расходы Китая на НИОКР достигли новых высот // *Синьхуа*. 25.09.2021.
URL: http://russian.news.cn/2021-09/25/c_1310208863.htm (дата обращения: 28.10.2021).

счет центрального и местных бюджетов, так и за счет активного привлечения средств крупнейших предприятий и компаний государственного и частного секторов.

Среднесрочные и долгосрочные планы руководства и правительства Китая свидетельствуют, что развитие и внедрение передовых и прорывных технологий выходит на первый план в реализации стратегического курса, направленного на превращение КНР в ведущую технологическую державу мира⁶. Китайские исследователи подчеркивают, что в последние годы информационные технологии нового поколения быстро развиваются, вызванные этим изменения в промышленности, науке и технике оказывают влияние на весь мир, а слияние цифровых технологий и реальной экономики привело к информационной революции. Поэтому «Китаю необходимо выиграть битву ключевых технологий, добиться независимого контроля в области важнейших технологий на главных направлениях, а также обеспечить безопасность производственно-бытовых и производственных цепочек, тем самым сгладив внутренний цикл и достигнув высокого уровня инноваций в ходе решения задач развития 14-й пятилетки»⁷. Реализация этих планов находит свое отражение в последовательном расширении сферы применения технологий в экономике и общественной жизни Китая, которая происходит в формате их растущей цифровизации на основе использования Интернета. На состоявшейся в сентябре 2021 г. в провинции Чжэцзян Всемирной конференции по вопросам Интернета, которая прошла под лозунгом «Шагать к цифровой цивилизации в новую эпоху — построение Сообщества единой судьбы в киберпространстве» было заявлено, что в кризисный из-за пандемии 2020 г. объем цифровой экономики Китая вырос почти на 10 %, до 39,2 трлн юаней (более 6 трлн долл.), что составило 38,6 % от всего ВВП страны⁸. В Пекине и Шанхае цифровая экономика в 2020 г. принесла более половины валового регионального продукта (ВРП). При этом темп роста цифровой экономики был в три раза выше роста ВВП страны, что свидетельствует о значительном повышении ее роли в реформировании всей структуры хозяйственного комплекса страны в рамках перехода к новой модели развития Китая.

Цифровая трансформация и модернизация промышленности и других отраслей дали новый импульс экономическому и социальному развитию страны. Такие цифровые сегменты, как электронная коммерция, онлайн-образование, логистика, онлайн-офис, телемедицина, онлайн-потребление и интеллектуальное производство, открыли новые возможности внутреннего рынка. Быстрое развитие и практическое применение в стране таких технологий, как искусственный интеллект (ИИ), центры обработки данных (ЦОД), скоростные сети связи пятого поколения 5G, облачные технологии (ОТ), Интернет вещей (ИВ), дали сильный толчок к цифровизации экономики и трансформации общества в направлении создания «осознанного, взаимосвязанного интеллектуального мира». В то же время масштабное и быстрое внедрение цифровых технологий привело к появлению новых проблем, в числе которых значительный рост потребления электроэнергии, длительные сроки строительства и высокие затраты на эксплуатацию и техническое обслуживание. Китайские ученые отмечают, что особенностью развития цифровой экономики в стране является сильная зависимость от территорий и агломераций. Поэтому Китай дол-

6. *Xi Jinping*. Stepping Up Intellectual Property Rights Protection to Stimulate Innovative Vigor for Fostering a New Development Dynamic // *English Edition of Qiushi Journal*. 30.04.2021. URL: http://en.qstheory.cn/2021-04/30/c_617533.htm (дата обращения: 28.05.2021).
7. 祝福恩, 张舒: “科技自立自强是建设现代化国家的战略支撑 — 学习党的十九届五中全会精神体会” [Чжу Фуэн, Чжан Шу. Самостоятельность в науке и технологиях — стратегическая основа построения современной страны. Уроки 5-го пленума ЦК партии 19-го созыва] // *黑龙江省社会主义学院学报*. 2020年. 12月. 第4期. 第5—10页.
8. Всемирная конференция по вопросам интернета-2021 завершилась в поселке Учжэнь // *Синьхуа*. 28.09.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-09/28/c_1310215139.htm (дата обращения: 15.10.2021).

жен реализовывать стратегию ее дифференцированного формирования в разных провинциях и городах с учетом двух этих факторов, добиваясь сбалансированного распространения и повышая общий уровень развития⁹.

В январе 2022 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в установочной статье в журнале ЦК КПК «Цюши» призвал к «наращиванию силы, качества и размера цифровой экономики»¹⁰. Признав, что Китай по уровню цифровой экономики пока уступает ведущим странам мира, подчеркнул, что ее развитие является стратегическим выбором КНР, который позволит эффективно использовать возможности нового этапа научно-технической революции и реформирования промышленности. Си Цзиньпин подчеркнул, что быстро развивающаяся цифровая экономика становится ключевой силой реформирования глобальных факторов производства и ресурсов, трансформации структуры мировой экономики и изменений в мировой конкуренции. Тогда же Госсовет КНР опубликовал план развития цифровой экономики на 14-ю пятилетку, в соответствии с которым доля добавленной стоимости основных отраслей цифровой экономики в структуре ВВП страны должна вырасти с 7,8 % в 2020 г. до 10 % в 2025 г. Эта цель должна быть достигнута через оптимизацию созданной цифровой инфраструктуры, проведение цифровой модернизации предприятий и активизацию международного сотрудничества. В качестве первоочередных задач названы внедрение инноваций в таких стратегических областях, как ИИ, интегральные схемы, а также поддержка исследований и разработок технологии следующего поколения 6G, коммерческое использование которой может начаться в 2030 г.

Основными проводниками и движущей силой цифровизации экономики КНР являются крупные китайские технологические компании, которые сформировались и набрали вес в период глобализации, превратившись в активно действующие по всему миру ТНК. Лидерами являются такие многопрофильные компании, как Alibaba, Baidu, China Telecom, China Mobile, Huawei, Tencent, UnionPay и многие другие, число которых в списке крупнейших компаний мира «Fortune Global 500» выросло в 2021 г. до 143. Китай уже второй год подряд по этому показателю опережает США. Отправной точкой и основой происходящих изменений стало широкое использование новой технологии скоростной обработки и передачи данных 5G, которая в 2019 г. получила разрешение властей на ее коммерческое использование в Китае. Ее главным разработчиком и признанным мировым лидером в области практического применения является китайская ТНК Huawei (Huawei Technologies Co), которая активно действует на китайском рынке и за его пределами и которой принадлежит роль главного локомотива в формировании глобального ЦШК на основе продвижения китайских технологий.

Роль Huawei в формировании ЦШП

Huawei приступила к созданию новой прорывной технологии 5G в начале 2009 г. и вложила в ее разработку 4 млрд долл., располагая сегодня в этой области самым большим числом патентов в мире. Компания входит в число основных мировых производителей и поставщиков телекоммуникационного оборудования и мобильных телефонов. Ежегодный объем продаж продукции и услуг Huawei на протяжении последних лет превышает 100 млрд долл., а ее оборудование и ПО покупает большинство зарубежных компа-

-
9. 汤长安, 张丽家: “中国数字经济发展的空间格局与演化—基于 2013–2019 年经验数据分析汤长安” [Тан Чанъань, Чжан Лицзя. Пространственная структура и эволюция развития цифровой экономики Китая — Анализ на основе эмпирических данных 2013–2019 гг.] // 商学研究 (双月刊). 2021年. 10月. 第28卷. 第5期. 第13–28页.
 10. Xi Jinping. Building Up the Strength, Quality, and Size of China's Digital Economy // *Qiushi Journal*. 03.03.2022. URL: http://en.qstheory.cn/2022-03/03/c_720676.htm (дата обращения: 11.03.2022).

ний, предоставляющих услуги скоростной связи. Главной особенностью стратегии компании является разработка новейших технологий и их быстрое внедрение в производство. Она ежегодно направляет на НИОКР не менее 10 % своих доходов и за последние 10 лет инвестировала в них более 110 млрд долл., из них в 2020 г. — около 22 млрд долл.¹¹

Переход на скоростной Интернет с использованием сетей 5G открывает новые перспективы и возможности по многим направлениям. Новые сети обеспечивают скорость передачи данных на мобильных устройствах в несколько десятков раз выше, чем ныне действующие во многих странах мира сети 4G. Внедрение этой технологии затрагивает не только сферу беспроводной связи, но и практически все области хозяйственной деятельности. В течение последних пяти лет власти КНР последовательно продвигают стратегию «5G плюс промышленный Интернет», и Huawei активно участвует в ее реализации. В мае 2021 г. она объявила о планах создать в Китае 1000 «умных заводов» на основе нового решения «5GtoB» (5G для бизнеса), которое охватывает эксплуатацию оборудования, продажу продукции и услуг. По прогнозу компаний, к 2025 г. 97 % крупных предприятий и компаний Китая будут использовать ИИ, а цифровая экономика страны будет производить 55 % всего ВВП Китая¹².

В качестве лидера телекоммуникационной отрасли, завоевавшего прочные позиции на мировых рынках, Huawei по праву принадлежит ведущая роль в формировании структуры ЦШП не только у себя в стране, но и за ее пределами. При этом она выступает в качестве локомотива, ведущего за собой другие китайские компании. В феврале 2021 г. на Всемирном мобильном конгрессе в Шанхае компания сообщила, что в течение 2020 г. в 59 странах мира было введено в строй более 140 коммерческих сетей 5G, из которых более половины создала Huawei. Быстрому их развитию в Китае и в мире в значительной мере способствуют доступная цена продукции, непрерывное совершенствование новой технологии и поддержка властей КНР. Несмотря на пандемию коронавируса, продажи продукции и услуг Huawei в 2020 г. выросли и составили 891,4 млрд юаней (около 136,1 млрд долл.). В условиях стагнации мировой экономики и формирования в КНР ее новой структуры с опорой на внутренний рынок основные продажи компании пришлось на Китай — 584,9 млрд юаней (65,6 % выручки). Европа, Ближний Восток и Африка принесли ей 180,8 млрд юаней (20,3 %). Страны АТР — 64,4 млрд юаней (7,2 %) и страны Северной и Южной Америки — 39,6 млрд юаней (4,4 %)¹³.

В первой половине 2021 г. продажи продолжали расти, однако во второй половине произошло существенное снижение и общим итогом года стало их падение почти на треть, до самой низкой за последние годы отметки в 634 млрд юаней (99 млрд долл.)¹⁴. Основными причинами снижения стали ужесточение американских санкций и резкое снижение из-за этого продаж мобильных телефонов, продолжающаяся стагнация мировой экономики и нарушение цепочек поставок. Несмотря на это, руководство компании заявляет, что продолжит разработку и внедрение инноваций и будет инвестировать больше средств в НИОКР, подготовку и привлечение талантливых специалистов. Одновре-

11. Wang David. Huawei: Collaborating on Digital Infrastructure Innovation for an Intelligent World 2030 // *Huawei*. 29.10.2021. URL: <https://www.huawei.com/en/news/2021/10/eco-connect-europe-2021-david-wang> (дата обращения: 12.11.2021).

12. Кен Ху. COVID-19 закрыл многие двери, но инновации дают людям надежду // *Коммерсант*. 25.02.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4704409?query=Huawei> (дата обращения: 12.03.2021).

13. Huawei Investment & Holding Co., Ltd. 2020 Annual Report // *Huawei*. 2020. URL: <https://www.huawei.com/en/annual-report/2020> (дата обращения: 21.05.2021).

14. Huawei expects 2021 revenue to drop by 28.9 % as sanctions drag on // *CNBC*. 31.12.2021. URL: <https://www.cnb.com/2021/12/31/huawei-expects-2021-revenue-to-drop-by-28point9percent-as-sanctions-drag-on.html> (дата обращения: 12.02.2022).

менно ведется переформатирование основных сегментов бизнеса компании в пользу секторов, которые не подпадают под санкции — ИКТ, ОТ и ПО.

Итоги последних двух лет свидетельствуют, что под влиянием жесткого давления со стороны США и их союзников китайский лидер телекоммуникационной отрасли испытывает серьезные трудности на основных мировых рынках, что сказывается на темпах, структуре и направлениях формирования ЦШП за пределами КНР. В этой связи китайские эксперты и исследователи особо подчеркивают деструктивную роль США, для которых международное сотрудничество в ходе формирования цифровой инфраструктуры мира стало главной ареной подавления технологических позиций и влияния Китая. Подчеркивается, что американские власти «стремятся ограничить возможности китайских компаний по участию в зарубежных проектах через усиление контроля за инвестициями, экспортом и доступом к рынкам, а также с помощью создания альянсов, использования НПО и других ресурсов. В этих условиях пространство для сотрудничества Китая с развитыми странами в области цифровой инфраструктуры может стать еще более ограниченным»¹⁵.

Значение рынка США

Американский рынок в период расцвета глобализации сыграл важную роль в превращении Huawei в ТНК и лидера телекоммуникационной отрасли. Однако последние годы отмечены растущим противостоянием между США и Китаем по многим направлениям. Его ярким проявлением стала инициированная 45-м президентом США Трампом «торговая война», одним из важнейших направлений которой явилась борьба за сохранение американского лидерства в сфере технологий. Начало наступлению на позиции активно действовавших на американском рынке китайских технологических компаний было положено в 2016 г. и затронуло сначала фирму ZTE, которая тогда была четвертым крупнейшим поставщиком мобильных телефонов в США и третьим в мире поставщиком телекоммуникационных услуг. В 2018 г. власти наложили на нее миллиардный штраф за поставки мобильных телефонов и технологий в находящиеся под американскими санкциями страны, а затем Министерство торговли США ввело семилетний запрет своим компаниям и организациям на сотрудничество с ней, после чего ZTE объявила о приостановке своей работы на американском рынке. В августе того же года президент Трамп подписал закон о бюджетных ассигнованиях на национальную оборону, в который было включено положение, запрещающее американским организациям и фирмам использовать телекоммуникационное оборудование китайских компаний и продавать им компоненты, содержащие американские технологии. Этот закон стал важной вехой по сдерживанию китайских компаний и распространению китайских технологий на американском рынке, а также положил начало массивному наступлению на Huawei.

В мае 2019 г. Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США (Bureau of Industry and Security — BIS) внесло Huawei и связанные с ней зарубежные компании в свой «черный список» (Entity List), запретив американским фирмам заключать с ней сделки и закрыв ей доступ к покупке компонентов и технологий местных производителей. Тогда же президент Трамп подписал указ, запрещающий американским государственным структурам и фирмам использовать ИКТ иностранных компаний, которые могут представлять риски для национальной безопасности США. Американские власти также запретили Huawei участвовать в создании своих сетей 5G. Эти решения привели к перебоям в закупках комплектующих и разрыву кооперационных связей ки-

15. 孙海泳: “美国对华科技施压与中外数字基础设施合作” [Сунь Хайюн. Технологическое давление США на Китай и сотрудничество Китая по созданию цифровой инфраструктуры за рубежом] // 现代国际关系. 2020年. 第1期. 第41–43页.

тайских компаний со многими партнерами в США и за их пределами. В мае 2020 г. BIS объявило о новых жестких мерах по ограничению деятельности Huawei на американском и зарубежных рынках: с сентября 2020 г. был введен запрет на использование уже зарубежными компаниями американских технологий и ПО для производства микросхем по заказам Huawei или разработанных по ее спецификациям. Одновременно был прекращен действовавший ранее порядок выдачи временных разрешений компании на экспорт американской технологической продукции.

Администрация пришедшего на смену Трампу президента Байдена продолжила политику подавления китайских технологических компаний. В июне 2021 г. Байден подписал указ, запрещающий американские инвестиции в 59 китайских компаний, в числе которых оказалась Huawei, ее дочернее подразделение Huawei Investment & Holding Co. Ltd и еще более 20 китайских технологических компаний. Тогда же Федеральная комиссия связи (Federal Communications Commission — FCC) проголосовала за запрещение использования в телекоммуникационных сетях США оборудования, произведенного китайскими компаниями, а в октябре американский Сенат принял закон о безопасности оборудования (Secure Equipment Act), запрещающий выдачу экспортных лицензий компаниям, представляющим угрозу национальной безопасности США. В январе 2022 г. FCC также отозвала лицензии у филиалов китайских ТНК China Unicom и China Telecom. Нарастание и ужесточение американских санкций против Huawei и других китайских технологических компаний привели к фактическому закрытию для них самого крупного и динамичного мирового рынка ИКТ. Однако санкции и жесткие меры американских властей не ограничиваются территорией США, а имеют широкую глобальную направленность с активным подключением к ним своих союзников. Китайские исследователи справедливо отмечают, что делается это для того, чтобы «сдерживать рост и превосходство высоких технологий Китая в попытке и дальше сохранять американское монопольное преимущество на длительную перспективу, которое отмечено изгнанием Huawei с рынка США, сокращением поставок и глобальным сдерживанием технологии 5G»¹⁶.

Позиции Китая в Европе

Обострение технологического противостояния между США и Китаем не могло не затронуть Европу, где его следует рассматривать как элемент межгосударственной конкурентной борьбы за важный и емкий рынок сбыта продукции двух ведущих экономик мира. Huawei открыла свои первые офисы продаж в Германии и Англии в 2001 г. и вскоре стала участвовать в тендерах на создание телекоммуникационных сетей. В 2017 г. она заняла лидирующие позиции на европейском рынке сотовой связи, получив там более трети всей своей прибыли. В последние годы европейские операторы активно приступили к созданию сетей 5G, дающих потребителям существенные экономические выгоды и повышающие их конкурентоспособность. Поэтому власти многих стран ЕС занимают взвешенную позицию в отношении сотрудничества с китайскими компаниями. Под давлением США в марте 2019 г. Европарламент (ЕП) принял резолюцию, в которой выразил обеспокоенность американскими обвинениями в адрес Huawei, а в январе 2020 г. Еврокомиссия (ЕК) приняла пакет мер по обеспечению безопасности сетей 5G, который включает ограничения на использование оборудования и услуг компаний,

16. 方兴东, 杜磊: “中美科技竞争的未来趋势研究-全球科技创新驱动下的产业优势转移、冲突与再平衡” [Фан Синдун, Ду Лэй. Исследование перспектив технологической конкуренции между Китаем и США — Изменении приоритетов промышленности, конфликты и разбалансированность как результат глобальных технологических инноваций] // 人民论坛·学术前沿. 2019年. 第24期. 第46–59页. URL: https://www.sohu.com/a/400990785_152590 (дата обращения: 24.03.2020).

имеющих «тесные связи с правительством стран, в которых отсутствует демократическая система сдержек и противовесов». Однако при этом окончательное решение о поставщике оборудования для сетей осталось за национальными правительствами стран-членов Сообщества.

В Великобритании, которая является главным союзником США в Европе и долго пыталась сохранить взаимовыгодные экономические связи с Китаем и его технологическими компаниями, правительство Джонсона в июле 2020 г. под жестким американским давлением приняло решение запретить Huawei участвовать в формировании британских сетей 5G. В соответствии с ним ни одна местная компания после 2020 г. не может покупать ее оборудование и ПО, а все приобретенные ранее компоненты необходимо удалить из сетей до 2027 г. Принимая это решение, власти признали, что запуск сети 5G в стране будет отложен на 2–3 года и обойдется дополнительно в 2 млрд фунтов стерлингов¹⁷. Однако основные операторы страны Vodafone и British Telecom заявили, что демонтаж китайского и установка нового оборудования обойдется им значительно дороже и займет от 5 до 7 лет.

Германия в вопросе сотрудничества с китайскими технологическими компаниями демонстрирует взвешенный и прагматичный подход. Под давлением США там ведутся жаркие споры о допуске Huawei к формированию сетей 5G. Однако значительная часть политиков, а также руководство ведущих немецких компаний считают, что нельзя отвергать эффективного и хорошо зарекомендовавшего себя поставщика исходя из «предвзятых представлений». Три основных немецких оператора мобильной связи давно используют оборудование Huawei, а ведущий Deutsche Telecom заявил, что не беспокоится о своих сетях, поскольку система управления доступом к ним разрабатывалась самой немецкой компанией и не позволит китайскому партнеру получить доступ к ее данным. Однако приход к власти в стране новой коалиции, объявившей Китай «системным соперником», может сказаться на сотрудничестве с китайскими компаниями.

Франция занимает более жесткую позицию по вопросу 5G и считает всю сеть уязвимой. В июле 2019 г. парламент страны принял закон о безопасности новых сетей, который требует предварительного утверждения оборудования перед его размещением. При этом власти не стали вводить прямой запрет на использование продукции Huawei, подчеркнув, что такой подход соответствует общей позиции ЕС и последним рекомендациям ЕК. Вместо прямого запрета правительство Франции намерено поощрять сотовых операторов использовать оборудование других компаний, прежде всего европейских Ericsson и Nokia, а сотрудничающие с Huawei французские компании получили от властей разрешение на его продолжение на срок от 3 до 8 лет.

Развернутая США по всему миру санкционная война против Huawei сталкивается с серьезным противодействием не только в ведущих странах ЕС. К числу занимающих взвешенную позицию следует отнести Австрию, Италию, Испанию, Люксембург, Нидерланды и Португалию, власти которых не стремятся отказываться от сотрудничества с китайскими партнерами. В Венгрии расположены крупнейший за пределами КНР центр снабжения и центр НИОКР Huawei. Компания также успешно действует на Кипре. В то же время под жестким американским давлением власти Бельгии, Болгарии, Дании, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Чехии, Швеции и Эстонии приняли решение о создании сетей 5G без участия Huawei и других китайских технологических компаний. Несмотря на это многие американские СМИ признают, что Huawei сохраняет свои позиции в Европе. В 2020 г. компания поддержала решение ЕК о запуске сервисов 5G в 138 городах ЕС и подтвердила намерение продолжать сотрудничество по внедрению новых цифровых

17. *Leo Kelion*. Huawei 5G kit must be removed from UK by 2027 // *BBC*. 14.07.2021.

URL: <https://www.bbc.com/news/technology-53403793> (дата обращения: 24.07.2021).

технологий. Тогда же объявила о плане строительства во Франции своего завода стоимостью в 200 млн евро, который будет выпускать оборудование для сетей 4G и 5G и почти вся продукция которого стоимостью 1 млрд евро будет продаваться в Европе. Новый завод станет первым примером внедрения передовых китайских технологий в производство на континенте. Одновременно было объявлено о планах открыть в странах Европы 50 новых магазинов по продаже продукции Huawei, восемь из которых — в Англии, Бельгии, Германии, Италии, Испании и Франции — будут флагманскими.

Европейский рынок, на котором Huawei завоевала достаточно прочные позиции, можно рассматривать как сформировавшийся важный блок китайского ЦШП. В 2019 г. вклад компании в совокупный ВВП Европы составил 16,4 млрд евро, она уплатила там 6,6 млрд евро налогов и обеспечила работой 224 300 чел. Основатель Huawei Жэнь Чжэнфэй считает Европу «вторым домом» компании, штат которой там насчитывает 14 тыс. сотрудников, из которых 1570 заняты исследованиями и разработкой в 18 центрах НИОКР¹⁸. Поэтому руководство компании на ближайшие десять лет рассматривает Европу как главную арену конкурентной борьбы с США в сфере технологий, где Huawei продолжит отстаивать свои позиции, используя для этого технологические и ценовые преимущества, а также поддержку властей КНР.

Перспективы в АТР

Санкции и давление США на Huawei по всему миру вызвали опасение, что результатом усиливающегося противостояния и конкуренции двух ведущих экономик мира может стать формирование «цифрового железного занавеса». Нежелательность и неприятие такого сценария хорошо просматривается в регионе АТР.

Австралия является одним из активных союзников и проводников политики США в регионе, участвуя в работе разведывательного сообщества Five Eyes, в рамках которого действует закрытая сеть по обмену информацией. Поэтому власти этой страны по рекомендации своей разведки в 2012 г. запретили Huawei участвовать в тендере на создание национальной сети широкополосного Интернета. После начала санкционного давления США на Китай правительство в августе 2018 г. запретило участие в создании в стране сетей 5G «рискованным продавцам», в числе которых была названа Huawei. Однако в стране действует созданная китайской компанией сеть 4G, которую она продолжает обслуживать.

Новая Зеландия также является членом разведывательного сообщества Five Eyes, однако в отношении сотрудничества с Китаем занимает осторожную позицию, поскольку он является ее главным торговым партнером. Huawei открыла там свой первый офис в 2005 г. и сегодня более половины населения пользуется ее телекоммуникационным оборудованием и услугами. В марте 2018 г. Huawei совместно с местным оператором Spark создала в столице центр тестирования 5G. Однако в ноябре правительственное агентство безопасности запретило оператору использовать китайское оборудование для создания новых сетей. И хотя власти заявляют, что окончательное решение не будет политическим, компания переориентировалась на обновление созданных ею ранее сетей с использованием промежуточной технологии 4.5G.

Южная Корея также является важным американским союзником в регионе. Между США и Южной Кореей проведены многочисленные переговоры об использовании китайских технологий и в итоге было найдено компромиссное решение, позволившее Huawei сохранить свои позиции в стране: ведущие операторы страны KT Corporation и

18. *Ma Si*. Huawei stresses long-term commitment to European market // *China Daily*. 05.09.2020.

URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202009/05/WS5f52e5d3a310675eafc57ad6.html> (дата обращения: 25.10.2020).

SK Telecom в сетях 5G используют оборудование шведской фирмы Ericsson, а китайская компания осталась партнером и поставщиком для LG UPlus Corporation. В апреле 2021 г. министр иностранных дел КНР Ван И в ходе переговоров со своим южнокорейским коллегой призвал сосредоточить усилия на укреплении сотрудничества в таких приоритетных областях, как сети 5G, ИИ, большие данные и интегральные схемы.

Япония долгое время была лидером в области ИКТ, однако в последние годы утратила эти позиции. Под американским давлением правительство в декабре 2018 г. выпустило директиву, запретившую государственным организациям приобретать продукцию Huawei и ZTE. В начале 2019 г. власти внесли их в «список преследования» (Chaser list) Японского центра информации по контролю за безопасностью торговли (Japan's Center for Information on Security Trade Control — CISTEC). В конце 2019 г. правительство одобрило планы четырех ведущих операторов мобильных сетей по развертыванию сетей 5G, объявив об ограничении участия иностранного капитала в их реализации при условии, что все японские операторы согласятся направить инвестиции в создание сетей не только в городах, но и в сельской местности, с чем те быстро согласились, избавившись от китайских конкурентов.

Страны ЮВА традиционно рассматриваются Китаем как сфера его приоритетных интересов и влияния, где Huawei имеет сильные позиции. По оценкам компании, потенциал рынка ЮВА в области телекоммуникаций составляет 1,2 трлн долл. при прогнозируемом числе пользователей сетями 5G около 80 млн чел.¹⁹ Она активно работает на рынках многих стран региона и реализует стратегическое партнерство с большинством государств АСЕАН — Малайзией, Сингапуром, Индонезией, Вьетнамом, Мьянмой, Камбоджой и Лаосом, предлагая странам и партнерам выгодные финансовые условия и оборудование по доступным ценам. Многие страны региона считают продукцию китайской компании более перспективной, чем у ее западных конкурентов, и это становится главным аргументом при принятии решений в ее пользу. Неприятие большинством стран АСЕАН призывов и давления США отражает усиление влияния КНР, в том числе благодаря успешному формированию там регионального блока ЦШП.

В начале декабря 2021 г. в южной провинции Юньнань под лозунгом «Инновации, достижения и будущее» прошел региональный форум по цифровой экономике, к участию в котором были приглашены компании и специалисты из Китая, Японии, Южной Кореи и 10 стран АСЕАН. В нем приняли участие более 300 специалистов и бизнесменов, которые обменялись опытом использования технологии и сетей 5G, практики их внедрения при формировании цифровой инфраструктуры и цифровой экономики. Проведение форума и состав участников подтверждают приоритет Китая по дальнейшему развитию и укреплению регионального блока ЦШП в АТР.

Место и роль России

Ужесточение американских санкций и выдавливание Huawei с завоеванных ею ранее мировых рынков привело к росту ее интереса к России. В последние годы компания занимала здесь прочные лидирующие позиции по поставкам смартфонов и удерживала не менее 40 % рынка. Однако из-за пандемии, американских санкций, дефицита комплектующих и нарушения глобальных цепочек поставок в первом квартале 2021 г. поступления смартфонов Huawei упали до минимальных значений. Чтобы не терять свои позиции в потребительском сегменте, компания переключилась на продажу компьютеров и гаджетов и одновременно разработала новую перспективную линейку смартфонов, которые поступили в Россию в конце года, несколько повысив ее долю на рынке. Примеча-

19. *Huong Le Thu*. A Collision of Cybersecurity and Geopolitics: Why Southeast Asia Is Wary of a Huawei Ban // *GLOBAL ASIA*. September, 2019. Vol. 14. No. 3. P. 44.

тельно, что при этом резко выросли поставки и продажи смартфонов с поддержкой 5G. В настоящее время на продукцию китайских компаний Xiaomi, Oppo и Huawei приходится около 60 % продаж смартфонов в России.

На российском рынке телекоммуникационного оборудования на Huawei, ZTE и другие китайские компании в 2019 г. приходилось около 80 % продаж, в то время как на западные лишь 10 %, а доля российских компаний не превышала 6–8 %²⁰. Потребителями ее продукции и услуг стали такие крупные российские государственные корпорации, как МГТС, «Ростелеком» и Сбербанк. В июне того же года Huawei подписала соглашение с МГТС (входит в группу МТС) о развитии в России сетей 5G, коммерческое использование которых запланировано на 2022 г. Лидером по формированию новых сетей в России является Москва, где четыре главных оператора уже создали пилотные зоны по ее тестированию. Однако для полноценного развертывания сетей необходимы современные базовые станции, главными производителями и поставщиками которых являются зарубежные компании. В 2020 г. российский рынок ИКТ вырос до 1,15 трлн рублей, однако доля отечественной продукции составляла лишь 7 %²¹. Поэтому Ростехнадзор в конце года утвердил дорожную карту развития сетей 5G в России, а также создал компанию «Спектр», которая должна стать национальным производителем оборудования для российских сетей 4G, 5G и в перспективе 6G. В соответствии с решением правительства российские операторы с 2023 г. будут обязаны приобретать только российское оборудование. Благодаря мерам поддержки государства и импортозамещению доля отечественного оборудования к 2025 г. может возрасти до 30 %²².

Место и роль России в борьбе США и Китая за мировые рынки высоких технологий пока не столь велика, и наша страна объективно не может стать им полноценной заменой. В то же время достижения науки и технологий в нашей стране по ряду ключевых направлений находятся на высоком мировом уровне, что делает сотрудничество и взаимодействие России и Китая в этой области актуальным и перспективным для обеих сторон. Важным фактором, способствующим активному сближению наших стран в сфере технологий, стала развязанная США санкционная война. Поэтому Huawei делает ставку в России на объединение усилий и активизацию сотрудничества с российскими партнерами. В марте 2020 г. она представила свою новую концепцию создания в нашей стране Единого цифрового сообщества (ЕЦС) и стратегию своего участия в формировании единого (читай — совместного) цифрового будущего России²³. Для его создания Huawei предложила дорожную карту совместного движения двух стран по пяти приоритетным направлениям, объединенным аббревиатурой TIGER — технологии (Technology), промышленность (Industry), развитие (Growth), экосистема (Ecosystem) и надежность (Reliability). Для ее реализации Huawei предложила сосредоточить усилия на двух главных аспектах: 1) создании технологического предложения, которое позволит российским партнерам и заказчикам обрести независимость от одного канала поставок и сделать сектор ИКТ более надежным и безопасным; 2) последовательной локализации, в рамках которой компания намерена увеличить инвестиции в закупки, программы подготовки спе-

20. Huawei вдвое увеличила выручку в России за счет смартфонов и импортозамещения // *Хабр*. 04.08.2019. URL: <https://habr.com/ru/news/t/462419/> (дата обращения: 20.10.2019).

21. *Королев Н.* Госкорпорация выделяет телекоммуникационный бизнес // *Коммерсант*. 20.08.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4948658?query=huawei> (дата обращения: 12.09.2021).

22. *Королев Н., Гаврилюк А.* Базовые станции меняют гражданство // *Коммерсант*. 17.09.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4988071?query=huawei> (дата обращения: 22.09.2021).

23. *Соколов М.* Скоро мы будем спрашивать партнеров: “А вас уже внесли в черный список?” // *Коммерсант*. 31.03.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4308330?query=huawei> (дата обращения: 12.04.2021).

циалистов, НИОКР и производство. Особо подчеркнuto, что в нынешней ситуации руководство компании рассматривает Россию как один из важных и перспективных рынков, который отличается от других прежде всего большей открытостью и Huawei видит хорошие возможности для совместного роста с российскими партнерами.

Концепция и содержание новой стратегии Huawei по формированию в России ЕЦС отражает рост ее интереса к активизации сотрудничества с нашей страной в области ИКТ на длительную перспективу. Так, в феврале 2022 г. она подписала с компанией «Роснефть» Соглашение о сотрудничестве в области информатизации и цифровизации на пять лет до 2027 г. С начала реализации стратегии Huawei вложила в закупки и НИОКР в России 1,1 млрд долл., подготовила более 15 200 специалистов для российской отрасли ИКТ, включая более 1500 экспертов по работе с технологией 5G²⁴. Решение российского правительства об использовании с 2023 г. при строительстве сетей отечественного оборудования подтолкнуло компанию к заключению соглашения с российской компанией Sitronics (входит в структуру АФК-«Система»), которая приобрела права на ее разработки по производству серверов и осенью 2021 г. уже приступила к их выпуску. Одновременно подала заявку на их включение в реестр отечественного оборудования, планируя ежегодно производить до 30 тыс. серверов, что составит около 20 % российского рынка этой продукции²⁵.

Соединение интереса и потенциала ведущей китайской технологической ТНК с возможностями российских партнеров и усиление двустороннего сотрудничества следует рассматривать как важный фактор противодействия санкционному давлению со стороны США и их союзников. В этой связи китайские ученые подчеркивают, что научно-техническое и инновационное сотрудничество является ключевым направлением стратегического взаимодействия КНР и Российской Федерации в новую эпоху, прогнозируя его ускоренное развитие в ближайшие несколько лет в таких областях, как ИКТ, ИИ и ИВ²⁶. Одновременно стратегия Huawei отражает стремление Китая создать в России динамичный блок глобального ЦШП. Это открывает благоприятные возможности для активизации сотрудничества России и КНР в сфере технологий и его вывода на более высокий качественный уровень в интересах развития каждой из стран и совместного продвижения к формированию ЕЦП с перспективой его преобразования в Евразийское цифровое пространство (ЕАЦП).

Развивающиеся страны — стратегический актив ЦШП

Китай традиционно позиционирует себя как развивающаяся страна и придает большое значение налаживанию и расширению сотрудничества с такими государствами, рассматривая их как важную и обладающую значительным потенциалом составную часть глобальной экономики. В условиях резкого обострения технологической конкуренции с США и их союзниками роль и значение развивающихся стран существенно возрас-

24. Дэниел Чжоу. Создание ценности для ИКТ-отрасли в рамках концепции “Сообщество единого цифрового будущего” // *Коммерсант*. 27.10.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5051868?query=huawei> (дата обращения: 12.11.2021).

25. Все китайское становится явным. Серверы по технологии Huawei могут получить доступ к российскому госзаказу // *Коммерсант*. 27.10.2021 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5051181?query=huawei> (дата обращения: 29.10.2021).

26. Сяо Бинь. Развитие устойчивого научно-технического и инновационного сотрудничества Китая и России // *Российский совет по международным делам*. 04.03.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/razvitie-ustoychivogo-nauchno-tekhnicheskogo-i-innovatsionnogo-sotrudnichestva-kitaya-i-rossii/> (дата обращения: 15.03.2021).

тает, и они становятся для Китая важным стратегическим активом, который динамично осваивается его технологическими компаниями.

В условиях фактической утраты позиций на рынке США важное значение в формировании ЦШП стали играть близкие к ним страны Латинской Америки с населением 650 млн чел., для многих из которых Китай стал крупнейшим торговым партнером. Huawei начала осваивать рынки стран региона более 20 лет назад и завоевала там сильные позиции. Ее мобильные телефоны успешно реализуются в 20 странах, и сегодня компания входит в тройку лидеров по их продажам в Мексике, Колумбии, Перу и государствах Центральной Америки. Однако основным направлением бизнеса в регионе последние годы стало продвижение продукции ИКТ. В 2014 г. компания стала главным поставщиком оборудования и сформировала четыре из семи действующих сетей 4G в Бразилии. Она активно сотрудничает там с университетами и научно-исследовательскими организациями и создала несколько лабораторий, работающих над совместными проектами. В Мексике Huawei приняла участие в создании крупнейшей в Латинской Америке общественной сети широкополосного Интернета, а также оказала техническую поддержку властям в подготовке национальной стратегии ликвидации цифрового отставания. Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили и Уругвай приняли планы по созданию сетей 5G и не исключают участия в их реализации Huawei, а ряд других стран заявил о намерении повысить уровень созданных там ею сетей 4G до уровня 5G. Пандемия внесла коррективы в сроки реализации этих планов и одновременно усилила позиции Huawei, ZTE и других китайских технологических компаний как поставщиков оборудования для дистанционного наблюдения, телемедицины и электронной торговли. Huawei также вкладывает значительные средства в продвижение своих облачных технологий и в 2019 г. построила ЦОД в Бразилии, Мексике, Чили, являясь сегодня единственной компанией в регионе которая может объединить использование четырех технологий — 5G, ИИ, ЦОД и ОТ. В Латинской Америке также активно действуют другие крупные китайские ТНК, в числе которых Alibaba, China Mobil, Tencent, ZTE. Активное продвижение китайских технологий и формирование на этой основе устойчивого сегмента ЦШП является важным фактором экономического и политического влияния КНР в регионе.

Другим активно создаваемым сегментом ЦШП становятся страны Африки с населением 1,5 млрд чел., где Huawei также имеет прочные позиции. В настоящее время 46 стран континента на основе подписанных соглашений являются партнерами Китая в реализации его стратегической инициативы ОПОП, составной частью которой является ЦШП. Huawei предоставляет африканским странам широкий набор оборудования и услуг, реализуя сегодня на континенте не менее 25 проектов. По данным американского Атлантического совета (Atlantic Council), около 50 % действующих в странах Африки сетей 3G и 70 % сетей 4G созданы Huawei под лозунгами участия в ликвидации несбалансированного развития, снижения разрыва в уровнях цифровизации и содействия экономическому росту. В последние годы компания, избравшая приоритетным направлением своей деятельности на континенте строительство ЦОД, реализовала контракты в Замбии, Камеруне, Кении и Сенегале. В январе 2021 г. министр иностранных дел КНР Ван И посетил пять африканских стран — Нигерию, Демократическую Республику Конго, Ботсвану, Танзанию и Сейшельские Острова. По итогам визита министр дал развернутое интервью, в котором поддержал стремление вышеперечисленных стран ускорить развитие и преобразование своих экономик через укрепление сотрудничества с Китаем, а также подтвердил готовность КНР делиться своими технологиями и опытом их использования. Китайские исследователи отмечают, что «в настоящее время развитие цифровой экономики стран, расположенных вдоль «Пояса и Пути», не сбалансировано и некоторые страны даже сильно отстают от Китая. Строительство Цифрового Шёлкового пути дает возмож-

ность китайским компаниям цифровой экономики расширять свою деятельность на международном рынке»²⁷. С учетом заинтересованности большинства стран Африки в сотрудничестве с Китаем прежде всего по экономическим и финансовым причинам континент постепенно превращается в динамично развивающийся блок глобального ЦШП. Примечательно, что в Африке многие крупные западные компании продолжают активно сотрудничать с Huawei и другими китайскими технологическими компаниями, признавая, что они занимают там прочные и часто лидирующие позиции в качестве главных поставщиков оборудования и ПО.

Большое внимание также уделяется арабскому региону, где Huawei успешно ведет свой бизнес более 20 лет. При этом её особое внимание сосредоточено на сотрудничестве со странами Среднего Востока — Бахрейном, Кувейтом, ОАЭ, Оманом и Саудовской Аравией — откуда Китай импортирует около трети необходимой ему нефти и рынок ИКТ которого оценивается в 164 млрд долл.²⁸ В течение 2019 г. Huawei заключила там значительное число контрактов на создание и использование сетей 5G и в настоящее время является лидером в регионе по числу предприятий, арендующих у нее новые линии связи, количество которых выросло с 230 в 2020 г. до 13 тыс. в сентябре 2021 г. Многие страны также сотрудничают с Huawei в создании «умных городов». В ОАЭ она строит ЦОД (data center) и создала в Дубае центр наблюдения и контроля полетов для авиакомпании Emirates. Катар сотрудничает с Huawei в формировании сетей 5G для чемпионата мира по футболу в 2022 г. В феврале 2022 г. авиакомпания Саудовской Аравии SAUDIA Airlines заключила соглашение с Huawei о запуске на базе ее платформы специального сервисного приложения по продаже авиабилетов клиентам из стран Среднего Востока и Африки. Важным направлением бизнеса компании в последние годы стало продвижение своих ОТ. Для этого она разработала программу Huawei Cloud Oasis Program на 2021–2023 гг. и направит 15 млн долл. на подготовку 3 тыс. специалистов и поддержку 100 средних и малых предприятий в использовании облачных технологий²⁹. Однако формирование арабского сегмента ЦШП, как и везде, сталкивается с активным противодействием со стороны США, которые в декабре 2021 г. приостановили переговоры с ОАЭ о продаже истребителей F-35 из-за использования там сети 5G компании Huawei.

* * *

Власти США и их союзники используют запреты и санкции против китайских технологических компаний как рычаг давления на Китай, преследуя стратегическую цель — подорвать позиции своего основного глобального конкурента и сдержать его экономический рост и поступательное развитие. Блокировка и запреты деятельности Huawei и других китайских ТНК на мировых рынках наносят ощутимый удар по китайскому стратегическому проекту «Один пояс, один путь», одним из важнейших звеньев которого стало формирование Цифрового Шёлкового пути.

Создание базирующегося на китайских технологиях глобального ЦШП также сталкивается с трудностями и проблемами. Нарастающее санкционное давление в условиях пандемии влияет и затрудняет быстрое достижение Китаем стратегической цели

27. 吴应宁, 吴晓红, 朱成科, 赵西: 习近平数字经济思想研究 [У Иннин, У Сяохун, Чжу Чэнкэ, Чжао Си. Исследование идей Си Цзиньпина о цифровой экономике] // 昌吉学院学报. 2020年. 12月. 第4期. 1–9页.

28. Sophie Zinser. China's Digital Silk Road Grows With 5G in the Middle East // *Diplomat* 16.12.2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/12/chinas-digital-silk-road-grows-with-5g-in-the-middle-east/> (дата обращения: 11.02.2021).

29. Divsha Bhat. Huawei to invest \$15m in Middle East cloud program // *Gulf Business*. 09.10.2021. URL: <https://gulfbusiness.com/huawei-to-invest-15m-in-middle-east-huawei-cloud-oasis-programme/> (дата обращения: 28.11.2021).

выйти в число мировых лидеров в сфере передовых технологий, однако не сможет сдерживать его продвижение в этом направлении, поскольку в стране уже сформирована и развивается достаточно мощная современная технологическая база. Ее дальнейшее развитие и строительство на этой основе глобального ЦШП продолжатся в рамках реализации задач 14-й пятилетки на путях активного развития взаимовыгодного регионального и странового сотрудничества Китая с наиболее перспективными и не обремененными политическими симпатиями и пристрастиями государствами и партнерами.

Литература

- Дмитриев С. Инновационный «тотализатор» — ставка на США // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 4.
- Сяо Бинь. Развитие устойчивого научно-технического и инновационного сотрудничества Китая и России // *Российский совет по международным делам*. 04.03.2020.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/razvitiu-ustoychivogo-nauchno-tekhnicheskogo-i-innovatsionnogo-sotrudnichestva-kitaya-i-rossii/> (дата обращения: 15.03.2021).
- Jorge Malena. The Extension of the Digital Silk Road to Latin America: Advantages and Potential Risks // *CEBRI — Brazilian Center for International Relations*.
URL: <https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/jorgemalenadr.pdf> (дата обращения: 23.04.2021).
- Sophie Zinser. China's Digital Silk Road Grows With 5G in the Middle East // *Diplomat*. 16.12.2020.
URL: <https://thediplomat.com/2020/12/chinas-digital-silk-road-grows-with-5g-in-the-middle-east/> (дата обращения: 11.02.2021).
- Wang David. Huawei: Collaborating on Digital Infrastructure Innovation for an Intelligent World 2030 // *Huawei*. 29.10.2021. URL: <https://www.huawei.com/en/news/2021/10/eo-connect-europe-2021-david-wang> (дата обращения: 12.11.2021).
- Xi Jinping. Stepping Up Intellectual Property Rights Protection to Stimulate Innovative Vigor for Fostering a New Development Dynamic // *English Edition of Qiushi Journal*. 30.04.2021.
URL: http://en.qsttheory.cn/2021-04/30/c_617533.htm (дата обращения: 28.05.2021).
- Xi Jinping. Building Up the Strength, Quality, and Size of China's Digital Economy // *English Edition of Qiushi Journal*. 03.03.2022. URL: http://en.qsttheory.cn/2022-03/03/c_720676.htm (дата обращения: 11.03.2022).
- 方江东, 杜磊: “中美科技竞争的未来趋势研究 — 全球科技创新驱动下的产业优势转移、冲突与再平衡” [Фан Синдун, Ду Лэй. Исследование перспектив технологической конкуренции между Китаем и США — Изменение приоритетов промышленности, конфликты и разбалансированность как результат глобальных технологических инноваций] // *人民论坛·学术前沿*. 2019年. 第24期.
URL: https://www.sohu.com/a/400990785_152590 (дата обращения: 24.03.2020).
- 孙海泳: “美国对华科技施压与中外数字基础设施合作” [Сунь Хайюнь. Технологическое давление США на Китай и сотрудничество Китая в создании цифровой инфраструктуры за рубежом] // *现代国际关系*. 2020年. 第1期.
- 贾晖, 郭亚楠, 初浩, 叶乾霖: “后疫情时代下数字经济带动经济发展的实证分析” [Цзя Хуэй, Го Янань, Чу Хао, Е Ценьлин. Эмпирический анализ цифровой экономики как движущей силы экономического развития в постэпидемическую эпоху] // *工业技术经济*. 2020年. 11月. 第11期.
- 吴应宁, 吴晓红, 朱成科, 赵西: “习近平数字经济思想研究” [У Иннин, У Сяохун, Чжу Чэнкэ, Чжао Си. Исследование идей Си Цзиньпина о цифровой экономике] // *昌吉学院学报*. 2020年. 12月. 第4期.
- 祝福恩, 张舒: “科技自立自强是建设现代化国家的战略支撑 — 学习党的十九届五中全会精神体会” [Чжу Фуэн, Чжан Шу. Самостоятельность в науке и технологиях — стратегическая основа построения современной страны. Уроки пятого пленума ЦК партии 19-го созыва] // *黑龙江省社会主义学院学报*. 2020年. 12月. 第4期.
- 汤长安, 张丽家: “中国数字经济发展的空间格局与演化 — 基于 2013–2019 年经验数据分析汤长安” [Тан Чанань, Чжан Лицзя. Пространственная структура и эволюция развития цифровой экономики Китая. Анализ на основе эмпирических данных 2013–2019 гг.] // *商学研究 (双月刊)*. 2021年. 10月. 第28卷. 第5期.

China's Digital Silk Road

Leonid A. Gamza

Ph.D. (Economics), Senior Research Fellow, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of World Economy and International Relations. EAT. Primakov RAS (address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya st., 23). ORCID: 0000-0001-7725-0567. E-mail: leo.center.jp@mail.ru.

Received 16.03.2022.

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the development of China's technologies as the main strategic component of the reform policy and the formation on this basis of a new model of the country's development. The state and structure of China's digital economy and the main directions of its development in the new era are considered. Using the example of the world leader in the field of advanced information and communication technologies, the global transnational company (TNC) Huawei, the state, dynamics and prospects for promoting Chinese technologies in the world in the format of building the Digital Silk Road (DSR) are shown. On the example of individual countries and regions, the state and features of the formation of regional blocks of the Digital Silk Road are considered. It is emphasized that in the context of the pandemic, the growing tightening of US sanctions and the actual blockade of the US market, the digital economy of China has become the core and basis for the formation of the DSR. The regional block of South-east Asia, which is close to China, is dynamically developing in this direction. The countries of the Middle East and Latin America have a significant potential for cooperation. Despite the sanctions, certain opportunities and prospects remain in Europe. Africa is becoming an important strategic asset for construction of the DSR. Separately, the state of cooperation between China and Russia in the field of information and communication technologies in the context of Western sanctions, as well as the possibility of forming on this basis the Russian-Chinese Common digital community (CDC) with the prospect of its development into a single Eurasian digital space (EADC) are analyzed. Finally, it is concluded that China will continue to actively build a global DSR based on the promotion of Chinese technologies to world markets in the course of implementing the goals and objectives of the 14th Five-Year Plan.

Key words:

China, technology, digital economy, Huawei, Digital Silk Road.

For citation:

Gamza L.A. China's Digital Silk Road // Far Eastern Studies. 2022. No. 2. Pp. 63–79. DOI: 10.31857/S013128120019578-6

References

- Dmitriev S. Innovacionnyj «totalizator» — stavka na SSHA [Innovative "tote" — a bet on the United States]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. No. 4. (In Russ.)
- Syao Bin'. Razvitie ustojchivogo nauchno-tekhnicheskogo i innovacionnogo sotrudnichestva Kitaya i Rossii [Development of sustainable scientific, technical and innovative cooperation between China and Russia]. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam*. 04.03.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/razvitie-ustoychivogo-nauchno-tekhnicheskogo-i-innovatsionnogo-sotrudnichestva-kitaya-i-rossii/> (accessed: 15.03.2021). (In Russ.)
- Jorge Malena. The Extension of the Digital Silk Road to Latin America: Advantages and Potential Risks. CEBRI — *Brazilian Center for International Relations*. URL: <https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/jorgemalenadsr.pdf> (accessed: 23.04.2021).
- Sophie Zinser. China's Digital Silk Road Grows With 5G in the Middle East. *Diplomat*. 16.12.2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/12/chinas-digital-silk-road-grows-with-5g-in-the-middle-east/> (accessed: 11.02.2021).
- Wang David. Huawei: Collaborating on Digital Infrastructure Innovation for an Intelligent World 2030. *Huawei*. 29.10.2021. URL: <https://www.huawei.com/en/news/2021/10/eo-connect-europe-2021-david-wang> (accessed: 12.11.2021).

- Xi Jinping*. Stepping Up Intellectual Property Rights Protection to Stimulate Innovative Vigor for Fostering a New Development Dynamic. *English Edition of Qiushi Journal*. 30.04.2021. URL: http://en.qstheory.cn/2021-04/30/c_617533.htm (accessed: 28.05.2021).
- Xi Jinping*. Building Up the Strength, Quality, and Size of China's Digital Economy. *English Edition of Qiushi Journal*. 03.03.2022. URL: http://en.qstheory.cn/2022-03/03/c_720676.htm (accessed: 11.03.2021).
- 方兴东,杜磊:“中美科技竞争的未来趋势研究-全球科技创新驱动下的产业优势转移、冲突与再平衡” [*Fang Xingdong, Du Lei*. Exploring the prospects for technological competition between China and the United States — Changing industry priorities, conflicts and imbalances as a result of global technological innovation]. 人民论坛·学术前沿. 2019年. 第24期. URL: https://www.sohu.com/a/400990785_152590 (accessed: 24.03.2020). (in Chin.)
- 孙海泳:“美国对华科技施压与中外数字基础设施合作” [*Sun Haiyoung*. US Technological Pressure on China and China's Cooperation to Build Digital Infrastructure Abroad]. 现代国际关系. 2020年. 第1期. (In Chin.)
- 贾晖,郭亚楠,初浩,叶乾霖:“后疫情时代下数字经济带动经济发展的实证分析” [*Jia Hui, Guo Yanan, Chu Hao, Ye Cenlin*. Empirical analysis of the digital economy as a driver of economic development in the post-epidemic era]. 工业技术经济. 2020年. 11月. 第11期. (In Chin.)
- 吴应宁,吴晓红,朱成科,赵西:“习近平数字经济思想研究” [*Wu Yingning, Wu Xiaohong, Zhu Chengke, Zhao Xi*. Examining Xi Jinping's Ideas on the Digital Economy]. 昌吉学院学报. 2020年. 12月. 第4期. (In Chin.)
- 祝福恩,张舒:“科技自立自强是建设现代化国家的战略支撑——学习党的十九届五中全会精神体会” [*Zhu Fueng, Zhang Shu*. Self-reliance in science and technology is the strategic basis for building a modern country. Lessons from the Fifth Plenum of the Central Committee of the Party of the 19th Convocation]. 黑龙江省社会主义学院学报. 2020年. 12月. 第4期. (In Chin.)
- 汤长安,张丽家:“中国数字经济发展的空间格局与演化——基于2013–2019年经验数据分析汤长安” [*Tang Changan, Zhang Lijia*. Spatial Patterned Evolution of China's Digital Economy Development — An Analysis on Empirical Data of 2013–2019]. 商学研究 (双月刊). 2021年. 10月. 第28卷. 第5期. (In Chin.)

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Президентские выборы-2022 в Республике Корея

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120019649-4

Асмолов Константин Валерианович

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru.

Статья поступила в редакцию 17.03.2022.

Аннотация:

Президентская гонка 2022 г. разворачивалась на фоне непростого наследия действующего президента Мун Чжэ Ина между кандидатом от правящей Демократической партии Ли Чжэ Мён и представителем консерваторов, бывшим генеральным прокурором РК Юн Сок Ёлем. Каждый из лагерей представлял человек, не являющийся типичным представителем своего лагеря и имеющий непростые отношения с «ядром партии». Ли — представитель внутрипартийной оппозиции, не являющийся преемником Муна. Юн — оказался в консервативном лагере после конфликта с Голубым домом в рамках логики фракционной борьбы и отсутствия в политике РК третьей силы. Ли называли корейским Берни Сандерсом из-за обещания безусловного базового дохода и иных социальных программ, во внешней политике он обещал продолжить межкорейское сближение. Юн вынужденно отражал консервативный дискурс и выступал за более жесткую политику в отношении КНДР, союз с США и восстановление отношений с Японией.

Выборы оказались рекордными по объёму популистских обещаний и черного пиара в отношении кандидатов и их семей. Это привело к специфической ситуации, когда накануне выборов оба кандидата обладали высоким антирейтингом, а итоговый разрыв между ними составил менее одного процента. В такой ситуации победившему Юн Сок Ёлю предстоит столкнуться с расколом общества, демократами, контролирующими парламент, и необходимостью укрепить единство партии на фоне непростой международной обстановки и внутренних проблем.

Ключевые слова:

Президентские выборы в РК 2022 г., внутренняя политика Южной Кореи, популизм, политические технологии, Ли Чжэ Мён, Юн Сок Ёль.

Для цитирования:

Асмолов К.В. Президентские выборы-2022 в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 80–96. DOI: 10.31857/S013128120019649-4

9 марта 2022 г. в Южной Корее прошли выборы президента, характеризовавшиеся целым рядом особенностей. Во-первых, каждый из двух основных претендентов не обладал опытом работы депутатом или министром, который считается желательным для занятия поста президента. Во-вторых, оба кандидата были не самыми типичными представителями лагеря, чьи интересы они формально защищали. В-третьих, выборы поставили рекорд по черному пиару в отношении ведущих кандидатов, из-за которого каждый из них обладал высоким антирейтингом, следствием чего стал минимальный разрыв между претендентами в электронной истории РК. Причиной подобной ситуации стали как общие особенности южнокорейской партийной системы и партийной борьбы, так и ситуация в стране в конце правления действующего президента Мун Чжэ Ина.

Особенности политической системы и политической культуры Южной Кореи

Многопартийная политическая система РК гарантируется Конституцией¹, однако южнокорейский политолог Ян Сын Чхоль полагает, что в Южной Корее нет ни классической двухпартийной системы, ни многопартийности². Структура политических партий Республики Корея сохранила много общего со структурой феодальных группировок, построенных на системе региональных связей патрон-клиент и сформированных не вокруг идеологии, а вокруг партийного лидера. Вследствие этого основным элементом политического движения является не противостояние партийных идеологий, а соперничество их лидеров в борьбе за власть. Из этого следует высокая подвижность политических сил, постоянные переходы лидеров и их клиенты из одной партии в другую, а также то, что позиция фракции определяется популизмом и логикой фракционной борьбы.

Партии часто сливаются, разделяются, меняют названия, но в целом довольно жестко делятся на два лагеря, которые можно условно назвать консервативным и демократическим. В рамках каждого из них существует «базовая» партия, которая периодически меняет название в качестве предвыборного лозунга или в результате очередных слияний и размежеваний³. Параллельно существуют политические группировки, представляющие интересы тех лидеров, которые «не вписались»⁴. Структура этих партий остается лидероцентричной, идеологоцентричными же являются скорее мелкие партии, находящиеся на левом и правом краях политического спектра.

Ведущей партией демократического лагеря является правящая Демократическая партия Тобуро, ведущая консервативная партия сейчас именуется «Сила Народа». Каждая из этих партий является объединением фракций, которые нередко ведут между собой не менее острую конкурентную борьбу, чем представители разных партий. Потому основная технология предвыборной борьбы — не столько объяснить, насколько хорош ты сам, сколько доказать, что другие хуже. При этом, как отмечает И. Дьячков, зачастую достаточно и недоказанных обвинений: сам факт их появления приводит к «гражданской казни» политика⁵, особенно если они начинают активно муссироваться в СМИ.

Мун Чжэ Ин и его наследие

К концу правления Мун Чжэ Ина представление о том, что коррумпированных консерваторов потеснили настоящие демократы, сменилось ощущением, что победитель

-
1. Булычев Г.Б. Политические системы государств Корейского полуострова. М.: МГИМО, 2002. С. 59.
 2. *Sung Chul Yang*. The North and South Korean Political Systems. A Comparative Analysis. Revised Edition. Seoul: Hollym, 1999. P. 490.
 3. Так, в 2016–2021 гг. ведущая консервативная партия раскалывалась и меняла название. «Сэнури» (так называлась партия при Пак Кын Хе) успела побывать «Свободной Кореей» и Объединенной партией будущего. В настоящее время она называется «Сила народа». При этом от базовой партии отделились как раскольники в виде партии «Парын» (в настоящее время вернулись обратно), так и партия-сателлит, предназначенная для захвата голосов малых партий в контексте электоральных правил парламентских выборов 2020 г.
 4. *Fukui H.* Political parties of Asia and the Pacific, Vol. 1. Westpoint: Greenwood Press, 1985. P. 674; *Elections in Asia*. A data handbook, Volume II. South East Asia, East Asia & the South Pacific. Edited by Dieter Nohlen, Florian Grotz & Christof Hartmann. Oxford, 2001.
 5. Дьячков И.В. Политическая порча: как в Южной Корее борются с коррупцией // МГИМО. 23.04.2015. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/270614/> (дата обращения: 08.03.2022).

дракона стал драконом с большим числом голов. Многие скандалы администрации Муна существенно превосходят те, что имели место во времена Пак Кын Хе⁶.

Ситуация, когда президент назначает своего протеже, несмотря на протест парламента, встречалась при Муне куда чаще, чем при Пак. Уже на декабрь 2020 г. таких назначенцев набралось 24 против 10 во время Пак Кын Хе⁷. Нежелание слушать народ, в котором упрекали Пак, проявилось и у Муна, который за все время своего пребывания во власти провел только шесть масштабных пресс-конференций⁸.

Похож и уровень участия Муна в заседаниях кабинета министров: он присутствовал только на 34 % из 193 заседаний, при том, что доля Ким Дэ Чжун составляла около 80 %, Ро Дэ У — 51 %, Ли Мен Бака — 49 % и Пак Кын Хе — 30 %⁹.

Разрыв между богатыми и бедными тоже увеличился¹⁰ из-за непродуманной экономической политики «роста, ориентированного на доходы», которая привела к краху многие малые предприятия, пострадавшие от резкого повышения минимальной заработной платы. Неудачная политика на рынке жилья привела к резкому росту цен на недвижимость, а задолженность домашних хозяйств достигла небывало высокого уровня. Средняя цена продажи квартир увеличилась на 41,7 %, а период времени, необходимый для накопления денежных средств на покупку собственной недвижимости, вырос с 11,8 лет до 21 года¹¹.

Если на парламентских выборах весной 2020 г. демократы получили подавляющее преимущество (176 мест из 300), то год спустя на досрочных выборах 7 апреля 2021 г. глав четырех административных единиц, в том числе мэров Сеула и Пусана, партия власти потерпела поражение. В Сеуле ее кандидат не получил большинство ни в одном из избирательных округов, а разрыв почти в 20 % исключал любые разговоры про неправильный подсчет или фальсификации.

Все это создавало очень напряженную ситуацию. А. Ланьков¹² отмечает, что демократы «исходили из того, что они взяли власть надолго и навсегда. В тот момент казалось, что правый консервативный лагерь окончательно разгромлен», они посадили в тюрьму двух консервативных президентов, хотя в случае с Пак Кын Хе часть обвине-

-
6. Асмолов К.В. Пак Кын Хе и Мун Чжэ Ин на весах греха // *Новое восточное обозрение*. 12.02.2021. URL: <https://ru.journal-neo.org/2021/02/12/pak-ky-n-he-i-mun-chzhe-in-na-vesah-greha/> (дата обращения: 08.03.2022).
 7. *Do Je-hae*. Moon appoints ministers, neglects political cooperation pledge // *The Korea Times*. December 29, 2020. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/12/356_301627.html (дата обращения: 08.03.2022).
 8. Для сравнения: Ким Дэ Чжун провел 20, Но Му Хен — 45, а консервативные президенты Ли Мен Бака и Пак Кын Хе — девять и семь соответственно.
 9. *Do Je-hae*. Moon lacking in public communication // *The Korea Times*. September 17, 2020. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/09/356_296229.html (дата обращения: 08.03.2022).
 10. Widening income disparity // *The Korea Times*. February 16, 2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2022/02/202_324020.html (дата обращения: 08.03.2022).
 11. *김보경 기자*. 월급보다 세금이 더 올라...5년간 월급 17.6%↑, 세금-보험료 39.4%↑ // *Yonhap News Agency*. February 6, 2022. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20220206026500003?section=economy/all&site=major_news02 (дата обращения: 08.03.2022).
 12. Ланьков А.Н. Четверых посадили, один покончил с собой. Что происходит с президентами Южной Кореи // *Газета.ru*. 26.12.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2021/12/26/14356633.shtml?updated> (дата обращения: 08.03.2022).

ний выглядит сомнительно¹³. Однако консерваторы частично отыграли свои позиции, и выборы проходили на фоне понимания, что «маховик мести может быть запущен и в обратную сторону».

Два ведущих кандидата и их программы

В демократической партии внутрипартийные выборы выиграл не ставленник Мун Чжэ Ина, а его основной оппонент.

В 2017 г. 56-летний Ли Чжэ Мён, тогда мэр города Соннам, был одним из соперников Муна на внутрипартийных выборах 2017 г., заняв третье место¹⁴. В 2018 г. Ли был избран¹⁵ губернатором столичной провинции Кенгидо, но предстал перед судом по обвинению в нарушении закона о выборах, причем все инстанции кроме Верховного суда выносили решение не в его пользу. Только в июле 2020 г. Верховный суд отменил приговор, и Ли был полностью оправдан.

На фоне итогов правления Мун Чжэ Ина Ли Чжэ Мён оказался в выгодной ситуации. Оставаясь демократом, он не имел никакого отношения к ошибкам Муна, его нельзя было критиковать, укоряя делами предшественника. И хотя Ли не был желанным кандидатом в Голубом доме, промуновские кандидаты или сошли с дистанции, или набрали крайне мало голосов поддержки, а основная борьба развернулась между Ли Чжэ Мёном и бывшим премьером Ли Нак Ёном, который тоже не принадлежал к фракции Мун Чжэ Ина, скорее являясь левоцентристом¹⁶.

11 туров предварительных региональных выборов поэтапно прошли во всех регионах страны и завершились 10 октября: Ли Чжэ Мён набрал 50,29 % голосов, получив большинство почти в каждом регионе. Ли Нак Ён набрал 39,14 % голосов и сумел победить Ли Чжэ Мёна только у себя на родине, в голосовании зарубежных корейцев и на первичном голосовании среди обычных граждан¹⁷.

13 октября Исполнительный комитет партии подтвердил, что единым кандидатом от правящего лагеря является Ли Чжэ Мён, и перед Мун Чжэ Ином встал довольно неприятный выбор: или любыми средствами выводить Ли из гонки, или его поддерживать, поскольку альтернатива будет ещё хуже. В итоге 26 октября состоялась 50-минутная встреча Ли Чжэ Мёна и Мун Чжэ Ина¹⁸. Президент призвал Ли разработать актуальную политическую программу и вести честную избирательную кампанию. Ли в свою очередь заявил, что является членом «команды» действующего президента, тем самым

13. *Асмолов К.В.* Свечная революция, импичмент Пак Кынхе и проблемы демократии в Южной Корее // *Модернизация Республики Корея: политика, экономика, общество, культура*. Готовится к печати.

14. Оказавшийся на втором месте Ан Хи Чжон стал первым фигурантом МеТоо в РК и в итоге получил тюремный срок. Вина его считается доказанной, хотя к посадке приложили руку и Голубой дом, и феминистское движение.

15. *Lee Haye-ah.* (News Focus) Outspoken and aggressive, Lee Jae-myung faces challenges head on // *Yonhap News Agency*. October 10, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211008006400315> (дата обращения: 08.03.2022).

16. Бывший премьер-министр РК Ли Нак Ён объявил о намерении участвовать в президентских выборах // *KBS World*. 05.07.2021. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=66440 (дата обращения: 08.03.2022).

17. *Park Bo-ram.* (4th LD) Gyeonggi Gov. Lee named presidential candidate for ruling party amid swirling corruption scandal // *Yonhap News Agency*. October 10, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211008005053315> (дата обращения: 08.03.2022).

18. Президент РК встретился с кандидатом в президенты от правящей партии // *KBS World*. 26.10.2021. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=67789 (дата обращения: 08.03.2022).

призвал сторонников Мун Чжэ Ина голосовать за него¹⁹. Впрочем, позднее, в том числе на дебатах 3 февраля 2022 г., Ли не раз подчеркивал, что не является преемником Муна.

История кандидата от консерваторов и нынешнего президента Юн Сок Ёля ещё более интересна: он не профессиональный политик и до определённого времени не придерживался консервативных взглядов, которые сейчас активно пропагандирует.

Главной проблемой «Силы народа» было отсутствие популярных лидеров. До объявления официальных кандидатов лидеры различных фракций консерваторов в лучшем случае получали 3–4 % голосов в общем рейтинге потенциальных претендентов. Кроме того, если у демократов фракционная борьба сдерживалась статусом правящей партии, то у консерваторов межфракционные противоречия были виднее и сильнее — партия во многом была «объединением против», куда стекались все оппоненты Муна и носители правых взглядов.

На этом фоне началась политическая карьера Юн Сок Ёля, который в свое время расследовал вмешательство спецслужб в выборы 2012 г., а позднее был одним из прокуроров, расследовавших коррупционную деятельность Пак Кын Хе. 9 мая 2017 г. Мун Чжэ Ин назначил Юна начальником прокуратуры Центрального округа Сеула, а в 2019 г. — генеральным прокурором РК. Однако Юн оказался «честным полицейским», который начал вести расследования не только против политических противников Муна, но против его ближнего круга, в т.ч. бывшего секретаря по гражданским делам Чо Гука, которого Мун прочил на пост министра юстиции.

В результате 2020 г. прошел под знаком беспощадной войны между минюстом и генпрокуратурой вплоть до прямой попытки увольнения, которую Юн сумел отбить. Суд восстановил его в должности, но в начале марта 2021 г. Юн ушел в отставку сам. В подобной ситуации у него остался только один выход для продолжения борьбы — уходить в политику, и 30 июля 2021 г. Юн после некоторых колебаний присоединился к «Силе народа».

Однако «ядром» консервативной партии Юн воспринимался как человек со стороны, а некоторыми — вообще как тот, кто принимал участие в осуждении Пак Кын Хе и Ли Мен Бака, содействуя падению консерваторов. Во-вторых, у него не сложились отношения с лидером партии Ли Чжун Соком.

5 ноября 2021 г. на внутрипартийных праймериз Юн Сок Ёль получил 47,85 % голосов. При этом голосование включало и членов партии и жителей страны-сторонников демократов, которые активно голосовали за противников Юна, чтобы в итоге воевать с более удобным классическим консерватором²⁰.

Самой сильной стороной Юна считается его репутация человека принципов и сторонника верховенства закона, что было продемонстрировано им в расследованиях в отношении влиятельных фигур как консервативного, так и либерального блоков в течение его карьеры прокурора. Однако укрепление внутрипартийных позиций Юна проходило куда напряженнее, чем у демократов. Наиболее острые противоречия были между Юн Сок Ёлем и Ли Чжун Соком, причем «по женскому вопросу»: Юн пытался привлечь феминисток в ряды консерваторов, Ли, сделавший себе карьеру на высказываниях на грани мизогинии, был против и фактически самоустранился от участия в предвыборной работе. Когда ряд партийных чиновников открыто заявили ему, что будут выполнять только приказы Юна, 21 декабря 2021 г. он объявил, что уйдет со всех должностей в из-

19. *Kim Deok-hyun*. (LEAD) Moon asks DP nominee Lee to develop many good policies during presidential race // Yonhap News Agency. October 26, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20211026003951315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

20. *Nam Hyun-woo*. Main opposition party torn apart even before primary // *The Korea Times*. September 6, 2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/09/356_315109.html (дата обращения: 08.03.2022).

бирательном штабе²¹. 6 января депутаты-консерваторы даже предложили объявить Ли Чжун Соку импичмент²², но в критический момент Ли и Юн помирились и заявили о решении продолжить бороться вместе.

С этого времени высказывания Юна стали отражать не столько его личную позицию, сколько общеконсервативный дискурс. Так, 7 января Юн Сок Ёль пообещал упразднить Министерство по вопросам гендерного равенства, хотя до определенного времени это требование было прерогативой Ли Чжун Сока²³.

Предвыборные обещания Ли Чжэ Мёна основаны на его вере в важность и ценность безусловного базового дохода, отчего его часто называют корейским Берни Сандерсом. Он отстаивал эту политику во время своего пребывания на посту мэра и губернатора, реализуя программы всеобщего базового дохода для молодежи, бесплатной школьной формы и бесплатного послеродового ухода. На фоне COVID-19 Ли как губернатор Кенгидо раздал всем жителям провинции по 100 000 вон (84 долл. США), игнорируя обвинения в популизме и де-факто покупке голосов.

В отличие от откровенно социальной направленности политического курса Муна, высказывания Ли выглядят более центристскими. Если Мун ставил своим приоритетом построение социального государства, Ли предлагает вкладываться не столько в социальное благосостояние, сколько в развитие промышленного сектора²⁴.

С точки зрения консервативных СМИ Ли Чжэ Мен «вводит избирателей в заблуждение, меняя свои позиции по важнейшим вопросам»²⁵. Так, он обещал ввести налог на владение землей (до 1 % от стоимости) и тратить поступления на финансирование базового дохода, но когда опросы показали, что 55 % считают налог неуместным, отказался²⁶. Тексты рекламных баннеров Ли менялись в зависимости от района Сеула: в богатых районах были призывы к демократии, реформе налоговой системы, свободе бизнеса. В более бедных районах — лозунги о свободе, равенстве и справедливости, стабилизации цен на жилье и помощи уязвимым слоям населения.

Юн Сок Ёль разбирается в экономике хуже Ли, и по сути говорит о политических мерах. «Для привлечения активных инвестиций важно устранить неопределенности, связанные с государственной политикой, обеспечить стабильность в процессе принятия решений и отменить необоснованные правила, которые препятствуют эффективности рынка»²⁷. С другой стороны, Юн Сок Ёль выступал против экономического вмешательства прави-

21. *Jung Da-min*. Yoon's leadership faces growing doubts // *The Korea Times*. December 22, 2021. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/12/356_320989.html (дата обращения: 08.03.2022).

22. PPP lawmakers propose impeachment of party chief // *Yonhap News Agency*. January 06, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20220106003400315?section=news> (дата обращения: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220106003400315?section=news>)

23. *Jung Da-min*. Gender reemerges as hot button issue in presidential election // *The Korea Times*. January 15, 2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/01/356_322242.html (дата обращения: 08.03.2022).

24. DP presidential candidate Lee vows to propel main stock bourse to 5,000 point range // *Yonhap News Agency*. December 13, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211213007800315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

25. (EDITORIAL from Korea JoongAng Daily on Dec. 6) // *Yonhap News Agency*. December 06, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211205002400320?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

26. (EDITORIAL from Korea Herald on Dec. 3) // *Yonhap News Agency*. December 03, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211203000400325?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

27. *Kim Hyun-bin*. Yoon Suk-yeol vows to strengthen Korea-US business ties // *The Korea Times*. December 28, 2021. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/tech/2021/12/419_321302.html (дата обращения: 08.03.2022).

тельства и указывал, что на его веру в экономический либерализм оказали книги Милтона Фридмана. Кроме того, Юн занимает более жесткую политику в отношении профсоюзов.

Во внешней политике Ли обещал продолжить курс Мун Чжэ Ина, играть более активную роль в посредничестве между Соединенными Штатами и Северной Кореей, встретиться с Джо Байденом и Ким Чен Ыном. Он отмечал, что «демократия и экономика Южной Кореи поднялись до всемирно признанного уровня благодаря десятилетнему союзу с США²⁸», но одновременно обещал укреплять связи с Китаем, чтобы не сужать пространство для маневра; бравировал антиамериканскими высказываниями, назвав американские войска оккупационными силами²⁹; назвал Зеленского некомпетентным руководителем, чьи действия привели к кризису, но под огнем критики исправился³⁰ и попросил прощения у украинцев³¹, а позднее заявил, что поддерживает экономические санкции против России, несмотря на негативные последствия для корейских компаний³². Юн последовательно выступал за союз с США для создания глобальной коалиции стран, разделяющих ценности демократии и прав человека, выражал веру в важность «международного порядка, основанного на правилах»³³, в его высказываниях часто прослеживалась логика «достижения мира через силу».

Оба кандидата раздавали откровенно популистские обещания. Ли «прославился» обещанием расширить национальную медицинскую страховку для покрытия операций по пересадке волос и намерением построить в течение следующих пяти лет 3,11 млн новых квартир, что, по мнению экспертов, технически невыполнимо³⁴. Юн обещал построить 2,5 млн квартир, в том числе 1,3 млн в Сеуле и его окрестностях³⁵. Ли Чжэ Мен утверждал, что в случае избрания для финансирования его 270 предвыборных обещаний в течение пяти лет потребуются более 300 трлн вон (250,7 млрд долл.), в то время как Юн Сок Ёль предложил 200 обещаний, на которые потребуются 266 трлн вон³⁶.

-
28. Lee expresses hope to develop alliance with U.S. into 'global partnership' // *Yonhap News Agency*. November 11, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211111007800315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).
29. *Lee Hae-ah*. (LEAD) Lee says he is open to independent counsel probe into Seongnam development scandal // *Yonhap News Agency*. November 10, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211110004551315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).
30. *Kang Seung-woo*. Presidential candidate apologizes for remarks on Ukraine's leader // *The Korea Times*. February 27, 2022. URL: <https://m.koreatimes.co.kr/pages/article.asp?newsIdx=324616> (дата обращения: 08.03.2022).
31. Lee condemns Russia's invasion of Ukraine // *Yonhap News Agency*. March 01, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20220301003100315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).
32. *Park Jae-hyuk*. DPK candidate backs Russia sanctions at event with foreign firms // *The Korea Times*. March 01, 2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/tech/2022/03/419_324759.html (дата обращения: 08.03.2022).
33. Yoon says firm Korea-US alliance ever more important // *The Korea Times*. November 12, 2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/11/356_318677.html (дата обращения: 08.03.2022).
34. Populist campaign pledges // *The Korea Times*. January 25, 2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2022/01/202_322882.html (дата обращения: 08.03.2022). https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2022/01/202_322882.html
35. *Kang Seung-woo*. Yoon Seok-youl, leading yet vulnerable presidential candidate // *The Korea Times*. September 29, 2021. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/09/356_316176.html (дата обращения: 08.03.2022).
36. (EDITORIAL from Korea JoongAng Daily on Feb. 17) // *Yonhap News Agency*. February 17, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20220217000800320?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

Таблица 1 / Table 1

Сравнение предвыборных программ Ли и Юна
Comparison of Lee's and Yoon's election manifestos

Проблема	Заявления Ли Чжэ Мёна	Заявления Юн Сок Ёля
Рынок недвижимости	Расширить предложение жилья, в том числе за счет государственных площадок	Изменить налоговую систему ³⁷ .
Помощь малому бизнесу	Кредитная программа помощи владельцам малого бизнеса для покрытия постоянных расходов независимо от доходов; выкуп долгов мелких торговцев, столкнувшихся с просроченными платежами, и отмена арендной платы, пока существуют ограничения для бизнеса ³⁸ .	Программа совместного использования арендной платы для малого бизнеса: арендодатели должны снизить арендную плату на треть, а правительство компенсирует 20 % разницы за счет налоговых вычетов и погасит остальное после окончания пандемии. Арендаторы оплатят оставшиеся две трети за счет банковских кредитов и получают 50-процентный вычет по арендной плате и коммунальным платежам при их погашении ³⁹ .
Энергетика и углеродная нейтральность	Продолжение линии Муна по постепенному отказу от ядерной энергетики, налог на выбросы парниковых газов с целью ускорить переход на экологически чистые энергетические системы. Приоритетное внимание водородной энергетике и увеличению доли ВИЭ до 30 % к 2030 г. ⁴⁰	Сохранение доли ядерной энергетики на уровне 30 %, возобновление строительства АЭС, остановленных при Муне. ВИЭ необходимы для достижения цели углеродной нейтральности к 2050 г., но не являются приоритетом.
Социальная поддержка населения	Увеличение возраста выплаты пособий на детей до 15 лет пособий по болезни, одновременно расширение пособий национального пенсионного фонда ⁴¹ .	Реализация системы «одного окна» на одном сайте для решения всех административных вопросов ⁴³ , предоставление ежемесячного пособия в размере 1 млн вон (837 долл.).

37. Yoon vows to fix tax system to stabilize housing market // *Yonhap News Agency*. December 25, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211225001600315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

38. Lee vows full compensation to small businesses hit by pandemic // *Yonhap News Agency*. December 20, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211220007900315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022)).

39. *Lee Hye-ah*. Yoon pledges 12 mln-won allowance for couples after childbirth // *Yonhap News Agency*. January 11, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20220111005400315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022)).

40. Ko Dong-hwan. Lee, Yoon unveil different waste management pledges // *The Korea Times*. February 12, 2021. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/02/356_323761.html (дата обращения: 08.03.2022).

41. Lee aims to significantly improve quality of life // *Yonhap News Agency*. December 29, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211229006500315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

Проблема	Заявления Ли Чжэ Мёна	Заявления Юн Сок Ёля
	Создание более 3 млн рабочих мест за счет привлечения инвестиционного фонда в размере 135 трлн вон (113,5 млрд долл. США) и преобразований в цифровом, энергетическом и социальном секторах ⁴² .	США) в течение одного года после рождения ребенка с целью стимулирования рождаемости ⁴⁴ .
Межкорейские отношения	<p>Посредничество между США и КНДР. Частичное смягчение санкций в отношении Пхеньяна, прогресс в межкорейском сотрудничестве в интересах денуклеаризации.</p> <p>Признание, несмотря на то, что согласно конституции, президент РК обязан стремиться к объединению страны, невысокой «возможности прямого осуществления объединения в качестве краткосрочной задачи».</p> <p>Переименование Министерства объединения в Министерство межкорейского сотрудничества или Министерство мирного сотрудничества.</p> <p>Возобновление Кымгансанского туристического проекта, создание вдоль границы специальной международной туристической зоны и развитие программы экотуризма внутри ДМЗ⁴⁵.</p>	<p>«Изменение подхода в межкорейских отношениях», критика Мун Чжэ Ина за уступки Северной Корее. Совместное с международным сообществом применение санкций в отношении Северной Кореи.</p> <p>Возможность упреждающего удара по КНДР⁴⁶.</p> <p>Приоритетное внимание к дипломатическим способам решения ядерной проблемы, развитие проектов экономического сотрудничества в случае прогресса по денуклеаризации Севера⁴⁷.</p> <p>Готовность для встречи с лидером Северной Кореи для достижения реальных результатов.</p> <p>Создание постоянного трехстороннего дипломатического представительства обеих Корей и США, в Пханмунджоме или Вашингтоне⁴⁸.</p> <p>Категорически против идеи Мун Чжэ Ина об официальном прекращении Корейской войны.</p>

42. Lee pledges to create over 3 mln jobs through digital, energy transformation // *Yonhap News Agency*. January 18, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20220118005600315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

43. Yoon pledges to make 'digital platform gov't' // *Yonhap News Agency*. January 02, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20220102002500315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

44. Yoon pledges 12 mln-won allowance for couples after childbirth // *Yonhap News Agency*. January 11, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20220111005400315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

45. (LEAD) Ruling party's presidential candidate vows to resume tourism to Mount Kumgang // *Yonhap News Agency*. January 16, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20220116000751315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

46. Yoon cites preemptive strike as option to deal with N.K. threat // *Yonhap News Agency*. January 11, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20220111009200315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

47. Yoon says he will request redeployment of U.S. tactical nukes in case of emergency // *Yonhap News Agency*. September 22, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20210922005300320?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

Проблема	Заявления Ли Чжэ Мёна	Заявления Юн Сок Ёля
ТНААД и военное сотрудничество в целом	За скорейшую передачу Сеулу оперативного управления войсками (OPCON) и против дальнейшего развертывания американской системы противоракетной обороны в Южной Корее. Несогласие с идеей трехстороннего альянса Южной Кореи, США и Японии, пока Япония продолжает претендовать на острова Токто ⁴⁹ . Против обладания Ю. Кореей ядерным оружием, размещения на полуострове американского ТЯО и соглашения о совместном использовании ядерного оружия ⁵⁰ .	Возможность дополнительного развертывания на территории РК американской противоракетной системы ТНААД, несмотря на вероятные ответные меры Китая, поскольку такие решения являются суверенным делом страны ⁵¹ . За ядерное вооружение Южной Кореи не выступает.
Место РК в противостоянии Китая США	Прагматичная внешняя политика, приоритет собственным национальным интересам и сбалансированной дипломатии без существенного приоритета какой-либо из сторон.	Всестороннее укрепление военно-политического альянса Вашингтона и Сеула, поддержка США по ключевым вопросам американо-китайского противостояния. Участие Южной Кореи в качестве члена рабочей группы в рамках QUAD, сотрудничество по обмену разведывательной информацией «пять глаз».
Отношения с Японией	Разведение исторических споров и направлений сотрудничества. Токио необходимо принести искренние извинения.	Против использования исторических споров между Южной Кореей и Японией во внутривосточной повестке. Критика администрации Мун Чжэ Ина за ухудшение двусторонних отношений до уровня с 1965 г. ⁵² Формирование взаимного доверия, общих ценностей и интересов путём комплексного решения спорных вопросов.

Источники: составлено автором по материалам исследования.

48. Andrew Salmon. Korean presidential hopeful vows big foreign policy shifts // *Asia Times*. November 12, 2021. URL: <https://asiatimes.com/2021/11/korean-presidential-hopeful-vows-big-foreign-policy-shifts/> (дата обращения: 08.03.2022).
49. Lee Haye-ah. (LEAD) Lee says he is open to independent counsel probe into Seongnam development scandal // *Yonhap News Agency*. November 10, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211110004551315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).
50. Lee Haye-ah. Lee, Yoon offer diverging views on dealing with N. Korea // *Yonhap News Agency*. January 17, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20220117006100315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).
51. Lack of diplomatic acumen // *The Korea Times*. November 18, 2021. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2021/11/202_319046.html (дата обращения: 08.03.2022).
52. Yoon vows not to exploit Seoul-Tokyo tensions for political gain // *Yonhap News Agency*. November 25, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211125005700315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

Сравнивая платформы кандидатов, важно подчеркнуть, что изначально Юн вполне вписывался в левый, антикоррупционный тренд, но черно-белая логика южнокорейской фракционной борьбы утянула его вправо.

Темная сторона кандидатов

Одной из отличительных черт этой избирательной кампании стал небывалый вал компромата. Речь идет не только о черном пиаре, но и о попытках выбить кандидата в результате уголовного преследования. Это касалось не только Юн Сок Ёля, но и Ли Чжэ Мёна. Голубой дом пытался под разными предлогами заключить его под стражу или под любым предлогом вывести из политики пока он не стал официальным кандидатом. Наиболее серьезную угрозу для Ли представлял так называемый «Соннамгейт»: утверждения о том, что когда в 2015 г. Ли был мэром этого города, он оказывал деловые услуги определенным компаниям по освоению государственных земель. В результате компания Hwacheon Daeyu Asset Management получила прибыль, более чем в 1000 раз превышающую инвестиции. Кроме того, юрисконсульт Hwacheon Daeyu работал бывший судья Верховного суда Квон Сун Иль, который вынес решение в пользу Ли Чжэ Мёна в деле, которое могло погубить его политическую карьеру. Прямых улик против Ли, однако, не нашли, а после того, как он стал единственным кандидатом, рвение государства в расследовании скандала стало снижаться⁵³.

Уголовные дела против Юна менее перспективные. На ноябрь 2021 г. он проходил подозреваемым по 4 делам, которые ведет Управление по расследованию коррупции среди высокопоставленных должностных лиц (СЮ), что составляло треть всех дел, находящихся в его юрисдикции⁵⁴. К февралю 2022 г. они рассыпались или были возвращены в прокуратуру. Подделкой оказалось и так называемое «секретное досье», якобы способное похоронить его политическую карьеру⁵⁵.

Однако у Юна оказалась иной недостаток — малая компетентность за пределами профессиональной сферы и отсутствие умения четко излагать свои мысли. Так, делаясь своими взглядами на государственное регулирование, он однажды заявил, что «бедным людям должно быть позволено выбирать более дешевую пищу по более низким ценам», что в массовом сознании сразу же превратилось в «Юн считает, что неимущим следует разрешить выбирать некачественную пищу».

Били и по родственникам кандидатов — один из наиболее распространенных приемов корейской интриги со времен средневековья. Считается, что глава семьи не может не контролировать своих родственников и не быть в курсе их проступков. Так, старший сын Ли Чжэ Мёна столкнулся с обвинениями в незаконных азартных играх⁵⁶ и подзревался в особом отношении в армии как сын мэра крупного города. Жена Юн Сок Ёля — Ким Гон Хи подзревалась в причастности к манипулированию ценами на акции

53. (EDITORIAL from Korea Herald on Dec. 31) // *Yonhap News Agency*. December 31, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211231000400325?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

54. (EDITORIAL from Korea Herald on Nov. 11) // *Yonhap News Agency*. November 11, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20211111000400320?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

55. *Jung Da-min*. Ex-prosecutor-general's presidential bid facing challenges // *The Korea Times*. June 06, 2020. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/06/356_310797.html<https://en.yna.co.kr/view/AEN%20210624005300315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

56. *Jung Da-min*. Family scandals overshadow presidential election // *The Korea Times*. December 16, 2021. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/12/356_320679.html (дата обращения: 08.03.2022).

дилерского центра подержанных автомобилей BMW Deutsch Motors⁵⁷, допущению сознательных искажений при подаче резюме на преподавательскую работу и т.д.⁵⁸

В целом, все, что лагеря Юна и Ли вбрасывали друг против друга, скорее портило их репутацию в глазах общественности, чем могло послужить основанием для серьезного уголовного дела.

Результаты опросов общественного мнения накануне голосования говорили о том, что Ли Чжэ Мён и Юн Сок Ёль идут в пределах статистической погрешности⁵⁹. Опрос агентства Realmeter, проведенный с 20 по 23 февраля, давал Юн Сок Ёлю — 41,9 %, а Ли Чжэ Мёню — 40,5 %. Перед тем, как после 1–2 марта опросы запретили публиковать, у разных агентств рейтинги Юна и Ли составлял от 46,3–43,1 % до 45–44,9 %⁶⁰. Вместе с тем в опросе 18–19 февраля 2022 г. способности Ли Чжэ Мёна управлять государством положительно оценили 55,8 % респондентов, а отрицательно — 41,2 %. Юна положительно оценили 36,7 %, а отрицательно — 60,1 %. В то же время Юн получил больше положительных отзывов относительно своих моральных качеств 41,9 % против 56,6 %, тогда как у Ли — 31,4 % против 67,4 %⁶¹.

Высокий антирейтинг кандидатов сформировал специфическую ситуацию, когда выборы воспринимались «как выбор менее ненавистного кандидата⁶²». Согласно опросу конца 2021 г., 56,6 % респондентов считало, что претендентов на пост президента необходимо заменить: «трудно выбрать между двумя кандидатами не потому, что они одинаково компетентны и дальновидны, а потому, что они одинаково вовлечены в череду скандалов и споров на фоне усиливающихся опасений по поводу того, подходят ли они для этой работы»⁶³.

Финишная прямая

В последние дни перед выборами произошла определенная консолидация сил: в пользу Юна снялся занимавший с большим отрывом третье место правоцентристский кандидат Ан Чхоль Су, за Ли призвали голосовать несколько как левых, так и ультраправых кандидатов — сестра Пак Кын Хе и некоторые другие, поскольку Юн прямо причастен к «неправедному» осуждению экс-президента, а Ли — нет.

57. 성도현 기자. 검찰, '코바나 협찬 의혹' 김건희 서면조사... 일부 무혐의(종합2보) // *Yonhap News Agency*. December 6, 2021. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20211206095252004?section=society/all&site=major_news02 (дата обращения: 08.03.2022).

58. Yoon's wife says MeToo cases occur when victims are not paid // *The Korea Times*. January 16, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220116003200315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

59. 류미나 기자. 리얼미터 "李 40.5% 尹 41.9%"...NBS "李 37% 尹 39%" // *Yonhap News Agency*. February 24, 2022. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20211206095252004?section=society/all&site=major_news02 (дата обращения: 08.03.2022).

60. 내일부터 여론조사 '블랙아웃'...李 '초접전' 읍소.尹 '경합 우세' 부각 // *Newsis*. March 2, 2022. URL: https://newsis.com/view/?id=NISX20220302_0001778843 (дата обращения: 08.03.2022).

61. Nam Hyun-woo. Yoon ahead of Lee within margin of error: poll // *The Korea Times*. February 21, 2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/02/356_324219.html (дата обращения: 08.03.2022).

62. Nam Hyun-woo. No candidate dominant 100 days before presidential election // *The Korea Times*. November 29, 2021. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/11/356_319681.html (дата обращения: 08.03.2022).

63. (EDITORIAL from Korea Herald on Jan. 3) // *Yonhap News Agency*. January 03, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220103000300325?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

4–5 марта прошло досрочное голосование, в котором приняли участие 36,93 % всех избирателей⁶⁴. Небывало высокая явка сочеталась с невысоким уровнем организации, в ЦИК стали поступать жалобы на возможное мошенничество, поскольку часть бюллетеней были собраны не в опечатанные урны, а в обычные коробки и мешки⁶⁵. Лидеры консерваторов активно высказывались о вероятности фальсификаций со стороны властей, а число нарушений, связанных с дезинформацией на выборах, по сравнению с выборами 2017 г. по данным прокуратуры, выросло более чем в три раза⁶⁶.

В день выборов на участки пришло 77,1 % имеющих право голоса, на 0,1 % меньше, чем в 2017 г. Голоса считали в прямом эфире. По итогам досрочного голосования Ли опережал Юна на 8 %, но по мере продвижения к 100 % посчитанных бюллетеней Юн сокращал разрыв. Примерно на половине гонки консерватор обогнал демократа, и по итогам обработки всех бюллетеней счет в процентах составил 48,56 : 47,83 в пользу Юн Сок Ёля. Третье место досталось Сим Сан Чжон от левой партии «Справедливости» — 2,37 %, прочие 10 кандидатов набрали менее 1 %⁶⁷.

Ли Чжэ Мён сразу признал поражение и поздравил Юна: «Я сделал все, что мог, но не оправдал ваших ожиданий... Вся ответственность лежит на мне»⁶⁸. Юн указал, что во время кампании узнал, что требуется для того, чтобы стать национальным лидером и как прислушиваться к голосу народа, поблагодарил своих конкурентов («мы должны работать вместе, чтобы стать единым целым для народа и для Республики Корея») и пообещал, что будет уважать дух Конституции и Национального собрания, работать вместе с оппозиционной партией и служить народу.

Разрыв между кандидатами составил немногим более 260 тыс. голосов или 0,73 %: это наименьший показатель за всю историю президентских выборов в Южной Корее. Традиционный для РК политический регионализм, когда юго-запад страны голосует за демократов, а юго-восток — за консерваторов, снова проявил себя. 75,14 % избирателей в Тэгу и 72,76 % избирателей в провинции Северный Кенсан отдали предпочтение Юну, в то время как Ли набрал 86,1 % голосов в провинции Южная Чолла, 84,82 % в Кванджу и 82,98 % в провинции Северная Чолла⁶⁹. В провинции Южная Кёнсан и городе Пусане Юн тоже победил, но набрал немного меньше — в среднем около 60 %.

В остальных регионах разрыв между кандидатами составлял максимум 10 %. Ли получил поддержку большинства в «родной» провинции Кёнги, на острове Чечжуло, и городах Инчхоне и Сечжоне. Юн — в остальных городах и провинциях. При этом такие условно «нейтральные» регионы как Сеул и провинции Канвондо и Северная и Южная Чхунчхон в конечном итоге поддержали Юна.

64. 강릉 산불 영향 계속...경찰, 방화범 자택 등 현장 조사 // *YTN*. March 6, 2022.

URL: https://www.ytn.co.kr/_ln/0103_202203061157213859 (дата обращения: 08.03.2022).

65. Ensure free, fair election // *The Korea Times*. March 8, 2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2022/03/202_325145.html (дата обращения: 08.03.2022).

66. Disinformation offenses jump over threefold in latest presidential election: prosecution // *Yonhap News Agency*. March 10, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20220310008500315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

67. Новым президентом РК избран Юн Сок Ёль // *KBS World*. 10.03.2022.

URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=69342 (дата обращения: 08.03.2022).

68. (3rd LD) Yoon elected president after remarkably close race // *Yonhap News Agency*. March 10, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20220310000854315?section=news> (дата обращения: 08.03.2022).

69. Kang Seung-woo. Angry voters turn out to vote against President Moon, ruling party // *The Korea Times*. March 10, 2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/03/803_325291.html (дата обращения: 08.03.2022).

Женщины, за исключением пенсионеров, с тем или иным разрывом проголосовали за Ли в каждой возрастной категории — сказались обещания расформировать Министерство по вопросам гендерного равенства и семьи, которое Юн и его партия обвиняли в разжигании «обратной дискриминации»⁷⁰. Среди мужчин основной группой поддержки Юна были «пионеры и пенсионеры», в то время как условно 40-летние голосовали за Ли. Это связано с тем, что пожилые люди традиционно голосуют за консерваторов, а молодежь голосовала против существующих порядков.

Можно отметить и две волны протестного голосования. За консерваторов голосовали по принципу «кто угодно, лишь бы опять не эти». За демократов голосовали по принципу «кто угодно, лишь бы не Юн Сок Ёль». В результате проигравший Ли Чжэ Мён смог набрать больше голосов, чем Мун Чжэ Ин пять лет назад, хотя выборы прошли на волне левого ажиотажа после импичмента и осуждения Пак Кын Хе.

Перспективы и проблемы нового президента

Инаугурация Юна пройдет 10 мая 2022 г. Новому лидеру страны предстоит решать многие накопившиеся проблемы. Борьба с пандемией COVID-19, дефицит бюджета, проблемы на рынке недвижимости, растущие цены на энергоносители и потребительские товары в сочетании с дополнительными рисками, связанными с украинским кризисом, сложности внешней политики, связанные как с растущим противостоянием США и КНР, так и потенциальными действиями Северной Кореи, поскольку приход к власти консерваторов может охладить отношения двух стран и повысить региональную напряженность. Юн Сок Ёля ждет череда проблем:

Жесткие действия по преодолению кризиса вызовут общественный протест, которому будут способствовать сохраняющийся раскол в обществе и последствия демонизации Юна.

До весны 2024 г. Юну придется работать с парламентом, в котором демократы обладают подавляющим большинством, каждая его оговорка по-прежнему будет «растаскиваться на мемы» противниками, снижая уровень доверия.

Юну необходимо будет укреплять единство собственной партии, чтобы не столкнуться с саботажем как слева, так и справа. Это может означать, что какие-то сферы, например внешняя политика, будут отданы на откуп убежденным консерваторам. Среди отобранных Юном в комитет по передаче власти, члены которого, возможно, будут назначены на посты в правительстве, достаточно людей, которые являются компетентными специалистами и занимались политикой в правление Пак Кын Хе или Ли Мен Бака. Не следует исключать и вероятность того, что по мере укрепления партийного единства и усиления собственных позиций в противостоянии консерваторам Юн станет осуществлять более самостоятельную внешнюю политику.

Исходя из этого, темп исполнения предвыборных обещаний Юна будет медленнее, чем ожидалось. Действия президента будут подвергаться постоянной критике со стороны демократов, у него могут возникнуть проблемы с назначением верных людей на ключевые посты, т.к. кандидатуры министров утверждает парламент. Это же касается попыток провести через парламент знаковые законы.

Во внешней политике можно ожидать более явной ориентации на Соединённые Штаты, следствием чего может стать ухудшение отношений с КНДР и попытки заморозить с Японией. Действия Сеула во многом будут определяться не личной волей ново-

70. Kang Seung-woo. Angry voters turn out to vote against President Moon, ruling party // *The Korea Times*. March 10, 2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/03/803_325291.html (дата обращения: 08.03.2022).

го президента, а последствиями таких макропроцессов, как растущее противостояние США и КНР и развитие украинского кризиса.

Во внутренней политике следует ожидать серьёзных реформ в первую очередь административных или направленных на ликвидацию некоторых инициатив Мун Чжэ Ина⁷¹. Перспективы экономического курса остаются неясными. Пока Юн находится под давлением со стороны финансово-промышленных групп, профсоюзов и НГО, тянущих его в свою сторону.

* * *

Ход выборов и их итог — хороший повод подумать о том, насколько Республика Корея соответствует критериям демократического государства с учетом воззрений Роберта Даля, утверждавшего, что со временем демократия становится правлением политически активных коалиций, а политика вырабатывается в результате сделки между отдельными фракциями, но не в результате широкой дискуссии в обществе⁷².

Продолжается и дискуссия о том, насколько современная РК соответствует определению «нелиберальной демократии» Фарида Закарии⁷³. С одной стороны, формулировка, что «хотя и проводятся выборы, граждане лишены возможности знать о деятельности тех, кто осуществляет реальную власть, из-за отсутствия гражданских свобод», не соответствует сегодняшней Южной Корее. С другой, выборы-2022 говорят о том, что в новом мире это определение может меняться: указанное выше «лишение возможности знать...» затеняется не блокирующими действиями власти, а потоками черного пиара и популизмом кандидатов, вследствие чего вместо реальной картины событий создается ее симулякр. Если же мы обратим внимание на иерархичную структуру общества РК и роль медиа в формировании массового сознания, то РК вполне соответствует определению тоталитарной демократии Якоба Тальмона⁷⁴.

Литература

- Асмолов К.В.* К чему приведет Республику Корея скандал с блогером Druid King // *РСМД*. 27.02.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics-k-chemu-privedet-respubliku-koreya-skandal-s-bloggerom-druid-king/> (дата обращения: 08 апреля 2022 г).
- Бульчев Г.Б.* Политические системы государств Корейского полуострова. М.: МГИМО, 2002.
- Даль Р.* Демократия и её критики / пер. с англ. под ред. *Ильина М.В.* М.: РОССПЭН, 2003.
- Дьячков И.В.* Политическая порча: как в Южной Корее борются с коррупцией // *МГИМО*. 23.04.2015. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/270614/> (дата обращения: 08 апреля 2022 г).
- Кукла М.* Что ждет экономику Южной Кореи после президентских выборов? // *ДВФУ*. 11.02.2022. URL: https://www.dvfu.ru/expertise/news/atr/chto_zhdet_ekonomiku_yuzhnoy_korei_posle_prezidentskikh_vyborov/ (дата обращения: 08 апреля 2022 г).
- Ланьков А.Н.* Четверых посадили, один покончил с собой. Что происходит с президентами Южной Кореи // *Газета.ru*. 26.12.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2021/12/26/14356633.shtml?updated> (дата обращения: 08 апреля 2022 г).
- Сафонова Е.* Если Евтушенко против, то я — за! // *Огонёк*. 09.04.2000. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2287388> (дата обращения: 08 апреля 2022 г).
- Fareed Z.* The rise of illiberal democracy // *Foreign Affairs*. Vol. 76. No. 6. 1997.

71. Таких, как отделение от генпрокуратуры спецуправления по расследованию коррупции среди высокопоставленных чиновников, которое было создано для того, чтобы ослабить генпрокуратуру и за счёт кадрового состава обезопасить будущего экс-президента от возможного расследования и судьбы своих предшественников.

72. *Даль Р.* Демократия и её критики / пер. с англ. под ред. *Ильина М.В.* М.: РОССПЭН, 2003.

73. *Fareed Z.* The rise of illiberal democracy // *Foreign Affairs*. Vol. 76. No. 6. 1997. Pp. 22–43.

74. *Talmon J.L.* The Origins of Totalitarian Democracy. Britain: Secker & Warburg, 1960.

- Fukui H.* Political parties of Asia and the Pacific. Vol. 1. Westport: Greenwood Press, 1985; Elections in Asia. A data handbook, Volume II. South East Asia, East Asia & the South Pacific. Edited by *Dieter Nohlen, Florian Grotz & Christof Hartmann*. Oxford, 2001.
- Sung Chul Yang.* The North and South Korean Political Systems. A Comparative Analysis. Revised Edition. Seoul: Hollym, 1999.
- Talmon J.L.* The Origins of Totalitarian Democracy. Britain: Secker & Warburg, 1960.

STATE AND SOCIETY

Presidential Elections-2022 in the Republic of Korea

Konstantin V. Asmolv

Ph.D. in History, Leading Researcher of the Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolv@ifes-ras.ru.

Received 17.03.2022.

Abstract:

The presidential race of 2022 was fought on the background of the uneasy legacy of President Moon Jae-in between the candidate of the ruling Democratic Party Lee Jae-myong and the representative of the conservatives, former Attorney General Yoon Seok-yeol. Each of the camps was represented by a person who was not a typical representative of his camp and has a difficult relationship with the "core of the party". Lee is a representative of the inner-party opposition, and not Moon's successor. Yoon has found himself in the conservative camp after the conflict with the Blue House due to the logic of factional struggle and the absence of a third force in the politics of the Republic of Korea. Lee was called the Korean Bernie Sanders because of the promise of unconditional basic income and other social programs, and in foreign policy he promised to continue inter-Korean rapprochement. Yun had to reflect conservative discourse and advocated a tougher policy towards the DPRK, an alliance with the United States and the restoration of relations with Japan.

The elections turned out to be a record in terms of populist promises and black PR against candidates and their families. This led to a specific situation when, on the eve of the elections, both candidates had a high anti-rating and the final gap between them was less than one percent. In such a situation, the victorious Yoon Seok-yeol will have to face the split of society, the Democrats controlling the parliament, and the need to strengthen the unity of the party in the difficult international situation and internal problems.

Key words:

Presidential elections of 2022 in S. Korea, internal politics of South Korea, populism, political technologies, Lee Jae-myung, Yoon Seok-yeol.

For citation:

Asmolv K.V. Presidential Elections-2022 in the Republic of Korea // Far Eastern Studies. 2022. No. 2. Pp. 80–96. DOI: 10.31857/S013128120019649-4

References

- Asmolv K.V.* K chemu privedet Respubliku Koreya skandal s blogerom Druid King [Where will the scandal with the blogger Druid King lead the Republic of Korea to?]. *RSMD*. 27.02.2019.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-chemu-privedet-respubliku-koreya-skandal-s-bloggerom-druid-king/> (accessed: 08.04.2022). (In Russ.)
- Bulychev G.B.* Politicheskije sistemy gosudarstv Korejskogo poluostrova [Political systems of the states of the Korean Peninsula]. Moscow: MGIMO, 2002. (In Russ.)
- Dal' R.* Demokratiya i eyo kritiki [Democracy and its critics] / per. s angl. pod red. *Il'ina M.V.* Moscow: ROSSPEN, 2003. (In Russ.)
- D'yachkov I.V.* Politicheskaya porcha: kak v YUzhnoj Koree boryutsya s korupciej [Political decay: how South Korea fights corruption]. *MGIMO*. 23.04.2015.
URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/270614/> (accessed: 08.04.2022). (In Russ.)
- Fareed Z.* The rise of illiberal democracy. *Foreign Affairs*. Vol. 76. No. 6. 1997.

- Fukui H.* Political parties of Asia and the Pacific. Vol. 1. Westpoint: Greenwood Press, 1985; Elections in Asia. A data handbook, Vol. II. South East Asia, East Asia & the South Pacific. Edited by *Dieter Nohlen, Florian Grotz & Christof Hartmann*. Oxford, 2001
- Kukla M.* CHto zhdet ekonomiku YUzhnoj Korei posle prezidentskih vyborov? [What awaits the economy of South Korea after the presidential elections?]. *DVFU*. 11.02.2022.
URL: https://www.dvfu.ru/expertise/news/atr/chto_zhdet_ekonomiku_yuzhnoy_korei_posle_prezidentskih_vyborov/ (accessed: 08.04.2022). (In Russ.)
- Lan'kov A.N.* CHetveryh posadili, odin pokonchil s soboj. CHto proiskhodit s prezidentami YUzhnoj Korei [Four were imprisoned, one committed suicide. What happens to the presidents of South Korea]. *Gazeta.ru*. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2021/12/26/14356633.shtml?updated> (accessed: 08.04.2022). (In Russ.)
- Safonova E.* Esli Evtushenko protiv, to ya — za!. [If Yevtushenko is against it, then I am all for it!]. *Ogonyok*. 09.04.2000. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2287388> (accessed: 08.04.2022). (In Russ.)
- Sung Chul Yang.* The North and South Korean Political Systems. A Comparative Analysis. Revised Edition. Seoul: Hollym, 1999.
- Talmon J.L.* The Origins of Totalitarian Democracy. Britain: Secker & Warburg, 1960.

Китайский опыт продвижения норм и ценностей путем регулирования социальных медиа

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120019294-4

Журавлева Евгения Владимировна

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (адрес: 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6). ORCID: 0000-0003-2583-8750. E-mail: zhuravleva-ev@rudn.ru.

Статья поступила в редакцию 20.01.2022.

Аннотация:

С начала пандемии COVID-19 и применения практики локдаунов для предотвращения новых вспышек заболеваемости во многих странах стало активнее использоваться интернет-пространство, дополнительный толчок к развитию получили различные информационные технологии, сервисы (заметно повысилась роль блогеров в создании и продвижении нового, образовательного и life-style контента). КНР не стала исключением: начиная с 2005 г. блоггинг в стране активно развивается параллельно с системой цензурирования и модерирования контента.

В рамках данного исследования автор на примере китайских лидеров мнений (инфлюенсеров) в интернет-пространстве анализирует регулирование социальных медиа в контексте продвижения определенных норм и ценностей. В работе выделяются и рассматриваются основные факторы (технологический и экономический), влияющие на развитие блогосферы в Китае, определяются ведущие блогеры на наиболее популярных платформах, анализируются основные нормативные акты и нарушения со стороны лидеров мнений, а также технологические инновации в регулировании социальных медиа.

Целью исследования является выявление роли инфлюенсеров в КНР в процессе продвижения норм и ценностей и особенностей регулирования социальных медиа. В качестве основных ценностных ориентиров рассматриваются «сердцевинные социалистические ценностные воззрения», провозглашенные в 2012 г., а возможность ретрансляции данных установок опирается на теорию двухступенчатого потока информации Э. Каца, где первичным потоком информации выступает, по мнению автора, государство или СМИ, а лидером общественного мнения — ведущие блогеры.

В результате автор приходит к выводу, что в ходе директивного регулирования социальных медиа прослеживается продвижение определенных ценностных ориентиров в несколько расширенной версии, включая визуальное содержание контента. Продвигаются преимущественно общественные и индивидуальные ценности, а также внедряются инновационные технологии, позволяющие косвенно влиять на формирование общественного мнения.

Ключевые слова:

Блоггинг, инфлюенсеры, социальные медиа, китайские социальные сети, Douyin, Китай.

Источники финансирования:

Публикация подготовлена в рамках Исследовательского проекта РФФИ-ЭИСИ. 21-011-31812 опн, «Имитационное моделирование распространения социальных норм и ценностей: глобальные коммуникации VS информационный суверенитет РФ».

Благодарности:

Автор выражает благодарность коллегам-китаистам за поддержку при подготовке данного исследования.

Для цитирования:

Журавлева Е.В. Китайский опыт продвижения норм и ценностей путем регулирования социальных медиа // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 97–110.
DOI: 10.31857/S013128120019294-4

В КНР государство уже имело немалый опыт стимулирования цифровизации еще до пандемии¹. Бурное развитие сектора повлекло за собой необходимость его регулирования и выработки «правил игры». Пандемия повлияла и на усиление внимания к деятельности КНР со стороны российских и зарубежных СМИ, которые в свою очередь ответили на повышенный общественный спрос расширенной новостной повесткой о Китае (рис. 1). Это привело к поддержанию идеи о новшествах и, казалось бы, внезапных решениях китайского правительства, в том числе в области регулирования интернет-пространства, деятельности блогеров и др.

Рис. 1. Данные Google Trends по поисковому запросу «Китай» за последние 5 лет

Figure 1. Google Trends data of the term "China" for the last 5 years

Источники: Google Trends. URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=today%205-y&geo=RU&gprop=news&q=%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9> (дата обращения: 30.12.2021).

Тем не менее, как уже было отмечено, КНР имеет значительные наработки в этой сфере, и, следуя тенденциям, корректирует направление ее развития во избежание угроз национальной безопасности и способствуя продвижению социальных ценностей и идей, поддерживаемых государством.

Автор исследования не будет подробно останавливаться на развитии системы регулирования Интернета в КНР, «Золотом щите» и пр., этому аспекту посвящено достаточно работ на русском и иностранных языках, включая исследования Р. Маккинон², Т. Киссель³, Я.В. Лексютинной⁴, Г.Р. Ибрагимовой⁵ и др. В этой связи примечательна работа 2014 г. Д.К. Херольда и Г. де Сета о 20-летию изучения китайского Интернета⁶. Также стоит отметить работы М. Репниковой, посвященные политике КНР в области digital-медиа⁷, автор специализируется на изучении китайских СМИ и отмечает постепенное снижение популярности традиционных медиа и приходящих им на смену digital-ресурсам. «Интернет стал серьезным полем битвы за общественное мнение», — отмечает Л.А. Афонина в своей

1. Троцинский П.В. Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования // *Право и цифровая экономика*. 2021. № 1(11). С. 44–58. DOI: 10.17803/2618–8198.2021.11.1.044–058
2. MacKinnon R. Flatter world and thicker walls? Blogs, censorship and civic discourse in China // *Public Choice*. 2008. Vol. 134. No. 1/2. Pp. 31–46. DOI: 10.1007/s11127–007–9199–0
3. Kissel T.K. License to Blog: Internet Regulation in the People's Republic of China // *Indiana International & Comparative Law Review*. 2007. Vol. 17(1). Pp. 229–268.
4. Лексютинна Я.В. Политика китайского руководства в вопросах контроля и регулирования Интернета // *Общество и государство в Китае*. 2015. Т. 45. № 1. С. 202–212.
5. Ибрагимова Г.Р. Стратегия КНР в киберпространстве: вопросы управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // *Индекс безопасности*. 2013. Т. 19. № 1(104). С. 169–184.
6. Kurt D. H. & de Seta G. Through the Looking Glass: Twenty Years of Chinese Internet Research // *The Information Society*. 2015. Vol. 31(1). Pp. 68–82. DOI: 10.1080/01972243.2014.976688
7. Repnikova M., Fang K. Digital Media Experiments in China: “Revolutionizing” Persuasion under Xi Jinping // *The China Quarterly*. 2019. Vol. 239. Pp. 679–701. DOI: 10.1017/S0305741019000316

статье «Система партийной пропаганды в Китае», раскрывая особенности работы Отдела интернет-цензуры⁸. Особого внимания заслуживают исследования П.В. Трощинского⁹, который рассматривает процесс регулирования с правовой точки зрения, а также оценивает степень цифровизации КНР в последние годы и новые технологии в этой области, также имеющие «законодательный отклик». Если западные авторы основной акцент делают на вопросах цензуры, то российские исследователи затрагивают более широкий круг тем, начиная от проблем национальной безопасности и заканчивая правовым регулированием.

В рамках данного исследования автор обращается к различным сторонам развития социальных медиа в КНР, включая основные причины активизации их развития, роль китайских инфлюенсеров в продвижении социальных ценностей, а также некоторые регуляторные инициативы, выдвинутые в КНР за последние несколько лет и призванные скорректировать содержание контента.

Базовыми принципами в этой области служат «сердцевинные социалистические ценностные воззрения», которые были озвучены в 2012 г. и заключаются, по словам А.В. Ломанова, в трехступенчатой системе: «Ценности государства — богатство и сила, демократия, цивилизация, гармония. Ценности общества — свобода, равенство, справедливость, правовое правление. Ценности индивида — патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбность»¹⁰. Большинство вышеуказанных установок, а также более конкретизированный спектр норм и ценностей можно выявить в процессе регулирования деятельности лидеров мнений, чье влияние на общество в период активного роста онлайн-взаимодействия заметно возросло. Так, например, отмечается, что потребители чаще всего учитывают мнение инфлюенсеров при принятии решения о покупке¹¹, что, в свою очередь, влияет на так называемые социальные онлайн-продажи, популярные у китайских граждан. Автор данного исследования опирается на теорию «двухступенчатого потока информации», согласно которой наиболее эффективно информация воспринимается конечным потребителем посредством «второго потока информации», а именно через лидеров мнений (opinion leaders), которые, в свою очередь, получают первичную информацию через традиционные СМИ. По мнению одного из авторов данного подхода, лидерами мнений выступают, как правило, представители близкого окружения¹². Однако если рассмотреть систему, в которой информация поступает через потоки «государство — инфлюенсер», то именно блогер станет в ней второй ступенью, к мнению которого реципиент информации прислушается в большей мере. В связи с этим предметом настоящего исследования стало регулирование распространения социальных норм и ценностей посредством онлайн-лидеров мнения.

8. Афонина Л.А. Система партийной пропаганды в Китае // *Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, Москва, 14–16 марта 2018 года*. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2018. С. 121.
9. Трощинский П.В., Молотников А.Е. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае // *Правоведение*. 2019. Т. 63. № 2. С. 309–326. DOI: 10.21638/spbu25.2019.207
10. Ломанов А.В. Общий знаменатель нации // *Россия в глобальной политике*. 2015. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/obshhij-znamenatel-naczi/> (дата обращения: 01.12.2021).
11. Zhao Y., Kou G., Peng Y., Chen Y. Understanding influence power of opinion leaders in e-commerce networks // *Information Sciences*. 2018. Vol. 426. Pp. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ins.2017.10.031>
12. Katz E. The Two-Step Flow of Communication: An Up-To-Date Report on an Hypothesis // *The Public Opinion Quarterly*. 1957. Vol. 21 (1). Pp. 61–78.

Технологический и экономический факторы развития блоггинга в КНР

В 2020 г. количество пользователей Интернета в КНР составило 989 млн чел.¹³, и по прогнозам к 2025 г. вырастет до 1,235 млрд¹⁴. Вслед за ростом числа вовлеченного населения не отстает рынок социальных медиа, онлайн-сервисов и приложений. Наиболее успешные из них «обрастают» собственной инфраструктурой, предлагая площадки для стриминга, рекламные сервисы и пр. Среди них стоит выделить Douyin, Kuaishou, Weixin (WeChat), Weibo, Xiaohongshu и Bilibili.

Таблица 1 / Table 1

Ведущие социальные медиа КНР Chinese leading social media

Название	Год запуска	Количество пользователей	Компания	Предлагаемый сервис
Douyin	2016	600 млн/день	ByteDance	Обмен короткими видео
Weixin (WeChat)	2011	450 млн/день	Tencent	Мессенджер, социальное медиа, платежное приложение
Kuaishou	2012	295 млн/день	Beijing Kuaishou Technology Co.	Обмен короткими видео
Weibo	2009	248 млн/день	Sina Weibo	Микроблоги
Bilibili	2010	62,7 млн/день	Bilibili Inc.; Shanghai Hode Information Technology Co., Ltd., Sony	Обмен видео
Xiaohongshu	2013	млн млн/месяц	Xiaohongshu	Обмен фото и видео, платформа социальной коммерции

Источники: Составлено автором на основе Number of daily active users of Douyin (TikTok) in China from January 2019 to August 2020. Statista.

URL: <https://www.statista.com/statistics/1089845/china-douyin-tiktok-daily-active-user-number/> (дата обращения: 20.12.2021); Tencent's WeChat mini program daily users in China hit 450 mln. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/technology/tencents-wechat-mini-program-daily-users-china-grew-13-450-mln-last-year-2022-01-06/> (дата обращения: 20.12.2021); Kuaishou joins 1 billion user club on the back of live streaming in China, international expansion. SCMP. URL: <https://www.scmp.com/tech/big-tech/article/3138479/kuaishou-joins-1-billion-user-club-back-live-streaming-china> (дата обращения: 20.12.2021); Number of daily active users of Sina Weibo in China from 1st quarter 2018 to 3rd quarter 2021. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1058070/china-sina-weibo-dau/> (дата обращения: 20.12.2021); Bilibili Inc. Announces Second Quarter 2021 Financial Results. URL: <https://ir.bilibili.com/news-releases/news-release-details/bilibili-inc-announces-second-quarter-2021-financial-results> (дата обращения: 20.12.2021); Xiaohongshu statistics and facts. URL: <https://expandedramblings.com/index.php/xiaohongshu-statistics-and-facts/> (дата обращения: 20.12.2021).

13. 第47次《中国互联网络发展状况统计报告》(全文) [47-й «Статистический отчет о развитии Интернета КНР»] // 中华人民共和国国家互联网信息办公室. 03.02.2021.

URL: http://www.cac.gov.cn/2021-02/03/c_1613923423079314.htm (дата обращения: 20.12.2021).

14. Number of internet users in China from 2015 to 2020 with a forecast until 2026 // Statista.

URL: <https://www.statista.com/statistics/278417/number-of-internet-users-in-china/> (дата обращения: 20.12.2021).

Появление новых социальных медиа повлекло за собой развитие сервисных технологий, в том числе цензурирующих. В штате компании Byte Dance насчитывается более 10 тыс. модераторов контента¹⁵, однако с увеличением количества информации требуются не только человеческие ресурсы, но и технические нововведения. 27 августа 2021 г. был опубликован проект «Положения об управлении рекомендациями алгоритмов информационных служб Интернета (проект запроса комментариев)». Согласно проекту, влияющие на общественное мнение провайдеры алгоритмов должны регистрировать свой сервис, в противном случае на них будет наложен штраф в размере 30 тыс. юаней и прекращена работа¹⁶.

Со временем блогосфера развивалась не только технически, прирастая новыми приложениями, но и менялся формат блогов, стали появляться лидеры мнений (инфлюенсеры), не только способные повлиять на своих подписчиков, но и выступать представителями корпоративных брендов и даже продвигать имидж определенной страны и социальные установки.

Одним из ключевых рычагов, повлиявших на развитие блогосферы, стал экономический фактор, в частности электронная коммерция. Согласно отчету китайского подразделения KPMG, начиная с 2009 г. электронная торговля в КНР приобретает новую форму, а именно появляется формат стриминговой (социальной) коммерции. Tianfeng Securities же в своем отчете отправной точкой считает 2016 г. В 2020 г. количество участников онлайн-торговли достигло 749 млн пользователей, из них 309 млн были задействованы в стриминговой коммерции¹⁷. Это 75,7 % от общего числа интернет-пользователей в КНР.

Объем продаж посредством социальных сетей по разным оценкам составил от 7,9 млрд долл. США¹⁸ до 242 млрд долл. США¹⁹ в 2020 г. Исходя из статистики можно сделать вывод, что интернет-продажи посредством социальных медиа будут играть все большую роль, вовлеченность все больших слоев населения позволит успешно продвигать не только товары, но и определенные социальные установки и ценности. Аналитики выделяют три вида платформ стриминговой коммерции: традиционные площадки — торговые сервисы Taobao, Jingdong, Pinduoduo; контент-площадки Douyin, Kuaishou, Xiaohongshu; социальные сети — Weixin (WeChat) и Weibo. По прогнозам, к 2025 г. две последние категории должны генерировать выручку порядка 983 млрд долл. США²⁰.

15. Poell T., Nieborg D.B., Duffy E.B. Platforms and Cultural Production. United Kingdom: Polity Press, 2021. URL: https://www.google.ru/books/edition/Platforms_and_Cultural_Production/Y3IEAAAQBAJ?hl=en&gbpv=0 (дата обращения: 08.12.2021).

16. 国家互联网信息办公室关于《互联网信息服务算法推荐管理规定（征求意见稿）》公开征求意见的通知 [Положения об управлении рекомендациями алгоритмов информационных служб Интернета (проект запроса комментариев)] // 中华人民共和国国家互联网信息办公室. 27.08.2021. URL: http://www.cac.gov.cn/2021-08/27/c_1631652502874117.htm (дата обращения: 08.12.2021).

17. 迈向万亿市场的直播电商 [Навстречу триллионному рынку стриминговой коммерции] // KPMG. 2020. URL: <https://home.kpmg/cn/zh/home/insights/2020/10/live-streaming-e-commerce-towards-trillion-market.html> (дата обращения: 20.12.2021).

18. 互联网传媒直播电商行业：风口正盛，未来去向何方？ [Интернет СМИ. Стриминговые продажи: Расцвет тренда и его будущее] // Tianfeng Securities Co. 16.09.2021. URL: https://pdf.dfcfw.com/pdf/H3_AP202109161516581932_1.pdf?1632336054000.pdf (дата обращения: 29.12.2021).

19. Стримеры в Китае зарабатывают миллиарды в день: как это работает и когда закончится // Forbes. 26.11.2021. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/447361-strimery-v-kitae-zarabatyvaut-milliardy-v-den-kak-eto-rabotaet-i-kogda-zakoncitsa> (дата обращения: 29.12.2021).

20. 互联网传媒直播电商行业：风口正盛，未来去向何方？ [Интернет СМИ. Стриминговые продажи: Расцвет тренда и его будущее] // Tianfeng Securities Co. 16.09.2021.

Спрос рождает предложение, и для достижения таких амбициозных целей должен быть отлажен механизм стримминговых продаж. В связи с этим с 2015 г. в КНР увеличилось не только количество так называемых мультимедийных сетей (медиасетей), предоставляющих всевозможную поддержку от продвижения контента блогеров до защиты прав и монетизации, со 160 компаний до 21 тыс.²¹, но и число нормативных актов, регулирующих отрасль. За последние два года было представлено два проекта для обсуждения от Министерства коммерции и Канцелярии по вопросам киберпространства КНР; пилотные правила управления маркетингом стримминга, совместно разработанные 7 ведомствами; в феврале 2021 г. были приняты «Руководящие идеи по усилению административной работы в области правил стримминга»²². С сентября 2019 г. по декабрь 2020 г. три ведомства провели проверку продажи пищевой продукции и лекарственных средств, по результатам которой были наложены штрафы в размере 5 млрд юаней. Также был запущен пилотный проект, согласно которому запрещается продавать контрафакт, обманывать, продавать некачественный товар и пр., что также говорит о стремлении КНР скорректировать отрасль не только с точки зрения безопасности, но и морально-этических принципов, на которых она выстроена.

Лидеры мнений и их роль в продвижении норм и ценностей

Блоггинг начал активно развиваться в КНР начиная с 2005 г. Так, в январе насчитывалось 500 тыс. блогов, а через полгода их количество выросло до 5 млн, то есть в 10 раз²³. В это же время стала развиваться «интернет-инфраструктура», китайские блогеры стали бороться за оперативность с местными СМИ. Такой рост не мог остаться без внимания со стороны регулирующих органов, и к середине года появилось требование регистрировать свой блог, а далее сами IT-компании требовали от своих пользователей регистрации, поскольку на них также ложилась ответственность за публикуемый контент²⁴. С 2017 г. стало необходимо получать разрешение на ведение блога о политике и военной сфере, с 2018 г. для микроблога стала необходима лицензия и требовалось продвижение передовой культуры и социальных ценностей²⁵.

Одним из важнейших инструментов не только социальной коммерции, но и продвижения социальных норм и ценностей стали лидеры мнений (инфлюенсеры) — KOL (Key Opinion Leaders) по-английски, *ванхун* (网红) по-китайски. Их феномен повлек за собой появление термина «экономика ванхунов» (网红经济) и формирование целой индустрии.

URL: https://pdf.dfcfw.com/pdf/H3_AP202109161516581932_1.pdf?1632336054000.pdf (дата обращения: 29.12.2021).

21. 互联网传媒直播电商行业：风口正盛，未来去往何方？ [Интернет СМИ. Стримминговые продажи: Расцвет тренда и его будущее] // *Tianfeng Securities Co.* 16.09.2021.
URL: https://pdf.dfcfw.com/pdf/H3_AP202109161516581932_1.pdf?1632336054000.pdf (дата обращения: 29.12.2021).
22. 互联网传媒直播电商行业：风口正盛，未来去往何方？ [Интернет СМИ. Стримминговые продажи: Расцвет тренда и его будущее] // *Tianfeng Securities Co.* 16.09.2021.
URL: https://pdf.dfcfw.com/pdf/H3_AP202109161516581932_1.pdf?1632336054000.pdf (дата обращения: 29.12.2021).
23. *MacKinnon R.* Flatter world and thicker walls? Blogs, censorship and civic discourse in China // *Public Choice*. 2008. Vol. 134. No. 1/2. P. 35. DOI: 10.1007/s11127-007-9199-0
24. *MacKinnon R.* Flatter world and thicker walls? Blogs, censorship and civic discourse in China // *Public Choice*. 2008. Vol. 134. No. 1/2. P. 35. DOI: 10.1007/s11127-007-9199-0
25. 微博客信息服务管理规定 [Положения управления информационными услугами микроблога] // 中华人民共和国国家互联网信息办公室. 02.02.2018. URL: http://www.cac.gov.cn/2018-02/02/c_1122358726.htm (дата обращения: 10.12.2021).

Таблица 2 / Table 2

ТОП-10 китайских блогеров
TOP 10 Chinese bloggers

Имя	Платформа	Количество подписчиков, млн пользователей	Тема блога
Ли Цзыци	<i>Youtube</i>	16,5	Китайская традиционная культура, ремесло, кухня
	Weibo	27,1	
	Bilibili	7,9	
	Douyin	54,4	
	Kuaishou	есть	
Ли Цзяци	<i>Youtube</i>	нет	Онлайн-продажа косметических средств (помада)
	Weibo	30,6	
	Bilibili	15,6	
	Douyin	45,2	
	Kuaishou	есть	
Папи Цзян	<i>Youtube</i>	0,4	Юмористические и сатирические короткие видео
	Weibo	32	
	Bilibili	6,9	
	Douyin	32	
	Kuaishou	есть	
Чэн Сян людянь бань	<i>Youtube</i>	0,16	Актер
	Weibo	4,4	
	Bilibili	1,8	
	Douyin	64	
	Kuaishou	Есть	
Фэнкуан Сяо Янгэ	<i>Youtube</i>	нет	Юмористические короткие видео о буднях китайской семьи
	Weibo	0,54	
	Bilibili	3	
	Douyin	66	
	Kuaishou	есть	
Чжан Дасянь	<i>Youtube</i>	0,3	Стримминг игр
	Weibo	9,5	
	Bilibili	6,7	
	Douyin	43,2	
	Kuaishou	есть	
Да Лангоу Чжэн Цзянпэн и Яньчжэньфуфу	<i>Youtube</i>	нет	Будни молодой семьи из пров. Гуандун
	Weibo	0,8	
	Bilibili	0,08	
	Douyin	52	
	Kuaishou	есть	
Чжу Сяохань	<i>Youtube</i>	есть	Юмористические влоги
	Weibo	2	
	Bilibili	0,037	
	Douyin	46,9	
	Kuaishou	есть	

Имя	Платформа	Количество подписчиков, млн пользователей	Тема блога
Итяо сяо Туань-туань (OvO)	Youtube	0,02	Стримминг игр
	Weibo	0,046	
	Bilibili	2,7	
	Douyin	42	
	Kuaishou	есть	
Гао Хохо	Youtube	нет	Музыкальные юмористические видео
	Weibo	5,7	
	Bilibili	нет	
	Douyin	39	
	Kuaishou	есть	

Источники: Составлено автором на основе данных страниц аккаунтов вышеуказанных китайских блогеров на платформах Youtube, Douyin, Kuaishou, Weibo, Bilibili. [Compiled by the author on the basis of data from the accounts of the Chinese bloggers on the Youtube, Douyin, Kuaishou, Weibo, Bilibili platforms].

Исходя из данных табл. 2 можно сделать вывод, что количество подписчиков и возможные охваты без учета случайных юзеров на ключевых социальных платформах могут достигать 100,5 млн человек, что делает блогеров важным инструментом не только в области электронной коммерции, но и в продвижении ценностных ориентиров и норм. Тем не менее отсутствие регулирования такого инструмента может привести к обратному эффекту: распространение моделей поведения, образа жизни и установок, не согласующихся с социальными стандартами, предлагаемые государством.

В связи с этим за последние два года в период активизации цифровизации и онлайн-общения в КНР был выпущен ряд нормативных актов, призванных регулировать поведение и посыл лидеров мнений. 23 ноября 2021 г. было опубликовано «Уведомление о дальнейшем усилении работы, связанной с регулированием онлайн-информации для звезд индустрии развлечений», которое предлагает 15 конкретных рабочих мер из 4 аспектов: контент, представление информации, управление аккаунтом и механизм общественного мнения. Согласно документу предлагается «соблюдать общественный порядок и добрые нравы, придерживаться правильной ориентации общественного мнения и ценностей, продвигать основные социалистические ценности и придерживаться здорового образа жизни»²⁶. В декабре 2021 г. вышли «Подробные правила по проверке стандартов содержания коротких видео в Интернете», состоящие из 100 пунктов. Особый интерес представляет 14-й раздел (п. 53–56), запрещающий распространение контента с вредным, отрицательным и упадническим мировоззрением и ценностями, в том числе «выставление напоказ богатства, поклонение деньгам, продвижение суицидальных игр, внебрачных отношений и беспорядочных половых связей»²⁷. В тексте документа в разделе 17 также указывается контент, который является клеветой, оскорблением, порицанием или пародией на исторических личностей, а также на лидеров зарубежных стран, что мо-

26. 关于进一步加强娱乐明星网上信息规范相关工作的通知 [Уведомление о дальнейшем усилении работы, связанной с регулированием онлайн-информации для звезд индустрии развлечений] // 中华人民共和国国家互联网信息办公室. 23.11.2021. URL: http://www.cac.gov.cn/2021-11/22/c_1639177815325970.htm (дата обращения: 10.12.2021).

27. 网络短视频内容审核标准细则 (2021) [Подробные правила по проверке стандартов содержания коротких видео в Интернете] // 国家广播电视总局. 15.12.2021. URL: http://www.nrta.gov.cn/art/2021/12/15/art_113_58926.html?fbclid=IwAR0wQvCBXoK2-O91vLP6PH-qUzUdVsgzMGNEkLEz_Vnc_hxzz6E4fji_AJE (дата обращения: 10.12.2021).

жет «повлиять на международную обстановку»²⁸. Первые 5 разделов традиционно посвящены вопросам, имеющим отношение к КПК, НОАК, социализму с китайской спецификой, проблемам сепаратизма и пр.

В ноябре 2021 г. в КНР тревел-блогер Ли Цисянь был приговорен к 7 месяцам тюремного заключения за «неуважительные фото» на могиле погибшего солдата НОАК²⁹. Также в контексте борьбы с чрезмерным потреблением и восхвалением богатства зафиксированы случаи внесения в черный список блогера, который снимал мокпан-видео (трансляция процесса приема пищи в больших объемах)³⁰, чем вызвал недовольство одного из ресторанов, а также публичных извинений инфлюенсера, который освещал в своих роликах премиальный родильный дом³¹. За продвижение «восхваляющего богатство» контента в октябре 2021 г. были также оштрафованы на 200 тыс. юаней крупнейшие социальные медиа Douyin и Kuaishou³², что, в свою очередь, запустило процесс разработки специального программного обеспечения, модеризирующего такого рода контент.

КНР требует от пользователей и инфлюенсеров не только отказаться от чрезмерного поклонения богатству и гедонизма, но и строго соблюдать государственное законодательство, в том числе в области налогов. В декабре 2021 г. стало известно о том, что одного из топовых инфлюенсеров и ведущую стримминговых продаж Viya (Хуан Вэй) на Taobao Live оштрафовали за уклонение от налогов на 210 млн долл. США³³, государство также обозначило срок в 10 дней для остальных знаменитостей и лидеров мнений для «явки с повинной». Viya называли «королевой онлайн-продаж», в апреле 2021 г. она продала запуск ракеты за 40 млн юаней от компании Hubei Enterprise Aerospace Science and Technology Rocket Technology Co. По свидетельству некоторых СМИ, идея продажи запуска ракеты в ходе стримминга возникла благодаря опросу на сайте Taobao и была реализована маркетинговым отделом производителя и командой популярного блогера. И несмотря на то, что Hubei Enterprise Aerospace Science and Technology Rocket Technology осуществляет не первый коммерческий запуск своего небольшого ракетносителя, продажа услуги посредством онлайн-трансляции стала своего рода инновацией. Однако, несмотря на успех, нарушение законодательства привело к блокировке всех аккаунтов Viya в социальных медиа³⁴.

28. 网络短视频内容审核标准细则（2021）[Подробные правила по проверке стандартов содержания коротких видео в Интернете] // 国家广播电视总局. 15.12.2021. URL: http://www.nrta.gov.cn/art/2021/12/15/art_113_58926.html?fbclid=IwAR0wQvCBXoK2-O91vLP6PH-qUzUdVsgzMGNekLEz_Vnc_hxzz6E4fji_AJE(дата обращения: 10.12.2021).
29. Chinese travel blogger jailed for 7 months over 'disrespectful' photos at soldiers' cemetery // *SCMP*. November 16, 2021. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3156138/chinese-travel-blogger-jailed-7-months-over-disrespectful> (дата обращения: 10.12.2021).
30. China: Man banned from all-you-can-eat BBQ for eating too much // *BBC*. November 21, 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-59331975> (дата обращения: 10.12.2021).
31. Chinese TikTok influencers apologise for videos of lavish spending including a US\$1,500 haircut, US\$53,000 bed and a US\$61,000 suit // *SCMP*. April 20, 2021. URL: <https://www.scmp.com/news/people-culture/china-personalities/article/3130160/chinese-tiktok-influencers-apologise-videos> (дата обращения: 10.12.2021).
32. 抖音快手因违反广告法双双被罚 [Douyin и Kuaishou оштрафованы за нарушение закона о рекламе] // 金融证券. 18.10.2021. URL: http://finance.ce.cn/stock/gsgdbd/202110/18/t20211018_37002969.shtml (дата обращения: 10.12.21).
33. China's celebrities and internet influencers given 10 days to pay outstanding taxes // *SCMP*. December 23, 2021. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3160731/chinas-celebrities-and-internet-influencers-given-10-days-pay> (дата обращения: 30.12.2021).
34. A millionaire at 34 and bigger than "Sunday Night Football," China's star saleswoman Viya rules a \$60 billion world of live online shopping // *Bloomberg*. June 4, 2020. URL: <https://www.bloomberg.com/features/2020-viya-china-livestream-shopping/> (дата обращения: 30.12.2021).

Поведение инфлюенсеров регулируется не только с точки зрения содержания контента, но и с визуальной стороны. В августе 2021 г. аккаунт блогера Фэн Сяои был заблокирован из-за жалоб со стороны пользователей, которые обвинили его в чрезмерно женоподобном образе, а уже 2 сентября 2021 г. было выпущено «Уведомление Канцелярии Государственного центрального управления радио и телевидения КНР о дальнейшем усилении управления культурными программами и их персоналом»³⁵, в котором предписывалось решительно покончить с «женоподобной (娘炮) и другой ненормальной эстетикой»³⁶. Большинство предлагаемых мер направлены на формирование определенных ценностных ориентиров у подрастающего поколения, которое наиболее подвержено влиянию не только со стороны старших возрастных групп, но и новых социальных медиа. Канцелярия по вопросам киберпространства КНР в июле 2021 г. запустило специальную акцию «Ясность. Приведение в порядок сетевого окружения несовершеннолетних в период летних каникул», которая должна была решить 7 основных проблем, угрожающих психическому и физическому здоровью несовершеннолетних. В частности, предлагалось пресекать продвижение несовершеннолетних *ванхунов* — участие детей до 16 лет в прямых трансляциях и распространение негативных ценностей³⁷.

С технической точки зрения также происходят некоторые подвижки в регулировании доступа к онлайн-контенту. В марте 2021 г. на стриминговых платформах и платформах коротких видео был запущен специальный «Подростковый режим» (青少年模式), который подразумевает ограничение сеанса подключения в 40 минут и требует введения специального кода с 22 до 6 утра. Такая мера призвана снизить время, проведенное несовершеннолетними в онлайн-сервисах.

Внимание регуляторов направлено и на движение фан-клубов в интернет-пространстве и особенности их деятельности, что было также отмечено в акции ведомства. Ведущая китайская платформа социальных сетей Weibo заблокировала более 20 фан-аккаунтов BTS, Blackpink и других корейских k-pop коллективов, объяснив это стремлением побороть «избыточную» фан-культуру³⁸.

Распространение социальных норм и ценностей происходит не только за счет корректировки деятельности ведущих блогеров, но и за счет появления новых тенденций в этой сфере. Такие понятия, как «*умаодан*» (五毛党) и «*цзыгань*» (自干五), символизирующие группы проправительственных блогеров и интернет-пользователей, хорошо изучены в отечественных и зарубежных работах, однако роль китайских инфлюенсеров,

-
35. 国家广播电视总局办公厅关于进一步加强文艺节目及其人员管理的通知 [Уведомление Канцелярии Государственного управления по делам телевидения и радиовещания КНР о дальнейшем усилении управления культурными программами и их персоналом] // 国家广播电视总局. 02.09.2021. URL: http://www.nrta.gov.cn/art/2021/9/2/art_113_57756.html (дата обращения: 09.12.2021).
36. 国家广播电视总局办公厅关于进一步加强文艺节目及其人员管理的通知 [Уведомление Канцелярии Государственного управления по делам телевидения и радиовещания КНР о дальнейшем усилении управления культурными программами и их персоналом] // 国家广播电视总局. 02.09.2021. URL: http://www.nrta.gov.cn/art/2021/9/2/art_113_57756.html (дата обращения: 09.12.2021).
37. 中央网信办启动“清朗·暑期未成年人网络环境整治”专项行动 [Ясность. Приведение в порядок сетевого окружения несовершеннолетних в период летних каникул] // 中华人民共和国国家互联网信息办公室. 21.07.2021. URL: http://www.cac.gov.cn/2021-07/21/c_1628455293580107.htm (дата обращения: 09.12.2021).
38. Chinese social media site Weibo suspends 22 K-pop accounts // BBC. September 7, 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-58479375#:~:text=Twenty%2Dtwo%20fan%20accounts%20have,Park%20Ji%2DMin's%2026th%20birthday> (дата обращения: 10.12.2021).

которые работают на зарубежных сервисах, пока мало изучена. Тем не менее такие блогеры тоже есть, они позволяют не только формировать определенный поведенческий образ внутри страны, но способствуют усилению международного имиджа КНР. В частности, на Youtube-канал ведущего китайского блогера Ли Цзыци подписано около 16,5 млн чел. Контент о традиционных китайских ремеслах и жизни в деревне набирает до нескольких десятков миллионов просмотров. Ли Цзыци называет себя «крестьянкой новой социалистической деревни». Наблюдается и присутствие иностранных лидеров мнений на внутренних китайских платформах. Так, у блогера российского происхождения с никнеймом Фулафу (伏拉夫) на платформе Douyin насчитывается порядка 11 млн подписчиков. Своей популярностью он обязан роликам, в которых в гротескной форме восхваляет Китай и реалии жизни в стране, за что также получает критические замечания со стороны китайских пользователей.

Инфлюенсером в КНР может стать не только реальный человек, но также виртуальные знаменитости и мультипликационные персонажи. Например, у персонажа Лю Еси (柳夜熙) на Weibo около 470 тыс. подписчиков. Использование новейших технологий, в том числе искусственного интеллекта, в таких целях не только позволит повысить доходы компаний, занимающихся социальными продажами, но и создать новых инфлюенсеров, чьи модели поведения можно контролировать. У мультипликационного блогера «Ишэн, маленький монах» (一神小和尚) на платформе Douyin 47 млн подписчиков. На аккаунте публикуются анимационные ролики с миловидным 3D-персонажем о его взаимоотношениях с друзьями, о переживаемых эмоциях и др., что также имеет широкий отклик у аудитории.

Таким образом, на примере китайских социальных медиа мы можем наблюдать ряд тенденций в регулировании трансляции норм и ценностей. В первую очередь это упор на поддержание сердцевинных социалистических ценностей двух ступеней: общественной и индивидуальной. Поддержание идей о «равенстве» проявляется в борьбе с чрезмерным «поклонением богатству», выставлением его напоказ и осуществляется посредством закрепления в нормативных актах, регулирующих деятельность лидеров мнений; «справедливость», «честность», «правовое правление» — в нормативном регулировании блогосферы и деятельности инфлюенсеров, публичном порицании и наказании за нарушение налогового и административного законодательства; «патриотизм и преданность делу» — в уголовном наказании блогеров за информацию, оскорбляющую НОАК; «дружественность» — в стремлении ограничить распространение контента, содержащего насилие, негативные эмоции и нормы.

Вторая тенденция касается инфлюенсеров и их возрастающего влияния на современное китайское общество. В данном случае, помимо директивного регулирования деятельности лидеров мнений, обозначается новое направление взаимодействия между государством и блогерами — сотрудничество. Именно инфлюенсеры для населения в возрасте до 35 лет становятся «вторым потоком информации», которому они доверяют, что делает блогеров весьма ценным ретранслятором для донесения определенного контента. Важно, что работает данный ретранслятор не только на формирование внутренних ценностных ориентиров, но и на внешнюю целевую аудиторию.

И наконец, в-третьих, технологическая составляющая, которая проявляется не только во внедрении инновационных разработок, позволяющих модерировать и цензурировать контент в социальных медиа, но и в создании независимых программируемых инфлюенсеров, что в свою очередь дает возможность контролировать продвижение определенных норм и ценностей с помощью гибких настроек, минуя директивные меры.

Литература

Афонина Л.А. Система партийной пропаганды в Китае // *Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и про-*

- гнозов ИДВ РАН, Москва, 14–16 марта 2018 года. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2018.
- Ибрагимова Г.Р. Стратегия КНР в киберпространстве: вопросы управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // *Индекс безопасности*. 2013. Т. 19. № 1(104).
- Лексютина Я.В. Политика китайского руководства в вопросах контроля и регулирования Интернета // *Общество и государство в Китае*. 2015. Т. 45. № 1.
- Ломанов А.В. Общий знаменатель нации // *Россия в глобальной политике*. 2015. № 5.
URL: <https://globalaffairs.ru/articles/obshhhj-znamenatel-naczi/> (дата обращения: 01.12.2021).
- Троцинский П.В. Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования // *Право и цифровая экономика*. 2021. № 1(11). DOI: 10.17803/2618–8198.2021.11.1.044–058
- Троцинский П.В., Молотников А.Е. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае // *Правоведение*. 2019. Т. 63. № 2. DOI: 10.21638/spbu25.2019.207
- Katz E. The Two-Step Flow of Communication: An Up-To-Date Report on an Hypothesis // *The Public Opinion Quarterly*. 1957. Vol. 21 (1).
- Kissel T.K. License to Blog: Internet Regulation in the People's Republic of China // *Indiana International & Comparative Law Review*. 2007. Vol. 17(1).
- Kurt D.H. & de Seta G. Through the Looking Glass: Twenty Years of Chinese Internet Research // *The Information Society*. 2015. Vol. 31(1). DOI: 10.1080/01972243.2014.976688
- MacKinnon R. Flatter world and thicker walls? Blogs, censorship and civic discourse in China // *Public Choice*. 2008. No. 134. DOI: 10.1007/s11127–007–9199–0
- Poell T., Nieborg D.B., Duffy E.B. Platforms and Cultural Production. United Kingdom: Polity Press, 2021.
- Repnikova M., Fang K. Digital Media Experiments in China: “Revolutionizing” Persuasion under Xi Jinping // *The China Quarterly*. 2019. Vol. 239. DOI: 10.1017/S0305741019000316
- Zhao Y., Kou G., Peng Y., Chen Y. Understanding influence power of opinion leaders in e-commerce networks // *Information Sciences*. 2018. Vol. 426. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ins.2017.10.031>
- 微博客信息服务管理规定 [Положения управления информационными услугами микроблога] // *中华人民共和国国家互联网信息办公室*. 02.02.2018. URL: http://www.cac.gov.cn/2018–02/02/c_1122358726.htm (дата обращения: 10.12.21).
- 第47次《中国互联网络发展状况统计报告》(全文) [47-й «Статистический отчет о развитии Интернета (КНР)»] // *中华人民共和国国家互联网信息办公室*. 03.02.2021.
URL: http://www.cac.gov.cn/2021–02/03/c_1613923423079314.htm (дата обращения: 20.12.2021).
- 互联网传媒直播电商行业: 风口正盛, 未来去往何方? [Интернет СМИ. Стримминговые продажи: Расцвет тренда и его будущее] // *Tianfeng Securities Co*. 16.09.2021.
URL: https://pdf.dcfw.com/pdf/H3_AP202109161516581932_1.pdf?1632336054000.pdf (дата обращения: 29.12.2021).
- 国家互联网信息办公室关于《互联网信息服务算法推荐管理规定(征求意见稿)》公开征求意见的通知 [Положения об управлении рекомендациями алгоритмов информационных служб Интернета (проект запроса комментариев)] // *中华人民共和国国家互联网信息办公室*. 27.08.2021.
URL: http://www.cac.gov.cn/2021–08/27/c_1631652502874117.htm (дата обращения: 08.12.2021).
- 国家广播电视总局办公厅关于进一步加强文艺节目及其人员管理的通知 [Уведомление Канцелярии Государственного управления по делам телевидения и радиовещания КНР о дальнейшем усилении управления культурными программами и их персоналом] // *国家广播电视总局*. 02.09.2021.
URL: http://www.nrta.gov.cn/art/2021/9/2/art_113_57756.html (дата обращения: 09.12.2021).
- 关于进一步加强娱乐明星网上信息规范相关工作的通知 [Уведомление о дальнейшем усилении работы, связанной с регулированием онлайн-информации для звезд индустрии развлечений] // *中华人民共和国国家互联网信息办公室*. 23.11.2021. URL: http://www.cac.gov.cn/2021–11/22/c_1639177815325970.htm (дата обращения: 10.12.2021).
- 迈向万亿市场的直播电商 [Навстречу триллионному рынку стримминговой коммерции] // *KPMG*. 2020. URL: <https://home.kpmg/cn/zh/home/insights/2020/10/live-streaming-e-commerce-towards-trillion-market.html> (дата обращения: 20.12.2021).
- 网络短视频内容审核标准细则(2021) [Подробные правила по проверке стандартов содержания коротких видео в Интернете] // *国家广播电视总局*. 15.12.2021.
URL: http://www.nrta.gov.cn/art/2021/12/15/art_113_58926.html?fbclid=IwAR0wQvCBXoK2-O91vLP6PH-qUzUdVsgzMGNEkLEz_Vnc_hxzz6E4fji_AJE (дата обращения: 10.12.2021).

The Promotion of Norms and Values through Social Media Regulation: the Experience of China

Eugenia V. Zhuravleva

PhD (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6). ORCID: 0000-0003-2583-8750. E-mail: zhuravleva-ev@rudn.ru.

Received 20.01.2022.

Abstract:

Since the beginning of the COVID-19 pandemic and the use of lockdowns to prevent new outbreaks in many countries, the Internet has become more actively used, various information technologies and services appeared, the role of bloggers in creating and promoting news, educational and life-style content increased. The PRC was at the forefront, where, since 2005, blogging has been actively developing in parallel with the content censoring and moderation system.

In the framework of this study, the author, using the example of Chinese opinion leaders (influencers) in the Internet, analyzes the regulation of social media in the context of promoting certain norms and values. The paper highlights and discusses the main factors (technological and economic) influencing the development of the blogosphere in China, identifies the leading bloggers on the most popular platforms, analyzes the main regulations and violations of it by the opinion leaders, as well as technological innovations in the regulation of social media.

The purpose of the study is to identify the role of influencers in the PRC in the process of promoting the norms and values and features of social media regulation. The "core socialist values" proclaimed in 2012 are considered as the main value orientations, and the possibility of relaying these values is based on the theory of the two-step communication flow by E. Katz, where, according to the author, the state or the media acts as the primary flow, and the opinion leaders are the key bloggers.

As a result, the author comes to the conclusion that during the directive regulation of social media certain value orientations are promoted in a slightly expanded version, including the visual content. Mostly public and individual values are being promoted, as well as innovative technologies are being introduced that make it possible to indirectly influence on the formation of public opinion.

Key words:

Blogging, influencers, social media, Chinese social networks, Douyin, China.

Funding sources:

The publication was prepared as part of the RFBR-EISI Research Project. 21-011-31812 opn, "Simulation of the spread of social norms and values: global communications VS information sovereignty of the Russian Federation".

Acknowledgements:

The author is thankful to fellow sinologists for their support in preparing this research.

For citation:

Zhuravleva E.V. The Promotion of Norms and Values through Social Media Regulation: the Experience of China // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 2. Pp. 97-110.
DOI: 10.31857/S013128120019294-4

References

- Afonina L.A. Sistema partijnoj propagandy v Kitae [The system of party propaganda in China]. *Novaya epoha: Kitaj posle XIX s"ezda KPK: Materialy ezhegodnoj nauchnoj konferencii Centra politicheskikh issledovanij i prognozov IDV RAN, Moskva, 14-16 marta 2018 goda*. Moscow: IDV RAN, 2018. (In Russ.)
- Ibragimova G.R. Strategiya KNR v kiberprostranstve: voprosy upravleniya internetom i obespecheniya informacionnoj bezopasnosti [China's strategy in cyberspace: issues of Internet management and information security]. *Indeks bezopasnosti*. 2013. Vol. 19. No. 1(104). (In Russ.)
- Katz E. The Two-Step Flow of Communication: An Up-To-Date Report on an Hypothesis. *The Public Opinion Quarterly*. 1957. Vol. 21 (1).
- Kissel T.K. License to Blog: Internet Regulation in the People's Republic of China. *Indiana International & Comparative Law Review*. 2007. Vol. 17(1).
- Kurt D. H. & de Seta G. Through the Looking Glass: Twenty Years of Chinese Internet Research. *The Information Society*. 2015. Vol. 31(1). DOI: 10.1080/01972243.2014.976688
- Leksyutina YA.V. Politika kitajskogo rukovodstva v voprosah kontrolya i regulirovaniya Interneta [The policy of the Chinese leadership in matters of control and regulation of the Internet]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2015. Vol. 45. No. 1. (In Russ.)

- Lomanov A.V. Obschij znamenatel' nacii [The Common Denominator of the Nation]. *Rossiya v global'noj politike*. 2015. No. 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/obshhij-znamenatel-nacii/> (accessed: 01.12.2021). (In Russ.)
- MacKinnon R. Flatter world and thicker walls? Blogs, censorship and civic discourse in China. *Public Choice*. 2008. Vol. 134. DOI: 10.1007/s11127-007-9199-0
- Poell T., Nieborg D.B., Duffy E.B. Platforms and Cultural Production. United Kingdom: Polity Press, 2021.
- Repnikova M., Fang, K. Digital Media Experiments in China: "Revolutionizing" Persuasion under Xi Jinping. *The China Quarterly*. 2019. No. 239. DOI: 10.1017/S0305741019000316
- Troshchinskij P.V. Cifrovoy Kitaj do i v period koronavirusa: osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya [Digital China before and during the period of coronavirus: features of legal regulation]. *Pravo i cifrovaya ekonomika*. 2021. No. 1(11). DOI: 10.17803/2618-8198.2021.11.1.044-058. (In Russ.)
- Troshchinskij P.V., Molotnikov A.E. Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya cifrovoy ekonomiki i cifrovoyh tekhnologij v Kitae [Peculiarities of Legal Regulation of the Digital Economy and Digital Technologies in China]. *Pravovedenie*. 2019. Vol. 63. No. 2. DOI: 10.21638/spbu25.2019.207. (In Russ.)
- Zhao Y., Kou G., Peng Y., Chen Y. Understanding influence power of opinion leaders in e-commerce networks. *Information Sciences*. 2018. Vol. 426. DOI: 10.1016/j.ins.2017.10.031
- 微博客信息服务管理规定 [Provisions on the Administration of Microblog Information Services]. 中华人民共和国国家互联网信息办公室. 02.02.2018. URL: http://www.cac.gov.cn/2018-02/02/c_1122358726.htm (accessed: 10.12.2021). (In Chin.)
- 第47次《中国互联网络发展状况统计报告》(全文) [The 47th "Statistical Report on Internet Development in China" (full text)]. 中华人民共和国国家互联网信息办公室. 03.02.2021. URL: http://www.cac.gov.cn/2021-02/03/c_1613923423079314.htm (accessed: 20.12.2021). (In Chin.)
- 互联网传媒直播电商行业: 风口正盛, 未来去往何方? [Internet media. The live broadcast e-commerce industry: the wind is booming, where will it go in the future?]. *Tianfeng Securities Co*. 16.09.2021. URL: https://pdf.dfcfw.com/pdf/H3_AP202109161516581932_1.pdf?1632336054000.pdf (accessed: 29.12.2021). (In Chin.)
- 国家互联网信息办公室关于《互联网信息服务算法推荐管理规定(征求意见稿)》公开征求意见的通知 [Notice of the Cyberspace Administration of China on Public Solicitation of Comments on the Provisions on the Administration of Internet Information Service Algorithms Recommendation (Draft for the Comments)]. 中华人民共和国国家互联网信息办公室. 27.08.2021. URL: http://www.cac.gov.cn/2021-08/27/c_1631652502874117.htm (accessed: 08.12.2021). (In Chin.)
- 国家广播电视总局办公厅关于进一步加强
文艺节目及其人员管理的通知 [Notice of the General Office of the National Radio and Television Administration on Further Strengthening the Management of Cultural Programs and Their Personnel]. 国家广播电视总局. 02.09.2021. URL: http://www.nrta.gov.cn/art/2021/9/2/art_113_57756.html (accessed: 09.12.2021). (In Chin.)
- 关于进一步加强娱乐明星网上信息规范相关工作的通知 [Notice on further strengthening of the work that related to the standardization of entertainment star online information]. 中华人民共和国国家互联网信息办公室. 23.11.2021. URL: http://www.cac.gov.cn/2021-11/22/c_1639177815325970.htm (дата обращения: 10.12.2021). (In Chin.)
- 迈向万亿市场的直播电商 [Towards a trillion-dollar market of live broadcast e-commerce]. *KPMG* 2020. URL: <https://home.kpmg/cn/zh/home/insights/2020/10/live-streaming-e-commerce-towards-trillion-market.html> (accessed: 20.12.2021). (In Chin.)
- 网络短视频内容审核标准细则(2021) [Online short video content review standard rules (2021)]. 国家广播电视总局. 15.12.2021. URL: http://www.nrta.gov.cn/art/2021/12/15/art_113_58926.html?fbclid=IwAR0wQvCBXoK2-O91vLP6PH-qUzUdVsgzMGNEkLEz_Vnc_hxzz6E4fji_AJE (accessed: 10.12.2021). (In Chin.)

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Взгляды китайских и российских экспертов по вопросу создания военного союза между РФ и КНР

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120019581-0

Хань Шиин

Аспирантка кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, 1). ORCID: 0000-0001-5799-7217. E-mail: hanshiying@bfsu.edu.cn.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021.

Аннотация:

По мере углубления военного сотрудничества между Китаем и Россией в научной среде было проведено много различных дискуссий относительно возможности формирования военного союза двух стран. Большинство ученых считают, что в настоящее время сохранение партнерства является наилучшим выбором. Однако суть и детали дискуссий сильно различаются.

До 2012 г. не обсуждалась даже сама возможность создания военного союза. Большинство китайских ученых утверждало, что Китай твердо придерживается политики неприсоединения. В период с 2012 по 2014 г. в стране развернулась большая дискуссия о возможности заключения военного союза между двумя странами. С точки зрения соблюдения национальных интересов и поддержания безопасности большая часть научного сообщества КНР выступала за политику неприсоединения, но некоторые ученые полагали, что такой союз позволит получить дополнительные преимущества в противостоянии с США, ведении внешней политики и влиянии на деятельность ООН. Однако после выступления Си Цзиньпина в 2015 г. китайские ученые вновь сделали выбор в пользу политики неприсоединения в российско-китайских отношениях. В свою очередь, российские ученые — сторонники политики неприсоединения не исключают возможности активизации процессов по созданию военного союза в случае необходимости.

Это в основном связано с различием в стилях проведения внешней политики двух стран и их восприятию понятия союза. Китай развивает дружбу и партнерские отношения с различными странами, придерживаясь политики неприсоединения. Хотя Россия также ведет независимую и прагматичную внешнюю политику, у нее есть союзники. Это более привычная модель поведения для РФ. В прошлом Россия и Китай трижды заключали союз. Однако каждый раз союз России и Китая в конце концов распадался, что препятствует долгосрочному сотрудничеству и развитию двусторонних отношений. Согласно проведенным исследованиям ученых двух стран, всеобъемлющее стратегическое партнерство без заключения союза является наилучшим выбором для развития российско-китайских отношений.

Ключевые слова:

Китай, Россия, военное сотрудничество, военный союз, национальный интерес, независимая и самостоятельная внешняя политика, политика неприсоединения, прагматическая внешняя политика.

Для цитирования:

Хань Шиин. Взгляды китайских и российских экспертов по вопросу создания военного союза между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 111–122.
DOI: 10.31857/S013128120019581-0

Военный союз — это особый способ сотрудничества в области безопасности. Несмотря на то, что в мире военные союзы не редкость, до сих пор не существует точного определения военного союза. Разные школы в разные времена трактовали его по-разному. Так, в 1960-х гг. ученые выделяли такие составляющие понятия, как военное взаимодействие и формальные соглашения. Роберт Осгуд считал, что военный союз — это

«письменное официальное соглашение, в соответствии с которым государства-члены обязуются совместно применять военную силу против конкретной страны, в котором одна или несколько подписавших стран обязуются применять военную силу в одностороннем порядке по согласованию с союзником в конкретных обстоятельствах»¹.

Приверженец политического реализма Стивен Уолт попытался расширить определение военного союза. По его мнению, союз прежде всего определяется тесным практическим сотрудничеством в области безопасности между двумя и более суверенными государствами, а не простым заключением письменных официальных соглашений. Военный союз — это формальные или неформальные отношения на основе сотрудничества в области безопасности между двумя или более суверенными государствами². Однако эта крайне широкая трактовка не получила большой поддержки. Большинство ученых по-прежнему настаивают на том, что только письменно оформленный союз может считаться военным союзом. Реалист Гленн Снайдер дополнил данное определение: во-первых, военный союз заключается суверенными государствами; во-вторых, он нацелен на противодействие стране (странам), не являющейся членом союза³. Либерал Чарльз Кегли, в свою очередь, считает, что военный союз не обязательно должен быть направлен против некой третьей стороны, поэтому возможно его формирование на основе соглашения о взаимной обороне или договора о ненападении⁴. Однако конструктивист Дэн Рейтер выступает против мнения Ч. Кегли, утверждая, что союзы представляют собой формальные взаимные обязательства, согласно которым договаривающиеся стороны окажут военную помощь при нападении на союзников⁵.

Китай и Россия по-разному определяют само понятие военного союза. В частности, китайские ученые трактуют его более узко, подчеркивая важность официального соглашения. В китайском Военном словаре дается следующее определение: «Военный союз — это объединение двух или нескольких государств для достижения одной и той же политической цели совместными военными действиями, закрепленное официальным соглашением. Обычно военный союз заключается в мирное время и подтверждается открытыми или тайными договорами»⁶.

В России же определение военного союза носит более широкий характер. Внимание в нем акцентируется на реальном военном взаимодействии. В Словаре военных терминов четко сформулировано, что «военный союз — это объединение двух или нескольких государств для достижения политических целей военными средствами»⁷. По своим целям они разделяются на наступательные и оборонительные.

В широком смысле нынешние отношения между Китаем и Россией являются союзными. Однако в узком — нет. Поэтому по мере углубления сотрудничества между Китаем и Россией мнения научного сообщества обеих стран относительно создания китайско-российского союза менялись.

До 2012 г., несмотря на хорошие отношения между Китаем и Россией, в китайской научной среде даже не обсуждалась возможность создания военного союза. Если вопрос о возможности создания российско-китайского военного союза и задавался, то дежурным от-

1. *Osgood R.E.* Alliance And American Foreign Policy. Baltimore And London: The Johns Hopkins Press, 1968. P. 17.
2. *Walt S.M.* The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987. P. 12.
3. *Snyder G.H.* Alliance Politics. Ithaca and London: Cornell University Press, 1997. P. 20.
4. *Kegley Ch.W., Raymond J.A., Raymind G.A.* When Trust Breaks Down: Alliance Norms And World Politics. South Carolina: University of South Carolina Press, 1990. P. 52.
5. *Reiter D.* Crucible of Beliefs: Learning, Alliances, and World Wars. Ithaca And London: Cornell University Press, 1996. P. 58.
6. 郑文翰: “军事大辞典” [Чжэн Вэньхан, Военный словарь]. 上海, 上海辞书出版社, 1992年. 第58页.
7. *Плехов А.М., Шапкин С.Г.* Словарь военных терминов. М.: Воениздат. 1988.

ветом было следующее: правительство Китая твердо привержено политике неприсоединения и не собирается ей изменять. Например, Чэнь Сюэжуэй, профессор Академии военных наук НОАК, писал, что Китай настаивает на гарантиях обеспечения равных прав всех участников военного сотрудничества. Китай самостоятельно выбирает партнеров и определяет степень сотрудничества в соответствии со своими потребностями. Китай не принимает руководящей роли крупной державы и не выступает в роли лидера, в то же время выступает за развитие нейтральных, неконфронтационных отношений, не направленных против третьих стран. Военный союз не считается подходящим вариантом для сотрудничества⁸. Военный эксперт Ян Хуэй также считал, что мы должны способствовать дальнейшему стабильному развитию сотрудничества, опираясь на принцип неприсоединения⁹. В период с 2012 по 2014 г. в связи с политическими изменениями, в том числе связанными с поворотом России на Восток и пророссийской политикой Си Цзиньпина, взгляды китайских ученых изменились. В это время велась большая дискуссия о том, создавать ли Китаю и России военный союз. Среди ученых сложились две точки зрения на проблему. Так, Дай Сюй, Янь Сюэтуан, Чжан Вэньму, Ван Шучунь, Ван Цинсон считают, что можно рассматривать создание военного союза как доступный выбор. В свою очередь, Цзян И, Чжао Хуашэн и Чжэн Юй продолжают отстаивать политику неприсоединения и убеждены в том, что военный союз между Россией и Китаем невозможен.

Возможность создания военного союза в оценках китайских экспертов

Военный теоретик Дай Сюй и профессор Бэйхана Чжан Вэньму критиковали нынешнюю политику неприсоединения Китая с точки зрения проблемы конфронтации с Соединенными Штатами, считая, что Россия является одним из наиболее подходящих кандидатов для заключения военного союза. Дай Сюй опубликовал статью под названием «Китаю и России следует создать Евразийский альянс, чтобы США оставили слабые страны в покое», в котором он указал, что согласно американской стратегии завоевания мира именно Евразия является основным полем действий. В настоящее время осуществляются процессы по изолированию и окружению КНР и РФ, являющихся стратегическими соперниками США. Преследуя сходные цели и занимая равно важные позиции на мировой арене, Россия и Китай должны совместно сдерживать США от попыток давления на слабые страны, а также укротить их стратегические амбиции по созданию империи. Китаю следует пересмотреть политику неприсоединения, принятую в годы холодной войны, изменить подходы к решению международных проблем, связанных исключительно с экономическими интересами и мирными целями. С точки зрения теории «большой стратегии» также нужно переосмыслить основные направления внешней политики государства. Дай Сюй считает, что среди других великих держав нет государств, избегающих союзов. Даже Индия, известная своей политикой неприсоединения в разных формах, тайно или явно, участвует во многих союзах. Поэтому у Китая и России нет причин для беспокойства: безопасность превыше временных экономических интересов, кооперация — это выбор с самой низкой себестоимостью¹⁰.

Профессор Чжан Вэньму также согласен с этой точкой зрения и также отмечает, что США рвались к Тихому океану и четко заявили о своем «возвращении в Восточную Азию». Сейчас не время давать обещание «никогда и ни при каких обстоятельствах не

8. 陈学惠: “中俄军事合作与地区安全” [Чэнь Сюэжуэй. Китайско-российское военное сотрудничество и региональная безопасность] // 外国军事学术. 2006年. 第8期. 第40–43页.

9. 杨晖: “中俄军事安全合作概述” [Ян Хуэй. Обзор китайско-российского сотрудничества в области военной безопасности] // 俄罗斯中亚东欧研究. 2005年. 第1期. 第87–88页.

10. 戴旭: 中俄应构建欧亚大联盟阻止美国屠戮弱国 [Дао Сюй. Китаю и России следует создать Евразийский альянс, чтобы США оставили слабые страны в покое] // 环球网. 29.01.2012.
URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/9CaKrnJu0xB> (дата обращения: 01.03.2022).

вступать в союз» подобно сунскому царю Сянгуну¹¹. В китайской истории сунский царь Сянгун считался правителем, потерпевшим неудачу из-за того, что был слишком обходителен с врагом. По мнению Чжан Вэньму, учитывая постоянное давление США на Россию и Китай, последний не должен полностью исключать вариант заключения союза. В настоящее время Китай и Россия преследуют общие интересы в отношении США, поэтому Китай может рассмотреть возможность сближения с Россией.

Ван Шучунь и Ван Цинсон из Гуандунского университета иностранных языков, проанализировав влияние внутренних и внешних факторов на китайско-российские отношения, пришли к выводу, что сподвигнуть РФ и КНР сформировать военный союз для поддержания международной стратегической стабильности, способствующей развитию двух стран, смогут только те внешние факторы, которые представляют реальную угрозу национальной безопасности и национальным интересам обоих государств¹².

Известный ученый-международник Янь Сюэтуан в своем исследовании опирался прежде всего на двусторонние отношения Китая и России с США. По его мнению, ни Китай, ни Россия не хотят иметь плохих отношений с Соединенными Штатами и надеются стать частью западного мира. Однако Запад может «принять» без ущерба для себя только одну державу. Это рождает стратегическое противоречие между КНР и РФ.

Что касается самих США, то по причине относительного снижения их влияния на международной арене администрация Б. Обамы приняла стратегию «достаточного присутствия», суть которой заключается в сокращении масштабов присутствия на Ближнем Востоке и укреплении господства США в Европе и Восточной Азии. Поскольку в краткосрочной перспективе США экономическую мощь нарастить не удастся, укрепление и расширение союзов в Европе и Восточной Азии является для Соединенных Штатов адекватным и рациональным выбором. Данная стратегия не могла расцениваться иначе как дальнейшая антагонизация Запада и его сателлитов по отношению к РФ и КНР. Растущее стратегическое давление усилило потребность в создании союза между Китаем и Россией, чтобы отреагировать на новые действия США.

Кроме того, Янь Сюэтуан также перечислил преимущества российско-китайского союза с перспективы совместного принятия решений в СБ ООН. Ученый считает, что объективные стратегические разногласия между Китаем, США, Великобританией и Францией являются причиной того, что Китай не может получить их поддержку в большинстве случаев. Однако китайско-российский союз может гарантировать, что в результате голосования в Совете Безопасности китайские и российские резолюции будут изначально иметь два голоса «за», а также появится дополнительная возможность скорректировать консолидированную позицию двух стран для привлечения других членов СБ ООН на свою сторону.

Мнения китайских экспертов о политике неприсоединения

Хотя в свое время предложение о союзничестве вызвало много дискуссий, но все же немало специалистов продолжало отстаивать политику неприсоединения. Член Академии общественных наук КНР Цзян И провел исследование, основанное на анализе национальных интересов обоих государств. С 1992 г. две страны постоянно подчеркивали открытость и прозрачность в российско-китайских отношениях. Китай и Россия рассматривают принцип «неприсоединения, отказа от конфронтации и союзов, направленных против третьей стороны» как основу отношений между двумя странами и залог взаимовыгодного

11. 张文木: “中俄结盟的限度, 目标和意义” [Чжан Вэньму. Пределы, цели и значение китайско-российского союза] // 社会观察. 2012年. 第3期. 第84–87页.

12. 王树春, 万青松: “论新型中俄关系的未来走向: 结伴还是结盟” [Ван Шучунь, Ван Цинсон. О перспективах новых китайско-российских отношений: партнерство или союз?] // 当代亚太. 2013年. 第4期. 第4–22页.

сотрудничества. Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный в 2001 г., закрепил этот принцип в форме закона. Судя по практике, политика неприсоединения не мешала тесным консультациям и сотрудничеству между Китаем и Россией по международным вопросам. Такой подход обеспечивает гибкость двусторонних отношений, основанных на уважении национальных интересов обоих партнеров¹³.

С этой точкой зрения согласна сотрудница Академии общественных наук КНР Цю Хайянь. Исследовательница подчеркивает, что на протяжении последних 20 лет именно политика стратегического партнерства, основанная на неприсоединении, отказе от сговора против других стран и отсутствии идеологического вмешательства позволила российско-китайским отношениям оставаться в состоянии устойчивого развития. И такое партнерство также принесло много пользы долгосрочному сотрудничеству между Китаем и Россией. Например, объем китайско-российской торговли в 2013 г. увеличился в 14 раз по сравнению с периодом 20-летней давности. Хорошее партнерство сильнее союза и, как правило, менее подвержено разного рода проблемам¹⁴.

Чжао Хуашэн, сотрудник Фуданьского университета, рассмотрел вопрос о китайско-российском союзе с теоретической точки зрения. Ученый считает, что китайско-российский альянс может привести к переоценке межгосударственных отношений, однако создание союза автоматически не повышает уровня самих отношений. Согласно теории союзов подобный альянс требует от обеих стран формирования единого фронта военных действий. В случае войны они поддерживают друг друга, то есть одна сторона имеет права потребовать у союзников поддержки любого характера и объема. Союзник и стратегический партнер — это очень разные статусы. От них психологически ожидают разного уровня реакции на одни и те же события. После того как Китай и Россия из стратегических партнеров превратятся в союзников, две страны будут смотреть друг на друга с совершенно иными ожиданиями и требованиями.

Однако на практике при разрешении конфликтов Китаю и России, в силу собственных национальных интересов, по-прежнему приходится делать разный выбор. С течением времени расхождение, разочарование и неудовлетворенность будут только нарастать, что приведет к росту взаимного недоверия. В конечном итоге это не только поставит под угрозу надежность стратегического союза, но и подорвет добрососедские отношения между двумя странами.

Если сравнивать стратегическое партнерство и союз, то первая форма отношений обладает большей функциональной гибкостью. Другими словами, пространство для китайско-российского стратегического сотрудничества ничем не будет ограничено. Стратегическое партнерство уже обладает большинством возможностей военного союза и не сильно уступает последнему по фактической функции¹⁵.

Член Академии общественных наук КНР Чжэн Юй проанализировал этот вопрос с точки зрения безопасности. Он считает, что китайско-российскому стратегическому партнерству не нужны соответствующие правовые договоры и соглашения, определяющие союзнические обязательства. В случае крупномасштабной войны против обеих сторон союзники не всегда могут оказывать друг другу непосредственную поддержку. Более того, учитывая военную мощь двух стран, ни одной из них не требуется обеспече-

13. 姜毅: “不靠谱的‘中俄结盟’” [Цзян И. Ненадежный «китайско-российский союз»] // 世界知识. 2012年. 第5期. 第52–53页.

14. 邱海燕: “中苏(俄)对抗和结盟的历史启示与两国关系最佳模式的选择” [Цю Хайянь. Периоды противостояния и дружественного сотрудничества между Китаем и СССР (Россией) и выбор лучшей модели развития отношений между двумя странами] // 俄罗斯学刊. 2013年. 第3期. 第34–41页.

15. 赵华胜: “中俄结盟为何缺乏现实可行性” [Чжао Хуашэн. Почему китайско-российский союз не имеет практической осуществимости] // 人民论坛·学术前沿. 2013年. 第10期. 第62–71页.

ние безопасности через военный союз. Это отличается от ситуации, при которой маленькие страны серьезно полагаются на военную поддержку крупной державы¹⁶.

28 сентября 2015 г. Си Цзиньпин в своем выступлении в Генассамблее ООН еще раз подтвердил внешнеполитический курс Китая: «Мы должны создать глобальное партнерство на международном и региональном уровне, принять новый подход к межгосударственным отношениям, характеризующийся диалогом, а не конфронтацией, продвигающий партнерство, а не союзничество». Бывший заместитель министра иностранных дел Фу Ин опубликовала статью, в которой, в частности, отмечалось, что в глазах США и их союзников, особенно с точки зрения традиционного реализма, российско-китайское сближение можно легко интерпретировать как союзнические отношения. Но для Китая выстраивание отношений с другими странами предполагает прежде всего сотрудничество и развитие. И развитие российско-китайских отношений не направлено против США. Между Китаем и США действительно существует много разногласий (например, конфликт интересов КНР и США в Южно-Китайском море, тайваньская проблема, права человека, экономика и т.д.). Но эти вопросы должны решаться только между Китаем и США. Внешняя политика Китая основывается на уважении выбора и решений всех государств, воздержании от вмешательства в дела других стран. У Китая не стоит дипломатической цели по формированию политических союзов, основанных на блоковой политике.

Большинство российских ученых, как и их китайские коллеги, считают, что в настоящее время нет необходимости формирования союза между Китаем и Россией. В данный момент гораздо выгоднее вести самостоятельную внешнюю политику. Преподаватель факультета социальных наук Университета Нового Южного Уэльса А.Н. Королев сказал, что в текущих обстоятельствах откладывание официального объявления о вступлении двух государств в альянс или сознательный отказ от такого объявления могут быть выгодны и одной, и другой стороне. Его взгляды схожи с мнением китайского ученого Цзян И, позиция которого основана на том, что именно партнерство помогает обеим странам максимально защитить свои национальные интересы, обеспечивая гибкость политики и возможность самостоятельного выбора. В подтверждение тезиса о нежелании Китая вмешиваться в международные споры на постсоветском пространстве российский ученый привел пример позиции КНР по украинскому кризису¹⁷. В свою очередь, эксперты НИУ ВШЭ А.В. Лукин, В.Б. Кашин, проанализировав позицию Российской Федерации по некоторым международным проблемам, пришли к выводу, что Россия не заинтересована в поддержке Китая в конфликте в Южно-Китайском море и Восточно-Китайском море ценой российско-вьетнамских или российско-японских отношений¹⁸. А.А. Киреева же прямо указывает на то, что потенциальная выгода, которую может принести китайско-российский альянс на данном этапе, гораздо меньше той выгоды, которую уже приносит сохранение существующего партнерства¹⁹.

Кроме того, российские ученые обеспокоены тем, что союз между Китаем и Россией приведет к асимметрии комплексной мощи. А.А. Киреева отметила, что если российская экономика не сможет выйти на траекторию устойчивого роста и модернизации, вероятность асимметричной трансформации альянса в пользу китайской стороны возрастет²⁰.

16. 郑羽: 中俄不需要军事结盟的六点理由 [Чжэн Юй. Шесть причин, почему Китаю и России не нужен военный союз] // *China.org*. 02.07.2012. URL: http://www.china.com.cn/military/txt/2012-07/02/content_25785824.htm (дата обращения: 01.03.2022).

17. Королев А.Н. Насколько близки Россия и Китай? Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях // *Россия и АТР*. 2019. № 3 (105). С. 138–160.

18. Kashin V., Lukin A. Russian-Chinese Security Cooperation in Asia // *Asian Politics & Policy*. 2018. Vol. 10. No. 4. Pp. 614–632.

19. Киреева, А.А. Будущность российско-китайского союзничества в контексте теории международных отношений // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. № 4(59). С. 84–114.

20. Киреева, А.А. Будущность российско-китайского союзничества в контексте теории международных отношений // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. № 4(59). С. 84–114.

Однако, в отличие от вывода китайских ученых, которые решительно отрицали возможность формирования союзов между двумя сторонами с 2015 г., многие российские эксперты заинтересованы в сохранении возможности заключения военного союза в качестве полезной опции. Например, С.М. Труш заявил, что ситуация избегания прямого и однозначного военного союзничества России с Китаем в настоящий момент не означает закрытие этой возможности навечно. Две страны могут вернуться и активировать сценарий заключения военного союза, если сочтут его необходимым и неотложным средством обеспечения своей безопасности в случае прямой угрозы со стороны США²¹. По мнению А.Ф. Клименко, сотрудничество России и Китая, особенно в военно-стратегической и военно-технической сферах, уже достигло уровня военно-политического союза. При необходимости они могут повысить уровень своих отношений в военно-политической сфере до союзнических, это может оказать и оказывает «отрезвляющее» действие на «стратегических соперников» России и Китая, удерживая их от реализации агрессивных намерений в отношении наших государств и их партнеров по ШОС²². Ученые НИУ ВШЭ А.В. Лукин, В.Б. Кашин, С.Г. Лузянин подчеркивают, что технически Китай и Россия уже проделали большую работу по подготовке почвы для военного альянса, однако в политическом плане они пока к этому не готовы. Но при наихудшем раскладе, если безопасность обеих стран будет одновременно подвергнута серьезной и прямой угрозе со стороны США и их союзников, они сделают этот союз реальностью²³.

Сходство в восприятии экспертами двух стран российско-китайского военного союза

Причина, по которой ученые из двух стран могут прийти к консенсусу по политике неприсоединения, заключается в том, что у двух стран нет сильной потребности в военном союзе. Ни одна из стран не хочет оказаться втянутыми в конфронтацию с другими странами, особенно с США и Европой. Иными словами, полностью исключается важный фактор в узком определении союза: их отношения не направлены ни на одну из третьих стран. Кроме того, Китай и Россия являются крупными военными державами. Хотя они не так сильны, как вооруженные силы США, при столкновении с проблемами безопасности на территории сопредельных стран и регионов войска двух стран могут в основном решить проблему самостоятельно, без военной помощи из-за рубежа. При этом другая значительная составляющая военного союза — необходимость совместного применения военной силы или военной помощи — является менее важной.

Кроме того, союз не всегда отвечает текущим национальным интересам. И у Китая, и у России есть сложные геополитические проблемы в прилегающих к ним районах. Когда у стран отличаются взгляды, ни одна из них не может полностью идти на компромисс. Так что сохранение партнерских отношений — это наилучший вариант²⁴. Об этом говорили и многие российские китаисты. После того, как две страны создадут военный

-
21. Труш С.М. Россия — США — Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2020. № 3. С. 5–24.
 22. Клименко А.Ф. Некоторые вопросы развития российско-китайского партнерства в сфере безопасности в современных условиях // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2020. № 25. С. 51–65.
 23. Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // *Сравнительная политика*. 2019. Т. 10. № 2. С. 135–151. Лузянин С.Г., Кашин В.Б. Новые измерения стратегического и военно-политического партнерства России и Китая (региональные аспекты) // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2018. Т. 23. № 23. С. 21–28.
 24. 姜毅: “不靠谱的‘中俄结盟’” [Цзян И. Ненадежный «китайско-российский союз»] // *世界知识*. 2012年. 第5期. 第52–53页.

союз, Россия может быть вынуждена вмешаться в территориальные споры Китая (например, проблемы Южно-Китайского моря и принадлежности островов Сенкаку) и занять прокитайскую позицию. Однако Россия надеется, что ее внешняя политика в Восточной Азии и Юго-Восточной Азии не будет подчинена влиянию Китая.

Отличие в восприятии экспертами двух стран российско-китайского военного союза

Китай и Россия уже подписывали союзные договоры — в 1896 г. и 1945 г. Но каждый из этих договоров просуществовал не более пяти лет, и оба были отменены по причине конфликта интересов. В феврале 1950 г. СССР и Китай подписали в Москве советско-китайский «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» с 30-летним сроком действия. Для Китая это был всеобъемлющий союз в сфере политики, экономики, безопасности, дипломатии и идеологии. Китай действительно получил огромную выгоду от сотрудничества с Россией в рамках этого договора. Но в конце 1950-х гг. между двумя сторонами возникли доктринальные расхождения и территориальные споры, которые привнесли разногласия и раскол в 1960-х гг. В конце 1960-х гг. Китай и Россия перешли к открытому соперничеству, а ожесточенная конфронтация в более поздний период принесла двум странам дипломатические и военные убытки. В глазах Китая эти союзы были расторгнуты из-за конфликта интересов. Для Китая такие кратковременные союзы явно не являются драйвером долгосрочного развития двусторонних отношений²⁵. В своей внешней политике Китай стремится к стабильности и сохранению преемственности.

Различие в стилях внешней политики и восприятии союзов привели к тому, что после детального обсуждения Китай исключил саму возможность союза из списка применяемых внешнеполитических инструментов. В докладе о работе правительства на 1986 г. отмечалось, что Китай никогда не будет привязан к какой-либо сверхдержаве и не будет заключать союзы с ними²⁶. Для КНР это был нетипичный дипломатический ход, поскольку Китай более склонен к формированию различных партнерских отношений с другими странами мира.

В настоящее время современные российско-китайские отношения официально определяются сторонами как отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху. Это беспрецедентное партнерское сотрудничество высокого уровня. Этот вид сотрудничества принципиально избегает недостатков военного союза, которые влияют на двусторонние отношения, и обеспечивает непрерывное, стабильное и глубокое развитие отношений между двумя сторонами.

Россия подвергла сомнению политику неприсоединения Китая и даже критиковала ее за «слабость». Например, некоторые русские ученые считают, что реакция КНР на изменение статус-кво в зоне конфликта на востоке Украины показывает, что Китай в современной мировой политике занимает место наблюдателя, а не участника, стремясь извлечь максимальную выгоду для себя из сложившейся ситуации. Поэтому нельзя считать Россию и Китай друзьями²⁷.

Но на самом деле такая «слабость» совершенно оправдана. Во-первых, она позволяет эффективно избегать ненужных конфликтов. Во-вторых, такая политика отражает уважение к странам-партнерам. В-третьих, Китай не остался безучастным зрителем в украинском конфликте.

25. 赵华胜: “中俄结盟为何缺乏现实可行性” [Чжао Хуашэн. Почему китайско-российский союз не имеет практической осуществимости] // 人民论坛·学术前沿. 2013年. 第10期. 第62–71页.

26. 1986年国务院政府工作报告 [Доклад о работе правительства Китая на 1986 год] // 中央人民政府门户网站. 16.02.2006. URL: http://www.gov.cn/test/2006-02/16/content_200850.htm (дата обращения: 01.03.2022).

27. Строкань С. У Китая хата с краю // Коммерсантъ. 09.03.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/theme/198?stamp=637824388444389825> (дата обращения: 09.03.2022).

С момента активизации украинского кризиса Китай делает все возможное, чтобы не допускать обострения любых конфликтов. Официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин сделала заявление о том, что Китай выступает за то, чтобы все страны разрешали международные споры мирным путем в соответствии с целями и принципами Устава ООН. Текущее развитие ситуации стало результатом совместного влияния разнообразных факторов. Для того чтобы иметь объективную картину событий и искать мирный план урегулирования, необходимо понимать историю украинского вопроса и реагировать на обостренную озабоченность в отношении безопасности каждой из сторон участниц конфликта исключительно с позиции равенства и взаимного уважения.

Хуа Чуньин критиковала США за их участие в обострении конфликтов: «Некоторым странам следует задуматься вот о чем: когда США нарушили соглашение с Россией о расширении НАТО на восток до российских границ и пять раз разворачивали большое количество комплексов современных стратегических наступательных вооружений все ближе и ближе к РФ, думали ли они о возможных последствиях, подталкивая такое крупное государство к краю пропасти?»²⁸.

Когда США, Евросоюз и другие западные страны и организации объявили о введении санкций против России из-за специальной операции на Украине, Китай твердо заявил, что выступает «решительно против любых незаконных односторонних санкций». Санкции, по мнению Китая, никогда не были эффективным способом урегулирования проблем. Это лишь спровоцирует серьезные трудности в экономике и ухудшит условия жизни людей в соответствующих странах, приведет к ситуации, когда в проигрыше останутся обе стороны, что еще больше усугубит раскол и конфронтацию.

Китай не собирается вслед за западными странами вводить санкции против России. Наоборот, КНР и Россия будут продолжать нормальное взаимовыгодное торговое сотрудничество. В то время, когда Visa и Mastercard приостановили работу в России, Китай готов совместно с Россией оформить кобейджинговую карту «Мир» — UnionPay (национальная платежная система Китая).

Нынешний кризис никак не повлиял на стабильность внешней политики КНР. Китай твердо придерживается принципов независимости равенства всех стран и мирного разрешения конфликтов. Китай не собирается менять свою политику в угоду другим странам. В нынешней ситуации страна со стабильной внешней политикой может снизить вероятность конфликтов.

Для России военный союз является более привычным видом сотрудничества в международных отношениях. Россия вместе с некоторыми бывшими республиками СССР создали военный союз ОДКБ. По мнению российских ученых, Россия и Китай достигли высокого уровня взаимодействия вооруженных сил. Более того, это взаимодействие, по сути, ничем не отличается от взаимодействия с другими военными союзниками России, включая военно-техническое сотрудничество, совместные учения, поддержка в Генеральной Ассамблее ООН. У России нет военных баз в Китае. Но в Китае тоже нет военных баз других стран. В широком смысле, если рассматривать только реальные военные взаимодействия между двумя странами, то РФ и КНР действительно могут считаться военными союзниками. В то время когда НАТО во главе с Соединенными Штатами Америки оказывает все большее давление на Россию, Россия действительно будет надеяться получить больше поддержки со стороны Китая. Превращение партнерских отношений в военный союз является чрезвычайно важным шагом для России.

28. 外交部发言人就乌克兰问题、美俄关系等答记者问 [Ответы официального представителя МИД КНР на вопросы СМИ по украинскому вопросу и российско-американским отношениям] // 中央人民政府门户网站. 24.02.2022. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-02/24/content_5675296.htm (дата обращения: 09.03.2022).

Кроме того, в отличие от стиля внешней политики Китая, Россия более склонна к жесткому противостоянию и агрессивности. Это также связано с историей России. Впервые, в эпоху холодной войны СССР и США находились в условиях длительной конфронтации. После распада СССР долгое время Россия проводила прозападную политику, надеясь сохранить хорошие отношения сотрудничества с западным миром для присоединения к «демократической семье». Однако никаких существенных выгод такая политика соглашательства не принесла, наоборот, стратегическое пространство вокруг России стремительно сокращалось. Отношения с бывшими союзными республиками продолжали ухудшаться. Наконец, Россия осознала, что вместо избегания конфликтов с Западом и дальнейшего проведения политики в ущерб своим интересам, необходимо включиться в активную борьбу. Для России подобная резкая смена внешнеполитического курса отвечает ее стремлению к сохранению собственной независимости, а сопутствующая нестабильность отнюдь не является негативным фактором. Это абсолютно противоположный Китаю стиль проведения внешней политики.

Таким образом, в последние годы в китайском и российском научном сообществе сформировалось два взгляда на возможность военного союза КНР и РФ: некоторые ученые выступают за твердое соблюдение политики неприсоединения, другие же — за сохранение возможности союза. Учитывая разность стилей ведения внешней политики и восприятия военного союза двумя странами, можно сделать следующий вывод: в текущих условиях сохранение всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем является наилучшим выбором. Такое партнерство в большей степени способствует долгосрочному и стабильному развитию обеих стран и будет положительно влиять на установление стабильного международного порядка.

Литература

- Клименко А.Ф. Некоторые вопросы развития российско-китайского партнерства в сфере безопасности в современных условиях // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2020. № 25.
- Киреева А.А. Будущность российско-китайского союзничества в контексте теории международных отношений // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. № 4(59).
- Королев А.Н. Насколько близки Россия и Китай? Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях // *Россия и АТР*. 2019. № 3(105).
- Лузянин С.Г., Кашин В.Б. Новые измерения стратегического и военно-политического партнерства России и Китая (региональные аспекты) // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2018. Т. 23. № 23.
- Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // *Сравнительная политика*. 2019. Т. 10. № 2.
- Морозов Ю.В. Россия, Китай и северокорейская ядерная проблема // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 3.
- Плехов А.М., Шапкин С.Г. Словарь военных терминов. М.: Воениздат. 1988.
- Труш С.М. Россия — США — Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2020. № 3.
- Kashin V., Lukin A. Russian-Chinese Security Cooperation in Asia // *Asian Politics & Policy*. 2018. Vol. 10. No. 4.
- Kegley C.W., Raymond J.A., Raymond G.A. When Trust Breaks Down: Alliance Norms And World Politics. South Carolina: University of South Carolina Press, 1990.
- Osgood R.E. Alliance And American Foreign Policy. Baltimore And London: The Johns Hopkins Press, 1968.
- Reiter D. Crucible of Beliefs: Learning, Alliances, and World Wars. Ithaca And London: Cornell University Press, 1996.
- Snyder G.H. Alliance Politics. Ithaca and London: Cornell University Press, 1997.
- Walt S.M. The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987.
- 陈学惠: “中俄军事合作与地区安全” [《*Чэнь Сюэхуэй*. Китайско-российское военное сотрудничество и региональная безопасность] // *外国军事学术*. 2006年. 第8期.
- 姜毅: “不靠谱的‘中俄结盟’” [《*Цзян И*. Ненадежный «китайско-российский союз»] // *世界知识*. 2012年. 第5期.

- 邱海燕：“中苏（俄）对抗和结盟的历史启示与两国关系最佳模式的选择” [Цю Хайянь. Периоды противостояние и дружественного сотрудничества между Китаем и СССР (Россией) и выбор лучшей модели развития отношений между двумя странами] // 俄罗斯学刊. 2013年. 第3期.
- 王树春, 万青松：“论新型中俄关系的未来走向：结伴还是结盟” [Ван Шучунь, Ван Циньсун. О перспективах новых китайско-российских отношений: партнерство или союз?] // 当代亚太. 2013年. 第4期.
- 阎学通：“俄罗斯可靠吗？” [Ян Сюэту. Надежна ли Россия?] // 国际经济评论. 2012年. 第3期.
- 杨晖：“中俄军事安全合作概述” [Ян Хуэй. Обзор китайско-российского сотрудничества в области военной безопасности] // 俄罗斯中亚东欧研究. 2005年. 第1期.
- 张文木：“中俄结盟的限度, 目标和意义” [Чжан Вэньму. Пределы, цели и значение китайско-российского союза] // 社会观察. 2012年. 第3期.
- 赵华胜：“中俄结盟为何缺乏现实可行性” [Чжао Хуашэн. Почему китайско-российский союз не имеет практической осуществимости] // 人民论坛·学术前沿. 2013年. 第10期.
- 郑文翰：“军事大辞典” [Чжэн Вэньхан. Военный словарь]. 上海: 上海辞书出版社, 1992年.

VIEW POINT

The Views of Chinese and Russian Experts on the Russia-China Military Alliance

Han Shiyong

Ph.D. Candidate, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University (address: 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-5799-7217.
E-mail: hanshiyong@bfsu.edu.cn.

Received 16.12.2021.

Abstract:

As the Sino-Russian military partnership deepens, scholars from both sides have had various discussions on whether a military alliance would be formed. Most scholars believe that maintaining a partnership is the best option for both countries at present, whether out of their actual needs or national interest. However, scholars from both sides have disagreed slightly on the core issue and details.

On the Chinese side, most scholars had not discussed the possibility of establishing a military alliance until 2012, they had usually confirmed that the Chinese government is firmly committed to the non-alliance policy. Between 2012 and 2014, there was a great discussion about possibility of establishing a military alliance. Some scholars explore the preference for a non-alliance policy from the interest, theoretical and purely safety perspectives, while others illustrate the benefits of a Sino-Russian alliance through different angles, such as conflicts, external factors, relations with the US and the handling of international affairs. However, when Chinese President Xi Jinping pointed out in a speech in 2015 that the two countries “should be partners and not allies”, Chinese scholars again placed non-alliance at the core of Sino-Russian relations. While Russian scholars are also inclined towards the non-alliance theory, there is another argument: Sino-Russian alliance could be a possible option.

This conclusion is mainly based on the two countries' different understanding on foreign policy and alliance formation. China have always adhered to an independent, stable and sustained foreign policy, maintaining partnerships with all countries but forming alliances with none. While also adopting an independent and practical foreign policy, Russia has alliances, and is more familiar with them. China and Russian have formed three alliances throughout their diplomatic history, all of which had failed and obstructed the long-term cooperation and development of the two nations. Based on the research and opinions of Chinese and Russia scholars, the best option remains a non-alliance.

Key words:

China, Russia, military cooperation, military alliance, national interest, independent foreign policy, non-alignment policy, pragmatic foreign policy.

For citation:

Han Shiyong. The Views of Chinese and Russian Experts on the Russia-China Military Alliance // Far Eastern Studies. 2022. No. 2. Pp. 111–122. DOI: 10.31857/S013128120019581-0

References

- Klimenko A.F.* Nekotorye voprosy razvitiya rossiisko-kitaiskogo partnerstva v sfere bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh [Some Issues of the Development of the Russian-Chinese Partnership in the Field of Security in Modern Conditions]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*. 2020. No. 25. (In Russ.)
- Kireeva A.A.* Budushchnost' rossiisko-kitaiskogo soyuznichestva v kontekste teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Theories of International Relations and Prospects of a Military Alliance between Russia and China]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2019. No. 4. (In Russ.)
- Korolev A.N.* Naskol'ko blizki Rossiya i Kitai? Voенно-strategicheskoe sotrudnichestvo v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [How Close Are Russia and China? Assessing Military-Strategic Cooperation in International Relations]. *Rossiya i ATR*. 2019. No. 3 (105). (In Russ.)
- Luzyanin S.G., Kashin V.B.* Novye izmereniya strategicheskogo i voенно-politicheskogo partnerstva Rossii i Kitaya (regional'nye aspekty) [New dimensions of the strategic and military-political partnership between Russia and China (regional aspects)]. *Kitai v mirovoj i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*. 2018. No. 23. (In Russ.)
- Lukin A.V., Kashin V.B.* Rossiisko-kitaiskoe sotrudnichestvo i bezopasnost' v ATR [Russian-Chinese cooperation and security in Asia pacific region]. *Sravnitel'naja politika*. 2019. No. 2. (In Russ.)
- Morozov Yu.V.* Rossiya, Kitai i severokoreiskaya yadernaya problema [Russia, China and the North Korean nuclear problem]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2018. No. 3. (In Russ.)
- Plekhov A.M., Shapkin S.G.* Slovar' voennykh terminov [Dictionary of military terms]. Moscow: publishing house «Voenizdat». 1988. (In Russ.)
- Trush S.M.* Rossiya — SShA — Kitai: rezony i riski rossiisko-kitaiskogo voennogo sblizheniya [Russia — USA — China: reasons and risks of Russian-Chinese military rapprochement]. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 2020. No. 3. (In Russ.)
- Kashin V., Lukin A.* Russian-Chinese Security Cooperation in Asia. *Asian Politics & Policy*. 2018. Vol. 10. No. 4.
- Kegley C.W., Raymond J.A., Raymond G.A.* When Trust Breaks Down: Alliance Norms And World Politics. South Carolina: University of South Carolina Press, 1990.
- Osgood R.E.* Alliance And American Foreign Policy. Baltimore and London: The Johns Hopkins Press, 1968.
- Reiter D.* Crucible of Beliefs: Learning, Alliances, and World Wars. Ithaca and London: Cornell University Press, 1996.
- Snyder G.H.* Alliance Politics. Ithaca and London: Cornell University Press, 1997.
- Walt S.M.* The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987.
- 陈学惠: “中俄军事合作与地区安全” [Chen Xuehui. Sino-Russian Military Cooperation and Regional Security] // 外国军事学术. 2006年. 第8期. (In Chin.)
- 姜毅: “不靠谱的‘中俄结盟’” [Jiang Yi. The unreliable "China-Russia alliance"]. 世界知识. 2012年. 第5期. (In Chin.)
- 邱海燕: “中苏(俄)对抗和结盟的历史启示与两国关系最佳模式的选择” [Qiu Haiyan. Historical Enlightenment of Confrontation and Alignment between China and The Soviet Union (Russia) and Choice of Best Model of Two Nations' Relations]. 俄罗斯学刊. 2013年. 第3期. (In Chin.)
- 王树春, 万青松: “论新型中俄关系的未来走向: 结伴还是结盟” [Wan Shuchun, Wan Qingsong. On the Prospects for the Development of Sino-Russian Relations: The Strategic Partnership of Cooperation or New Type of Alliance]. 当代亚太. 2013年. 第4期. (In Chin.)
- 阎学通: “俄罗斯可靠吗?” [Yan Xuotong. Is Russia Reliable?]. 国际经济评论. 2012年. 第3期. (In Chin.)
- 杨晖: “中俄军事安全合作概述” [Yang Hui. Overview of Sino-Russian Military Security Cooperation]. 俄罗斯中亚东欧研究. 2005年. 第1期. (In Chin.)
- 张文木: “中俄结盟的限度, 目标和意义” [Zhang Wenmu. The limits, goals and significance of the Sino-Russian alliance]. 社会观察. 2012年. 第3期. (In Chin.)
- 赵华胜: “中俄结盟为何缺乏现实可行性” [Zhao Huasheng. Why "Sino-Russian Alliance" Lacks Feasibility]. 人民论坛·学术前沿. 2013年. 第10期. (In Chin.)
- 军事大辞典 [Military Dictionary]. 郑文翰主编. 上海: 上海辞书出版社, 1992年. (In Chin.)

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Гидроэнергетика Бутана: отрасль экономики и одна из основ внешней политики государства

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120019304-5

Ширгазина Эльза Рифовна

Младший научный сотрудник Группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23). ORCID: 0000-0001-7715-2991. E-mail: e.shirgazina8@imemo.ru.

Статья поступила в редакцию 17.02.2022.

Аннотация:

Небольшое гималайское Королевство Бутан, расположенное в Южной Азии между Индией и Китаем, ограничено в выборе средств и ресурсов для развития. Оптимальным с точки зрения эксплуатации природным ресурсом является система горных рек и получаемая от них энергия. Вместе с тем сектор гидроэнергетики Бутана в своем развитии сталкивается с целым рядом проблем, среди которых основными являются: техническая сложность реализации проектов, долговое бремя страны, неблагоприятное воздействие ГЭС на дикую природу в Королевстве, глубокая зависимость от решений Индии и ограниченность альтернатив для партнерства в отрасли. В материале на основе комплексного подхода автор исследует имеющиеся в распоряжении страны природные ресурсы, особенности их использования Бутаном, проводит анализ гидроэнергетических объектов, реализованных в Королевстве, а также находящихся на разных стадиях строительства. В статье также проделана работа по исследованию национальных нормативно-правовых и структурных основ организации настоящего сектора экономики в малом государстве. На основе актуальных данных определяется значение гидроэнергетики во внешней торговле и в обеспечении благосостояния гималайской страны, изучены условия и основные схемы реализации проектов, источники финансирования энергетических инициатив. Также рассмотрена роль, которую играет гидроэнергетическая отрасль Бутана в формировании его внешнеполитического курса. Гидроэнергетика не только дала импульс для роста экономики Королевства, но и определила долгосрочные перспективы развития страны.

Ключевые слова:

Бутан, гидроэнергетика Бутана, экономика, внешняя политика Бутана, Индия, реки Бутана.

Для цитирования:

Ширгазина Э.Р. Гидроэнергетика Бутана: отрасль экономики и одна из основ внешней политики государства // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 123–135.
DOI: 10.31857/S013128120019304-5

Объектом исследования в настоящей статье выступает гидроэнергетическая отрасль экономики Бутана, основы ее формирования и роль в определении внешнеполитического курса государства.

Статья основана на анализе научной литературы в рассматриваемой области, нормативных и правительственных документов Королевства Бутан и дополняется информацией, которая имеется в открытых источниках и СМИ.

Исследованию водных ресурсов и гидроэнергетики Бутана посвящены отдельные аналитические материалы ряда профильных международных организаций, а также некоторые научные труды. В числе первых можно назвать обзоры Продовольственной и

сельскохозяйственной организации ООН¹, Азиатского банка развития (АБР)², Международной ассоциации гидроэнергетики³. Из последних выделяется фундаментальная статья Д.Н.С. Дхакала, в которой по состоянию на 1990 г. проводится анализ гидроэнергетического потенциала страны на долгосрочную перспективу с учетом географии, социально-экономических реалий, потенциальных рынков сбыта производимой энергии, возможных стратегий развития и продвижения отрасли⁴.

Комплексный характер носит работа А. Ранджана «Гидроэнергетические проекты Индии и Бутана: сотрудничество и проблемы». Автор достаточно подробно анализирует проблемы эксплуатации водных ресурсов и водной политики Бутана, прослеживает основные вехи в сотрудничестве, дает краткую характеристику гидроэнергетических проектов, выделяет главные вопросы, вызывающие озабоченность бутанской стороны⁵.

В российском сегменте научных исследовательских работ проблема развития гидроэнергетической отрасли в малой стране изучена достаточно слабо. Аспектам экономической помощи Индии Бутану посвящена работа А.А. Мельниковой, Е.В. Мельниковой «Сотрудничество в гидроэнергетической сфере как ключевой аспект индийской помощи развитию Бутана»⁶.

Для полноты картины в работе используются актуальные экономические данные, которые позволяют делать выводы о месте и значении гидроэнергетики в развитии Бутана, а также о перспективах отрасли и страны в целом.

Особенности географического положения в полной мере определяют возможности и планы экономического развития Бутана. С севера территория страны окаймляется восточной частью Гималайского горного хребта, с севера на юг в стране сменяется три главных пояса: Великие Гималаи, Внутренние Гималаи и плодородные долины, так называемые дуары⁷. Большинство рек страны протекает в направлении с севера на юг, они берут начало в первом поясе и через ущелья в подножиях гор выходят к дуарам и впадают в реку Брахмапутра. По мере приближения к южной части страны речной рисунок приобретает древовидную форму за счет ответвлений небольших горных ручьев, слияние которых образует более крупные реки⁸. Часть из них зарождается в Тибете, а часть — в ледниках Бу-

1. FAO Aquastat Reports. Country profile — Bhutan. Version 2011 // *Food and Agriculture Organization of the United Nations*. URL: <https://www.fao.org/3/ca0377en/CA0377EN.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).
2. Bhutan's Hydropower Sector: 12 Things to Know // *Asian Development Bank*. January 31, 2014. URL: <https://www.adb.org/features/bhutan-s-hydropower-sector-12-things-know> (дата обращения: 16.01.2022).
3. 2021 Hydropower Status Report. Sector trends and insights // *International hydropower association*. URL: https://assets-global.website-files.com/5f749e4b9399c80b5e421384/60c37321987070812596e26a_IHA20212405-status-report-02_LR.pdf (дата обращения: 15.01.2022).
4. Dhakal D.N.S. Hydropower in Bhutan: A Long-Term Development Perspective. Mountain Research and Development, International Mountain Society. 1990. Vol. 10. No. 4. Pp. 291–300. DOI: 10.2307/3673491/
5. Amit Ranjan. India-Bhutan Hydropower Projects: Cooperation and Concerns. ISAS Working Paper 309 // *ISAS*. October 17, 2018. URL: <https://www.isas.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2018/10/Working-Paper-No.-309-India-Bhutan-Hydropower-Projects.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).
6. Мельникова А.А., Мельникова Е.В. Сотрудничество в гидроэнергетической сфере как ключевой аспект индийской помощи развитию Бутана // *Экономические науки*. 2019. № 6 (175).
7. Дуары («врата») — область в Бутане и в Восточной Индии к югу от предгорий Гималайских гор и к северу от бассейна реки Брахмапутра. Представляет собой плодородные долины, куда стекается множество рек и их притоков из Бутана.
8. Dubey G.P. Survey of the Waters of Bhutan Physiography and Fisheries Potential. A report prepared for the Feasibility Study for Development of Inland Fisheries Project. Food and Agriculture Organiza-

тана на самом севере страны. В зависимости от расположения они подпитываются снегами с Гималайских гор, либо сезонным муссоном, либо и тем и другим.

Для всех рек Бутана присущи характерные черты горных потоков: сравнительно узкое русло, ограниченное в верховьях скальными породами; зональная смена высот, которая определяет достаточно высокую скорость течения рек⁹. Подобные характеристики позволяют получить нужную силу водного потока для преобразования в электрическую энергию.

К числу наиболее крупных речных артерий страны относятся:

1. Река Торса (известная в Бутане как Амо) начинается в приграничной долине Чумби (КНР), протекает по юго-западу Бутана через Гималаи и выходит к долинам, что придает потоку значительную силу. Однако ее длина с притоками по сравнению с другими реками небольшая — около 358 км.

2. Река Райдак (в Бутане — Ванг¹⁰) берет свой исток на северо-западе страны из ледников в Великих Гималаях, образуется от слияния рек Тхимпху, Ха и Паро. Общая протяженность артерии составляет более 600 км. Высота протекания реки на достаточно ограниченной территории от слияния рек Паро и Тхимпху до выхода к долинам существенно меняется с 2000 м до 90 м над уровнем моря.

3. Река Санкош (в Бутане Пуна-Цанг) также зарождается в ледниках Великих Гималаев на севере территории Бутана. Со своими главными притоками Мо и Пхо, а также втекающими в нее горными ручьями она является второй по величине речной системой страны с общей протяженностью более 1800 км и большим потенциалом для развития гидроэнергетики.

4. Речная система Манас (Дрангме Чху) — самая крупная в Бутане, которая вместе с рекой Санкош несет большую часть водной массы страны в центральную и восточную часть Бутана. Ее истоки — в ледниках Тибета, протяженность вместе со всеми ответвлениями составляет более 3200 км. Система Манаса включает в себя воды Мангде (Тонгса), Бумтханга, Кури (Лхобрак), Кулонг и Манас (Джангме).

Возможности использования вод этих рек для ирригации ограничены особенностями рельефа местностей, по которым они протекают, и заселенностью отдельных территорий, при этом с точки зрения перспективы их использования в энергетике они обладают достаточной силой водного потока. По многим причинам энергия, получаемая от горных рек, представляется наиболее универсальным и перспективным источником для повсеместного использования и пополнения государственного бюджета. По последним данным, гидроэнергетический потенциал Бутана оценивается в 36 900 МВт, из которых на сегодняшний день реализовано лишь чуть более 5 %¹¹.

Разумеется, наличия лишь природного ресурса недостаточно для успешного развития гидроэнергетики. Создание гидроэнергетической инфраструктуры и ее обслуживание требует значительных финансовых и материальных затрат, привлечения новейших

tion of the United Nations, Rome, 1978. URL: <https://www.fao.org/3/L8853E/L8853E00.htm#TOC> (дата обращения: 12.01.2022).

9. *Dubey G.P.* Survey of the Waters of Bhutan Physiography and Fisheries Potential. A report prepared for the Feasibility Study for Development of Inland Fisheries Project. Food and Agriculture Organization of the UN, Rome, 1978. URL: <https://www.fao.org/3/L8853E/L8853E00.htm#TOC> (дата обращения: 12.01.2022).
10. Здесь и далее названия географических объектов приводятся на основе разработанной в рамках Института языкознания РАН «Практической транскрипции для языка дзонг-кэ» авторства Ю.Б. Корякова. URL: <https://iling-ran.ru/langworld/transcript/Dzongkha.shtml> (дата обращения: 01.02.2022).
11. Statistical Yearbook of Bhutan 2021. National Statistics Bureau, 2021. P. 210. URL: <https://www.nsb.gov.bt/publications/statistical-yearbook/> (дата обращения: 01.02.2022).

технологий и высококвалифицированных специалистов для реализации технически сложных проектов в этой горной местности.

Исторически сложилось, что Индия является главным (а первоначально и единственным) партнером гималайского королевства Бутан. Когда в рамках модернизации малого государства была поставлена цель обеспечения электроэнергией домашних хозяйств, коммерческих и промышленных предприятий, Нью-Дели естественным образом стал донором в создании новой отрасли страны, профинансировав все проекты развития Бутана.

Стартом совместных гидроэнергетических инициатив принято считать 1961 г., когда стороны пришли к соглашению о поставках электроэнергии бутанской стороне с небольшой ГЭС, расположенной на трансграничной реке Джалдхак в Западной Бенгалии. Совместные строительство и эксплуатация гидроэлектростанций на территории самого Бутана начались с проекта ГЭС Чукха на реке Райдак.

После строительства еще двух объектов страны в июле 2006 г. подписали Соглашение о сотрудничестве в области гидроэнергетики (далее — Соглашение), направленное на всеобъемлющее развитие бутанского гидроэнергетического сектора. В рамках продолжения связей начинаются исследовательские и строительные работы. Первоначально в число рассматриваемых ГЭС входили: Пунацангчху-I, Пунацангчху-II, Мангдечху, Кхолонгчху, Санкош, Чамкарчху, Кури Конгри, Вангчху и Амочху. В мае 2008 г. Соглашение было дополнено Протоколом, согласно которому страны поставили амбициозную цель увеличить производственные мощности Бутана до 10 000 МВт.

Нормативное регулирование отрасли в национальном законодательстве предусмотрено в Законе об электроэнергетике 2001 г. и основывается на обновленной в 2021 г. Политике Бутана в области устойчивого развития гидроэнергетики (далее — Политика). В результате принятия этих документов проводится постепенное преобразование сектора экономики. Тремя главными регуляторами в отрасли выступают:

- управление гидроэнергетики и энергетических систем Министерства экономики, которое занимается общими вопросами регулирования, планирования, координации и мониторинга в отрасли;

- энергетическая корпорация Бутана, контролирующая передачу и распределение электроэнергии;

- управление электроэнергетики Бутана, курирующее стандартизацию минимальных технических требований, установление тарифов и иные вопросы.

В ходе институциональных преобразований в 2008 г. была создана корпорация Druk Green Power Corporation (DGPC), входящая в государственный холдинг Druk Holding and Investments. Под ее управление передавались все ГЭС, переходящие в полную собственность правительства Королевства после погашения займов, предоставленных в рамках двусторонней помощи. На сегодняшний день четыре гидроэлектростанции находятся в полном управлении DGPC: Чукха, Тала, Басочху, Куричху. С принятием новой Политики DGPC управляет на концессионной основе всеми проектами, которые ведутся в рамках межгосударственного сотрудничества и где у правительства Бутана есть доли. Корпорация также выступает представителем в части национального экспорта электроэнергии и имеет ключевые пакеты акций в дочерних и совместных предприятиях, реализующих и управляющих новыми ГЭС.

На основе Политики проводится переосмысление возможностей в части обеспечения энергетической безопасности страны, использования рациональных и инновационных подходов к выработке электричества, управления водными ресурсами, а также конкурентоспособности бутанской гидроэнергетики на индийском энергетическом рынке. В документе водные ресурсы и отрасль определены как основа всей экономики госу-

дарства, стратегический возобновляемый энергетический ресурс, который обеспечивает экономический рост и индустриализацию страны, повышение уровня жизни населения¹². Фактически сегодня о серьезности планов приоритетного развития свидетельствует следующая ситуация: объем внешнего долга страны по последним оценкам правительства составляет 116,2 % от ВВП, из которых 73,4 % приходятся на кредитные средства, полученные для реализации масштабных гидроэнергетических проектов¹³.

Большая часть станций в Бутане построена по принципу русловых ГЭС (*run-of-the-river*), что подразумевает использование в первую очередь естественного потока реки и, как правило, они не имеют больших водохранилищ. Вместе с тем их конструкция может быть разной и иметь каскадную схему, что требует двух или даже более установок, которые были бы расположены на реке последовательно. Подобная схема устройства ГЭС позволяет вырабатывать оптимальные объемы электроэнергии. Сегодня в Бутане действуют следующие станции:

1. ГЭС Чукха стала самым первым на территории Бутана крупным гидроэнергетическим сооружением и проектом, реализованным в гималайском королевстве с помощью Индии. В 1974 г. страны подписали Соглашение о ее строительстве на реке Ванг. Работы заняли немало времени и лишь к середине 1988 г. объект с мощностью 336 МВт был введен в эксплуатацию. Электричество отводится по сети не только в населенные пункты южной части Бутана, но в Западную Бенгалию (Бирпара). Это предприятие было полностью реализовано и профинансировано правительством Индии (60 % от общей суммы составил грант и 40 % — кредит со ставкой 5 %). В работах были задействованы индийские инженеры и иные специалисты в данной области, а оборудование, обслуживающее станцию и по сей день, индийского производства. Подобный подход в целом остается актуальным и сегодня, хотя и с постепенным изменением схемы финансирования.

2. ГЭС Басочху (мощность 64 МВт) построена в дзонгхаге¹⁴ Ванги-Пходранг и снабжается водами рек Басочху и Руричху. Станция имеет водохранилище малого объема, которое позволяет накапливать воду в сухие сезоны и тем самым регулировать уровень выработки и подачи электричества. Она вместе с первым строением ГЭС представляет собой верхнюю установку, с которой вода подается в нижнюю, где и вырабатывается большая часть энергии. Строительство велось в 1990-е гг., первый этап ввода в эксплуатацию осуществлен в 2002 г., заключительный — в 2004. Проект спонсирован австрийским правительством (на грантовой и кредитной основе — верхняя установка в соотношении 37,3 % — грант и 49 % — кредит; нижняя 2,74 % гранта и 92,11 % кредита; оставшуюся часть суммы обеспечило правительство Бутана¹⁵) и реализован консорциумом австрийских компаний. Выработанное здесь электричество главным образом поступает в близлежащие населенные пункты в административных районах Пунакха, Тхимпху, Циранг. Однако оно также было направлено на восстановление электроснабжения в Индию, когда из-за крупнейшей аварии в энергосистеме страны 30–31 июля 2012 г. индийские штаты на севере, северо-востоке и востоке остались без света.

-
12. Bhutan Hydropower Sustainable Development Policy 2021. Ministry of Economic Affairs Royal Government of Bhutan, 2021. P. 1. URL: <https://www.moea.gov.bt/wp-content/uploads/2017/07/Bhutan-Sustainable-Hydropower-Development-Policy-2021.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).
 13. Lotay Tschering, *the Prime Minister of the Royal Government of Bhutan*. State of the Nation. Sixth Session Third Parliament of Bhutan, 24 December, 2021. P. 64. URL: <https://www.cabinet.gov.bt/wp-content/uploads/2021/12/State-of-the-nation-2021.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
 14. Дзонгхаг (Dzongkhag) — административно-территориальная единица Бутана (представляет собой округ или административный район).
 15. Basochhu Hydropower Plant (BHP) // *Druk Green Power Corporation Limited*. URL: <https://www.drukgreen.bt/basochhu-hydropower-plant-2/> (дата обращения: 10.02.2022).

3. ГЭС Тала, создание которой началось в 1997 г. ниже по течению реки Ванг. Станция стала крупнейшим реализованным в стране проектом развития, обеспеченным правительством Индии (объект остается таким и сегодня, мощность — 1020 МВт). Строительство было полностью завершено к середине 2007 г. Спонсирование работ осуществлено по схеме 60 % грантовых средств и 40 % — кредитных, но процентная ставка по последнему уже увеличилась до 9 %. ГЭС обеспечивает электричеством не только населенные пункты на юго-западе страны, но и большую часть энергии экспортирует по передающим сетям на подстанцию в Силигури (Индия).

4. ГЭС Куричху сегодня является единственной действующей станцией в восточной части Бутана. Она возведена в дзонгхаге Монгар на одноименной реке, работы шли параллельно с ГЭС Тала и к маю 2002 г. все модули были введены в эксплуатацию. Станция сооружалась при финансовом участии правительства Индии по той же схеме — 60:40, процентная ставка по кредиту — 10,75 % в год. Ее производительность составила 60 МВт, что позволяет обеспечивать электричеством населенные пункты в восьми административных районах в восточной и центральной частях страны (Монгар, Лхунце, Пемагачел, Трашиганг и др.), а также экспортировать энергию в индийский Ассам.

5. ГЭС Дагачху (мощность — 126 МВт) является индо-бутанским совместным предприятием, управляется дочерней компанией DGPC Dagachhu Hydro Power Corporation Limited (59 % акций принадлежат DGPC, 26 % — индийской Tata Power и 15 % — Национальному пенсионному и резервному фонду Бутана). Разница в высотах между расположением объекта и местом водосбора значительна, составляет около 3500 м. После технико-экономического обоснования, проведенного австрийской фирмой Bernard Engineers, проект был одобрен к запуску правительством Бутана как разрабатываемый на основе механизма чистого развития¹⁶. Это первое гидроэнергетическое предприятие в стране, которое обеспечивалось на основе государственно-частного партнерства с соотношением собственного и заемного капитала 60:40. Софинансирование инициативы взял на себя австрийский Raiffeisen Zentralbank Österreich AG, а ее структурирование — Japan Special Fund в рамках АБР. Техническую поддержку в строительных работах оказало Австрийское агентство развития и индийская строительная фирма Hindustan Construction Company. Ввод установок ГЭС состоялся в феврале — марте 2015 г. Вся энергия, вырабатываемая здесь, согласно заключенному долгосрочному договору с Tata Power Trading Company Limited, направляется в Индию¹⁷.

6. ГЭС Мангдечху построена на реке Мангде в центральной части Бутана (дзонгхаг Тронгса). Ее мощность составила 720 МВт. Схема финансирования здесь уже существенно изменилась: 70 % составляют кредитные средства, всего лишь 30 % — грант. Консультантом данного проекта была Государственная гидроэнергетическая корпорация Индии, к строительству также привлекались индийские компании. Большая часть электричества станции экспортируется соседу через две линии электропередач в 400 кВ через бутанский Джигмелинг в приграничье и территорию Ассама до подстанции Силигури в Западной Бенгалии, откуда уже попадает в национальную сеть Индии.

Поскольку гидроэнергетика является одним из главных приоритетов в перспективах развития страны, начата работа над целым рядом новых проектов. К настоящему моменту на разных этапах строительства находятся следующие объекты:

16. Механизм чистого развития (МЧР) — механизм сотрудничества, предусматривающий помощь развивающимся странам в обеспечении их устойчивого развития на основе инвестиций правительств и бизнеса развитых стран в экологически чистые проекты. Разработан на основе Киотского протокола 1997 г.

17. Corporate Background // *Dagachhu Hydro Power Corporation Limited*.

URL: <http://www.dagachhu.com/index.php/background/> (дата обращения: 11.02.2022).

1. В рамках Соглашения Бутана с Индией 2006 г. начали разрабатываться проекты двух станций Пунацангчу. Как уже сложилось, название определено по реке, на которой они возводятся — Пуна Цанг, строительство ведется в административном районе Вангди-Пходранг. Разработка и исследование проекта Пунацангчу-I стартовали в начале 2000-х гг., в июле 2007 г. стороны пришли к окончательному соглашению по этому проекту. Предприятие финансируется правительством Индии по схеме 40 % грантовых средств и 60 % — кредитных со ставкой 10 %. Предусмотренная мощность проекта составляет — 1200 МВт. По состоянию на сентябрь 2021 г. станция была готова на 87,3 %. Проект получил одобрение в рамках Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата как соответствующий Сертифицированным единицам сокращения выбросов в рамках механизма чистого развития.

Пунацангчу-II (1020 МВт) возводится под контролем собственного управляющего органа, созданного совместно двумя правительствами Индии и Бутана. Соглашение о строительстве ГЭС стороны было подписано в апреле 2010 г. и по состоянию на осень 2021 г. объект был завершен на 91 %. В отличие от первой станции здесь применена иная схема: 30 % гранта, 70 % — кредит с годовой ставкой 10 %. Поставка оборудования для завода была обеспечена по контракту, заключенному с индийской инженеринговой и производственной компанией Bharat Heavy Electricals Limited.

К настоящему времени уже проведены линии передачи электроэнергии от обеих станций из Бутана в Индию. Однако сроки завершения строительства и ввода самих ГЭС в эксплуатацию неоднократно сдвигались из-за многочисленных сложностей в процессе выполнения работ. На момент написания настоящего материала скорректированные сроки для обеих станций намечены на 2024–2025 гг. Использование мощностей обеих станций в будущем позволит увеличить объемы экспорта электроэнергии из Бутана с 2000 до 4200 МВт.

2. ГЭС Никачху (расчетная мощность 118 МВт). Для ее реализации в 2014 г. корпорация Druk Green Power Corporation создала дочернюю компанию Tangsibji Hydro Energy Limited (ТНУЕ). Строительство идет в центральном административном районе Бутана Тронгса. Проект финансируется при поддержке Азиатского банка развития на 65 %, 35 % обеспечено Бутаном. К началу февраля 2022 г. станция возведена на 78,84 %. Как ожидается, объект может быть введен в эксплуатацию к июню 2023 г.¹⁸

3. ГЭС Кхолонгчу (600 МВт). Управляется совместным индо-бутанским предприятием Kholongchhu Hydro Energy Ltd. В 2015 г. начались подготовительные работы по объекту, однако строительство долгое время откладывалось из-за согласования тарифа на продажу электроэнергии в Индию. Проект расположен в нижнем течении реки Кхолонгчу в Трашиянгце на востоке страны. Он обеспечивается за счет соотношения кредита и собственного капитала 70:30 с долей участия 50/50 между DGPC и индийским Satluj Jal Viduyt Nigam Limited. Ориентировочным сроком завершения работ над станцией рассматривается 2025 г. Концессионное соглашение по реализации и управлению ГЭС предусматривает по истечении 30-летнего периода передачу станции Королевству Бутан в хорошем рабочем состоянии. Заслуживающими внимания условиями документа также являются обязательства застройщика по преимущественному привлечению к строительству бутанских подрядчиков (рабочая сила, поставщики товаров и услуг). Еще одним плюсом проекта для Бутана должны стать строительство и модернизация дорожной инфраструктуры в восточном районе страны¹⁹.

18. About Us // *Tangsibji Hydro Energy Limited*. URL: http://thye.bt/?page_id=9 (дата обращения: 12.02.2022).

19. Concession Agreement for 600MW Kholongchhu Hydroelectric Project signed // *Kholongchhu Hydro Energy Limited*. URL: <https://www.khepbhutan.com/index.php/latest-events> (дата обращения: 13.02.2022).

Большая часть остальных проектов, которые разрабатываются еще с начала 2000-х гг., находится в замороженном состоянии. Главной проблемой для их реализации остается недостаток средств. Индия, как главный партнер Королевства, не может единолично внести необходимые миллиарды инвестиций, а Бутану это тем более не под силу.

Развитие Королевства Бутан и его благосостояние сегодня главным образом зависит от успешности работы гидроэнергетического сектора, что дает импульс для развития всей экономики страны, стимулируя рост таких отраслей, как строительство, обрабатывающая промышленность, торговля и пр. Кроме того, благодаря проектам ГЭС появилась возможность проложить дороги и создать социально значимую инфраструктуру (водные очистные сооружения, больницы и школы). Сегодня доступ к электричеству имеют 99,97 % домашних хозяйств. С началом развития сектора наблюдается рост экономики страны и, как следствие, доли гидроэнергетики в ВВП (в 2020 г. на нее приходилось 17,7 % ВВП²⁰).

Главный и пока единственный в отрасли контрагент Бутана — Индия. В двусторонних отношениях электроэнергия выступает, с одной стороны, как товар, а с другой — как привлекательный инвестиционный проект. В прошедшем году Индия продолжила наращивать инвестиции в бутанскую экономику (до 50 % общего объема), преимущественно уделив внимание рассматриваемой отрасли.

Ставшая уже традиционной тесная связь их экономик (на Индию приходится 77 % всего экспорта Бутана) имеет показательную структуру. В общем объеме экспорта Бутана южному соседу за 2020 г. электричество составило около 63 %²¹ (главным образом со станций Чукха, Тала, Куричху и Мангдечху). Страны соединяют линии сверх- и высоковольтных передач в 400 кВ, 220 кВ и 132 кВ.

Как уже сложилось за прошедшие десятилетия, Индия получает все объемы энергии, производимые сверх тех, что необходимы для внутреннего потребления в Бутане. Объем варьируется, но составляет от 70 % до 80 % всего производства. Тариф на поставку электроэнергии устанавливается каждый раз соответствующим протоколом по согласованию сторон, однако цена для южного соседа существенно ниже рыночной. Так, например, тариф на энергию, выработанную ГЭС Мангдечху, составляет 4,21 нгултума²² (0,06 долл. США) за кВт ч. Условия протокола действуют в течение 35 лет с повышением тарифа на 10 % каждые пять лет до погашения Бутаном кредита и на 5 % после этого²³.

Отрасль сохраняет свое значение для социально-экономического развития страны, даже несмотря на снижение объемов экспортных поставок электроэнергии в 2021 г. на 15,9 %²⁴. Непривычное уменьшение объема может быть связано с ростом поставок иных позиций внешнеторгового перечня, а также с увеличившимся за 2021 г. внутренним спросом на потребление энергии. Однако остается несомненным, что за последние два года с начала пандемии на фоне «проседания» сектора услуг и промышленности в целом, гидроэнергетика оказалась не столь затронута ее ограничениями. Это позволило смягчить нега-

20. Statistical Yearbook of Bhutan 2021. National Statistics Bureau. P. 210. URL: <https://www.nsb.gov.bt/publications/statistical-yearbook/> (дата обращения: 01.02.2022).

21. Report on Bhutan's External Trade. 2021. P. 8. URL: <https://www.moea.gov.bt/wp-content/uploads/2017/10/Report-on-Bhutans-External-Trade-2020.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

22. Денежная единица Королевства Бутан.

23. *Debasis Sarkar*. India-Bhutan sign Rs 4,500 crore Mangdechhu Hydro project's power tariff protocol // *The Economic Times*. April 26, 2019. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/power/india-bhutan-sign-rs-4500-crore-mangdechhu-hydro-projects-power-tariff-protocol/article-show/69053103.cms> (дата обращения: 19.01.2022).

24. *Sonam Yangdon Tenzin*. Electricity export decreases by 15.89 % in 2021 // *Business Bhutan*. January 18, 2022. URL: <https://businessbhutan.bt/Electricity-expor/> (дата обращения: 20.01.2022).

тивные последствия для экономики страны и удержать ее от резкого спада. Причем львиную долю роста поступлений от экспорта обеспечила новая ГЭС Мангдечху.

Гидроэнергетика, будучи перспективным и продвигаемым проектом развития в Бутане, сталкивается с рядом моментов, затрудняющих сооружение новых станций и установок. В числе основных можно назвать:

1. Техническая сложность реализации некоторых объектов. Сложный горный рельеф всего пояса Гималайских гор (даже не говоря об их сейсмической активности) потенциально создает риски возникновения оползней и наводнений, что на этапе строительства ГЭС служит серьезным препятствием. К примеру, этим обусловлены неоднократные задержки при возведении станций Пунацангчху-I и Пунацангчху-II. Бассейн реки Санкош (или Пуна-Цанг) и долина Вангди, на которой создаются объекты, признаны экспертами Программы развития ООН как наиболее подверженные риску наводнений в ледниковых озерах (так как 13 из 25 ледниковых озер страны расположены здесь)²⁵.

2. В свою очередь сложности возведения объектов приводят, с одной стороны, к росту издержек, а с другой — к увеличению сроков строительства и, как следствие, процентов за время строительства. А это обуславливает возрастание расходов на обслуживание долга и долговой нагрузки страны в целом. К тому же доля кредитов в финансовой помощи Индии Бутану в отличие от грантов постепенно растет, а тарифы на экспортируемую электроэнергию остаются ниже рыночных. Все перечисленное не отвечает интересам Тхимпху. Хотя в долгосрочной перспективе затраты, понесенные на строительство и ввод в эксплуатацию ГЭС, окупаются, но в среднесрочной — не может быть и речи о самодостаточности экономики.

Другим аспектом проблемы является очень высокая доля импорта в строительстве, что является причиной значительного внешнеторгового дисбаланса в пользу Нью-Дели и высокого внешнего долга Бутана, который превышает 100 % ВВП. Поэтому создание и развитие отрасли в Королевстве не привело к всестороннему подъему экономики, ведь оборудование, материалы и рабочую силу обеспечивает индийская сторона. настолько глубокая зависимость от расположения и щедрости южного соседа не может игнорироваться правительством Бутана, и ситуация неоднократно служила причиной затягивающихся переговоров.

3. Ограниченность рынков сбыта. Замкнутость географического положения Бутана с ориентацией на Индию порождает проблему зависимости от спроса на электроэнергию со стороны единственного партнера. Попытки диверсификации не дали ощутимых результатов. Несмотря на намерения привлечь к развитию гидроэнергетических предприятий Бангладеш, первая трехсторонняя совместная инициатива по строительству ГЭС Дорджилунг с мощностью 1125 МВт все еще находится на этапе разработки отчета по проекту.

4. Неравномерность развития объектов ГЭС и передающей сети по регионам страны. В отличие от западной и центральной частей в восточной сегодня работает только станция Куричху.

5. Воздействие на уникальную экосистему пояса Гималайских гор. Несмотря на распространенное мнение о том, что использование гидроэлектростанций является одним из наиболее чистых способов получения энергии, им всем присуще изменение стока реки и микроклимата местности. К примеру, согласно проектной документации ГЭС Пу-

25. Project Design Document Form for CDM Project Activities (F-CDM-PDD). Punatsangchhu-I Hydroelectric Project, Bhutan, 2013. P. 28. URL: https://cdm.unfccc.int/filestorage/H/M/6/HM6VZ1UXNIK5J4YDBTGLASC7RW2O39/308.49_PDD_PHPA_I_clean_v07?t=UkJ8cjdnaJFqfDDIg_cqR7Hqk95Gt-yF9BdE (дата обращения: 14.02.2022).

нацангчу-І, список экологических проблем, порождаемых объектом, внушительен. В числе основных: нарушение баланса дикой природы; деградация лесов; усиление эрозии почвы из-за проводимых строительных работ; загрязнение воды и, как следствие, рост числа связанных с этим заболеваний; образование твердых отходов, строительной пыли и грязи на месте проведения работ; сброс сточных вод с высоким содержанием взвешенных твердых веществ и снижение стока реки и целый ряд других²⁶. Для Бутана как страны, которая уделяет особое внимание сохранению своей уникальной природы, минимизация вредного воздействия промышленных предприятий требует тщательной проработки и подчас возрастающих затрат.

При характеристике бутано-индийских отношений неизменно делается акцент на взаимовыгодном сотрудничестве в области развития гидроэнергетики. Подчеркивается ее особая роль в двусторонних связях. Проекты обсуждаются на уровне правительств и профильных государственных структур и именуются не иначе как «межправительственные». В связи с этим для характеристики деятельности официальных лиц в продвижении инициатив в этой области используется понятие «гидроэнергетическая дипломатия». Отрасль является основополагающей для экономики страны, и поэтому ее динамика оказывает огромное влияние на внешнеполитические приоритеты Бутана.

С другой стороны, в результате указанных диспропорций в сотрудничестве, а также ограниченных возможностей экономики малой страны для поиска альтернативных партнеров уменьшается пространство для внешнеполитического маневрирования. Принимая во внимание тот факт, что отрасль продолжает развиваться и проекты последовательно вводятся в эксплуатацию, ситуация не меняется уже десятилетия. Для Индии такая схема служит гарантом дружественной лояльности правительства Бутана, а для Бутана подобная зависимость от партнера потенциально ограничивает спектр вариантов привлечения инвестиций из иных источников, что могло бы иметь положительный эффект для экономики, а также возможных внешнеполитических инициатив.

Литература

- Мельникова А.А., Мельникова Е.В. Сотрудничество в гидроэнергетической сфере как ключевой аспект индийской помощи развитию Бутана // *Экономические науки*. 2019. № 6 (175).
- 2021 Hydropower Status Report. Sector trends and insights // *International hydropower association*. URL: https://assets-global.website-files.com/5f749e4b9399c80b5e421384/60c37321987070812596e26a_IHA20212405-status-report-02_LR.pdf (дата обращения: 15.01.2022).
- About Us // *Tangsibji Hydro Energy Limited*. URL: http://thye.bt/?page_id=9 (дата обращения: 12.02.2022).
- Amit Ranjan*. India-Bhutan Hydropower Projects: Cooperation and Concerns. ISAS Working Paper 309 // *ISAS*. October 17, 2018. URL: <https://www.isas.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2018/10/Working-Paper-No.-309-India-Bhutan-Hydropower-Projects.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).
- Basochhu Hydropower Plant (BHP) // *Druk Green Power Corporation Limited*. URL: <https://www.drukgreen.bt/basochhu-hydropower-plant-2/> (дата обращения: 10.02.2022).
- Bhutan's Hydropower Sector: 12 Things to Know // *Asian Development Bank*. January 31, 2014. URL: <https://www.adb.org/features/bhutan-s-hydropower-sector-12-things-know> (дата обращения: 16.01.2022).

26. Project Design Document Form for CDM Project Activities (F-CDM-PDD). Punatsangchhu-I Hydroelectric Project, Bhutan, 2013. P. 55–57. URL: https://cdm.unfccc.int/filestorage/w/h/JI3OF4QVLUG6R№5ME0CSB1DAKHT2YP.pdf/308.49_PDD_PHPA_I_v06?t=SDV8cjdP YTB5fDCCy-6Z4tYc1C0K6XPmP1pw (дата обращения: 14.02.2022).

- Bhutan Hydropower Sustainable Development Policy 2021 // *Ministry of Economic Affairs Royal Government of Bhutan*. URL: <https://www.moea.gov.bt/wp-content/uploads/2017/07/Bhutan-Sustainable-Hydropower-Development-Policy-2021.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).
- Concession Agreement for 600MW Kholongchhu Hydroelectric Project signed // *Kholongchhu Hydro Energy Limited*. URL: <https://www.khepbhutan.com/index.php/latest-events> (дата обращения: 13.02.2022).
- Corporate Background // *Dagachhu Hydro Power Corporation Limited*. URL: <http://www.dagachhu.com/index.php/background/> (дата обращения: 11.02.2022).
- Debasis Sarkar*. India-Bhutan sign Rs 4,500 crore Mangdechhu Hydro project's power tariff protocol // *The Economic Times*. April 26, 2019. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/power/india-bhutan-sign-rs-4500-crore-mangdechhu-hydro-projects-power-tariff-protocol/articleshow/69053103.cms> (дата обращения: 19.01.2022).
- Dhakal D.N.S.* Hydropower in Bhutan: A Long-Term Development Perspective. *Mountain Research and Development*, International Mountain Society. 1990. Vol. 10. No. 4. DOI: 10.2307/3673491
- Dubey G.P.* Survey of The Waters of Bhutan Physiography and Fisheries Potential. A report prepared for the Feasibility Study for Development of Inland Fisheries Project. Food and Agriculture Organization of the United Nations, Rome, 1978. URL: <https://www.fao.org/3/L8853E/L8853E00.htm#ТОС> (дата обращения: 12.01.2022).
- FAO Aquastat Reports. Country profile — Bhutan. Version 2011 // *Food and Agriculture Organization of the United Nations*. URL: <https://www.fao.org/3/ca0377en/CA0377EN.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).
- Lotay Tschering, the Prime Minister of the Royal Government of Bhutan*. State of the Nation. Sixth Session Third Parliament of Bhutan // *Office of the Prime Minister and Cabinet*. December 24, 2021. URL: <https://www.cabinet.gov.bt/wp-content/uploads/2021/12/State-of-the-nation-2021.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
- Project Design Document Form for CDM Project Activities (F-CDM-PDD). Punatsangchhu-I Hydroelectric Project, Bhutan // *United Nations Framework Convention on Climate Change*. July 18, 2013. URL: https://cdm.unfccc.int/filestorage/w/h/JI3OF4QVLUG6R№5ME0CSB1DAKHT2YP.pdf/308.49_PDD_RHPA_I_v06?t=SDV8cjdPVTB5fDCCy-6Z4tYc1C0K6XPmP1pw (дата обращения: 14.02.2022).
- Report on Bhutan's External Trade. 2021 // *Ministry of Economic Affairs*. URL: <https://www.moea.gov.bt/wp-content/uploads/2017/10/Report-on-Bhutans-External-Trade-2020.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).
- Sonam Yangdon Tenzin*. Electricity export decreases by 15.89 % in 2021 // *Business Bhutan*. January 18, 2022. URL: <https://businessbhutan.bt/Electricity-экспорт/> (дата обращения: 20.01.2021).
- Statistical Yearbook of Bhutan 2021 // *National Statistics Bureau*. URL: <https://www.nsb.gov.bt/publications/statistical-yearbook/> (дата обращения: 01.02.2022).

ENVIRONMENT

Bhutan's Hydropower: the Economy Sector and One of the Foundations of the State's Foreign Policy

Elsa R. Shirgazina

Junior researcher, Group of South Asia and the Indian Ocean Region, Centre for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7715-2991. E-mail: e.shirgazina8@imemo.ru.

Received 17.02.2022.

Abstract:

The small Himalayan Kingdom of Bhutan, located in South Asia between China and India, is constrained in the alternatives of means for development. The most optimal natural resource for exploitation is the system of mountain rivers and the energy received from them. At the same time, this sector of the country's economy faces several development difficulties. Those often include

the technical complexity of project implementation, the national debt burden, the impact of hydroelectric power plants on wildlife preserved in the Kingdom, deep dependence on New Delhi solutions and limited alternatives for partnership in the industry. The article is based on the comprehensive approach. The author explores the natural resources available to the country, the peculiarities of their use and analyzes the hydropower facilities implemented in the Kingdom, as well as those at different stages of construction. The article also studies the national regulatory and structural fundamentals of the sector's organization in a small state. The role of hydropower in foreign trade and in ensuring the welfare of the Himalayan country is determined on the basis of actual data, as well as the conditions and main schemes of project implementation and sources of financing for energy initiatives in the country. The importance of the Bhutan's hydropower industry in forming its foreign policy course is considered. Hydropower gave an impetus to the growth of the Kingdom's economy, but also it determined the long-term prospects for its development.

Key words:

Bhutan, hydropower of Bhutan, economy, external policy of Bhutan, India, rivers of Bhutan.

For citation:

Shirgazina E.R. Bhutan's Hydropower: the Economy Sector and One of the Foundations of the State's Foreign Policy // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 2. Pp. 123–135.

DOI: 10.31857/S013128120019304-5

References

- 2021 Hydropower Status Report. Sector trends and insights. *International hydropower association*. URL: https://assets-global.website-files.com/5f749e4b9399c80b5e421384/60c37321987070812596e26a_IHA20212405-status-report-02_LR.pdf (accessed: 15.01.2022).
- About Us. *Tangshibji Hydro Energy Limited*. URL: http://thye.bt/?page_id=9 (accessed: 12.02.2022).
- Amit Ranjan*. India-Bhutan Hydropower Projects: Cooperation and Concerns. ISAS Working Paper 309. *ISAS*. October 17, 2018. URL: <https://www.isas.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2018/10/Working-Paper-No.-309-India-Bhutan-Hydropower-Projects.pdf> (accessed: 20.01.2022).
- Basochhu Hydropower Plant (BHP). *Druk Green Power Corporation Limited*. URL: <https://www.drukgreen.bt/basochhu-hydropower-plant-2/> (accessed: 10.02.2022).
- Bhutan's Hydropower Sector: 12 Things to Know. *Asian Development Bank*. January 31, 2014. URL: <https://www.adb.org/features/bhutan-s-hydropower-sector-12-things-know> (accessed: 16.01.2022).
- Bhutan Hydropower Sustainable Development Policy 2021. *Ministry of Economic Affairs Royal Government of Bhutan*. URL: <https://www.moea.gov.bt/wp-content/uploads/2017/07/Bhutan-Sustainable-Hydropower-Development-Policy-2021.pdf> (accessed: 01.02.2022).
- Concession Agreement for 600MW Kholongchhu Hydroelectric Project signed. *Kholongchhu Hydro Energy Limited*. URL: <https://www.khepbhutan.com/index.php/latest-events> (accessed: 13.02.2022).
- Corporate Background. *Dagachhu Hydro Power Corporation Limited*. URL: <http://www.dagachhu.com/index.php/background/> (accessed: 11.02.2022).
- Debasis Sarkar*. India-Bhutan sign Rs 4,500 crore Mangdechhu Hydro project's power tariff protocol. *The Economic Times*. April 26, 2019. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/power/india-bhutan-sign-rs-4500-crore-mangdechhu-hydro-projects-power-tariff-protocol/articleshow/69053103.cms> (accessed: 19.01.2022).
- Dhakal D.N.S.* Hydropower in Bhutan: A Long-Term Development Perspective. *Mountain Research and Development*, 1990. Vol. 10, No. 4, International Mountain Society. DOI: 10.2307/3673491
- Dubey G.P.* Survey of The Waters of Bhutan Physiography and Fisheries Potential. A report prepared for the Feasibility Study for Development of Inland Fisheries Project. Food and Agriculture Organization of the United Nations, Rome, 1978. URL: <https://www.fao.org/3/L8853E/L8853E00.htm#TOC> (accessed: 12.01.2022).
- FAO Aquastat Reports. Country profile — Bhutan. Version 2011. <https://www.fao.org/3/ca0377en/CA0377EN.pdf> (accessed: 15.01.2022).
- Lotay Tschering*, the Prime Minister of the Royal Government of Bhutan. State of the Nation. Sixth Session Third Parliament of Bhutan. *Office of the Prime Minister and Cabinet*. December 24, 2021. URL: <https://www.cabinet.gov.bt/wp-content/uploads/2021/12/State-of-the-nation-2021.pdf> (accessed: 02.02.2022).

- Mel'nikova A.A., Mel'nikova E.V.* Sotrudnichestvo v gidroenergeticheskoj sfere kak klyuchevoj aspekt indijskoj pomoshchi razvitiyu Butana [Cooperation in the hydropower sector as a key aspect of Indian assistance to the development of Bhutan]. *Ekonomicheskie nauki*. 2019. No. 6 (175). (In Russ.)
- Project Design Document Form for CDM Project Activities (F-CDM-PDD). Punatsangchhu-I Hydroelectric Project, Bhutan. *United Nations Framework Convention on Climate Change*. July 18, 2013.
URL: https://cdm.unfccc.int/filestorage/w/h/JI3OF4QVLUG6R№5ME0CSB1DAKHT2YP.pdf/308.49_PDD_PHPA_I_v06?t=SDV8cjdP YTB5fDCCy-6Z4tYc1C0K6XPmP1pw (accessed: 14.02.2022).
- Report on Bhutan's External Trade. 2021. *Ministry of Economic Affairs*.
URL: <https://www.moea.gov.bt/wp-content/uploads/2017/10/Report-on-Bhutans-External-Trade-2020.pdf> (accessed: 25.01.2022).
- Sonam Yangdon Tenzin*. Electricity export decreases by 15.89 % in 2021. *Business Bhutan*. January 18, 2022. URL: <https://businessbhutan.bt/Electricity-expor/> (accessed: 20.01.2021).
- Statistical Yearbook of Bhutan 2021. *National Statistics Bureau*.
URL: <https://www.nsb.gov.bt/publications/statistical-yearbook/> (accessed: 01.02.2022).

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Экспорт транспортных услуг: Дальний Восток России

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120019495-5

Бардаль Анна Борисовна

Кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (адрес: 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153). ORCID: 0000-0002-9944-4714. E-mail: Bardal@ecrin.ru.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022.

Аннотация:

В статье проанализирована динамика ключевых составляющих экспорта транспортных услуг на национальном и региональном уровнях. Показано, что, несмотря на негативное влияние ограничений при распространении пандемии в 2019–2020 гг., происходит рост показателя экспорта транспортных услуг РФ за счет повышения доходов от грузовых перевозок. Региональный срез представлен на примере Дальнего Востока России. На уровне макрорегиона доля транспорта в общем показателе экспорта услуг значительно (в 1,8 раз) выше среднероссийского показателя. Основной вклад в формирование показателя макрорегиона вносит Приморский край (7,5 %), где расположены ключевые морские порты Тихоокеанского побережья.

Для Дальнего Востока представлены три направления развития экспорта транспортных услуг: 1) обслуживание экспортно-импортных потоков за пределами национальной территории; 2) транзитные перевозки; 3) участие в международном рынке транспортных услуг. По каждому из перспективных направлений приведены оценки возможностей роста и ограничения. С применением методов сравнительного анализа аргументировано, что наиболее перспективным с точки зрения увеличения экспорта транспортных услуг является обслуживание грузопотоков национальной экономики. В том числе перспективы ДФО связаны с реализацией проекта «Северный морской транспортный коридор», формированием системы опорных морских портов для арктических маршрутов на территории макрорегиона. Показано, что транзитные перевозки не будут играть значимой роли для роста экспорта транспортных услуг Дальнего Востока. Выявлено негативное влияние на конкурентоспособность российских участков международных транспортных коридоров инфраструктурных и экономических факторов. Аргументированы ограничения прямого участия транспортного комплекса ДФО в международном рынке, определяющиеся особенностями сложившейся структуры экономики и недостаточным развитием элементов транспортного комплекса. Результаты исследования могут служить основой для разработки мероприятий по развитию экспорта транспортных услуг.

Ключевые слова:

Дальний Восток, транспортный комплекс, экспорт транспортных услуг, транзит, международный рынок транспортных услуг, Северо-Восточная Азия.

Источники финансирования:

Данная статья подготовлена по плану НИР института.

Для цитирования:

Бардаль А.Б. Экспорт транспортных услуг: Дальний Восток России // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 136–153. DOI: 10.31857/S013128120019495-5

Тезис о важном транспортно-стратегическом положении России в качестве «естественного моста» между Европой и Азией, наравне с идеей об использовании экспорта транспортных услуг в качестве потенциального фактора экономического роста, рассматривается как неоспоримый на протяжении длительного времени в ряде работ российских

исследователей¹. Задачи по развитию экспорта транспортных услуг оформлялись в виде отдельных подпрограмм стратегических документов развития транспортного комплекса страны, начиная с 2005 г.

Выгодное экономико-географическое положение Дальнего Востока России, а также потенциальные возможности транспортного комплекса региона в части международных перевозок создают предпосылки для участия в евразийских транспортных проектах. Однако при наличии всех перечисленных факторов значимых изменений в масштабах экспорта транспортных услуг ДФО не наблюдается. Цель данной работы — проанализировать динамику и структуру экспорта транспортных услуг ДФО, рассмотреть перспективы и ограничения роста.

Экспорт транспортных услуг: национальный ракурс и региональный срез

Экспорт транспортных услуг (ТУ) наравне с импортом является одной из составляющих внешней торговли услугами и представляет собой «стоимостной показатель оказанных услуг, выполненных работ резидентами по договорам, заключенным с нерезидентами, связанных с транспортным обслуживанием грузового и пассажирского потока»², в составе которого учитываются перевозки российскими транспортными компаниями:

- пассажиров-нерезидентов, осуществленные вне территории России (за исключением организованных морских и речных круизов, автобусных туров);
- экспортных грузов от границы России до пункта назначения на территории другой страны;
- грузов, импортируемых в Россию, в части перевозок по территории страны-экспортера;
- транзит по территории России грузов других стран;
- грузов других стран по территориям иностранных государств или между ними;
- грузов для посольств, консульств и прочих нерезидентов, расположенных на территории России.

Помимо перечисленного, в состав экспорта транспортных услуг входят также погрузочно-разгрузочные работы в портах, на железнодорожных станциях, аэропортах, автомобильных станциях, управление воздушным движением и иные операции, сопутствующие процессу перевозки. Они аккумулируются в составе показателя «вспомогательные и дополнительные транспортные услуги».

По итогам 2020 г. на транспорт приходилось 34,2 % доходов от экспорта услуг РФ (рост к 2015 г. на 2,0 п.п.) и 17,8 % расходов на оплату импорта услуг (рост к 2015 г. на 4,2 п.п.). При этом динамика внешней торговли транспортными услугами за период 2015–2020 гг. была более позитивной, чем в целом по показателю услуг (табл. 1).

В 2019–2020 гг. на динамику показателей торговли транспортными услугами РФ оказали влияние ограничения, вводимые в отдельных странах для предотвращения распространения пандемии COVID-19. В наибольшей степени принятые меры повлияли на сектор пассажирских перевозок, однако снизились и темпы прироста экспорта транспортных услуг в грузовом сегменте. Так, если за период 2015–2018 гг. прирост показателя экспорта грузовых перевозок был равен 38,5 %, то за 2018–2020 гг. он составил лишь 6,2 %.

-
1. Лузянин С.Г. Российский транзитный потенциал: восточно-азиатский вектор // *Вестник транспорта*. 2004. № 3. С. 16–18; Сазонов С.Л. Россия и Китай в Евразийском транспортном коридоре // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 8 (685). С. 12–18; Вардомский Л.Б. Между геополитикой и экономикой: вопросы развития международного транзита в СССР и России // *Геоэкономика энергетики*. 2021. Т. 13. № 1. С. 24–42. DOI: 10.48137/2687–0703_2021_13_1_24
 2. Методика формирования показателей экспорта Российской Федерации транспортных услуг // *КонсультантПлюс*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370764/ (дата обращения: 12.01.2022).

Таблица 1 / Table 1

Внешняя торговля транспортными услугами РФ
Foreign trade in transport services of the Russian Federation

Показатель	Изменение 2015–2020 гг., %		Объем в 2020 г., млн долл. США	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Услуги	91,1	72,2	47 036,2	64 081,3
Транспортные услуги, всего	96,6	94,5	16 074,9	11 410,8
В том числе:				
1. Пассажирские перевозки, всего	44,2	47,4	2107,2	1660,3
В том числе:				
- морской транспорт	0,0	158,3	0,0	6,2
- воздушный транспорт	45,8	48,7	2103,4	1600,6
- железнодорожный транспорт	3,0	19,8	3,8	35,1
- автомобильный транспорт	0,0	59,8	0,0	18,4
2. Грузовые перевозки, всего	147,1	121,6	8 208,3	6 942,9
В том числе:				
- морской транспорт	165,0	123,1	1309,3	2683,8
- воздушный транспорт	163,5	118,0	2538,2	2767,2
- железнодорожный транспорт	122,0	147,8	748,6	453,6
- автомобильный транспорт	130,7	198,8	1023,1	901,0
3. Вспомогательные и дополнительные услуги, всего	91,5	98,0	5 759,3	2807,6
В том числе:				
- морской транспорт	87,9	100,1	3486,0	982,4
- воздушный транспорт	71,2	82,1	1223,0	1158,6
- железнодорожный транспорт	198,5	176,6	844,5	411,7
- автомобильный транспорт	271,7	165,0	103,6	107,4

Источники: Внешняя торговля РФ услугами в структуре расширенной классификации услуг [Foreign trade of the Russian Federation in services in the structure of the extended classification of services]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/61523> (дата обращения: 04.01.2022); Статистика внешнего сектора. Внешняя торговля услугами [External sector statistics. Foreign trade in services]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 04.01.2022).

Более значительный спад в пассажирском сегменте, зафиксированный в период пандемии, является общемировой тенденцией³. Под влиянием ограничений мобиль-

3. См.: Транспортная сфера в контексте COVID-19 // *Счетная палата РФ*. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-transport.pdf> (дата обращения: 28.12.2021); Противоводействие влиянию пандемии Covid-19 на железнодорожный транспорт в мире // *Аналитический центр при Правительстве РФ*. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/RZD_june2020.pdf (дата обращения: 28.12.2021); Ng K.T., Fu X., Hanaoka S., Oum T.H. Japanese aviation market performance during the COVID-19 pandemic — Analyzing airline yield and competition in the domestic market // *Transport Policy*. 2022. Vol. 116. Pp. 237–247. DOI: 10.1016/j.tranpol.2021.12.006; Monmousseau P., Marzuoli A., Feron E., Delahaye D. Impact of Covid-19 on passengers and airlines from passenger measurements: Managing customer satisfaction while putting the US Air Transportation System to sleep // *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*. 2020. Vol. 7. DOI: 10.1016/j.trip.2020.100179

ности населения произошли изменения в структуре экспорта транспортных услуг России (табл. 2)⁴.

Таблица 2 / Table 2

Структура экспорта транспортных услуг РФ (%)
Structure of transport services export of the Russian Federation (%)

Показатель	2015	2018	2020
Пассажирские перевозки	28,6	32,3	13,1
Грузовые перевозки	33,6	35,0	51,1
Вспомогательные и дополнительные услуги	37,8	32,7	35,8

Источники: Статистика внешнего сектора. Внешняя торговля услугами [External sector statistics. Foreign trade in services]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 04.01.2022).

Если до 2019–2020 гг. структура экспорта транспортных услуг РФ примерно в равных долях формировалась за счет пассажирских, грузовых перевозок и вспомогательных услуг, то по итогам 2020 г. доля пассажирского сегмента существенно снизилась.

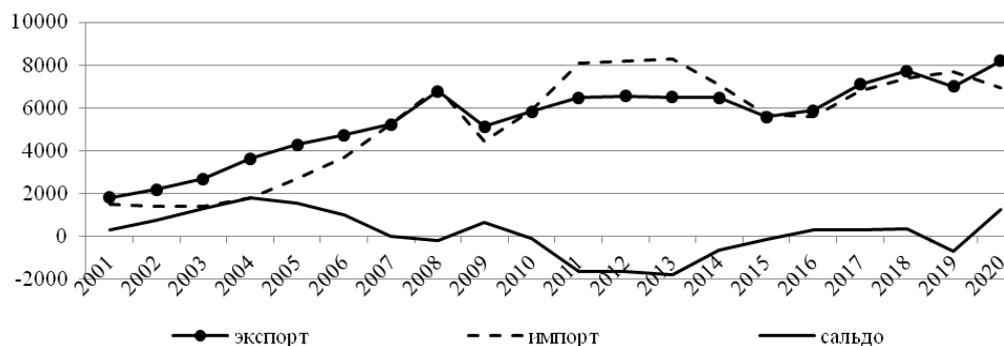

Рис. 1. Динамика внешней торговли транспортными услугами РФ (грузовые перевозки) (млн долл. США)

Picture 1. Dynamics of foreign trade in transport services of the Russian Federation (freight traffic) (mln USD)

Источники: Статистика внешнего сектора. Внешняя торговля услугами [External sector statistics. Foreign trade in services]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 04.01.2022).

Важной тенденцией последних лет является также изменение общей структуры грузовых перевозок в составе экспорта ТУ РФ по направлениям потоков. Несмотря на то, что задача роста экспорта транспортных услуг декларировалась как одна из ключевых при развитии транспортной системы и экономики страны в целом⁵, в сегменте грузовых перевозок стоимостной объем экспорта до последнего времени не превышал импорт. Послед-

4. Данные 2018 г. приводятся как условный фоновый показатель «допандемийной» ситуации.

5. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99374/ (дата обращения: 06.01.2022); Транспортная стратегия Российской Федерации (на период до 2030 года) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82617/ (дата обращения: 04.01.2022); Стратегия развития экспорта услуг до 2025 года // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331686/ (дата обращения: 04.01.2022).

ние годы эти показатели примерно сравнились в денежном выражении. По итогам 2020 г. экспорт грузовых перевозок РФ достаточно значимо (на 18,3 %) превысил импорт (рис. 1).

Актуальность вопроса развития экспорта транспортных услуг для Дальнего Востока России определяется выгодным экономико-географическим положением макрорегиона и потенциалом транспортного комплекса:

- соседство с экономически развитыми странами СВА (КНР, Республика Корея, Япония);
- наличие участков государственной границы на территории макрорегиона (в т.ч. протяженной сухопутной границы с КНР);
- наличие объектов кроссграничной инфраструктуры (мосты) и системы пограничных пунктов пропуска;
- функционирование крупных морских портов РФ на Тихоокеанском побережье;
- прохождение участков международных транспортных коридоров по территории макрорегиона;
- прохождение восточного участка Северного морского пути по территории макрорегиона.

Перечисленное формирует положительные предпосылки для развития экспорта транспортных услуг как одной из отраслей специализации экономики макрорегиона. Однако имеющийся потенциал на сегодня не реализован в полной мере. По итогам 2020 г. экспорт транспортных услуг ДФО составил 61,9 % общего показателя экспорта услуг макрорегиона и 5,1 % стоимостного объема экспорта товаров. Объем экспорта ТУ Дальнего Востока составил 1224,3 млн долл. США (7,7 % общероссийского показателя), макрорегион занимал по этому показателю четвертую позицию среди федеральных округов РФ.

Наибольший вклад в формирование экспорта транспортных услуг ДФО вносит Приморский край (удельный вес в общем показателе в 2020 г. составил 75,5 %) на территории которого расположены ключевые морские порты региона. Далее следуют Хабаровский край — 15,2 % и Сахалинская область — 5,2 %. Удельный вес оставшихся восьми субъектов РФ в составе федерального округа в совокупности составляет менее 5 %.

При этом для корректного статистического отражения регионального среза экспорта транспортных услуг особое значение имеет регистрация компании-перевозчика на территории одного из субъектов РФ на Дальнем Востоке.

В целом проблемы статистического учета транспортной деятельности на современном этапе актуальны. Ярким примером является морской транспорт, где сложности учета связаны, в том числе с проблемой регистрации флота под «удобными» флагами⁶: по оценкам экспертов в 2021 г. 62,3 % тоннажа морского транспортного флота России было зарегистрировано и эксплуатировалось под иностранными флагами⁷.

Возможности развития экспорта транспортных услуг на Дальнем Востоке

Транспортный комплекс Дальнего Востока при реализации потенциала экспорта ТУ тяготеет к условно выделяемому международному рынку транспортных услуг СВА. Поэтому рассматривать перспективы развития экспорта ТУ необходимо с учетом характеристик данного рынка, ключевыми участниками которого являются грузоотправители и транспортные компании КНР, Республики Корея и Японии.

6. *Арестова Ю.А.* Флот под российским флагом: состояние и перспективы развития // *Современные аспекты экономики*. 2018. № 10 (254). С. 5–11.

7. *Посековская Ю.П.* Морской флот отечественных компаний // *Морские вести России*. 2021. № 7. С. 16–17.

Предельный потенциал роста экспорта транспортных услуг ДФО ограничивается потребностями в перевозках, не удовлетворяемых транспортными комплексами соответствующих стран, определяющими ежегодные объемы импорта транспортных услуг соответствующих стран (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Импорт транспортных услуг ключевыми странами СВА
Import of transport services by key Northeast Asia countries

Страны	Импорт ТУ 2020 г. (млрд долл. США)	Доля в импорте ТУ 2018 г. (%)	
		виды транспорта	основные страны-экспортеры ТУ
КНР	94,68	морской — 63,7 воздушный — 29,1	США — 14,0 ЕС — 10,2 РФ — 6,9 Республика Корея — 5,5 Япония — 5,3
Республика Корея	24,22	морской — 76,7 воздушный — 20,6	ЕС — 17,5 США — 15,8 КНР — 13,1 Япония — 7,3
Япония	28,03	морской — 72,8 воздушный — 25,6	ЕС — 14,0 США — 12,6 Сингапур — 9,2 Республика Корея — 5,6 КНР — 4,5

Источники: International Trade Center. URL: <http://www.trademap.org/> (дата обращения: 08.01.2022).

В 2020 г. объем транспортных услуг, приобретенных ключевыми странами СВА на международном рынке, составил 146,93 млрд долл. США. В структуре потребляемых ТУ, в соответствии с логикой сложившихся торгово-экономических отношений, преобладали перевозки морским транспортом, доля которых составила 68 %. Наиболее активно на рынке транспортных услуг действуют компании США, стран Европы, а также сами страны СВА. Безусловно, на объеме импорта ТУ стран СВА в 2020 г. сказались ограничения в сфере экономики, вызванные распространением коронавирусной инфекции: показатель был на 3 % ниже, чем в 2018 г.

При этом спрос в транспортных услугах на рынке СВА удовлетворяется в основном за счет привлечения компаний других регионов мира. Так, по итогам 2020 г. доли компаний трех ключевых стран (КНР, Республика Корея, Япония) в общем объеме импорта ТУ этих стран составили: КНР — 3,9 %, Республика Корея — 4,4 %, Япония — 4,4 %. Отметим отдельно учитываемые показатели Гонконга — 3,8 % импорта ТУ СВА и Тайваня — 3,6 %⁸.

Таким образом, целевым ориентиром роста экспорта транспортных услуг для транспортного комплекса Дальнего Востока можно принять усредненный показатель ведущих стран региона на уровне доли международного рынка экспорта ТУ СВА 4 % (что составило бы 5,87 млрд долл. США в 2020 г.), что означает рост в 4,8 раз по сравнению с текущим фактическим значением.

8. International Trade Center // *Trade Map*. URL: <http://www.trademap.org/> (дата обращения: 08.01.2022).

Потенциал увеличения экспорта транспортным комплексом Дальнего Востока России в рамках рынка транспортных услуг (РТУ) СВА и мирового хозяйства в целом определяется следующими направлениями:

1. Активизация транспортного обслуживания компаниями ДФО экспортно-импортных потоков РФ за пределами национальной территории.
2. Увеличение масштабов транзитных перевозок транспортным комплексом ДФО.
3. Участие компаний ДФО в транспортном обслуживании экономических взаимодействий между иностранными государствами.

Рассмотрим кратко содержание и возможности реализации транспортным комплексом Дальнего Востока каждого из перечисленных направлений.

Первое направление может включать: а) развитие кроссграничных перевозок; б) увеличение экспортных перевозок российских грузов.

Развитие кроссграничных перевозок может быть стимулировано совершенствованием транспортной инфраструктуры между РФ и КНР в пределах ДФО, а также изменениями институциональных условий международных перевозок.

Совершенствование транспортной инфраструктуры. В настоящее время на территории ДФО реализуется два крупных проекта по развитию кроссграничной инфраструктуры: автомобильный мост Благовещенск — Хэйхэ (основные строительные работы проведены в 2016–2019 гг.), железнодорожный мост Нижнеленинское — Тунцзян (основное строительство завершено). Процесс строительства проходил с нарушением всех проектных сроков и сопровождался несогласованностью между странами. Проблемными моментами остаются организация таможенной и пограничной инфраструктуры, обустройство прилегающих территорий и сопутствующих логистических объектов.

Изменение институциональных условий кроссграничных перевозок. Например, в 1992–2019 гг. при автомобильных перевозках между РФ и КНР использовался маршрутный принцип: перевозки могли осуществляться нерезидентами не более чем на 30 км в глубь страны только между предварительно согласованными пунктами. Это, при наличии протяженной границы с КНР (свыше 4100 км, включая 600 км сухопутной), значительно ограничивало возможности использования автомобильного транспорта ДФО для международных перевозок.

В 2018 г. было подписано межправительственное соглашение о международном автомобильном сообщении между РФ и КНР⁹, согласно которому стороны могут осуществлять в пределах выданных разрешений международные перевозки без ограничения по расстоянию проникновения на соседнюю территорию при: 1) обеспечении используемых для международных перевозок транспортных средств спутниковыми навигационными системами (российской ГЛОНАСС, китайской БЕЙДОУ (BeiDou)); 2) предварительной регистрации используемых для перевозки транспортных средств в таможенных органах КНР и РФ.

Еще один пример изменения институциональных условий автомобильных перевозок между РФ и КНР: применение книжек МДП/Carnet TIR¹⁰. Система МДП работает на основе «Таможенной конвенции ООН о международной перевозке грузов» (1975 г.). Эксперты выделяют преимущества применения МДП¹¹:

- сокращение расходов на перевозку автомобильным транспортом;

9. Россия и Китай подписали соглашение о международном автомобильном сообщении // *Росавтотранс*. 09.06.2018. URL: https://rosavtotransport.ru/ru/press/news/2018/06/09/news_1057.html (дата обращения: 04.01.2022).

10. Международные дорожные перевозки (МДП / TIR от Transports Internationaux Routiers) — международный стандарт таможенного транзита грузового транспорта.

11. *Холопов В.К., Соколова О.В.* Использование системы МДП во внешней торговле ЕАЭС // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2018. № 8. С. 84–96.

- сокращение сроков доставки грузов при снижении периодов простоя транспортных средств на границе;
- упрощение процедуры пересечения границы за счет унификации действий и стандартов при использовании книжек МДП;
- отсутствие необходимости уплачивать на границе таможенные платежи, связанные с ввозом и вывозом товаров;
- возможность выбора таможенного склада, наиболее удобного для разгрузки.

Россия применяет правила Конвенции с 1975 г. Китай официально присоединился к МДП в 2016 г., фактическое применение началось в конце 2018 г. на отдельных пунктах пропуска через государственную границу. В ДФО книжки МДП используются на автомобильных пограничных пунктах пропуска Забайкальск — Маньчжурия и Пограничный — Суйфэнхэ.

Последовавшие в 2019–2020 гг. жесткие ограничения трансграничных взаимодействий в рамках борьбы с пандемией не позволяют в полной мере оценить эффекты и последствия принятых институциональных изменений.

Увеличение экспортных перевозок российских грузов в среднесрочной перспективе ожидается в основном за счет роста транспортировки морским транспортом (рост экспорта через порты Дальнего Востока в 1,6–2 раза к 2035 г.¹²), а также роста перевозок по СМП.

Планируется, что объем грузовых перевозок по СМП к 2030 г. составит 90 млн т¹³, к 2035 г. — 130 млн т и ростом за пределами этого периода до 160 млн т¹⁴. Это существенное (в 3,6 и 4,8 раз соответственно) повышение масштабов перевозок по сравнению с текущим периодом: в 2020 г. по трассе СМП было перевезено 32,97 млн т¹⁵.

Однако из планируемого роста объема грузов СМП лишь 25 млн т будет проходить по восточному сектору¹⁶ (включая 20 млн т СПГ "Новатэк"), функционирование которого затруднено вследствие более сложных ледовых условий, малых глубин, отсутствия глубоководных портов и месторождений полезных ископаемых, готовых к промышленному использованию, удаленности от крупных производственных центров.

В настоящее время основные грузопотоки восточного сектора СМП формируются за счет северного завоза, транзитных грузов, проектных грузов, каботажных грузов, в то время как в западном секторе осуществляется масштабный вывоз добываемой нефти и СПГ, перевозки грузов крупных компаний (Норильский никель и др.). Увеличение интенсивности использования восточного сектора СМП может произойти при изменении географии транспортных потоков российских компаний-экспортеров, осуществляющих добычу ресурсов на арктических месторождениях (нефть, газовый конденсат, уголь, руда), не очевидных в среднесрочной перспективе.

Рост транспортного обслуживания экспортных грузов возможен при встраивании национальной экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦДС). В

12. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года // *Правительство России*. 30.11.2021. URL: <http://government.ru/docs/43948/> (дата обращения: 28.01.2022).

13. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года // *Официальный портал правовой информации*. 26.10.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033> (дата обращения: 12.11.2021).

14. *Андреева Е.В., Исаулова К.Я.* Перспективы развития СМП // *Neftegaz.RU*. 28.06.2021. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/arktika/686530-perspektivy-razvitiya-smp/> (дата обращения: 26.11.2021).

15. Объем перевозок грузов в акватории Северного морского пути // *ЕМИСС*. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/51479> (дата обращения: 18.01.2022).

16. К восточному сектору СМП относятся море Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское моря.

настоящее время в СВА сложилась система транспортных связей в пределах субрегиона, а также активных взаимодействий стран СВА с мировым хозяйством в рамках формирования ГЦДС. Одной из характеристик происходящих процессов может выступать оценка торговли промежуточными товарами. В 2019 г. 14,4 % мирового экспорта и 17,6 % импорта промежуточных товаров приходилось на страны «большой тройки» СВА (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Торговля промежуточными товарами ключевых стран СВА (%)
Trade in intermediate goods of key NEA countries (%)

Страна	Доля в мировой торговле в 2019 г.		Изменение 2010–2019 гг.	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт
КНР	9,5	9,7	+0,9	+1,7
Республика Корея	2,3	3,7	-0,5	+0,2
Япония	2,6	4,2	-0,5	-1,5

Источники: *Intermediate goods*. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/WLD/Year/2019/TradeFlow/EXPIMP/Partner/All/Product/UNCTAD-SoP2> (дата обращения: 06.01.2022).

Доля РФ в 2019 г. составила 1,3 % в экспорте (рост на 0,2 % по сравнению с 2010 г.) и 2,5 % (без изменений) в импорте промежуточных товаров¹⁷. Низкая степень участия России в экспорте промежуточной продукции определяется структурой экономики, преимущественным включением в мировую торговлю через экспорт сырьевых ресурсов¹⁸. Взаимодействие Дальнего Востока со странами СВА также основано на поставках из региона природных ресурсов (минеральных, лесных, морских биологических), продукции сельского хозяйства (соя, кукуруза). В то время как эффективное встраивание в систему ГЦДС происходит в основном на основе химической промышленности, нефтепереработки, транспортного машиностроения, металлургии, производства оптического и электрооборудования, целлюлозно-бумажной промышленности¹⁹.

Поэтому в сложившихся условиях нет причин ожидать увеличения вовлеченности транспортного комплекса ДФО в международный рынок транспортных услуг СВА в качестве звена обслуживания участия России в ГЦДС в среднесрочной перспективе. Этого не произойдет в значительном масштабе, пока не изменится структура национальной экономики.

Второе направление роста экспорта ТУ «увеличение масштабов транзитных перевозок транспортным комплексом ДФО» может быть реализовано посредством: а) увеличения транзитных потоков, обслуживаемых в рамках МТК, участки которых проходят по территории ДФО, а также б) роста транзитных перевозок с использованием СМП.

17. *Intermediate goods* // *World Bank*. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/WLD/Year/2019/TradeFlow/EXPIMP/Partner/All/Product/UNCTAD-SoP2> (дата обращения: 06.01.2022).

18. Федюнина А.А., Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Аверьянова Ю.В. Секторальные особенности интеграции российской экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости и следствия для структурной политики // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2020. № 3 (47). С. 106–127. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-47-3-5; Сидорова Е.А. Россия в глобальных цепочках создания стоимости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 9. С. 71–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-71-80

19. Прогунова Л.В. Внешнеторговые аспекты развития Северо-Восточной Азии // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2017. № 11. С. 62–75.

По территории ДФО проходят участки нескольких субрегиональных МТК²⁰, на региональном уровне представляемых коридорами «Приморье-1» (от морских портов Приморского края через Суйфэнхэ, Манчжурию, Забайкальск на Транссибирскую магистраль) и «Приморье-2» (от района реки Туманная/Туманган через Чанчунь и Восточную Монголию до Транссибирской магистрали).

Развитие коридоров ориентировано на грузовую базу СВК, что создает конкуренцию с транспортным комплексом КНР. Морские порты ДФО, выступая ключевыми элементами МТК, не имеют сравнительных преимуществ относительно китайских (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

**Факторы конкурентоспособности²¹ российских морских портов
в составе МТК «Приморье-1» и «Приморье-2»
Competitiveness factors of Russian seaports
within the ITC "Primorye-1" and "Primorye-2"**

Факторы конкурентоспособности	Порты			
	Владивосток	Находка	Зарубино	Посьет
географические	+	+	+	+
инфраструктурные	–	–	–	–
техничко-логистические	+/-	+/-	–	–
институциональные	+	+	+	+
экономические	–	–	–	–

Примечание: «+» — положительное влияние фактора, «–» — негативное влияние фактора, «+/-» — неоднозначное влияние фактора.

Источники: составлено автором.

Таблица 6 / Table 6

**Средние затраты на транспортировку грузов из провинций СВК до морских портов
Average cost of transporting cargo from Northeast China provinces to seaports**

Маршрут из провинций СВК до морского порта	Зерновые грузы (долл. США / т)		Контейнерные грузы (долл. США / ДФЭ)	
	Железнодорожный транспорт	Автомобильный транспорт	Железнодорожный транспорт	Автомобильный транспорт
Далянь (КНР)	55	95	1190	1650
Тяньцзинь (КНР)	120	150	1400	1850
Владивосток (РФ)	60	75	1350	1200
Находка (РФ)	65	90	1550	1400
Зарубино (РФ)	35	55	850	1050

Источники: Россия—Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи» [Russia—China: Chances and Challenges of “New Era” Relations] / отв. ред. А.О. Виноградов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 177.

Негативное влияние оказывают:

– инфраструктурные факторы — недостаточная пропускная способность железных дорог на подъезде к морским портам и в целом по восточному полигону²²;

20. Arai H., Zhu Y., Li J. Toward Expanding Japan-Russia-China Multimodal Transportation // *ERINA Report*. 2015. Vol. 125. Pp. 1–18.

21. Бодровцева Н.Ю. Систематизация факторов и показателей оценки конкурентоспособностей морских портов // *Транспортное дело России*. 2017. № 2. С. 105–109.

– технико-логистические — ограничение возможности развития портов, износ портового флота, наличие экологических проблем при перевалке;

– экономические факторы — более высокие по сравнению с китайскими портами затраты относительно расстояния перевозки до порта (табл. 6).

Помимо перечисленного, для организации регулярных перевозок в рамках международных коридоров необходимо развитие инфраструктуры транспортного комплекса ДФО (табл. 7).

Таблица 7 / Table 7

Потребности развития инфраструктуры МТК на территории Дальнего Востока ITC infrastructure development needs in the Far East

Проблемный элемент инфраструктуры (вид работ)	Вид транспорта
Участок пути Сухановка — Зарубино* (строительство)	железнодорожный
Станция Зарубино (строительство)	железнодорожный
Морской порт в бухте Троицы (развитие): – зерновой терминал (40 млн т) – контейнерный терминал (2 млн ДФЭ) – терминал ро-ро грузов (1,5 млн ед.) – терминал для генеральных грузов (25 млн т)	морской
Участки дороги на подходах к портам Находка, Зарубино (расширение)	автомобильный
Участок пути Смоляниново — Находка (развитие)	железнодорожный
Станция Находка-Восточная (развитие)	железнодорожный
Участок дороги Рассыпная Падь — государственная граница (реконструкция)	автомобильный
Участки пути: станции Гродеково, Турий Рог, Краскино, Сухановка, Новокачалинск, Махалино (развитие и модернизация)	железнодорожный
Участки пути: Уссурийск — Барановский, Уссурийск — Гродеково, Новокачалинск — Сибирцево, Сухановка — государственная граница (реконструкция и развитие)	железнодорожный
Участки пути на подходе к пограничным пунктам пропуска: Гродеково — государственная граница, Махалино — государственная граница (модернизация)	железнодорожный
Станция Уссурийск-Сортировочная (Лимичевка) (строительство)	железнодорожный
Участок пути Турий Рог — Новокачалинск (модернизация)	железнодорожный

Примечание: * — действует однопутная неэлектрифицированная железная дорога, максимальная пропускная способность 1,2 млн т в год.

Источники: Дэльз С.В., Сеницына А.С. Дорога к Зарубино [Road to Zarubino]. 09.09.2016 URL: <https://seanews.ru/2016/09/09/4024168/> (дата обращения: 14.11.2021); Сазонов С.Л. Перспективы реализации плана "Экономического пояса Шелкового пути (ЭПП)" на Дальнем Востоке России [Prospects for the implementation of the "Silk Road Economic Belt (SREB)" plan in the Russian Far East]. Доклады ИДВ РАН 2018–2019. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 143–159.

Объем инвестиций, необходимых для развития инфраструктуры элементов МТК, велик. По оценкам экспертов, только модернизация Морского порта в бухте Троицы, яв-

ляющегося одним из наиболее перспективных морских портов для организации экспортных перевозок, может потребовать более 200 млрд руб. Масштабные вложения необходимы также для развития железнодорожной инфраструктуры восточного полигона, обеспечивающей связь грузоотправителей с портами. Общая оценка финансовых ресурсов для реализации второго этапа проекта «Модернизация инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей с развитием пропускных и провозных способностей» в 2021–2024 гг. составляет 720 млрд руб.²³

Препятствием использования российских портов иностранными грузоотправителями является также сложность и продолжительность процедур пересечения границы. Для устранения принята Технологическая схема²⁴, устанавливающая помимо прочего предельную продолжительность осмотра грузового поезда (один час) и следования поездов по территории РФ (с учетом времени формирования состава): от железнодорожной станции Гродеково (пункт пропуска Пограничный) к морским портам Владивосток/Находка/Восточный не более 24 часов (МТК «Приморье-1»); от станции Махалино (пункт пропуска Махалино) до портов Зарубино/Посьет не более 12 часов (МТК «Приморье-2»).

Совершенствуются процедуры оформления транзитных грузов: сокращается время оформления, применяется электронное декларирование. С 2019 г. ФТС России и Главным таможенным управлением КНР реализуется проект «Зеленый коридор», направленный на сокращение сроков совершения таможенных операций за счет использования предварительного взаимного паритетного информирования о низкорисковых перемещаемых товарах и транспортных средствах²⁵.

Развитие транзитных перевозок по СМП зависит от множества факторов, включая вопрос о принципиальной необходимости развития транзитных перевозок, дискуссия по которому происходит в последние годы²⁶. Эксперты выражают сомнение в целесообразности активизации транзитных перевозок, указывают на высокие затраты и неоднозначность экономической эффективности необходимых для обслуживания транзита финансовых вложений в обустройство трассы и модернизацию ледокольного флота, высокие экологические риски при увеличении объемов перевозок для уникальной природной

-
23. Паспорт инвестиционного проекта «Модернизация железнодорожной инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей с развитием пропускных и провозных способностей (второй этап)» // *Правительство России*. 03.05.2021. URL: <http://government.ru/news/42120/> (дата обращения: 10.01.2022).
 24. Об утверждении Технологической схемы перемещения товаров, за исключением животных, ввозимых в Российскую Федерацию, в контейнерах с территории Китайской Народной Республики через железнодорожные пункты пропуска государственной границы Российской Федерации Махалино и Пограничный с целью их последующего вывоза за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза через морские пункты пропуска государственной границы Российской Федерации Зарубино, Посьет, Владивосток, Восточный и Находка // *КонсультантПлюс*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284027/ebb847e0ecf6b60b8dbd76f77f1d6beab9d693bf/ (дата обращения: 10.01.2022).
 25. Российско-китайский проект «Зеленый коридор» // *Дальневосточное таможенное управление*. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/203698> (дата обращения: 10.01.2022).
 26. Багдасарян А.А. Основные экологические проблемы Северного морского пути в перспективе развития // *Российская Арктика*. 2020. № 9. С. 17–29. DOI: 10.10.24411/2658–4255–2020–12092; Григорьев М.Н. Условия развития транзитного потенциала Северного Морского Пути // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 5. С. 109–129. DOI: 10.23932/2542–0240–2019–12–5–109–129; Фисенко А.И., Лазарев В.А. Северный морской путь: возможности и риски развития транзитного потенциала России // *Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов* / отв. ред. Б.Х. Краснопольский. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. С. 98–122.

системы региона, принципиально неверное изменение акцентов использования СМП как трассы для развития внутренних территорий арктической зоны России.

Согласно Стратегии развития Арктической зоны к 2035 г. ожидаемый объем транзита составит 10 млн т, что означает значительное увеличение относительно текущего показателя (табл. 8).

Таблица 8 / Table 8

**Перевозки по Северному морскому пути (млн т)
Transportation along the Northern Sea Route (million tons)**

Показатель	2013	2015	2017	2019	2020
Объем перевозок, всего	3,91	5,43	10,72	31,5	32,97
– в т.ч. транзит	1,18	0,04	0,19	0,70	1,3

Источники: Объем перевозок грузов в акватории Северного морского пути [The volume of cargo transportation in the water area of the Northern Sea Route].

URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/51479> (дата обращения: 18.01.2022).

В последние годы объемы перевозок по СМП возрастают. В 2014 г. под влиянием международных экономических санкций резко снизился объем транзитных грузов, затем он начал постепенно восстанавливаться, по предварительным итогам 2021 г. превысив 2 млн т²⁷.

В 2019 г. корпорацией Росатом (ее логистическим оператором — компанией «Росатом Карго») был инициирован проект «Северный морской транспортный (транзитный) коридор» (СМТК), расширяющий границы СМП от Мурманска до Камчатского края²⁸, что формально расширяет возможности участия транспортного комплекса ДФО.

Для обслуживания транзитных потоков необходимо обеспечить круглогодичное функционирование восточного участка СМП, совершенствовать систему безопасного судоходства через развитие навигационно-гидрографических, гидрометеорологических и аварийно-спасательных систем, строительство портов-хабов в начально-конечных пунктах коридора (дискутируется сравнительная эффективность организации портов в Камчатском или Приморском краях). Затраты только на обеспечение круглогодичной навигации по СМП превысят 1 трлн руб.²⁹.

Помимо вышеуказанных работ, продление СМТК до морских портов южной зоны ДФО с круглогодичной навигацией требует создания системы опорных глубоководных портов для обеспечения бункеровки, заправки водой и пополнения ресурсов, организации системы безопасности. Именно эти услуги, наравне с обеспечением ледокольной и лоцманской проводки, навигационным и гидромет-информационным обслуживанием в процессе использования СМП иностранными операторами позволят генерировать доход российской стороне.

Третье направление развития экспорта ТУ подразумевает включение российских транспортных компаний в перевозки на международном рынке транспортных услуг, т.е. прямую конкуренцию с иностранными перевозчиками за грузовую базу иностранных государств и встраивание в международные логистические цепочки.

27. Установлен новый рекорд перевозок по Севморпути // *Росатом*. 17.12.2021.

URL: https://www.rosatom.ru/journalist/news/ustanovlen-novyy-rekord-gruzoperevozok-po-sevmorputi/?sphrase_id=2730911 (дата обращения: 16.01.2022).

28. Трасса СМП проходит от Карских ворот до мыса Дежнева // *ФГБУ Администрация СМП*. URL: <http://www.nsga.ru/> (дата обращения: 04.01.2022).

29. *Потаева К., Волобуев А.* «Круглогодичный Севморпуть» признан стратегическим проектом государства // *Ведомости*. 25.07.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/07/25/879485-sevmorput-strategicheskim> (дата обращения: 14.11.2021).

Транспортные компании ДФО могут участвовать на фрахтовом рынке, а также возможна организация портов-хабов международного значения в макрорегионе. Первая возможность актуальна для компаний национального уровня. Для реализации второй возможности в настоящее время на территории макрорегиона отсутствуют порты, обладающие сформированными конкурентными преимуществами на международном рынке ТУ. Действующие морские порты загружены на пределе возможностей в условиях ежегодно возрастающих масштабов экспорта (в основном сырьевых грузов компаний Восточной Сибири, проходящих транзитом через территорию Дальнего Востока) в рамках государственной политики «поворота на восток».

Таким образом, при рассмотрении возможности развития экспорта ТУ транспортным комплексом ДФО к наиболее вероятным можно отнести обслуживание экспортно-импортных потоков РФ, включая использование СМП. Маловероятным представляется рост транзитных перевозок и прямое участие российских транспортных компаний в работе международного рынка ТУ, поскольку транспортный комплекс ДФО неконкурентоспособен с точки зрения экономических и инфраструктурных условий.

Направления повышения экспорта ТУ, их масштабы и возможность реализации, очевидно, изменятся под влиянием внешнеполитических факторов. Однако возможность анализировать новые условия функционирования транспорта ДФО появится только после стабилизации общей ситуации.

Литература

- Андреева Е.В., Исаулова К.Я. Перспективы развития СМП // *Neftegaz.RU*. 28.06.2021.
URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/arktika/686530-perspektivy-razvitiya-smp/> (дата обращения: 26.11.2021).
- Арестова Ю.А. Флот под российским флагом: состояние и перспективы развития // *Современные аспекты экономики*. 2018. № 10 (254).
- Багдасарян А.А. Основные экологические проблемы Северного морского пути в перспективе развития // *Российская Арктика*. 2020. № 9. DOI: 10.10.24411/2658-4255-2020-12092
- Бардаль А.Б. Транспортная система Дальневосточного федерального округа: современное состояние и перспективы восточного полигона железных дорог // *Регионалистика*. 2021. Т. 8. № 3. DOI: 10.14530/reg.2021.3.21
- Бардаль А.Б. Рынок транспортных услуг Северо-Восточной Азии: тенденции и перспективы // *Пространственная экономика*. 2016. № 1. DOI: 10.14530/se.2016.1.132-162
- Бодровцева Н.Ю. Систематизация факторов и показателей оценки конкурентоспособностей морских портов // *Транспортное дело России*. 2017. № 2.
- Вардомский Л.Б. Между геополитикой и экономикой: вопросы развития международного транзита в СССР и России // *Геоэкономика энергетики*. 2021. Т. 13. № 1. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_13_1_24
- Григорьев М.Н. Условия развития транзитного потенциала Северного Морского Пути // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 5. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-109-129
- Дробышева И. Почему дальневосточные порты оказались в коллапсе // *Российская газета*. 06.11.2021. URL: <https://rg.ru/2021/11/06/reg-dfo/pochemu-dalnevostochnye-porty-okazalis-v-kollapse.html> (дата обращения: 11.01.2022).
- Дэльз С.В., Синуцына А.С. Дорога к Зарубино // *SeaNews*. 09.09.2016.
URL: <https://seanews.ru/2016/09/09/4024168/> (дата обращения: 14.11.2021)
- Латыпова Г., Чернышев А., Скорыгина Н. Дальнему Востоку сильно недовезло // *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5064194> (дата обращения: 11.01.2022).
- Лузянин С.Г. Российский транзитный потенциал: восточно-азиатский вектор // *Вестник транспорта*. 2004. № 3.
- Методика формирования показателей экспорта Российской Федерации транспортных услуг // *КонсультантПлюс*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370764/ (дата обращения: 12.01.2022).

- О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года // *Официальный портал правовой информации*. 26.10.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033> (дата обращения: 12.11.2021).
- Об утверждении Технологической схемы перемещения товаров // *КонсультантПлюс*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284027/ebb847e0ecf6b60b8dbd76f77f1d6beab9d693bf/ (дата обращения: 10.01.2022).
- Павленко О.А. Оценка транзитного потенциала международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» // *Тамуженная политика России на Дальнем Востоке*. 2017. № 1 (78).
- Посековская Ю.П. Морской флот отечественных компаний // *Морские вести России*. 2021. № 7.
- Потаева К., Волобуев А. «Круглогодичный Севморпуть» признан стратегическим проектом государства // *Ведомости*. 25.07.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/07/25/879485-sevmorput-strategicheskim> (дата обращения: 14.11.2021).
- Прогунова Л.В. Внешнеторговые аспекты развития Северо-Восточной Азии // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2017. № 11.
- Россия—Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи» / отв. ред. А.О. Виноградов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 177.
- Сазонов С.Л. Перспективы реализации плана «Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП)» на Дальнем Востоке России // *Доклады ИДВ РАН 2018–2019*. М.: ИДВ РАН, 2020.
- Сазонов С.Л. Россия и Китай в Евразийском транспортном коридоре // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 8 (685).
- Сидорова Е.А. Россия в глобальных цепочках создания стоимости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 9. DOI: 10.20542/0131–2227–2018–62–9–71–80
- Стратегия развития экспорта услуг до 2025 года // *КонсультантПлюс*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331686/ (дата обращения: 04.01.2022).
- Терешина Н.П., Миненко Ю.А., Жаков В.В. Транзитный потенциал Транссиба // *Мир транспорта*. 2010. Т. 8. № 3 (31).
- Транспортная стратегия Российской Федерации (на период до 2030 года) // *КонсультантПлюс*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82617/ (дата обращения: 04.01.2022).
- Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года // *Правительство России*. 30.11.2021. URL: <http://government.ru/docs/43948/> (дата обращения: 28.01.2022).
- Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года // *КонсультантПлюс*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99374/ (дата обращения: 06.01.2022).
- Федюнина А.А., Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Аверьянова Ю.В. Секторальные особенности интеграции российской экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости и следствия для структурной политики // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2020. № 3 (47). DOI: 10.31737/2221–2264–2020–47–3–5
- Фисенко А.И., Лазарев В.А. Северный морской путь: возможности и риски развития транзитного потенциала России // *Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов* / отв. ред. Б.Х. Краснопольский. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021.
- Холопов В.К., Соколова О.В. Использование системы МДП во внешней торговле ЕАЭС // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2018. № 8.
- Ярмолинский В.А., Леонтьев Р.Г. Перспективы конкурентоспособного развития международных транспортных коридоров Дальневосточного федерального округа // *Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник*. 2014. № 10.
- Arai H., Zhu Y., Li J. Toward Expanding Japan-Russia-China Multimodal Transportation // *ERINA Report*. 2015. No. 125.
- Monmousseau P., Marzuoli A., Feron E., Delahaye D. Impact of Covid-19 on passengers and airlines from passenger measurements: Managing customer satisfaction while putting the US Air Transportation System to sleep // *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*. 2020. No. 7. DOI: 10.1016/j.trip.2020.100179
- Ng K.T., Fu X., Hanaoka S., Oum T.H. Japanese aviation market performance during the COVID-19 pandemic — Analyzing airline yield and competition in the domestic market // *Transport Policy*. 2022. No. 116. DOI: 10.1016/j.tranpol.2021.12.006

Export of Transport Services: Russian Far East**Anna B. Bardal**

Ph.D. (Economics), Leading Research Scholar, Economic Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (address: 153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9944-4714. E-mail: Bardal@ecrin.ru.

Received 03.03.2022.

Abstract:

The article analyzes the dynamics of the key components of the export of transport services at the national and regional levels. It is shown that despite the negative impact of restrictions during the spread of the pandemic in 2019–2020, there is an increase in the export of transport services of the Russian Federation. The growth of the indicator is due to the increase in revenues from freight transportation. The regional cross-section is presented on the example of the Russian Far East. At the macro-regional level, the share of transport in the total export of services is significantly (1.8 times) higher than the national average. The main contribution to the formation of the indicator of the macroregion is made by Primorsky Krai (7.5 %). The key seaports of the Pacific coast of Russia are located here.

Three directions for the development of the export of transport services in the Far East are presented: 1) servicing export-import flows outside the national territory, 2) transit traffic, 3) participation in the international market of transport services. For each direction, the growth opportunities and restrictions on the export of transport services were assessed. With the use of comparative analysis methods, it is argued that the most promising is the service of cargo flows of the national economy. Prospects are related, among other things, to the implementation of the Northern Sea Transport Corridor project and the formation of a system of reference seaports for Arctic routes in the macroregion. It is shown that transit traffic will not play a significant role in the growth of exports of transport services in the Far East. The negative impact of infrastructural and economic factors on the competitiveness of international transport corridors passing through the territory of the east of the country has been revealed. The limitations of the direct participation of the transport complex of the Far Eastern Federal District in the international market are argued, which include features of the structure of the economy and insufficient development of the elements of the transport complex. The results of the work can serve as a basis for developing measures to develop the export of transport services.

Key words:

Far East, transport complex, export of transport services, transit, international market of transport services, Northeast Asia.

Funding sources:

This article was prepared according to the Institute's research plan.

For citation:

Bardal A.B. Export of Transport Services: Russian Far East // Far Eastern Studies. 2022. No. 2. Pp. 136–153. DOI: 10.31857/S013128120019495-5.

References

- Andreeva E.V., Isaulova K.YA. Perspektivy razvitiya SMP [Prospects for the development of the NSR]. *Neftegaz.RU*. 28.06.2021. URL: <https://magazine.neftgaz.ru/articles/arktika/686530-perspektivy-razvitiya-smp/> (accessed: 26.11.2021). (In Russ.)
- Arestova YU.A. Flot pod rossijskim flagom: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Fleet under the Russian flag: state and development prospects]. *Sovremennye aspekty ekonomiki*. 2018. No. 10 (254). (In Russ.)
- Bagdasaryan A.A. Osnovnye ekologicheskie problemy Severnogo morskogo puti v perspektive razvitiya [The main environmental problems of the Northern Sea Route in the development perspective]. *Rossijskaya Arktika*. 2020. No. 9. DOI: 10.10.24411/2658-4255-2020-12092. (In Russ.)
- Bardal' A.B. Transportnaya sistema Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga: sovremennoe sostoyanie i perspektivy vostochnogo poligona zheleznyh dorog [The transport system of the Far Eastern Federal District: the current state and prospects of the eastern range of railways]. *Regionalistika*. 2021. T. 8. No. 3. DOI: 10.14530/reg.2021.3.21. (In Russ.)

- Bardal' A.B. Rynok transportnyh uslug Severo-Vostochnoj Azii: tendencii i perspektivy [Transport Services Market in Northeast Asia: Trends and Prospects]. *Prostranstvennaya ekonomika*. 2016. No. 1. DOI: 10.14530/se.2016.1.132–162. (In Russ.)
- Bodrovceva N.YU. Sistematizatsiya faktorov i pokazatelej ocenki konkurentosposobnostej morskikh portov [Systematization of factors and indicators for assessing the competitiveness of seaports]. *Transportnoe delo Rossii*. 2017. No. 2. (In Russ.)
- Vardomskij L.B. Mezhdunarodnyy tranzitnyy puti: voprosy razvitiya mezhdunarodnogo tranzita v SSSR i Rossii [Between Geopolitics and Economics: Issues of International Transit Development in the USSR and Russia]. *Geoekonomika energetiki*. 2021. T. 13. No. 1. DOI: 10.48137/2687–0703_2021_13_1_24. (In Russ.)
- Grigor'ev M.N. Usloviya razvitiya tranzitnogo potentsiala Severnogo Morskogo Puti [Conditions for the development of the transit potential of the Northern Sea Route]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. 2019. T. 12. No. 5. DOI: 10.23932/2542–0240–2019–12–5–109–129. (In Russ.)
- Drobysheva I. Pochemu dal'nevostochnye porty okazalis' v kollapse [Why Far Eastern ports were in collapse]. *Rossiyskaya gazeta*. 06.11.2021. URL: <https://rg.ru/2021/11/06/reg-dfo/pochemu-dalnevostochnye-porty-okazalis-v-kollapse.html> (accessed: 11.01.2022). (In Russ.)
- Del'z S.V., Sinicyina A.S. Doroga k Zarubino [Road to Zarubino]. *SeaNews*. 09.09.2016. URL: <https://seanews.ru/2016/09/09/4024168/> (accessed: 14.11.2021). (In Russ.)
- Latylova G., Chernyshev A., Skorygina N. Dal'nemu Vostoku sil'no nedovezlo [The Far East is very unlucky]. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5064194> (accessed: 11.01.2022). (In Russ.)
- Luzyanin S.G. Rossijskij tranzitnyy potentsial: vostochno-aziatskij vektor [Russian transit potential: East Asian vector]. *Vestnik transporta*. 2004. No. 3. (In Russ.)
- Metodika formirovaniya pokazatelej eksporta Rossijskoj Federacii transportnyh uslug [Methodology for the formation of export indicators of the Russian Federation of transport services]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370764/ (accessed: 12.01.2022). (In Russ.)
- O Strategii razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii i obespecheniya nacional'noj bezopasnosti na period do 2035 goda [On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035]. *Ofitsial'nyy portal pravovoj informacii*. 26.10.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033> (accessed: 12.11.2021). (In Russ.)
- Ob utverzhdenii Tekhnologicheskoy skhemy peremeshcheniya tovarov [On approval of the Technological scheme for the movement of goods]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284027/ebb847e0ecf6b60b8dbd76f77fd6beab9d693bf/ (accessed: 10.01.2022). (In Russ.)
- Pavlenko O.A. Ocenka tranzitnogo potentsiala mezhdunarodnyh transportnyh koridorov «Primor'e-1» i «Primor'e-2» [Assessment of the transit potential of the international transport corridors "Primorye-1" and "Primorye-2"]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2017. No. 1 (78). (In Russ.)
- Posekovskaya YU.P. Morskoy flot otechestvennyh kompanij [Marine fleet of domestic companies]. *Morskije vesti Rossii*. 2021. No. 7. (In Russ.)
- Potaeva K., Volobuev A. «Kruglogodichnyj Sevmorput'» priznan strategicheskim proektom gosudarstva [“Year-round Northern Sea Route” is recognized as a strategic project of the state]. *Vedomosti*. 25.07.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/07/25/879485-sevmorput-strategicheskim> (accessed: 14.11.2021). (In Russ.)
- Progunova L.V. Vneshnetorgovye aspekty razvitiya Severo-Vostochnoj Azii [Foreign trade aspects of the development of Northeast Asia]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*. 2017. No. 11. (In Russ.)
- Rossiya—Kitaj: shansy i vyzovy otnoshenij «novoj epohi» [Russia—China: Chances and Challenges of “New Era” Relations] / otv. red. A.O. Vinogradov. M.: IDV RAN, 2020. (In Russ.)
- Sazonov S.L. Perspektivy realizatsii plana "Ekonomicheskogo poyasa SHeikovogo puti (EPSHP)" na Dal'nem Vostoke Rossii [Prospects for the implementation of the "Silk Road Economic Belt (SREB)" plan in the Russian Far East]. *Doklady IDV RAN 2018–2019*. M.: IDV RAN, 2020. (In Russ.)
- Sazonov S.L. Rossiya i Kitaj v Evroaziatskom transportnom koridore [Russia and China in the Eurasian transport corridor]. *Aziya i Afrika segodnya*. 2014. No. 8 (685). (In Russ.)
- Sidorova E.A. Rossiya v global'nyh cepochkah sozdaniya stoimosti [Russia in global value chains]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. T. 62. No. 9. DOI: 10.20542/0131–2227–2018–62–9–71–80. (In Russ.)

- Strategiya razvitiya eksporta uslug do 2025 goda [Service export development strategy until 2025]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331686/ (accessed: 04.01.2022). (In Russ.)
- Tereshina N.P., Minenko YU.A., ZHakov V.V.* Tranzitnyj potencial Transsiba [The transit potential of the Transsib]. *Mir transporta*. 2010. T. 8. No. 3 (31). (In Russ.)
- Transportnaya strategiya Rossijskoj Federacii (na period do 2030 goda) [Transport strategy of the Russian Federation (for the period up to 2030)]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82617/ (accessed: 04.01.2022). (In Russ.)
- Transportnaya strategiya Rossijskoj Federacii do 2030 goda s prognozom na period do 2035 goda [Transport strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period until 2035]. *Pravitel'svo Rossii*. 30.11.2021. URL: <http://government.ru/docs/43948/> (accessed: 28.01.2022). (In Russ.)
- Transportnaya strategiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda [Transport strategy of the Russian Federation for the period up to 2020]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99374/ (accessed: 06.01.2022). (In Russ.)
- Fedyunina A.A., Simachev YU.V., Kuzyk M.G., Aver'yanova YU.V.* Sektoral'nye osobennosti integracii Rossijskoj ekonomiki v global'nye cepochki dobavlennoj stoimosti i sledstviya dlya strukturnoj politiki [Sectoral Features of the Integration of the Russian Economy into Global Value Chains and Implications for Structural Policy]. *ZHurnal Novoj ekonomicheskoj asociacii*. 2020. No. 3 (47). DOI: 10.31737/2221-2264-2020-47-3-5. (In Russ.)
- Fisenko A.I., Lazarev V.A.* Severnyj morskoy put': vozmozhnosti i riski razvitiya tranzitnogo potenciala Rossii [The Northern Sea Route: Opportunities and Risks for the Development of Russia's Transit Potential]. *Dal'nevostochnaya i Tihookeanskaya Arktika: na perekrestke dveh okeanov i kontinentov / otv. red. B.H. Krasnopol'skij*. Habarovsk: IEI DVO RAN, 2021. (In Russ.)
- Holopov V.K., Sokolova O.V.* Ispol'zovanie sistemy MDP vo vneshnej torgovle EAES [Use of the TIR system in foreign trade of the EAEU]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*. 2018. No. 8. (In Russ.)
- Yarmolinskij V.A., Leont'ev R.G.* Perspektivy konkurentosposobnogo razvitiya mezhdunarodnyh transportnyh koridorov Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga [Prospects for the Competitive Development of International Transport Corridors in the Far Eastern Federal District]. *Transport: nauka, tekhnika, upravlenie. Nauchnyj informacionnyj sbornik*. 2014. No. 10. (In Russ.)
- Arai H., Zhu Y., Li J.* Toward Expanding Japan-Russia-China Multimodal Transportation // *ERINA Report*. 2015. No. 125.
- Monmousseau P., Marzuoli A., Feron E., Delahaye D.* Impact of Covid-19 on passengers and airlines from passenger measurements: Managing customer satisfaction while putting the US Air Transportation System to sleep // *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*. 2020. No. 7. DOI: 10.1016/j.trip.2020.100179
- Ng K.T., Fu X., Hanaoka S., Oum T.H.* Japanese aviation market performance during the COVID-19 pandemic — Analyzing airline yield and competition in the domestic market // *Transport Policy*. 2022. No. 116. DOI: 10.1016/j.tranpol.2021.12.006

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Деятельность органов военной разведки Японии против СССР в 1922–1945 гг.

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018449-4

Зорихин Александр Геннадьевич

Кандидат исторических наук, независимый исследователь, Ассоциация японоведов (г. Москва). ORCID: 0000-0001-7361-7237. E-mail: tsunami77@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022.

Аннотация:

Военная разведка Японии ведет непрерывную работу по всему миру начиная с 1871 г., и Россия неизменно остается одной из главных ее целей. После завершения интервенции в 1922 г. японское правительство взяло курс на нормализацию отношений с нашей страной, в связи с чем разведывательные органы империи отслеживали мероприятия советского руководства по укреплению оборонно-экономического потенциала государства и реализации задач внешней политики на Дальнем Востоке, не проводя подрывных акций. Органам госбезопасности СССР удалось наладить передачу военной разведке Японии как центральному разведывательному органу империи, завышенных данных о состоянии Красной армии, поэтому в 1923–1931 гг. военное планирование Токио в отношении нашей страны носило оборонительный характер.

После захвата Маньчжурии в 1932 г. Япония столкнулась с наращиванием Советским Союзом своей группировки войск за Байкалом, расценивая этот факт как подготовку к вторжению в Северо-Восточный Китай. Японская разведка активизировала деятельность по сбору информации о намерениях советского руководства и занялась в 1937–1938 гг. организацией диверсионного аппарата на случай войны с СССР, однако встречные мероприятия советских органов госбезопасности сковали работу спецслужб империи в нашей стране.

После поражения на р. Халхин-Гол (1939) военно-политическое руководство Японии провело коренную реорганизацию органов военной разведки, укрепив их кадрово и сделав ставку на сбор информации техническими средствами. Благодаря поступающим от зарубежного разведаппарата сведениям, правительство империи летом — осенью 1941 г. пришло к выводу о нецелесообразности нападения на Советский Союз. Вступление СССР в войну против милитаристской Японии в 1945 г. подвело черту под деятельностью военной разведки империи и стало прологом к ее переходу под контроль США.

Ключевые слова:

Япония, Советский Союз, Квантунская армия, разведка, агент, военная миссия.

Для цитирования:

Зорихин А.Г. Деятельность органов военной разведки Японии против СССР в 1922–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 154–161.

DOI: 10.31857/S013128120018449-4

Несмотря на поражение Японской империи во Второй мировой войне и формальный отказ Токио от содержания регулярной армии, военная разведка этой страны ведет непрерывную деятельность по всему миру с момента своего создания в 1871 г. При этом Российская Федерация занимает неизменно ведущее место среди государств, в чьи секреты японские разведорганы стремятся проникнуть уже полтора столетия. В данной статье будет рассмотрен японский опыт организации разведывательной работы на советском направлении и встречное противодействие ей отечественных спецслужб в 1922–1945 гг.

К моменту завершения японской оккупации советского Дальнего Востока осенью 1922 г. военная разведка империи представляла собой хорошо организованную многоуровневую структуру, принципы деятельности которой были заложены в конце XIX в. и апробированы в ходе Русско-японской войны. Основу зарубежного разведаппарата 2-го управления Генерального штаба Японии составляли легальные резидентуры под прикрытием военных атташатов (ВАТ) при дипломатических представительствах в Берлине, Таллине, Риге, Варшаве, Стамбуле и сеть т.н. «японских военных миссий» (ЯВМ), возвращенных на Дальнем Востоке, в Сибири, Маньчжурии и Забайкалье в 1918–1919 гг. для контроля за марионеточными белыми режимами и ведения агентурной разведки в Дальневосточной республике.

После ухода экспедиционной армии из Приморья японское правительство взяло курс на нормализацию отношений с Советским Союзом и в 1925 г. заключило двустороннее соглашение о возобновлении дипломатических и торговых контактов. Поскольку стратегической целью Японии являлся захват северо-востока Китая с дальнейшей экспансией в Юго-Восточную Азию и вытеснение оттуда Соединённых Штатов Америки, в соответствии с утвержденным в 1923 г. «Курсом национальной обороны империи» Токио стремился избежать войны с нашей страной¹. В рамках этой доктрины в 1922–1931 гг. военная разведка Японии активно участвовала в подготовке агрессии на материке, рассматривая деятельность по линии СССР как второстепенное направление и занимаясь главным образом сбором информации о военном и экономическом потенциале нашей страны, ее мероприятиях по укреплению позиций в Китае и Корее без проведения подрывных акций против Советского Союза в какой-либо форме.

Главными центрами японской военной разведки в советском приграничье до т.н. Маньчжурского инцидента (1931) являлись эвакуированные из нашей страны в 1922 г. с согласия фактического главы северо-востока Китая Чжан Цзолиня военные миссии Квантунской армии в Харбине, Маньчжоули и Хэйхэ, а также резидентура Корейской армии во Владивостоке. В своей деятельности они опирались на членов японской диаспоры в Приморье и Северной Маньчжурии, отряды белых партизан, выводимую в Забайкалье и на Дальний Восток маршрутную агентуру из китайцев, корейцев, белоэмигрантов и контрабандистов, а также на информаторов среди служащих советских дипломатических и торговых организаций в Харбине и на Китайско-Восточной железной дороге. Однако деятельность ЯВМ сковывали регулярные сокращения их штатов и недостаточное финансирование Военным министерством, массовый отток японских мигрантов с Дальнего Востока и из Забайкалья, а также разобщенность белоэмигрантских организаций в Китае. Кроме того, в 1924–1927 гг. советские органы государственной безопасности сумели перехватить линии связи Токио с владивостокским генконсульством и головной миссией в Харбине, в силу чего японская военная разведка лишилась большей части своих агентурных позиций в Приморье и Приамурье².

Хотя командование Квантунской армии дважды — в 1924 и 1927 гг. — пыталось заручиться согласием Военного министерства на расширение разведаппарата в Советском Союзе за счет организации легальных резидентур на Дальнем Востоке, в Сибири и Забайкалье под прикрытием японских дипломатических и торговых представительств, вплоть до 1932 г. правительство уклонялось от реализации каких-либо предложений по усилению разведки на материке, опасаясь возможных дипломатических осложнений в случае разоблачения ее агентуры.

В целях расширения источников получения достоверной информации о СССР японская военная разведка наладила в 1919–1923 гг. тесное взаимодействие с Генштабами Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, Франции и Германии, которые, как пола-

1. Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-3 (С14061002700), л. 0010–0012.
2. Куртинец С.А. Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922–1931) // *Вестник ДВО РАН*. 2011. № 1. С. 28–35.

гали в Токио, имели надежные агентурные позиции в СССР. Особенно плотные контакты 2-е управление Генштаба Японии установило со 2-м (разведывательным) отделом польского Генерального штаба: поступающая к нему из Варшавы информация касалась характера боевых действий советских войск против Добровольческой и польской армий, организации, дислокации и боеготовности Красной армии в европейской части Советского Союза, социально-экономического и политического положения СССР. Однако советские органы госбезопасности заблаговременно перехватили разведывательные каналы подавляющего большинства западных спецслужб, поэтому в 1922–1925 гг. передавали японцам специально подготовленную дезинформацию, содержащую завышенные данные о численности личного состава, танкового и авиационного парков Красной армии, что, по замыслу советского руководства, должно было удержать Токио от нападения на нашу страну³.

Ситуация не изменилась и после учреждения в 1925 г. легальной резидентуры под прикрытием военного атташата при посольстве Японии в Москве. Практически сразу ее личный состав попал под плотное наружное наблюдение, шифропереписка военного атташе с 1927 г. перехватывалась и читалась Спецотделом Объединённого государственного политического управления, из его сейфа регулярно изымалась служебная документация, почта посольства и ВАТ перлюстрировалась при перевозке через Советский Союз, к сотрудникам была подведена агентура из военнослужащих Красной армии и лиц женского пола⁴.

Не оправдала себя и ставка японской военной разведки на использование разведчиков под видом транзитных путешественников или стажеров русского языка, что широко практиковалось ею накануне Русско-японской войны и в межвоенный период (1906–1916). В 1927 г. советское правительство перекрыло этот канал поступления разведывательной информации, ограничив пребывание японских офицеров в СССР их стажировкой в воинских частях на условиях взаимного прикомандирования советских военнослужащих к японской армии. Первые стажеры — капитаны Хорикэ Кадзумаро и Мияно Масатоси, прикомандированные к 3-му артиллерийскому и 151-му стрелковому полкам в Севастополе и Одессе, прибыли в Советский Союз в 1930 г.⁵

Со всей очевидностью недостатки в организации зарубежного разведаппарата в СССР открылись Генштабу Японии во время советско-китайского конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 г. Московская резидентура черпала сведения из открытых печатных изданий, бесед с официальными представителями Наркоматов иностранных дел и по военным и морским делам и сообщений польского военного атташе. Военные миссии в Северной Маньчжурии не имели постоянных агентурных позиций в Приморье и Забайкалье, поэтому получали информацию от маршрутных агентов, дезертиров, командования китайских войск, пассажиров и проводников КВЖД. В ходе конфликта миссия в Маньчжоули утратила связь с Харбином, что привело к задержкам в получении Токио информации о развитии обстановки на 2–3 дня.

Тем не менее, советско-китайский конфликт 1929 г. позволил японской военной разведке оценить уровень боевой подготовки Красной армии, превзошедший царский период. Последующий анализ, проведенный 2-м управлением Генштаба, выявил техническое отставание Японии от СССР в насыщенности Вооружённых сил танковой и авиационной техникой, средствами ведения химической войны, в том числе на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Доклады харбинской миссии и легальных резидентур в Европе и Азии также свидетельствовали о целенаправленном расширении Москвой сферы влия-

3. РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 99, л. 490–500.

4. Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: Олма-пресс образование, 2002. С. 427–428; Просветов И.В. «Крестный отец» Штирлица. М.: Вече, 2015. С. 79–80; Кириченко А.А. Японская разведка против СССР. М.: Вече, 2016. С. 57–59.

5. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 8, л. 50.

ния на КВЖД и о дестабилизации её обстановки в Маньчжурии и Китае. Поэтому военно-политическое руководство империи исходило из прогнозов органов военной разведки о высокой вероятности вторжения Красной армии в Северную Маньчжурию и в 1923–1931 гг. ежегодно утверждало планы обороны на северном и западном направлениях Маньчжурского театра, предусматривавшие одновременное нанесение контрудара по Южно-Уссурийскому краю, встречное сражение в районе Цицикара и последующий перенос боевых действий через Хинган в Забайкалье⁶.

Выход японской армии к советским границам в результате захвата Маньчжурии в 1931 г. спровоцировал резкий рост численности Красной армии на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Хотя Советский Союз наращивал группировку войск на востоке страны исключительно в оборонительных целях, военно-политическое руководство Японии считало, что Москва готовится отторгнуть Маньчжурию и помешать реализации континентальной политики Токио, поэтому с 1932 г. резко усилило свою разведывательную деятельность на советском направлении.

В 1932–1935 гг. численность зарубежного разведаппарата Генштаба Японии под прикрытием военных атташатов и консульств в СССР и приграничных с ним странах выросла с 12 до 25 сотрудников. Ежегодно в воинских частях Красной армии стажировались 3–4 японских офицера. Оперативная разведка целиком сосредоточилась в руках Квантунской армии, а сеть ее ЯВМ увеличилась вчетверо. Кроме того, в 1933 г. объединение развернуло несколько радиоразведывательных пунктов вдоль советско-маньчжурской границы и с помощью польских специалистов начало чтение советской шифропереписки⁷. В дополнение в 1934 г. Квантунская армия консолидировала всю белую эмиграцию на северо-востоке Китая под эгидой «Бюро по делам российских эмигрантов», а в 1936–1938 гг. сформировала на ее базе диверсионно-разведывательный отряд «Асано» для действий на территории Дальнего Востока и Забайкалья.

Также японской разведкой предпринимались попытки сколотить агентурно-диверсионные группы из украинских и кавказских националистов в Европе и на Ближнем Востоке, для чего в 1930–1935 гг. она установила конспиративные отношения с лидерами эмигрантских организаций в Турции, Польше, Германии и Франции: с главой Русского национального союза участников войны А.В. Туркулом, бывшим военным министром Азербайджанской республики Хосровбеком Султановым, внуком имама Шамиля Саидом Шамилем, представителем крымских татар Джафером Саидом Ахмедом, представителями тюрко-татарской эмиграции М.Я. Бигеевым и Гаязом Исхаки, бывшим полковником грузинской военной разведки Р.К. Мкурнали, видным деятелем грузинской эмиграции в Берлине Ш.А. Карумидзе, идеологом создания Кавказской конфедерации Гайдаром Бамматом, членами правительства Украинской Народной Республики в изгнании профессором Р.С. Смаль-Стоцким и генералом В.П. Сальским, бывшим главой прогерманского правительства Украины гетманом П.П. Скоропадским, а также с руководством Организации украинских националистов.

Кроме того, в 1937 г. 2-е управление Генштаба Японии заключило соглашение с немецкой военной разведкой (абвером) о создании к 1941 г. широкой сети разведывательно-диверсионных резидентур в Закавказье, Причерноморье и на Северном Кавказе для уничтожения советских нефтедобывающих предприятий и срыва морских перевозок по Чёрному морю в начальный период войны⁸.

Хотя советские погранвойска и органы госбезопасности успешно блокировали широкое агентурное проникновение японской военной разведки в СССР, 2-е управление

6. Архив НИИО МНО Японии. Мансю дзэмпан-1 (С13010000600), л. 0021–0023; Бунко-Миядзаки-5 (С14061003500), л. 0031–0033.

7. Национальный архив Японии. Хэнсэки-01002000 (A03032000400), л. 627; Архив НИИО МНО Японии. Мансю дзэмпан-364 (С13010229400), л. 1174, 1185–1186.

8. Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-32 (С14061021200), л. 1887–1896.

Генштаба, комбинируя методы оперативной деятельности — заброску маршрутных агентов, отправку офицеров разведки под прикрытием должностей дискурьеров, обработку печатных изданий, опрос перебежчиков и мигрантов, сопоставление материалов от дружественных спецорганов и перехват зашифрованного радиообмена Красной армии, в целом имело правильное представление о дислокации войск Особой Краснознамённой Дальневосточной армии и пропускной способности Транссибирской магистрали. Однако с 1931 г. оно начало недооценивать численность парка советской боевой авиации и танковой техники в 1,5–2,8 раза⁹.

В связи со вскрытым японской военной разведкой усилением группировки советских войск за Байкалом в первой половине тридцатых годов, в 1936 г. Токио скорректировал «Курс национальной обороны империи» в сторону включения Москвы в число главных противников, однако, зная о подавляющем превосходстве Красной армии в людских ресурсах и наступательных вооружениях, провозгласил в «Основных принципах национальной политики» (1936) стратегию сохранения дружбы с СССР^{10, 11}.

В силу целого ряда причин во второй половине тридцатых годов военная разведка Японии столкнулась с серьезными трудностями в организации агентурной работы в СССР. В приграничных районах Дальнего Востока и Забайкалья был введен строгий контроль за пребыванием посторонних лиц, проведена тотальная паспортизация, усилена техническая и агентурная охрана границы, центральные и территориальные органы госбезопасности внедрили свою агентуру в разведывательные подразделения Квантунской и Корейской армий¹². Агентурная работа московской резидентуры была скована тотальным наблюдением за ее сотрудниками, выемкой дипломатической почты и дешифровкой радиопереписки военного атташе. Кроме того, в 1937–1938 гг. советское правительство выселило все корейское население из Приморского края и ликвидировало японские консульства в Одессе, Хабаровске и Новосибирске, что, вопреки утвердившейся точке зрения, было вызвано не столько чистками общества от политически опасных течений, сколько реально существовавшей угрозой агентурного и легализованного проникновения японской военной разведки на объекты ее устремлений¹³.

Отрицательное влияние на деятельность японских разведывательных органов также оказывал комплекс накопившихся к середине тридцатых годов внутренних проблем. Во-первых, в системе 2-го управления отсутствовали Центральная разведывательная школа Генерального штаба и Школа агентурных разведчиков Квантунской армии, в которых бы велась целенаправленная подготовка кадров. Во-вторых, агентура имела недостаточно надежные легализационные документы, устаревшую советскую экипировку, не использовала портативную приемо-передающую радиоаппаратуру. В-третьих, ядро агентурного аппарата оперативной разведки составляли китайцы и корейцы, которые после массовых депортаций этих национальностей с советского Дальнего Востока испытывали серьезные проблемы с легализацией.

Прямым следствием недочетов в деятельности военной разведки стало поражение японской армии в сражении на р. Халхин-Гол (1939). Советские органы госбезопасности сумели довести до командования Квантунской армии по каналу «Хатокутё» через

9. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 186, л. 93–94.

10. Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-10 (С14061005100).

11. Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг. М.: Мысль, 1989. С. 211–212.

12. Чернулицкая Е.Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934) // *Revue des études slaves*. LXXI/1. 1999. С. 17–33; Органы государственной безопасности СССР. Т. 1. Накануне. Книга 1 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М.: АО «Книга и бизнес», 1995. С. 40–41, 46; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 176.

13. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 22, л. 121–123.

харбинское генконсульство фальсифицированную информацию о неготовности 1-й армейской группы к проведению наступательных операций. Японской специальной радио-разведке не удалось взломать стойкие шифры, использовавшиеся на линии связи «армейская группа — Генштаб». 2-й отдел штаба Квантунской армии вместо анализа поступавшей разведывательной информации занимался решением административных вопросов, а харбинская миссия не имела полномочий для координации деятельности всех разведорганов на халхингольском направлении^{14, 15}.

Поэтому в 1940–1941 гг. военно-политическое руководство Японии провело комплекс реформ по усилению деятельности разведорганов армии против СССР. На базе харбинской военной миссии было развернуто Информационно-разведывательное управление (ИРУ), которое взяло на себя руководство вопросами организации агентурной разведки, подготовки кадров разведчиков и диверсантов, в связи со значительно увеличенными в штатах легальными резидентурами в Чите и Благовещенске. За 2-м отделом штаба Квантунской армии осталась функция анализа развединформации. Для взлома советской шифрованной переписки японскими военными атташе в Хельсинки, Берлине и Будапеште было налажено беспрецедентное по своим масштабам сотрудничество с дешифровальными органами стран фашистского блока. Кроме того, после поражения Польши и присоединения стран Прибалтики к СССР ВАТ в Финляндии, Швеции, Германии и Румынии взяли под свой контроль польскую и эстонскую разведывательные сети в нашей стране.

Несмотря на репрессии 1937–1938 гг., советские органы госбезопасности продолжали эффективно противодействовать японской военной разведке. В дополнение к регулярному чтению шифропереписки японских военных атташе в Европе, тотальному наблюдению за установленными сотрудниками легальных резидентур в нашей стране, увеличению плотности и технической оснащенности охраны границы с Маньчжурией в Наркомате внутренних дел (НКВД) СССР с 1938 г. начала действовать сеть станций радиоконтрразведки, которая эффективно контролировала эфир в приграничных районах, пресекая работу радиофицированных резидентур противника, а в 1939–1940 гг. Управление НКВД по Приморскому краю сорвало попытку японской военной разведки восстановить свою агентурную базу на Дальнем Востоке под видом корейской революционной организации Ли Хайчена¹⁶.

Оценивая весь объем имеющихся материалов, можно утверждать, что военная разведка Японии была одним из инициаторов нормализации отношений между нашими странами в апреле 1941 г. и той последней инстанцией, которая удержала руководство империи от нападения на СССР осенью 1941 — весной 1942 гг. Постоянно поступающая в Токио информация военной разведки свидетельствовала о сохранявшихся у Советского Союза возможностях к сопротивлению фашистской агрессии, намерении его правительства вести войну до победы, наличии за Байкалом достаточной группировки войск для отражения японской агрессии. В целях обеспечения непрерывности и устойчивости поступления разведывательных данных Военное министерство Японии значительно усилило в 1941–1945 гг. свои дешифровальные органы в Центре и на континенте, которые добывали до 90 % сведений, кадрово и финансово укрепило разведцентры в Берлине, Стокгольме и Хельсинки, развернуло сеть разведывательных школ при ИРУ Квантунской армии, а с 1944 г. начало формирование в Маньчжурии диверсионно-разведывательных групп и партизанских отрядов на случай возможного нападения СССР.

14. Архив НИИО МНО Японии. Мансю-дзэмпан-364 (С13010229500), л. 1192–1201.

15. *Coox, Alvin D.* *Nomonhan: Japan against Russia, 1939.* Stanford: Stanford University Press, 1990. P. 1016.

16. *Тужилин С.В.* «Провокаторы»: тайная война на Дальнем Востоке (конец 1930-х — начало 1940-х гг.) // *Проблемы Дальнего Востока.* 2011. № 3. С. 134–138.

Несмотря на отсутствие у японской военной разведки надежных агентурных позиций в центральных органах государственного и военного управления СССР, она своевременно вскрыла переброску советских резервов с запада на восток весной — летом 1945 г., правильно определила возможные варианты проведения наступательной операции войсками Дальневосточного и Забайкальского фронтов в Маньчжурии, однако ошиблась на месяц с оценкой даты начала войны. Уже в ходе скоротечной Маньчжурской кампании разведорганы японской армии не сумели наладить поступление достоверных сведений о противнике и развернуть в его тылу партизанские действия в силу комплекса мер, проведенных пограничными войсками НКВД, Главным управлением контрразведки «Смерш» Наркомата обороны и территориальными управлениями Наркомата государственной безопасности¹⁷.

Литература

- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013.
- Кириченко А.А. Японская разведка против СССР. М.: Вече, 2016.
- Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг. М.: Мысль, 1989.
- Куртинец С.А. Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922–1931) // *Вестник ДВО РАН*. 2011. № 1.
- Органы государственной безопасности СССР. Т. 1. Накануне. Книга 1 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М.: АО «Книга и бизнес», 1995.
- Органы государственной безопасности СССР во Второй Мировой войне. Победа над Японией: Сборник документов. М.: Фонд «Связь эпох», Кучково поле, 2020.
- Просветов И.В. «Крестный отец» Штирлица. М.: Вече, 2015.
- Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: Олма-пресс образование, 2002.
- Тужилин С.В. «Провокаторы»: тайная война на Дальнем Востоке (конец 1930-х — начало 1940-х гг.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2011. № 3.
- Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934) // *Revue des études slaves*. LXXI/1. 1999.
- Cooh, Alvin D. *Nomonhan: Japan against Russia, 1939*. Stanford: Stanford University Press, 1990.

MILITARY BUILD-UP

The Activity of Japanese Military Intelligence against the USSR in 1922–1945

Alexander G Zorikhin

Ph.D. (History), independent researcher, Association of Japanologists (Moscow). ORCID: 0000-0001-7361-7237. E-mail: tsunami77@rambler.ru.

Received 10.01.2022.

Abstract:

Japan's military intelligence has been continuously working around the world since 1871, and Russia has always remained one of its main goals. After the end of the intervention in 1922, the Japanese government took a course to normalize relations with our country, in connection with which the intelligence agencies of the empire monitored the activities of the Soviet leadership to strengthen the defense and economic potential of the state and the implementation of foreign policy objectives in the Far East, without conducting subversive actions. The USSR state security agencies managed to arrange the transfer of inflated data on the state of the Red Army to the Japanese military intelligence, as the central intelligence agency of the empire, therefore, in 1923–1931, Tokyo's military planning against our country was defensive in nature.

17. Подробнее см.: Органы государственной безопасности СССР во Второй Мировой войне. Победа над Японией: Сборник документов. М.: Фонд «Связь эпох», Кучково поле, 2020.

After the capture of Manchuria in 1932, Japan faced the Soviet Union's buildup of its troops beyond Lake Baikal, regarding this fact as preparation for an invasion of Northeast China. Japanese intelligence intensified its activities to collect information about the intentions of the Soviet leadership and engaged in the organization of a sabotage apparatus in the event of a war with the USSR in 1937–1938, however, counter measures of the Soviet state security bodies hampered the work of the empire's special services in our country.

After the defeat on the Khalkhin-Gol river (1939), the military-political leadership of Japan carried out a radical reorganization of the military intelligence agencies, strengthening their personnel and betting on the collection of information by technical means. Thanks to the information received from the foreign intelligence apparatus, the government of the Empire in the summer and autumn of 1941 came to the conclusion that it was inappropriate to attack the Soviet Union. The entry of the USSR into the war against militaristic Japan in 1945 drew a line under the activities of the empire's military intelligence and became a prologue to its transition to US control.

Key words:

Japan, Soviet Union, Kwantung army, intelligence, agent, military mission.

For citation:

Zorikhin A.G. The Activity of Japanese Military Intelligence against the USSR in 1922–1945 // Far Eastern Studies. 2022. No. 1. Pp. 154–161. DOI: 10.31857/S013128120018449-4

References

- Chernoluckaya E.N.* Paspportizaciya dal'nevostochnogo naseleniya (1933–1934) [Certification of the Far Eastern population (1933–1934)]. *Revue des études slaves*. LXXI/1. 1999. (In Russ.)
- Coox, Alvin D.* Nomonhan: Japan against Russia, 1939. Stanford: Stanford University Press, 1990.
- Kirichenko A.A.* Yaponskaya razvedka protiv SSSR [Japanese intelligence against the USSR]. Moscow: Veche, 2016. (In Russ.)
- Koshkin A.A.* Krah strategii «speloj hurmy»: Voennaya politika Yaponii v otnoshenii SSSR, 1931–1945 gg. [The collapse of the "ripe persimmon" Strategy: Japan's Military Policy towards the USSR, 1931–1945]. Moscow: Mysl', 1989. (In Russ.)
- Kurtinets S.A.* Razvedyvatel'naya deyatel'nost' yaponskih konsul'stv na sovetskom Dal'nem Vostoke (1922–1931) [Intelligence activities of Japanese Consulates in the Soviet Far East (1922–1931)]. *Vestnik DVO RAN*. 2011. № 1. (In Russ.)
- Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR. Tom 1. Nakanune. Kniga 1 (noyabr' 1938 g. — dekabr' 1940 g.) [State security agencies of the USSR. Volume 1. The day before. Book 1 (November 1938 — December 1940)]. Moscow: AO «Kniga i biznes», 1995. (In Russ.)
- Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR vo Vtoroj Mirovoj vojne. Pobeda nad Yaponiej: Sbornik dokumentov [State security agencies of the USSR in World War II. Victory over Japan: A collection of documents]. Moscow: Fond «Svyaz' epoh», Kuchkovo pole, 2020. (In Russ.)
- Prosvetov I.V.* «Kryostnyj otec» Shtirlitsa [The "Godfather" of Stirlitz]. Moscow: Veche, 2015. (In Russ.)
- Soboleva T.A.* Istoriya shifroval'nogo dela v Rossii [The history of encryption in Russia]. Moscow: Olma-press obrazovanie, 2002. (In Russ.)
- Tuzhilin S.V.* «Provokatory»: tajnaya vojna na Dal'nem Vostoke (konec 1930-h — nachalo 1940-h gg.) ["Provocateurs": the Secret War in the Far East (late 1930s — early 1940s)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2011. № 3. (In Russ.)
- Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 6. Tajnaya vojna. Razvedka i kontrrazvedka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 volumes. Vol. 6. The Secret War. Intelligence and counterintelligence during the Great Patriotic War]. Moscow: Kuchkovo pole, 2013. (In Russ.)

ИСТОРИЯ**Антияпонская война и историческая политика КНР**

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018445-0

Казанцев Артём Евгеньевич

Аспирант департамента зарубежного регионоведения НИУ ВШЭ (адрес: 117017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17). ORCID: 0000-0002-7582-6873. E-mail: bryant95@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021.

Аннотация:

Статья посвящена влиянию китайско-японской войны (1937–1945 гг.) на историческую политику Китайской Народной Республики. Многие события этой войны, в частности Нанкинская резня, а также вопрос «женщин для утешения» стали важной частью коллективной памяти китайского народа. Правительство современного Китая использует память о событиях исторического прошлого для конструирования исторической политики, в целях консолидации нации и для оказания давления на международной арене. Однако память о событиях военного прошлого не является однородной. Она изменяется в соответствии с целями государственной политики. Для их достижения государственная власть стремится придать памяти о китайско-японской войне идеологическое содержание. Так в разные периоды существования КНР историческая политика выстраивалась различным образом. Тем не менее, одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на формирование политики памяти в КНР, является так называемое «ритуальное мышление». По этой причине историческая эволюция образа антияпонской войны в китайской политике памяти, ее влияние на современные китайско-японские отношения, а главное, роль особенностей китайского мировоззрения и культуры в исторической политике КНР нуждаются в пристальном изучении. В данной статье предпринята попытка (1) провести анализ формирования и трансформации памяти об антияпонской войне в исторической политике КНР, (2) выявить влияние культурных особенностей, таких как «ритуальное мышление», на историческую политику КНР, а также (3) определить влияние исторической политики Китая на состояние современных отношений между Китайской Народной Республикой и Японией.

Ключевые слова:

Историческая политика КНР, китайско-японская война, ритуальное мышление, китайско-японские отношения.

Для цитирования:

Казанцев А.Е. Антияпонская война и историческая политика КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 162–173. DOI: 10.31857/S013128120018445-0

Война между Китаем и Японией с 1937 по 1945 гг. считается частью Второй мировой войны, но в Китае ее называют «Антияпонская война» (*канжэи чжэньчжэнь*) или «Война против японских захватчиков». Эта война оставила глубокий след в исторической памяти китайского народа, что предопределило многие особенности исторической политики КНР.

Данная статья имеет целью выяснить, каким образом память о событиях Антияпонской войны используется в исторической политике КНР, является ли память о ней однородной, и если нет, то от чего зависят состав памяти и ее историческая эволюция?

Специфика формирования исторической памяти в Китае, несомненно, связана с традиционным для китайцев общественным и культурным укладом. Одной из фундаментальных норм в китайской культуре является ритуал. В Китае он является организующим

началом социума, и посредством него артикулируется преемственность поколений и память о них¹. В дальнейшем мы будем обращаться к понятию ритуала для объяснения особенностей китайской политики. Но для начала попробуем определить, что такое историческая политика и как она связана с исторической памятью.

Историческая политика и историческая память

Термин «историческая политика» (*geschichtspolitik*) появился в Германии в начале 1980-х гг. Считается, что он вошел в обиход после того, как канцлер Гельмут Коль начал использовать историческую проблематику для закрепления политического успеха². Впоследствии данный термин был заимствован польскими политиками и стал широко известен мировому сообществу. В немецкий лексикон (а потом и в польский) данный термин вошел как обозначение интерпретаций истории, осуществляемых с целью извлечения политической выгоды.

Тема исторической политики в КНР привлекла внимание целого ряда исследователей. Отметим работы И. Хэ³ и Б.О. Хубрикова⁴. Первая раскрывает тенденциозность интерпретации исторических событий в КНР. В Китае, как утверждает Хэ, интерпретации истории основываются не на научных фактах, а находятся в зависимости от идеологической линии партии и от изменчивых интересов китайских элит⁵. Основной идеей второй работы является инициированное КПК переключение «режима памяти» о Второй мировой войне с «памяти жертвы» на «память победителей». Интересно, что изменение нарратива памяти о войне началось не при Си Цзиньпине, а еще в конце 1980-х гг., что подтверждается в обстоятельной работе П. Кобла⁶. Помимо этого, Б.О. Хубриков указывает на роль политики Си Цзиньпина в формировании консолидирующих нацию мифов. Основным является миф о 3 сентября, знаменующий переход к памяти победителей. Прежний нарратив «столетия унижений», культивирующий образ жертвы, ученый считает анахронизмом⁷. Однако очевидно, что консолидации может служить как образ жертвы, так и образ героя. Они не исключают, а дополняют друг друга и в равной степени вписываются в концепцию «Великого возрождения китайской нации». Актуальность образа жертвы в современной китайской политике подчеркивает Л. Ван⁸.

В статье сделана попытка анализа формирования и трансформации образа антияпонской войны в исторической политике КНР, определения внутренней связи традиционной китайской культуры и исторической политики КНР, выявления влияния событий антияпонской войны в контексте исторической политики КНР на внешнеполитические отношения Китая и Японии в настоящее время.

Историческая политика тесно связана с исторической памятью общества. Последняя играет важную, если не определяющую роль в формировании коллективной

-
1. *Seligman A.B.* Ritual and its consequences: an essay on the limits of sincerity. New York: Oxford University Press, 2008. P. 18.; *Малявин В.В.* Очерк образования и педагогики в старом Китае. Иваново: Роща, 2019. С. 7.
 2. *Миллер А.Л.* Россия: власть и история // *Pro et contra*. 2018. № 3. С. 8.
 3. *He Y.* Remembering and Forgetting the War: Elite Mythmaking, Mass Reaction, and Sino-Japanese Relations, 1950–2006 // *History & Memory*. 2007. No. 2.
 4. *Хубриков Б.О.* Политика памяти в эпоху Си Цзиньпина // *Новое прошлое*. 2020. № 1.
 5. *He Y.* Remembering and Forgetting the War: Elite Mythmaking, Mass Reaction, and Sino-Japanese Relations, 1950–2006 // *History & Memory*. 2007. No. 2. P. 67.
 6. *Coble P.M.* China's «new remembering» of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945 // *The China Quarterly*. 2007. № 190. P. 398.
 7. *Хубриков Б.О.* Политика памяти в эпоху Си Цзиньпина // *Новое прошлое*. 2020. № 1. С. 79.
 8. *Wang L.* ‘The century of humiliation’ and the politics of memory in China // *Leviathan*. 2020. No. 1.

идентичности народов⁹. По этой причине государственная власть стремится придать ей определенное идеологическое содержание. Мы предлагаем понимать термин «историческая политика» (и «политика памяти») как деятельность государства, направленную на утверждение тех или иных представлений об историческом прошлом и формирование определенного содержания исторической памяти.

Известно, что одним из самых значительных для исторической политики КНР событий является антияпонская война. Но почему данная тема даже по прошествии длительного периода является столь важной для власти КНР? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть отдельные наиболее острые эпизоды данной войны, к которым чаще всего апеллирует руководство КНР. Речь идет о Нанкинской резне, так называемых «женщинах для утешения», а также японских испытаниях бактериологического оружия в Китае.

Антияпонская война

В памяти китайцев о Японо-китайской войне 1937–1945 гг. выделяются события, связанные с так называемой Нанкинской резней. Город Нанкин во время войны являлся столицей Китая. Японцы полагали, что при падении столицы падет все государство¹⁰. Возможно, это послужило одной из причин особо жестокого отношения к населению города. В течение 6 недель японцы грабили и убивали солдат и мирных жителей, включая женщин и детей. По многочисленным свидетельствам можно сделать вывод, что жителей города убивали с особой жестокостью. Количество жертв (официально признанных во время Токийского процесса) оценивается в 200–300 тыс. человек¹¹. Стоит отметить, что многие японские исследователи считают количество жертв преувеличенным. Называются цифры в районе 100, 40 и даже 10 тыс.¹²

Помимо Нанкинской резни во время Второй японо-китайской войны были совершены насильственные действия в отношении нескольких сотен тысяч женщин из Кореи, Тайваня, Китая, а также Филиппин и Индонезии. В истории этот феномен получил название «женщины для утешения» (comfort women). На территориях, подконтрольных Японской империи, организовывались так называемые «станции утешения» (comfort stations), в которых содержали девушек, вынужденных удовлетворять потребности японских солдат. Принимая во внимание документы о Квантунской армии в Маньчжурии из Цилиньского архива, можно сделать вывод, что организация данных структур происходила в соответствии с распоряжениями генеральных штабов японской армии, т.е. была полностью санкционирована¹³. Принято считать, что от деятельности подобных организаций пострадали в основном кореянки, но многие китайки также подверглись унижениям.

В данном контексте следует упомянуть о деятельности японских ученых, связанной с разработкой и применением химического и бактериологического оружия на терри-

9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2. С. 8.

10. Gordon J. The Nanking Massacre: Analysis of Japanese and Chinese Interpretation and Remembrance of Nanking 1940s-The Present. September 5, 2014. URL: <https://minds.wisconsin.edu/handle/1793/69487> (дата обращения: 11.08.2021).

11. Lu S. The Nanjing Massacre: Primary Source Records and Secondary Interpretations — A Textual Critique of Bob Tadashi Wakabayashi's Review // *China Review International*. 2013. No. 3–4. P. 274.

12. Lu S. The Nanjing Massacre: Primary Source Records and Secondary Interpretations — A Textual Critique of Bob Tadashi Wakabayashi's Review // *China Review International*. 2013. No. 3–4. P. 276.

13. Wang Q.E. The Study of “Comfort women”: Revealing a Hidden Past—introduction. December 31, 2019. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00094633.2019.1691414> (дата обращения: 11.08.2021).

тории Китая, а также опыты над военнопленными и мирными гражданами при создании данного оружия. Испытания бактериологического оружия на военнопленных зачастую связывают с деятельностью «Отряда № 731», действовавшего в составе японской армии на территории Маньчжурии¹⁴.

Все вышеперечисленное — лишь малая часть унижений, которым подверглись китайцы во время антияпонской войны. Помимо жестоких убийств и насилия над военнопленными, японцы разграбили и сожгли множество населенных пунктов на территории Китая. Ситуация осложнилась тем, что по прошествии нескольких десятилетий после окончания военных действий в Японии возникла тенденция к переосмыслению событий войны, сопровождавшаяся жалобами на «утрирование» масштабов произошедшей трагедии в китайской литературе. Впоследствии Китай развернул кампанию по восстановлению исторической справедливости в ответ на «забвение истории» Японией¹⁵. К послевоенным событиям, послужившим обострению отношений между двумя странами следует отнести: 1. Замену в японских учебниках термина «вторжение» (侵略) на «продвижение» (推进) в контексте действий японской армии в Китае (1982 г.)¹⁶; 2. Преуменьшение количества жертв Нанкинской резни, о чем также свидетельствует тенденция японских ученых называть данное событие «Нанкинским инцидентом»¹⁷; 3. Посещение высокопоставленными японскими политиками храма Ясукуни. В нем совершаются поклонения душам предков, к которым относятся также некоторые виновные в военных преступлениях в отношении стран СВА (в частности Китая) во время Второй мировой войны представители японской армии.

Данные факторы оказывают серьезное влияние на историческую политику КНР, в соответствии с которой впоследствии выстраиваются внешнеполитические контакты между Китаем и Японией.

Отражение антияпонской войны в исторической политике современного Китая

В целом в период до 80-х годов XX в. историческая политика КНР определялась, прежде всего, необходимостью укрепления торгово-экономических связей с Японией. Ввиду этого в посвященных антияпонской войне исследованиях почти не упоминались военные преступления Японии. Руководство КНР полагало, что улучшение экономических отношений способствует дальнейшему сближению двух государств. При освещении событий антияпонской войны неизменно подчеркивалось, что японский народ не несет ответственности за агрессию правящей верхушки. Он фигурировал в исторической политике в качестве жертвы милитаристского режима, т.е. проводилась четкая грань между японцами и правительством, ответственным за войну¹⁸. Кроме того, в тот период Нанкинская резня начала появляться в китайских учебниках. В течение первого десятилетия существования КНР в них имелось лишь краткое описание событий, причем в разных учебниках информация освещалась по-разному. Однако в 1963 г. требования к опи-

14. Кузнецов Д.В. Оружие дьявола: Разработка и применение оружия массового уничтожения во время агрессии Японии против Китая (1931–1945 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019.

15. Перминова В.А. Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х — начале 80-х годов XX века // *Вестник НГУ*. 2021. № 4. С. 87.

16. He Y. Remembering and Forgetting the War: Elite Mythmaking, Mass Reaction, and Sino-Japanese Relations, 1950–2006 // *History & Memory*. 2007. № 2. P. 54.

17. Samarani G. Nanjing Massacre in Some Japanese History Textbooks // *Revue Bibliographique de Sinologie*, 2001.

18. Перминова В.А. Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х — начале 80-х годов XX века // *Вестник НГУ*. 2021. № 4. С. 84.

санию Нанкинской резни впервые были четко прописаны в учебной программе средней школы¹⁹. Таким образом, в этот период закладывается фундамент для последующего формирования исторической памяти о войне.

Инцидент с переосмыслением событий войны в японских учебниках (вкратце описанный выше), имевший место в 1982 г., спровоцировал Китай придать исторической политике в отношении антияпонской войны более «патриотическое» звучание. В 80-х гг. в прессе стали чаще появляться статьи, описывавшие ужасы войны. В фокусе подобных статей зачастую были чудовищные злодеяния, которые совершали японцы в отношении китайского народа. Начиная с 1986 г. описание Нанкинской резни было расширено и закреплено во всех последующих стандартах и учебных программах по истории. В учебники было добавлено описание случаев массовых убийств на пристани Чжуншань, захоронения японскими солдатами китайцев заживо и др.²⁰ К концу прошлого столетия события антияпонской войны, в частности Нанкинская резня, стали частью китайской национальной памяти. Акцентом исторической политики КНР в тот период являлся мученический образ Китая — жертвы империалистической агрессии. Этот образ способствовал легитимации власти КПК и оправданию бедности народа в трудный период. Тем не менее уже в период с 1985 г. начал формироваться нарратив, в котором Китай предстает преодолевшей унижения страной-победительницей в войне²¹.

В XXI в. государственная пропаганда в отношении антияпонской войны усиливается. Во время 60 летней годовщины Второй мировой войны и войны против японских захватчиков председатель КНР Ху Цзиньтао не раз посещал памятные места сражений, где общался с ветеранами²². Как во время встреч с участниками событий²³, так и в своей официальной речи²⁴ он акцентировал внимание на том, что победа в войне «пробудила в китайском народе чувства национального самосознания, уверенности в себе и гордости». Неоднократно организовывались встречи с российскими ветеранами, оказывавшими поддержку Китаю, на которых Ху Цзиньтао подчеркивал огромный вклад китайцев и русских в победу над мировым фашизмом и империализмом²⁵.

Очевидно, что в начале нового столетия официальный дискурс о войне начинает меняться. Можно заметить, что уже тогда (если быть точным, эта тенденция наблюдается

19. 黄云龙: “中国历史教科书中的“南京大屠杀”” [Хуан Юньлун. «Нанкинская резня» в китайских учебниках по истории] // 人民教育出版社官方网站. 02.09.2015. URL: https://www.pep.com.cn/kcs/zjxz/ls/hyl/lw/201901/t20190128_1935704.html (дата обращения: 07.12.2021).

20. 黄云龙: “中国历史教科书中的“南京大屠杀”” [Хуан Юньлун. «Нанкинская резня» в китайских учебниках по истории] // 人民教育出版社官方网站. 02.09.2015. URL: https://www.pep.com.cn/kcs/zjxz/ls/hyl/lw/201901/t20190128_1935704.html (дата обращения: 07.12.2021).

21. Coble P.M. China's «new remembering» of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945 // *The China Quarterly*. 2007. No. 190. P. 398.

22. Встреча Ху Цзиньтао с ветеранами антияпонской войны в Шаньси. МИД КНР. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceka/rus/ztbd/kangrizhazheng/guoneihuodong/t215474.htm> (дата обращения: 11.08.2021).

23. Ху Цзиньтао выступил на встрече ветеранов войны Сопrotивления японским захватчикам // *Посольство КНР в Республике Казахстан*. URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/ztbd/kangrizhazheng/guoneihuodong/t215497.htm> (дата обращения: 11.08.2021).

24. 胡锦涛在纪念抗日战争胜利60周年大会上发表讲话 [Речь Ху Цзиньтао на конференции в честь 60-летия победы в антияпонской войне] // 中华人民共和国政府. 04.09.2005. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2005-09/04/content_28944.htm (дата обращения: 12.09.2021).

25. 胡锦涛会见参加中国人民抗日战争的俄罗斯老战士代表时的讲话 [Речь Ху Цзиньтао во время встречи с российскими ветеранами, участвовавшими в войне сопротивления японским захватчикам] // 中华人民共和国驻塞内加尔共和国大使馆-首页. 09.05.2010. URL: <http://sn.china-embassy.org/chn/xwdt/t693193.htm> (дата обращения: 09.09.2021).

еще со времен правления Цзян Цзэминя²⁶) происходит постепенное смещение акцента с «многострадального китайского народа» на «великий китайский народ, победивший мировой фашизм». В то же время между КНР и Японией поддерживались стабильные внешнеполитические контакты²⁷. Ху Цзиньтао во время своего визита в Японию подчеркивал, что необходимо «помнить историю не с тем, чтобы продлить ненависть, а с тем, чтобы извлечь уроки из прошлого и обратить взор в будущее...». Важно, что на официальном уровне руководство КНР по-прежнему придерживалось разделения между японским народом и японскими милитаристами: «В новой истории агрессивная война милитаристской Японии против Китая причинила серьезный ущерб дружественным отношениям между двумя странами. И китайская нация, и народ Японии серьезно пострадали в данной трагедии»²⁸.

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 г. тенденция смещения акцентов усиливается. Вместо образа «многострадального китайского народа» на передний план выходит образ «преодолевшего унижения народа-победителя». Это коррелируется с идеями Си Цзиньпина о «Великом возрождении китайской нации». Нынешний председатель, как и его предшественник, подчеркивает важность победы в войне для Китая и колоссальный вклад китайского народа в общую победу над мировым фашизмом, но в дискурсе Си Цзиньпина акцент делается на том, что антияпонская война — событие, стирающее все прошлые поражения и унижения китайского народа²⁹. Помимо этого, частью коммеморации становятся конкретные персоналии — герои войны с японскими захватчиками³⁰. Кроме того, при Си Цзиньпине 3 сентября — день победы во Второй мировой войне и войне против японских захватчиков — на законодательном уровне стал праздником. В этот день в честь семидесятилетия окончания войны был проведен парад победы. Ранее парад проводился только в честь образования КНР³¹. В противоположность заявлениям некоторых исследователей, следует подчеркнуть, что образ жертвы продолжает использоваться в китайской политике с целью легитимации власти и оправдания мирного подъема КНР перед другими странами³². Переход к образу победителя не исключает апелляции к образу жертвы. Очевидно, что мотивы жертвы и героя тесно связаны. Однако акцент исключительно на жертвенности противоречил успехам современного Китая. Проведенный в честь 75-летия победы над Японией парад выражает претензии современного Китая на мировое лидерство. Это одно из ключевых событий, знаменующих пе-

26. Coble P.M. China's «new remembering» of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945 // *The China Quarterly*. 2007. No. 190. P. 410.

27. Ху Цзиньтао высказался за построение нового типа китайско-японских отношений // *Генеральное консульство КНР в г. Хабаровске*. 08.05.2004. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgkhb/rus/xwdt/04news1/t117318.htm> (дата обращения: 11.08.2021).

28. Ху Цзиньтао: помнить историю не с тем, чтобы продлить ненависть // *Жэньминь жибао*. 09.05.2008. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/6407265.html> (дата обращения: 11.08.2021).

29. 习近平在纪念中国人民抗日战争暨世界反法西斯战争胜利75周年座谈会上发表重要讲话 [Речь Си Цзиньпина на симпозиуме в честь 75-летия победы в войне сопротивления японским захватчикам и в войне против мирового фашизма] // *中国政府网*. 03.09.2020.

URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-09/03/content_5540176.htm (дата обращения: 09.09.2021).

30. 学习进行时 | 感动习近平的那些抗战英雄 [Вдохновляющие Си Цзиньпина герои войны сопротивления] // *新华网*. 18.06.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/xxjxs/2021-06/18/c_1127575776.htm (дата обращения: 09.09.2021).

31. Хубриков Б.О. Политика памяти в эпоху Си Цзиньпина // *Новое прошлое*. 2020. № 1. С. 76.

32. Wang L. 'The century of humiliation' and the politics of memory in China // *Leviathan*. 2020. No. 1. P. 40.

реход к консолидации на позитивной основе³³. Однако при необходимости руководство КНР обращается к образу «многострадального народа».

Тем не менее на формирование исторической памяти об антияпонской войне влияют не только преследуемые государством политические цели, но и культурные реалии. Специфика китайского мировоззрения отчетливо проявляется в рамках китайско-японских отношений.

Внешнеполитические контакты Китая и Японии нельзя назвать стабильными. Хотя кардинального обострения отношений не наблюдается, споры вокруг принадлежности островов Дяоюйдао (Сэнкаку), а также посещений высокопоставленными японскими чиновниками храма Ясукуни периодически возобновляются с новой силой. Как мы видим, по прошествии семидесяти пяти лет события Второй мировой войны все еще имеют серьезное влияние на внешнюю политику КНР и Японии. Данное обстоятельство резко отличает азиатские государства от европейских стран, для которых события ВМВ были не меньшей трагедией. В соответствии с решениями, принятыми на Ялтинской и Потсдамской конференциях в 1945 г., а также с Парижскими мирными договорами 1947 г., Германия и ее союзники, включая Японию, обязывались выплатить репарации странам антигитлеровской коалиции. После возмещения ущерба и публичного раскаяния стран нацистского блока, в особенности Германии, вопрос военных преступлений во время ВМВ не оказывает серьезного влияния на международные отношения в Европе. В Азии ситуация обстоит острее. В отличие от европейских стран Китай не получил от Японии компенсации. В 1950-е годы, когда Япония приступила к исполнению обязательств, выплата репараций была невозможна по причине отсутствия внешнеполитических отношений между КНР и Японией. Они были установлены только в 1972 г. После установления дипломатических контактов между двумя странами КНР отказалась от денежных компенсаций за ущерб, нанесенный в ходе войны³⁴. Несмотря на это, не стоит забывать об «Официальной помощи развитию» (далее — «ОПР»), оказываемой Японией жертвам агрессии. «ОПР» можно рассматривать как своеобразные репарации, но официально они таковыми не являются³⁵. Тем не менее гораздо важнее для Китая — признание вины Японией. Характерным примером подобного поведения могут служить: акция протеста на Тайване с требованием официального извинения Японии за насилие над женщинами во время Второй мировой войны³⁶, требования извинений за «затушевывание» фактов о войне³⁷, требование раскаяния за недостоверную информацию о Нанкинской резне в японских учебниках и призывы выполнить свои обещания перед Китаем³⁸. Как справед-

33. Денисов И.Е. Что и зачем показывали на параде в Пекине // *Россия в глобальной политике*. 23.09.2015. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-simvolicheskaya-politika-kitaya/> (дата обращения: 11.08.2021).

34. 中华人民共和国政府和日本国政府联合声明 [Совместное заявление правительства КНР и правительства Японии] // *中华人民共和国外交部*. 29.09.1972. URL: <http://jp.china-embassy.org/chn/zrgx/zuwj/t62646.htm> (дата обращения: 09.09.2021).

35. Кульнева П.В. Японская агрессия в Китае и чувство вины // *Японские исследования*. 2020. № 4. С. 29.

36. На Тайване прошла антияпонская акция протеста // *Жэньминь жибао*. 17.08.2016. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0817/c31516-9101197.html> (дата обращения: 11.08.2021).

37. Китай не удовлетворен речью премьера Японии по случаю 70-й годовщины окончания войны // *Жэньминь жибао*. 14.08.2015. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2188151> (дата обращения: 11.08.2021).

38. Приукрашивания и сокращения в японских учебниках — это опасный тренд — МИД КНР // *Жэньминь жибао*. 23.03.2016. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0323/c31521-9033948.html> (дата обращения: 11.08.2021).

ливо замечает Д.В. Стрельцов, проявление церемониала (или ритуала) для китайцев зачастую важнее, чем содержательная сторона отношений³⁹. С этой точки зрения становится более понятным отсутствие требований материальных компенсаций с китайской стороны. Вопрос осложняется тем, что Япония неоднократно приносила свои извинения, но китайцев они не удовлетворили, так как в Китае важным является не столько сам факт извинений, сколько место, время, форма его выражения и манера его принятия⁴⁰. Это свидетельствует о первостепенной важности фактора ритуальных действий и отношений в китайской политике. Также этим объясняются призывы китайской стороны «переосмыслить» события ВМВ^{41, 42}.

Но почему жесты, носящие явно ритуальный характер, оказывают ключевое влияние на политику Китая? Нельзя исключить, конечно, наличие прагматической подоплеки: требование извинений усиливает позиции КНР в противостоянии с Японией. Той же цели мог служить отказ от репараций. Однако отмеченные выше настойчивые требования покаяться за военные преступления, а не возместить ущерб — несвойственная никому кроме Китая практика в международных отношениях. Помимо прикладной пользы она, вероятно, имеет идеологическое обоснование. Чтобы это прояснить, обратимся к значению понятия «ритуал» в китайской культуре. Изначально в древнем Китае ритуал служил общению с богами и предками, т.е. утверждал связь живых и мертвых. Впоследствии он начал восприниматься как воплощение мирового и притом сущностно-морального порядка⁴³. Основная цель ритуала в китайском понимании — привнести в хаотичный мир порядок, иерархию и мораль⁴⁴. Поэтому в Китае он являлся (и является) организующим началом социума, и политика осуществлялась посредством ритуала⁴⁵. Поскольку ритуал предполагает выполнение формальных действий, идеологами китайской традиции особенно подчеркивалась необходимость искренности⁴⁶. Искренность для китайцев — это прежде всего выправленное, точное отношение человека к миру. Оттого же она предполагает постоянную самокритику⁴⁷, преодоление своего эго и готовность уступить другому. Только в таком случае проявляется всеобщий порядок, отмеченный выше.

Отголоски «ритуального мышления» явно прослеживаются и в современном Китае. Пренебрежение ритуальными нормами есть свидетельство неискренности поведения и предполагает необходимость извинения. Правильное выполнение ритуала, в свою оче-

39. Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // *Ежегодник Японии*. 2014. С. 16.

40. Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // *Ежегодник Японии*. 2014. С. 16.

41. Мун Чжэ Ин призвал Японию выбрать путь диалога и сотрудничества // *Жэньминь жибао*. 23.03.2016. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0816/c31520-9606535.html> (дата обращения: 11.08.2021).

42. Китай призывает Японию порвать отношения с милитаризмом в связи с ритуальным подношением Синдзо Абэ храму Ясукуни // *Жэньминь жибао*. 22.04.2017. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0422/c31500-9206277.html> (дата обращения: 11.08.2021).

43. *Малявин В.В.* Очерк образования и педагогики в старом Китае. Иваново: Роща, 2019. С. 7.

44. *Seligman A.B.* Ritual and its consequences: an essay on the limits of sincerity. New York: Oxford University Press, 2008. P. 20.

45. *Малявин В.В.* Сумерки Дао. М.: АСТ, 2003. С. 22.

46. *Малявин В.В.* Знание в китайской традиции есть торжество нравственного отношения к миру // *Цивилизации в глобализирующемся мире*. Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 42.

47. Одним из распространенных новейших проявлений этой традиции стал революционный ритуал проявления «полной искренности» в самокритике, нередко приобретающий характер жестокой травли отдельных личностей.

редь, дает основания для нравственного превосходства и право требовать извинения от других. Это подтверждается постоянными апелляциями китайцев к необходимости извинений даже в не относящихся к антияпонской войне ситуациях, что также является подтверждением важности ритуала в китайской политике. В качестве примера можно привести требование извинений у японской стороны за неправильное решение по утилизации радиоактивных сточных вод⁴⁸ или требование извинений Д. Трампа за необоснованное заявление о происхождении коронавируса⁴⁹. Посещения нынешней элитой Японии храма Ясукуни или даже денежное подношение данному храму⁵⁰, а также уклончивое признание вины ставят под сомнение искренность предшествующих правителей, являющаяся неотъемлемой частью ритуала извинений и, следовательно, нарушают его.

Упомянутую выше «Официальную помощь развитию» также можно рассматривать в рамках ритуальных отношений. Важное ее отличие от репараций состоит в том, что Япония оказывала помощь добровольно. Эта добровольная помощь является косвенным признанием вины и свидетельствует о раскаянии японцев.

Ритуал задает особые рамки для формирования памяти о войне в целом. Сами элиты, формирующие историческую память, находятся в определенной социокультурной парадигме и действуют в рамках «ритуального мышления». Война, начатая японцами, является нарушением ритуала. Указанием на нравственное превосходство Китая служит образ «угнетенного народа», незаслуженно подавленного государствами-колонизаторами. Ритуал, как отмечалось выше, предполагает готовность уступить другому, преодолеть свое эго. Образ жертвы же подчеркивает гипертрофированную жестокость японцев и желание поработить Китай, т.е. содержит указание на неискренность в ритуале. Но в равной мере доказательством нравственного превосходства стала и ссылка на победу в войне. Победа знаменует для китайцев конец «столетия унижений» и предвосхищает великое возрождение китайской нации, т.е. восстанавливает как историческую справедливость, так и мировой порядок. Поэтому Си Цзиньпин называет ее поворотным моментом на пути к возрождению величия Китая⁵¹. Так содержание исторической памяти в Китае всегда формируется в согласовании с ритуалом.

Интересно, что в тайваньской политике ритуал не имеет настолько большого значения. Правительство Тайваня гораздо реже выступает с требованием извинений за японскую агрессию, хотя представители партии Гоминьдан были главной силой сопротивления японской армии. Более того, один из бывших президентов Тайваня от Гоминьдана Ли Дэнхуэй посещал храм Ясукуни⁵². Однако были и противоположные примеры. Другой тайваньский лидер от данной партии, выступавший за более тесное сотрудниче-

48. Китай призвал Японию отменить неправильное решение по утилизации радиоактивных сточных вод и принести извинения // *Жэньминь жибао*. 29.04.2021.

URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0429/c31521-9845210.html> (дата обращения: 11.08.2021).

49. Научный сотрудник Института вирусологии в Ухане: «Трамп должен извиниться перед нами» // *Жэньминь жибао*. 29.07.2020. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0729/c31521-9716057.html> (дата обращения: 11.08.2021).

50. Китай призывает Японию честно взглянуть на свою историю агрессии // *Жэньминь жибао*. 16.08.2021. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0816/c31521-9884152.html> (дата обращения: 11.08.2021).

51. 习近平在纪念中国人民抗日战争暨世界反法西斯战争胜利75周年座谈会上发表重要讲话 [Речь Си Цзиньпина на симпозиуме в честь 75-летия победы в войне сопротивления японским захватчикам и в войне против мирового фашизма] // 中国政府网. 03.09.2020.

URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-09/03/content_5540176.htm (дата обращения: 09.09.2021).

52. Бывший лидер Тайваня посетил "милитаристский" храм Ясукуни в Токио // *РИА Новости*. 07.06.2007. URL: <https://ria.ru/20070607/66816110.html> (дата обращения: 31.10.2021).

ство с Китаем, Ма Инцзю, осуждал японскую агрессию и призывал правительство Японии извиниться⁵³. Кроме того, ветераны партии Гоминьдан в 2015 г. принимали участие в параде победы⁵⁴. Тем не менее, лидеры нынешней правящей на Тайване демократической прогрессивной партии (ДПП) редко апеллируют к событиям антияпонской войны.

Итак, антияпонская война по сей день является важной составляющей коллективной памяти китайской нации. В течение последних сорока лет в КНР возникли особые представления о Японо-китайской войне 1937–1945 гг. Под влиянием исторической политики руководства и особого культурного контекста формируется особое содержание исторической памяти о войне. Оно не является однородным, а изменяется в соответствии с целями государственной политики КНР. Однако необходимо отметить, что важную роль в формировании исторической памяти об антияпонской войне играет склонность китайцев к «ритуальному мышлению». Изучение исторической политики КНР, в целом показывает устойчивость «ритуального мышления» в Китае. Важность ритуала для китайцев выявляется в настоятельных требованиях у японской стороны не репараций и возмещения физического ущерба, а покаяния и переосмысления событий войны с целью восстановления мировой гармонии. Тем не менее, это не отменяет того факта, что память о трагических событиях войны может использоваться в исторической политике КНР как инструмент давления на Японию. Ввиду вышеизложенного, важными представляются перспективы анализа исторической политики Китая в контексте ритуала. Такой угол зрения на политику памяти позволяет выявить не только инструменты следования политической конъюнктуре, но и культурные особенности китайцев, оказывающего влияние на возникновение этих инструментов. Этим обусловлена актуальность дальнейших исследований исторической политики Китая в данном ключе.

Литература

- Денисов И.Е. Что и зачем показывали на параде в Пекине // *Россия в глобальной политике*. 23.09.2015. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-simvolicheskaya-politika-kitaya/> (дата обращения: 11.08.2021).
- Кузнецов Д.В. Оружие дьявола: Разработка и применение оружия массового уничтожения во время агрессии Японии против Китая (1931–1945 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019.
- Кульнева П.В. Японская агрессия в Китае и чувство вины // *Японские исследования*. 2020. № 4.
- Малявин В.В. Знание в китайской традиции есть торжество нравственного отношения к миру // *Цивилизации в глобализирующемся мире*. Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М.: ИМЭМО РАН, 2014.
- Малявин В.В. Очерк образования и педагогики в старом Китае. Иваново: Роща, 2019.
- Малявин В.В. Сумерки Дао. М.: АСТ, 2003.
- Миллер А.Л. Россия: власть и история // *Pro et contra*. 2018. № 3.
- Перминова В.А. Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х — начале 80-х годов XX века // *Вестник НГУ*. 2021. № 4.
- Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // *Ежегодник Японии*. 2014.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2.
- Хубриков Б.О. Политика памяти в эпоху Си Цзиньпина // *Новое прошлое*. 2020. № 1.
- Coble P.M. China's «new remembering» of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945 // *The China Quarterly*. 2007. No. 190.

53. Ма Инцзю призвал правительство Японии до конца пройти путь раскаяния, извиниться перед "женщинами для комфорта" // *Жэньминь жибао*. 22.02.2016. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0222/c31521-9019306.html> (дата обращения: 31.10.2021).

54. Ветераны Гоминьдана приглашены для участия в военном параде осенью в Пекине // *Жэньминь жибао*. 23.06.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0623/c31521-8910094.html> (дата обращения: 31.10.2021).

- Gordon J.* The Nanking Massacre: Analysis of Japanese and Chinese Interpretation and Remembrance of Nanking 1940s-The Present. September 5, 2014.
URL: <https://minds.wisconsin.edu/handle/1793/69487> (дата обращения: 11.08.2021).
- Lu S.* The Nanjing Massacre: Primary Source Records and Secondary Interpretations — A Textual Critique of Bob Tadashi Wakabayashi's Review // *China Review International*. 2013. No. 3–4.
- Samarani G.* Nanjing Massacre in Some Japanese History Textbooks // *Revue Bibliographique de Sinologie*. 2001.
- Seligman A.B.* Ritual and its consequences: an essay on the limits of sincerity. New York: Oxford University Press, 2008.
- Wang L.* 'The century of humiliation' and the politics of memory in China // *Leviathan*. 2020. No. 1.
- Wang Q.E.* The Study of "Comfort women": Revealing a Hidden Past—introduction. December 31, 2019.
URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00094633.2019.1691414> (дата обращения: 11.08.2021).
- He Y.* Remembering and Forgetting the War: Elite Mythmaking, Mass Reaction, and Sino-Japanese Relations, 1950–2006 // *History & Memory*. 2007. No. 2.
- 黄云龙: “中国历史教科书中的“南京大屠杀”” [Хуан Юньдун. «Нанкинская резня» в китайских учебниках по истории]. 02.09.2015.
URL: https://www.pep.com.cn/kcs/zjxz/1s/hyl/lw/201901/t20190128_1935704.html (дата обращения: 07.12.2021).
- 中华人民共和国政府和日本国政府联合声明 [Совместное заявление правительства КНР и правительства Японии]. 29.09.1972. URL: <http://jp.china-embassy.org/chn/zrgx/zywj/t62646.htm> (дата обращения: 09.09.2021).

HISTORY

The Sino-Japanese War (1937–1945) and the Politics of Memory in PRC

Artem E. Kazantsev

Graduate student of the School of International Regional Studies of the National University Higher School of Economics (address: 17, Malaya Ordynka St., Moscow, 117017, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7582-6873. E-mail: bryant95@yandex.ru.

Received 13.12.2021.

Abstract:

The article deals with the impact of the Sino-Japanese war (1937–1945) on the politics of memory in PRC. Some events of this war, for example, the Nanjing massacre as well as the problem of comfort women are still a vital part of collective memory of Chinese. In recent years studies on Sino-Japanese war and its impact on the politics of memory in China have been constantly growing in number. Less attention has been paid to the history of the issue and its impact on foreign relations in Asia, including China-Japan relations. While work has been done on the revealing of political motives for shaping of PRC's politics of memory, the impact of Chinese cultural characteristics on this issue has been neglected. Therefore, the historical transformation of war memories in PRC's memory politics and above all the influence of cultural characteristics and specific worldview of Chinese on memory politics in modern China need further research. This article focuses on (1) the historical transformation of collective memory related to the Sino-Japanese war in China's historical politics, (2) the influence of Chinese cultural peculiarities, such as “ritual thinking”, on politics of memory in China and (3) the impact of PRC's historical politics on relations between China and Japan nowadays.

Key words:

PRC's politics of memory, historical politics of China, Second Sino-Japanese War, ritual thinking, Chinese-Japanese relations.

For citation:

Kazantsev A.E. The Sino-Japanese War (1937–1945) and the Politics of Memory in PRC // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 1. Pp. 162–173. DOI: 10.31857/S013128120018445-0

References

- Denisov I.E. Chto i zachem pokazyvali na parade v Pekine. [What and why was shown at the parade in Beijing]. *Rossiya v global'noj politike*. 23.09.2015. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-simvolicheskaya-politika-kitaya/> (accessed: 11.08.2021). (In Russ.)
- Kuznecov D.V. Oruzhie d'yavola: Razrabotka i primenenie oruzhiya massovogo unichtozheniya vo vremya agressii Yaponii protiv Kitaya (1931–1945 gg.) [The Devil's Weapon: The Development and Use of Weapons of Mass Destruction During Japan's Aggression Against China (1931–1945)]. Blagoveshchensk: BGPU, 2019. (In Russ.)
- Kul'neva P.V. Yaponskaya agressiya v Kitae i chuvstvo viny [Japanese Aggression in China and Guilt]. *Yaponskie issledovaniya*. 2020. No. 4. (In Russ.)
- Malyavin V.V. Znanie v kitajskoj tradicii est' torzhestvo npravstvennogo otnosheniya k miru [Knowledge in the Chinese tradition is a triumph of moral attitude to the world]. *Civilizacii v globaliziruyushhemya mire*. Institut mirovoj ekonomiki i mezhdunarodnyx otnoshenij RAN, Moscow, IME'MO RAN, 2014. (In Russ.)
- Malyavin V.V. Ocherk obrazovaniya i pedagogiki v starom Kitae [An Outline of Education and Pedagogy in Old China]. Ivanovo: Roshha, 2019. (In Russ.)
- Malyavin V.V. Sumerki Dao [Twilight of the Tao]. Moscow: AST, 2003. (In Russ.)
- Miller A.L. Rossiya: vlast' i istoriya [Power and History]. *Pro et contra*. 2018. No. 3. (In Russ.)
- Perminova V.A. Pamjat' o vojne v Kitae i ee vlijanie na japonsko-kitajskie otnosheniya v 50-h — nachale 80-h godov XX veka [Memory of the war in China and its impact on Japanese-Chinese relations in the 50s — early 80s of the XX century]. *Vestnik NGU*. 2021. No. 4. (In Russ.)
- Strel'cov D.V. Problemy istoricheskogo proshlogo v poslevoennyx otnoshenijah Japonii so stranami Vostochnoj Azii: [Problems of the Historical Past in Japan's Post-War Relations with the Countries of East Asia]. *Ezhegodnik Japonija*. 2014. (In Russ.)
- Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat': [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas*. 2005. No. 2. (In Russ.)
- Hubrikov B.O. Politika pamjati v jepohu Si Czin'pina: [The Politics of Memory in the Era of Xi Jinping]. *Novoe proshloe*. 2020. No. 1. (In Russ.)
- Coble P.M. China's «new remembering» of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945. *The China Quarterly*. 2007. No. 190.
- Gordon J. The Nanking Massacre: Analysis of Japanese and Chinese Interpretation and Remembrance of Nanking 1940s–The Present. September 5, 2014. URL: <https://minds.wisconsin.edu/handle/1793/69487> (accessed: 11.08.2021).
- Lu S. The Nanjing Massacre: Primary Source Records and Secondary Interpretations — A Textual Critique of Bob Tadashi Wakabayashi's Review. *China Review International*. 2013. No. 3–4.
- Samarani G. Nanjing Massacre in Some Japanese History Textbooks. *Revue Bibliographique de Sinologie*. 2001.
- Seligman A.B. Ritual and its consequences: an essay on the limits of sincerity. New York: Oxford University Press, 2008.
- Wang L. 'The century of humiliation' and the politics of memory in China. *Leviathan*. 2020. No. 1.
- Wang Q.E. The Study of “Comfort women”: Revealing a Hidden Past—introduction. December 31, 2019. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00094633.2019.1691414> (accessed: 11.08.2021).
- He Y. Remembering and Forgetting the War: Elite Mythmaking, Mass Reaction, and Sino-Japanese Relations, 1950–2006. *History & Memory*. 2007. No. 2.
- 黄云龙: “中国历史教科书中的“南京大屠杀”” [Huang Yunlong. "The Nanjing Massacre" in Chinese History Textbooks]. 02.09.2015. URL: https://www.pep.com.cn/kcs/zjxz/1s/hyl/lw/201901/t20190128_1935704.html (accessed: 12.07.2021). (In Chin.)
- 中华人民共和国政府和日本国政府联合声明 [Joint Statement by the Government of the PRC and the Government of Japan]. 09.29.1972. URL: <http://jp.china-embassy.org/chn/zrgx/zywj/t62646.htm> (accessed: 09.09.2021). (In Chin.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ежегодная всероссийская научная конференция «Современное китайское государство»

Родион Фидельевич Кудакеев

Младший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН
(адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-2054-8287.
E-mail: rfkudakaev@gmail.com.

16 и 18 марта 2022 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась Ежегодная всероссийская научная конференция «Современное китайское государство», организаторами которой выступили Центр политических исследований и прогнозов ИДВ РАН и Отдел Китая ИВ РАН. Тема конференции: «Китай в год проведения XX съезда КПК». С момента своего первого проведения в 2011 г. ежегодная конференция по актуальным проблемам китайского государства ЦПИП ИДВ РАН превратилась в широкую научную площадку для плодотворного обмена мнениями между учеными-китаеведами из всех регионов страны, а также китайскими коллегами. В наступившем 2022 г. всероссийский статус конференции, исторически сложившийся за время ее существования, был закреплён официально.

В конференции, проходившей в очно-дистанционном формате, приняли участие более 50 участников и слушателей, представляющих академические институты, научно-исследовательские центры, университеты, интернет-СМИ из 9 регионов России. На конференции было заслушано и обсуждено 37 докладов.

В рамках конференции работали три секции: «Внутренняя политика», «Внешняя политика» и «Право Китая», секционные заседания вел председатель Конференции, руководитель ЦПИП ИДВ РАН, профессор РУДН, д.полит.н. **А.В. Виноградов**. На открытии конференции он призвал к поиску новых критериев общественного развития, которые будут характеризовать основы мироустройства в наступающую эпоху. Признаками и одновременно факторами реформирования привычного для нас порядка стали крупные события, затронувшие весь мир в 2008, 2014, 2020 и 2022 гг., из которых только кризис 2008 г. носил экономический характер. Экономический детерминизм, позволявший Европе на протяжении столетий добиваться беспрецедентных экономических достижений, уходит, теряя свои конкурентные преимущества в историческом развитии и уступая место государственноцентричному подходу. Этот процесс выражается как в масштабных успехах исторического конкурента Запада — КНР, достигнутых в результате последовательного использования компартией Китая политической воли в интересах развития, так и в исчезновении у западных стран «монополии на высокие темпы экономического роста и развития». Изучение Китая, являющегося носителем духа нового времени, в особенности изучение его проблем, позволит во многом прояснить очертания грядущих метаморфоз и определить место в них России.

Заседание секции «Внутренняя политика», на которой были заслушаны и обсуждены 15 научных сообщений, открыл доклад д.э.н. **Л.И. Кондрашовой** (ИДВ РАН) «Китайская коммунистическая партия как доминирующий институт китайского пути развития». Докладчица сфокусировалась на трех моментах: специфичности КПК как партии, эволюции китайской компартии и характере политико-экономического строя Китая, возникшего в результате реформистских преобразований. Главным отличием правящей компартии Китая от других партий является отсутствие ее в электоральном процессе. По сравнению с другими компартиями КПК «является специфической организацией высшего по-

рядка, которая стоит над всеми другими организациями и которая руководит всем», ее суть заключается в синтезе партийно-государственной организации. За сто лет своего существования КПК на разных этапах меняла свой социальный состав и концепцию развития. Из революционной рабоче-крестьянской партии она превратилась в партию всенародную, которая ставит задачи строительства социализма, пытающегося соединить рыночные отношения и марксизм-ленинизм с китайской действительностью. По мнению Л.И. Кондрашовой, существующий экономический строй, возникший в результате реформистских преобразований, можно считать формой государственного капитализма, появившейся в условиях социалистически ориентированной страны.

Д.э.н. **Л.В. Новоселова** (ИДВ РАН) в докладе «Китай: второй год ремиссии» проанализировала политику поддержки и стимулирования экономики в период борьбы с эпидемией COVID-19 и ее последствиями в Китае. Она отметила, что положительную в целом динамику экономического развития в 2020 и 2021 гг. удалось обеспечить за счет срочного принятия руководством КНР мер макроэкономического регулирования. При этом обратной стороной антикризисных действий стало «возвращение к исчерпавшей себя экстенсивной модели экономического роста, от которой КНР стремится избавиться все последнее десятилетие». Благодаря предпринятым действиям, уже в конце 2021 г. рост ВВП составил 8,1 % на фоне среднемировых 5,9 %. Тем не менее последствия «коронакризиса» имеют продолжительный и многоплановый характер, и, несмотря на оперативные успехи, КНР еще предстоит выработать и внедрить адаптивную политику по восстановлению экономики.

Доцент, к.э.н. **ф.Ф. Шарипов** (ГУУ) ознакомил слушателей с китайским опытом реформирования предприятий государственной собственности в период 13-й и 14-й пятилеток и достигнутыми на данный момент результатами. Он выделил 3 основных направления реформ: 1) совершенствование методов управления государственными компаниями центрального подчинения; 2) развитие научно-технологического суверенитета страны; 3) развитие форм государственно-частного партнерства и наращивание темпов партийного строительства в госкорпорациях. Осуществление вышеперечисленных мер ведет к достижению двух целей: политической, направленной на укрепление руководящей роли КПК, и экономической, заключающейся в обеспечении прозрачности китайского рынка, нуждающегося в новых инвестициях.

Руководитель Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН, д.э.н., проф. **А.В. Островский** сфокусировался на основных задачах социально-экономического развития КНР в 2022 г. Докладчиком была дана краткая характеристика следующих 7 главных целей индикативного плана, одобренного на мартовской сессии ВСНП 19-го созыва: прирост ВВП на уровне 5,5 %; создание 11 млн новых рабочих мест при уровне безработицы менее 5,5 %; рост потребительских цен не более 3 %; синхронизация роста доходов городского и сельского населения; повышение качества импорта и экспорта посредством развития высокотехнологических отраслей; обеспечение продовольственной безопасности страны за счет ежегодного производства зерновых не ниже 650 млн т; снижение уровня загрязнения окружающей среды. От выполнения заявленных планов, по мнению докладчика, напрямую зависит как стабильность и безопасность КНР в новую эпоху, так и авторитет КПК как ведущей силы китайской нации.

Затронутую тему социально-экономического развития продолжила к.э.н. **Е.С. Баженова** (ИДВ РАН), выступив с докладом под названием «Ликвидация бедности в КНР: новые задачи и перспективы в период 14-й пятилетки». На пути к построению общества малого благоденствия «сяокан» в 2021 г. Китаю удалось искоренить абсолютную бедность, чему предшествовали долгосрочное развитие научно-технического потенциала страны, введение политики «двух циркуляций», изменения в законодательстве и осуществление различных мер по улучшению качества жизни населения. Страна вступает в новый этап работы по достижению социальной справедливости, основанный на

принципе перехода «от количества к качеству» и выражающийся в увеличении доли среднего класса, сокращении разницы доходов между регионами и т.д. Успехи китайской модели борьбы с бедностью оказывают положительное влияние на экономику КНР, что открывает перспективы для становления Китая как глобальной сверхдержавы, предлагающей миру эффективные методы решения социальных проблем.

Концептуальные подходы военно-политического руководства Китая к развитию технологий искусственного интеллекта (ИИ) в военной сфере были рассмотрены в одноименном докладе д.социол.н., к.и.н., проф. **С.С. Бразевича** (СПбГЭУ). Развитие технологий ИИ рассматривается руководством Китая как главная стратегия в укреплении национальных мощи и безопасности. Курс на разработку и применение ИИ в различных гражданских и оборонных областях был взят на XVIII съезде КПК. В последующие годы начали публиковаться программные документы, регулирующие данную высокотехнологическую индустрию. В 2017 г. была создана Центральная комиссия по вопросам интегрированного гражданского и военного развития, возглавляемая Си Цзиньпином. КНР стремится ликвидировать технологическое отставание со своим главным стратегическим конкурентом — США, которые являются лидером в области создания интеллектуальных компьютерных систем. И хотя от следующих стадий развития ИИ, когда машина сравнится с человеческим сознанием, а затем и превзойдет его, нас по самым оптимистичным прогнозам отделяет 30 и 100 лет соответственно, гонка за превосходство в этой сфере разгорается уже сегодня.

Аспирантка МГУ им. Ломоносова **Ло Дунмэй** в своем выступлении рассмотрела стратегию кибербезопасности в государственной политике Китая. На фоне «небывалых изменений», которые сегодня переживает мир, а также увеличения числа пользователей Интернета, кибербезопасность становится «краеугольным камнем» национальной безопасности. К 2025 г. в КНР планируется создать национальную систему цифровой инфраструктуры с обеспечением защиты ее уязвимых элементов. Список потенциальных угроз в виртуальной реальности огромен: от мелкого онлайн-мошенничества до масштабных кибератак на гражданские и военные объекты, инициированные недружественными государствами. Для того чтобы достичь уровня технологически инновационной сверхдержавы, Китай должен быть способен адекватно ответить на любой вызов в киберпространстве.

Тема цифровизации была развита в докладе с.н.с. ИДВ РАН **А.В. Пикова** на тему «Позиция КПК по отношению к цифровой экономике как одному из ведущих приводов модернизации страны». Китайское руководство еще в самом начале XXI в. осознало важность информатизации всех сфер жизни общества. Со времен Цзян Цзэминя до Си Цзиньпина виден заметный процесс интенсификации партийно-государственной работы в данной сфере, выражающийся в проведении форумов по цифровизации Китая, создании Канцелярии ЦК КПК по кибербезопасности и информатизации и т.д. По мнению докладчика, можно выделить три фактора успеха КНР в сфере инфо-коммуникационных технологий. Во-первых, Китай сумел создать взаимосвязанную систему, объединяющую промышленную базу по производству аппаратных средств вместе с разработкой программного обеспечения, тем самым гарантировав свою цифровую субъектность. Во-вторых, Поднебесная сформировала хорошо проработанные механизмы государственно-частного партнерства в IT-сфере. В-третьих, проводником всех изменений выступила КПК, выработавшая четкую политическую линию и осуществляющая через своих членов руководство на местах.

Еще одному аспекту цифровой трансформации китайского социума был посвящен доклад к.и.н. **Е.В. Журавлевой** (РУДН) «Регулирование социальных медиа в КНР и роль лидеров мнений в продвижении ценностных ориентиров». Развитие информационных технологий и рынка электронной коммерции вкуче со специфическими условиями антиковидных мер стимулировали дальнейший рост влияния различных социальных ме-

диа на процесс формирования общественного мнения. Государство постепенно утрачивало свою монополию на транслирование информации, уступая первенство *ванхунам*¹ — интернет-знаменитостям, не связанных с «традиционными» СМИ и воспринимаемыми своими поклонниками в качестве близкого окружения, чьему мнению можно доверять. Охват аудитории крупнейших китайских блогеров достигает 100 млн чел. Разумеется, деятельность *ванхунов* не могла долгое время оставаться без внимания властей. Контроль за социальным институтом лидеров мнений начался еще в 2005 г., на данный момент государство не только регулирует его деятельность, например, запрещая демонстрацию определенных поведенческих паттернов (поклонение деньгам, пропаганда «женоподобной эстетики» применительно к мужскому полу и т.д.), но и использует в качестве инструмента мягкой силы, транслируя традиционные ценности и готовя своих, проправительственных *ванхунов*.

Профессор, д.и.н. **М.С. Михалев** (РГГУ) представил доклад на тему «Трансграничные народы Китая и России: особенности государственной политики». Российско-китайское трансграничье характеризуется огромным географическим разнообразием и не менее огромной этнической пестротой. В данном регионе разделенные российско-китайской границей проживают киргизы, казахи, эвенки, тувинцы, киргизы и буряты. Традиционно эти народы обеспечивали бесконфликтность трансграничного пространства, создавая своеобразную буферную зону. Государственная политика Китая в отношении коренных народов преследует цель создания единой китайской нации путем борьбы с иноэтничностью, унификации культуры и образа жизни этих народов. Насильственная экономическая политика приводит к изменению демографической структуры: амортизирующая прослойка в лице коренных народов стремительно утончается, в то время как государственно-образующие этносы входят в непосредственный контакт друг с другом. В результате возникает целый комплекс проблем, включающий усиление конфликтности и угрозу приграничной безопасности.

Доцент, д.филос.н., к.полит.н. **Т.Н. Кучинская** (ЗабГУ, г. Чита) выступила с докладом под названием «Китайский регионализм как парадигма управления пространственным развитием: современные тенденции (внутренний аспект)». Социокультурное пространство Китая сильно дифференцировано по многим группам факторов: цивилизационным, культурным, геополитическим и др. От успеха внутренней интеграции напрямую зависит стабильность и безопасность современного китайского государства. Работа ведется как на уровне единиц административно-территориального деления, так и в масштабе макроэкономических пространственных образований. Однако наиболее инновационными и прогрессивными элементами трансформации страны являются специальные экономические зоны, пояса, треугольники и оси. Их создание направлено на преодоление региональных разрывов и обеспечение связанности пространства с учетом внешнеполитических потребностей КНР.

Проблеме использования потенциала традиционной культуры для экономического развития национальных районов был посвящен доклад к.и.н. **Ю.А. Грачевой** (ИДВ РАН) на тему «Письменность дунба: последнее криптографическое письмо в мире и его судьба в Китае». Данным видом письменности владеет народ *наси*, проживающий в провинции Юньнань. Изначально дунба использовалась исключительно шаманами для передачи сакральных мифологических текстов. В годы «культурной революции» дунба едва не была уничтожена — погибло большое число ее носителей, многие рукописи были сожжены или вывезены за рубеж. Среди современных угроз для языка выделяется «ханизация» молодежи, однако благодаря государственным программам поддержки и усилиям ученых и пред-

¹ Интернет-знаменитость (网红).

ставителей народа *наси* письменность восстанавливается: дунба становится доступной для обучения в школах, оцифровывается и популяризируется посредством туризма.

Доцент, к.э.н. **М.А. Гулева** (МГУ им. Ломоносова) посвятила свое выступление проблеме развития сектора негосударственного образования в КНР на современном этапе. В период реформ и открытости государство не могло своими силами удовлетворить возросший спрос всех слоев населения на образовательные услуги. В результате развитие получила система частного образования, охватившая все уровни обучения. В 2019 г. в негосударственных образовательных учреждениях (НОУ) обучалось 20 % всех учащихся КНР. Индустрия долгое время существовала практически без какого-либо регулирования, что привело к формированию системных проблем, включающих нехватку образовательной инфраструктуры и финансирования в слаборазвитых регионах страны и колоссальный рост цен на предоставление услуг в развитых. В 2021 г. ситуация изменилась: были проведены крупные реформы, нацеленные на укрепление роли государства в деятельности НОУ и повышение качества и доступности образования по всей стране.

К.г.н. **И.Г. Чубаров** (ИДВ РАН) представил свой доклад одной из инноваций китайской политико-идеологической системы — групповым учебным занятиям для высшего руководства страны. С 2002 г. Канцелярией ЦК КПК и Исследовательским центром при ЦК КПК специально для членов Политбюро проводятся учебные семинары, в работе которых участвуют приглашенные специалисты и ученые из отраслевых ведомств и ведущих научных центров. Несмотря на закрытый характер мероприятия (публикуется только заключительное слово председателя), докладчик, проанализировав доступные материалы китайских СМИ, сумел подробно описать организацию, регламент и тематику занятий. По мнению И.Г. Чубарова, в концептуальной основе семинаров лежат принципы марксизма-ленинизма (опора на эмпирику), конфуцианства (почтение к мудрецу) и западных подходов к корпоративному строительству. Таким образом, вышеописанные учебные занятия выступают в качестве самобытного элемента механизма коллективного управления, поддерживающего эффективность политической системы Китая.

Завершая работу первой секции, к.ю.н. **В.Ф. Бородич** (ИДВ РАН) выступил с докладом «Узлы противоречий модели политического правления КНР в первые два десятилетия народной власти», в котором он исследовал особенности функционирования китайского государства в период господства автократического режима персонцентристского типа. Для образованной в 1949 г. КНР было характерно противоречие, заключавшееся в утверждении доминирующей роли воли политического лидера над коллективной волей руководящих органов компартии. В ходе внутривластной борьбы Мао Цзэдуна удалось парализовать работу партийного института коллегиального принятия решений. Его персонцентристская модель управления была в первую очередь ориентирована на дальнейшее удержание власти, она оказалась неспособной адекватно и оперативно реагировать на многочисленные вызовы своей эпохи и вела не к развитию, но регрессу страны. После смерти Мао Цзэдуна демонтаж построенной им системы был практически неизбежен: бедственное положение экономики страны вместе с высоким уровнем внутривластного напряжения требовали иного, коллективного подхода к решению вставших перед страной проблем.

Во второй секции «Внешняя политика» было заслушано 15 докладов.

Выступление посла по особым поручениям МИД РФ, к.и.н. **К.М. Барского** на тему «Современная внешняя политика КНР сквозь призму традиционных китайских ценностей» стало связующим звеном работы двух секций, совершив переход от обсуждения внутренней политики к анализу внешней. По мнению докладчика, отсутствие правильного понимания глубинных смыслов китайского мировоззрения ведет либо к ошибочной трактовке национальных интересов КНР, либо к неоправданному доверию источникам, сознательно искажающим цели и причины дипломатии Китая. Основы китайской картины мира, оформленные конфуцианством, до сих пор остаются незбылемыми: ки-

тайская нация по-прежнему стремится к гармонии внутреннего и внешнего, преемственности поколений и мирному сосуществованию в рамках единой общечеловеческой семьи. Современное китайское государство — это мудрый и рациональный участник международных отношений, чей длительный исторический путь, наполненный циклическими периодами расцвета и упадка, выпестовал в жителях Поднебесной тягу к бережному сохранению баланса сил и осторожному поиску компромисса во всех сферах жизни.

Тема современной дипломатии КНР была продолжена в докладе «Особенности вокабуляра “идей Си Цзиньпина в социализме с китайской спецификой новой эпохи” в отношении внешней политики» соискателя Дипломатической академии МИД России **В.Л. Нежданова**. «Идеи Си Цзиньпина» как ряд концепций и стратегий в сфере внутривосточного и внешнеполитического управления были обнародованы на XIX съезде КПК и затем внесены в устав партии и Конституцию страны. В результате в китайский государственно-партийный дискурс вошел ряд неологизмов, сгруппированных по важнейшим темам развития китайского государства, включая идеи Председателя КНР о международных отношениях новой эпохи, мирном развитии, различных вариантах Сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ) и т.д. Структура неологизмов иерархична: в основе лежат коренные понятия о реализации двух столетних целей и возрождении китайской нации, для практического осуществления которых выдвигаются различные международные инициативы. По мнению докладчика, «Идеи Си Цзиньпина» представляют собой долгосрочную взаимозависимую систему внешне- и внутривосточных концепций, объединенных общей логикой развития. Данная система не статична и способна к адаптации и эволюции в условиях постоянно изменяющихся международных отношений.

Военная политика КНР также подвержена процессу реформ и улучшения, что подробно было продемонстрировано в докладе к.полит.н. **П.Б. Каменнова** (ИДВ РАН). Несмотря на то, что благодаря сознательности стран АТР регион на протяжении долгого времени оставался «стабильной частью глобального ландшафта», действия США, направленные на усиление своего военного присутствия через укрепление старых военных альянсов и создание новых, ведут к усложнению региональных проблем безопасности. США открыто называют КНР своим главным соперником, способным бросить вызов существующей международной системе. В условиях возрастания конфликтного потенциала китайским руководством были определены направления военной политики КНР в новую эпоху, концентрирующиеся на защите единства страны и борьбе с сепаратистскими движениями. В 2015–2020 гг. была проведена крупная реформа вооруженных сил КНР, однако развитие оборонноспособности страны не будет останавливаться на достигнутом: горизонты стратегического планирования простираются до середины текущего столетия. Большое значение для достижения поставленных целей играет военно-техническое сотрудничество с Россией, чьи технологии, например система предупреждения о ракетном нападении (СПРН), помогут поднять оборонноспособность КНР на качественно новый уровень.

М.н.с. Центра международной безопасности ИМЭМО **Н.И. Шапиро** продолжила озвученную П.Б. Каменновым тему, выступив с докладом под названием «Эволюция военно-политического сотрудничества Китая и России в контексте стратегического противостояния с США». Первый этап российско-китайского военно-технического сотрудничества с 1992 г. до середины 2000-х ознаменовался масштабным перевооружением НОАК более сложными образцами военной техники. В середине 2010-х гг. взаимодействие обрело второе дыхание, что нашло свое выражение в заключении крупных контрактов на приобретение китайской стороной истребителей Су-35 и ЗРК С-400. Постепенно увеличиваются частота и масштабы совместных учений в воздухе, на суше и море. Показателем крайне высокого уровня взаимного доверия является ранее упомянутая помощь России Китаю в деле создания СПРН — наиболее сложного и засекреченного сегмента противоракетной обороны. РФ и КНР строго придерживаются курса стратегического партнерства, что позволяет обеим сторонам тесно сотрудничать по многим внешнеполи-

тическим вопросам современности, при этом не обременяя друг друга никакими военно-политическими обещаниями.

По мнению д.полит.н **А.В. Виноградова** (ИДВ РАН), глубинная причина такого тесного сотрудничества скрывается в идеологически близком видении перспектив развития и реидеологизации их отношений. В условиях нарастающей мировой конфронтации, иногда именуемой «новой биполярностью», формируется «ощущение экзистенциальной неразрывности» безопасности России и Китая, что позволяет говорить о том, что российско-китайские отношения не будут разорваны в угоду краткосрочным экономическим и политическим интересам. КНР заинтересована в сохранении у РФ субъектности и стратегического потенциала. Россия, решая свои геополитические задачи, бросает вызовы США — так было в 2008 г., 2014 г., так происходит сейчас в 2022 г. Тем самым она не позволяет коллективному Западу сконцентрировать свои усилия на сдерживании Китая, что дает ему время для подготовки к приближающейся решающей фазе противостояния с Соединенными Штатами.

В условиях возрождения биполярной системы нельзя игнорировать позицию Индии — страны, всегда игравшей важную роль в движении неприсоединения. За последние несколько десятков лет Индия создала мощную китаеведческую науку, сопоставимую с российской и лишь немного уступающую американской. Индийский взгляд на проблемы современного китайского государства представил д.э.н., проф. **В.Я. Портяков** (ИДВ РАН) в своем докладе по итогам IV Индийского форума по Китаю, прошедшего 3 и 4 декабря 2021 г. Всего на форуме было представлено 7 секций, охватывающих вопросы внутренней и внешней политики Китая, а также истории КПК. В целом, многие выводы докладчиков форума совпадают с мнением российских синологов, например, научное сообщество единодушно отмечает растущую роль правящей партии во внешней политике страны. Однако индийские китаеведы и их иностранные коллеги чаще затрагивают чувствительные для Китая темы, связанные с вопросами легитимности КПК, грядущим сокращением населения и т.д.

Другому немаловажному аспекту современного китайского государства — регулированию трансграничных операций в КНР — был посвящен доклад к.э.н. **С.П. Савинского** (НИФИ Минфина России). Руководство КНР стремится построить соответствующую международным нормам систему надзора за соблюдением валютного законодательства. Стране удалось добиться внушительных результатов в сфере цифровизации контроля трансграничных операций, включая область электронной коммерции. Несмотря на предпринимаемые китайским руководством шаги, FATF² определяет Китай как страну, участвующую в международной борьбе с отмыванием денег исключительно на выгодных для себя условиях. В качестве доказательства приводится существование в КНР разпространенной сети нелегальных организаций, обеспечивающей незаконное трансграничное и национальное циркулирование денежных средств. Одной из причин данного явления считается готовность некоторых провинциальных властей, нуждающихся во внешних инвестиционных средствах, закрывать глаза на их законность и происхождение.

Обзор некоторых важнейших аспектов по материалам СМИ, посвященных всемирно-историческому значению 100-летия КПК, был представлен в докладе доктора экономики, к.и.н. **К.К. Меркулова** (ИДВ РАН). Ключевым программным документом юбилея является третье в истории Решение ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте партии, приуроченное к юбилею. В нем подчеркивается судьбоносная роль КПК, направившей страну на «путь возрождения китайской нации, тем самым продемонстрировав живительную силу марксизма и оказав влияние на мировой исторический процесс». В ма-

² Международная организация по борьбе с отмыванием преступных доходов (Financial Action Task Force on Money Laundering).

териалах российских СМИ положительно отмечена руководящая роль КПК в системе органов власти КНР, благодаря которой удалось добиться впечатляющих результатов во многих сферах жизни страны, включая проведение экономических реформ, борьбу с пандемией COVID-19 и т.д. Вместе с тем в некоторых новейших публикациях присутствуют серьезные опасения относительно возникновения китайской угрозы. По мнению докладчика, для достижения всех намеченных целей правящей партии Китая предстоит преодолеть «ряд ошибочных элементов», таящихся в основе «коммунистической идеи»: вульгарный атеизм, общественное насилие, излишний экономический детерминизм и др.

Тема сотрудничества Амурской области и провинции Хэйлуцзян по развитию судоходства на Амуре была рассмотрена в докладе аспирантки БГПУ **Цай Ин**. Судоходная отрасль занимает значительное место в российско-китайском логистическом сотрудничестве, поэтому РФ и КНР активно взаимодействуют в сфере эксплуатации портов и составлении транспортных маршрутов. Сопряжение в 2015 г. строительства ЕАЭС и ЭПШП³ стало мощным драйвером для развития речной транспортной системы, благодаря чему у нее появилась возможность взять на себя роль важного международного логистического узла на российско-китайской границе.

Рамки сопряжения не ограничиваются только территориями Амурской области и пров. Хэйлуцзян. **Ян Шупин**, аспирант МГУ им. Ломоносова, в своем выступлении подробно охарактеризовал интеграционные процессы Евразии и роль Китая в их осуществлении. Евразийское пространство сейчас находится в состоянии фрагментации, ее инфраструктурное и институциональное объединение требует как выдающейся политической воли, так и больших объемов инвестиций. КНР выступает за создание разветвленной взаимозависимой системы открытого типа, характеризующейся высокой инклюзивностью, благодаря чему китайская инициатива «Пояс и Путь» не будет вступать в противоречие с другими интеграционными проектами, а наоборот, будет сливаться с ними на взаимовыгодной основе.

«Пояс и Путь» выступает основой для проведения в жизнь «Сообщества единой судьбы человечества» — фундаментальной китайской концепции обновления мирового порядка. Культурному измерению СЕСЧ был посвящен совместный доклад д.филос.наук **В.С. Морозовой** (НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург) и доцента, к.полит.н. **Т.В. Колпаковой** (ЗабГУ, г. Чита). КНР стремится занять достойное место в системе глобального управления, реформировав ее при помощи китайских культурных ценностей. Активно ведется разработка китайских теорий международных отношений, опирающихся на мораль, этику, мирные методы осуществления внешней политики и успехи КНР, подтверждающие с практической точки зрения верность китайского пути. По мнению авторов, эти теории на данный момент не оказывают серьезного влияния на внешнюю политику Китая, однако они позволяют как гражданам страны, так и мировой общественности ознакомиться с китайским официальным видением будущего международных отношений, постепенно формируя теоретическую базу СЕСЧ.

Аспирантка СПбГУ **Цзян Цзюньцзин** выступила с докладом под названием «Влияние китайско-американских экономических отношений на внешнюю политику КНР во время эпидемии COVID-19». Пандемия затронула все страны мира, бросив исторический вызов развитию КНР и США. Как никогда усилилась потребность в сотрудничестве между крупнейшими экономиками мира, находящимися в состоянии «торговой войны». И хотя общими усилиями все же удалось добиться фактического перемирия и расширить масштабы международной борьбы с коронавирусной инфекцией, США не отказались от своих планов по сдерживанию Китая и сохранению собственной гегемонии, запустив тем самым новый виток стратегического противостояния.

³ Экономический пояс Шёлкового пути (丝绸之路经济带).

С темой COVID-19 также был связан доклад аспиранта РУДН **Ли Цзиньяна**, проанализировавшего китайско-африканское сотрудничество в области здравоохранения в контексте пандемии. Начиная с 1960-х гг. КНР оказывает странам Африки всевозможную медицинскую помощь, объемы и формы которой развивались в соответствии с потребностями времени. Китай с готовностью оказал поддержку африканским странам во время кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией: в 2022 г. китайской стороной было выделено около 180 млн доз вакцин государствам континента, предприняты меры по созданию системы общественного здоровья и т.д. Действуя подобным образом, КНР завоевывает доверие стран Африки и усиливает свое дипломатическое влияние на сферу глобального здравоохранения.

К.и.н. **Н.А. Замараева** (ИВ РАН) посвятила свое выступление Закону КНР о сухопутных границах 2021 г., принятому в ответ на индийский Закон о реорганизации Джамму и Кашмира 2019 г. Кашмир является точкой соприкосновения стратегических интересов Пакистана, Индии и Китая. Пограничные конфликты в данной спорной области берут начало в 1950-х гг., а их конфликтный потенциал до сих пор не исчерпан. В 2019 г. после военного столкновения двух авиационных групп Индии и Пакистана на территории последнего, Нью-Дели в одностороннем порядке издал Конституционный указ, отменяющий особый статус Джамму и Кашмира, и преобразовал их в две союзные территории (включающие также Ладакх) под своим непосредственным управлением. Данный шаг возмутил Китай, также претендующий на территорию Ладакха. Реакцией Пекина стало принятие в октябре 2021 г. Закона о сухопутной границе КНР. Суть данного документа в рамках индийско-китайского противостояния заключается в намерении КНР провести скорейшую демаркацию границы и заключить двухсторонний договор по границе.

Работу секции закрыла аспирантка РУДН **Е Янься**, выступившая с докладом на тему «Политика великой державы Японии при Синдзо Абэ». Основными внешними факторами, влияющими на политику Японии, являются США и КНР. После Второй мировой войны Япония по сути оказалась в роли политического заложника США, утратив собственную субъектность в пользу покровительства мирового гегемона. В то же время стране до сих пор не удалось нормализовать отношения с Китаем, который воспринимается многими японцами в качестве главной угрозы безопасности в АТР. Великодержавная политика невозможна без повышения военной мощи государства, что требует внесения соответствующих поправок в Конституцию страны. Однако отказ от американо-японского договора безопасности видится маловероятным, т.к. в одиночку Япония не сможет сдерживать Китай — своего главного стратегического соперника в регионе.

Во второй половине дня начала свою работу третья секция «Право Китая», посвященная актуальным проблемам законодательства современного китайского государства. В рамках секции было представлено 7 докладов.

Первый докладчик, к.ю.н. **П.В. Трошинский** (ИДВ РАН), в своем выступлении рассмотрел тему законодательного развития Китая в последние годы. Структурно доклад был разделен на 5 разделов, описывающих главные направления правотворчества в КНР: противодействие иностранным санкциям; кибербезопасность как защита ключевой инфраструктуры; регулирование контрольной сферы; регулирование гражданско-правовой сферы; борьба с организованной преступностью. Особенностью принимаемых законов является расплывчатость формулировок, что позволяет сохранять гибкость и оперативность решений в условиях неопределенного будущего. В целом, объем законотворческой деятельности в Китае беспрецедентен: только за 2021 г. было принято 17 новых законов. По мнению докладчика, заметны тенденции к усилению регулирования правоохранительной сферы, включая обеспечение безопасности в цифровом пространстве. Огромный интерес вызывает грядущий XX съезд КПК, т.к. именно от решений партии зависит дальнейший прогресс законотворчества в КНР.

Проблема концептуализации гражданского права была поднята доцентом, д.и.н. **П.Н. Дудиным** (ВСГУТУ, г. Улан-Удэ) в докладе «Век кодификации гражданского законодательства в Китае: досоциалистический опыт». Несмотря на то, что современное гражданское право КНР сравнительно молодо — оно институционализировалось около ста лет назад — в нем фрагментарно заметны традиционные черты, проявляющиеся прежде всего в торговом праве, не обособленном в отдельную отрасль. Более того, на Тайване существует «альтернатива», развившаяся из первой кодификации гражданского права под руководством Гоминьдана в 1929–1931 гг., благодаря чему существует возможность сравнивать эффективность двух параллельных систем. Большой вклад в изучение гражданского права республиканского Китая внесли наши соотечественники — ученые Юридического факультета г. Харбина (1920–1937). К сожалению, ни российскими, ни западными исследователями не был затронут цинский опыт реформирования системы права под влиянием Японии и стран Запада, который позволил бы более комплексно взглянуть на хронологию эволюции законодательства с заката императорского Китая до окончания гражданской войны.

В своем выступлении доцент, к.ю.н. **О.О. Базина** (МГИМО) сравнила теорию разделения властей Сунь Ятсена и структуру современной государственной власти в КНР. По мнению отца китайской нации, слепое копирование западных моделей трех ветвей власти неизбежно привело бы страну к разгулу коррупции и злоупотреблениям людей, облеченных властью. Решение данной проблемы было найдено в тысячелетней истории Китая, сформировавшей чуждые Европе разновидности власти: контрольную, представленную Цензором, и экзаменационную, являющую собой целую систему отбора чиновников. Китайская Республика закрепила и реализовала на практике уникальное государственное устройство Сунь Ятсена, в то время как КНР пошла советским путем — отказалась от разделения властей в пользу принципа парламентаризма. Тем не менее логика Сунь Ятсена не была отвергнута: в 2018 г. в КНР было объявлено о создании отдельного надзорного органа — контрольного комитета (Государственный контрольный (надзорный) комитет). Более того, в КНР существует неполноценный аналог экзаменационной власти — Государственная администрация гражданской службы, ведающая вопросами подготовки высококвалифицированного административного персонала. Таким образом, Сунь Ятсену удалось точно определить потребности государственного аппарата Китая, хотя реализации его теории в материковом Китае и на Тайване обличена в разные формы.

Доцент, к.ю.н. **Н.В. Сыманюк** (УрФУ, г. Екатеринбург) рассмотрела изменения, затронувшие уголовное законодательство КНР с 2003 г. Красной нитью, пронизывающей последние 19 лет эволюции системы наказания, является пересмотр и декриминализация некоторых уголовно наказуемых деяний, опора на перевоспитание человека, совершившего преступления легкой степени, без принудительной изоляции от общества. Однако, несмотря на преимущества этой тенденции, выражающейся в том числе в экономии государственных ресурсов, существуют весомые недостатки, требующие совершенствования, например: меньший уровень контроля за правонарушителями, отсутствие четко прописанных обязанностей курирующих их социальных работников и т.д.

Выступление доцента, к.ю.н. **А.П. Алексеенко** (СПбГУ) было посвящено применяемым в КНР практическим методам борьбы с монополизмом в цифровой среде. За последние годы существенно возросла роль цифровых платформ и торговых площадок, нередко использующих свои технологические возможности и другие преимущества для навязывания своей воли продавцам и покупателям, в частности непосредственно влияя на ценообразование. Со стороны антимонопольной службы за неправомерные действия к ответственности привлекались такие IT-гиганты, как Alibaba Group, Meituan, Tencent и т.д. Традиционные методы выявления нарушений становятся малоэффективны — крайне сложно определить «границы» товарного рынка в сфере электронной коммерции и провести проверку действий онлайн-платформы. В этих условиях необходимо учитывать

множество факторов: технические возможности компании по сбору и анализу больших данных, используемые платформой алгоритмы по отслеживанию поведенческих паттернов пользователей и др. Данный комплекс мероприятий весьма сложен в практической реализации, однако он позволяет осуществить основную цель антимонопольной службы — создать условия для здоровой конкуренции в стране.

Тема интеллектуальной собственности в целом и развития права на товарный знак (ТЗ) в частности была затронута в докладе аспиранта РАНХиГС (г. Орел) **С.А. Абрамова**. Точкой отсчета современной китайской трактовки ТЗ, основанной на западной модели интеллектуальной собственности, является принятие Закона о ТЗ в 1986 г. В последующие годы шла эволюция законодательства в данной сфере, выражавшаяся в упорядочении процедур оформления ТЗ, регламентации наказания за его недобросовестное использование и др. Нынешний этап развития нацелен на цифровизацию всех сфер интеллектуальной собственности и международную регистрацию китайских товарных знаков.

В последнем докладе секции аспирантом Финансового университета при Правительстве РФ **С.Н. Жилкибаевым** была проанализирована проблема унификации и гармонизации законодательства РФ и КНР в сфере иностранных инвестиций. Несмотря на постулирование лидерами обеих стран необходимости если не сопряжения, то хотя бы стандартизации внешнеэкономической деятельности, данная инициатива наталкивается на несоразмерность российской и китайской экономической мощи и малой заинтересованности предпринимательских сообществ в подобном сотрудничестве. Первым практическим шагом на пути к унификации и гармонизации могло бы стать принятие единого экспериментального закона об иностранных инвестициях, ставшего бы основой для дальнейшего приведения к единообразию отраслей гражданского права двух стран.

После завершения работы секций развернулась дискуссия о связи традиционной культуры Китая и современного китайского государства. В частности, д.филол.н., проф. **А.И. Кобзев** настаивал на чрезвычайной важности изучения классической синологии в процессе подготовки китаеведов. По его мнению, китайская философия является фундаментом китаистики, без которой эта междисциплинарная наука фрагментируется, превращаясь в обезличенные «экономику», «филологию» и др. Д.э.н. **А.В. Островский** поддержал позицию своего коллеги, заявив, что само по себе деление синологии на традиционное и современное опасно, т.к. понимание глубинных политических, исторических и социально-экономических процессов, протекающих в КНР, невозможно без комплексного восприятия китайской цивилизации. Подводя итог дискуссии, д.полит.н. **А.В. Виноградов** заключил, что основополагающими целями проведения Ежегодной всероссийской научной конференции «Современное китайское государство» являются консолидация всего китаеведческого сообщества и создание стабильного канала связи для обмена мнениями, основанного на принципах профессионализма и компетентности.

На основе докладов конференции к публикации будет подготовлен сборник статей.

SCIENTIFIC EVENTS

Annual All-Russian Conference "Modern Chinese State"

Rodion F. Kudakaev

Junior Research Fellow Center for Political Studies and Forecasting, IFES RAS (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2054-8287.
E-mail: rfkudakaev@gmail.com.

XXVI конференция корееведов России и стран СНГ «Современные проблемы Корейского полуострова»

Зуева Александра Георгиевна

Младший научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9394-0733.
E-mail: fedorovalex87@gmail.com.

Поленова Анна Львовна

Научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1854-6733. E-mail: polenova.a.l@my.mgimo.ru.

Шкатов Данил Евгеньевич

Лаборант-исследователь Центра корейских исследований ИДВ РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-6690-0181. E-mail: d.szkatow@gmail.com.

24–25 марта 2022 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась XXVI ежегодная конференция корееведов России и стран СНГ «Современные проблемы Корейского полуострова». На заседаниях выступили более 30 исследователей из ИДВ РАН, Института Востоковедения РАН (ИВ РАН), МГИМО, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Иркутского государственного университета (ИГУ), Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) и других исследовательских и образовательных институтов. В этом году конференция прошла в смешанном формате, благодаря чему к ней смогли присоединиться более 70 слушателей из городов России и зарубежья.

К участникам конференции обратились с приветственным словом и.о. директора Института Дальнего Востока РАН **К.В. Бабаев**, заместитель директора Первого департамента Азии МИД России **М.Г. Волков** и заместитель директора Департамента Минфина РФ **Д.В. Кикю**. В их выступлениях была дана оценка основных событий, происходящих на Корейском полуострове, а также отмечена высокая значимость конференции в условиях сложившейся ситуации на корейском направлении.

Представленные на конференции доклады подробно осветили наиболее актуальные вопросы политического, социально-экономического и культурного развития стран Корейского полуострова.

Конференция была проведена в рамках 6 пленарных заседаний, первое из которых объединило доклады, касающиеся международных аспектов корейской проблемы.

Руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН **А.З. Жебин** в своем выступлении проанализировал проблему заключения мирного договора, призванного официально подвести черту под Корейской войной 1950–1953 гг. Он отметил, что предложение южнокорейской стороны заключить мирный договор не сопровождалось практическими шагами Республики Корея и США по снижению напряженности. В то же время сам факт практического обсуждения декларации об окончании войны свидетельствует, что США понимают необходимость признания интересов КНДР и нормализации обстановки в регионе для прогресса в денуклеаризации Корейского полуострова.

В.Е. Петровский (ИДВ РАН) осветил координацию дипломатических усилий России и КНР в поисках решения ядерной проблемы Корейского полуострова. Пекин и Москва проводят политику, которая направлена на постепенное снижение санкций в ответ на меры КНДР по денуклеаризации. По мнению исследователя, для активизации межкорейского диалога целесообразно проводить и трехсторонние консультации Россия — Китай — Южная Корея.

В.Г. Самсонова (ИДВ РАН) посвятила свой доклад актуальным вопросам торгово-экономического сотрудничества Республики Корея и России. Несмотря на вызванные пандемией экономические трудности, ею были обозначены успехи, достигнутые в това-

рообороте между двумя странами. Отмечено, что на данном этапе двухсторонних отношений нет серьезных экономических поводов для сворачивания партнерства. В сложившихся геополитических условиях у Республики Корея и России есть все шансы для развития сотрудничества, особенно в сферах медицины и IT, возможен рост российского продовольственного экспорта. Однако ужесточение санкционной политики против России, может привести к серьезным потерям для южнокорейского бизнеса. Поэтому так важно сохранить существующие успехи и стараться минимизировать влияние геополитических факторов на двусторонние экономические связи.

Д.В. Кикю (эксперт РСМД) в своём выступлении осветил тему антироссийских санкций в связи с ситуацией на Украине. Докладчик подчеркнул, что решение Республики Корея о присоединении к финансовым санкциям было принято под давлением со стороны Вашингтона. Сеул также заявил о прекращении действия в отношении России режима наибольшего благоприятствования в торговле и о введении ограничений на экспорт некоторых видов нестратегических товаров, в том числе компьютерной техники и низкопроизводительных полупроводников. Д.В. Кикю подчеркнул, что введенные меры могут нанести ущерб работающим в России южнокорейским компаниям, негативно скажутся на двустороннем товарообороте и могут стать поводом для ответных мер Москвы.

Р.Н. Лобов, эксперт Российского института стратегических исследований, проанализировал взаимодействие Республики Корея и Японии в военно-политических структурах Азиатско-Тихоокеанского региона. Тема взаимодействия с Японией является «водоразделом» политических лагерей в Южной Корее, но с приходом к власти консервативного правительства можно ожидать активизации военно-политического сотрудничества РК и Японии. На этом настаивают и США, которые призывают стороны сосредоточиться не на противоречиях в двусторонних отношениях, а на консолидации позиций.

Второе пленарное заседание было посвящено вопросам внутренней политики Республики Корея. Ведущий научный сотрудник ЦКИ ИДВ РАН **К.В. Асмолов** осветил проблему «третьей силы» в южнокорейской политике. С одной стороны, в обществе наблюдается запрос на «третью силу», которая могла бы противопоставить себя традиционным лагерям демократов и консерваторов. С другой стороны, особенности как политического процесса в стране, так и корейской политической культуры мешают формированию устойчивой политической группировки, способной претендовать на эту роль.

Заведующий корпунктом «Российской газеты» в Сеуле (РК) **О.В. Кирьянов** сравнил политические программы основных кандидатов на пост президента Республики Корея. Кандидат от демократов Ли Чжэ Мён заявлял о сбалансированном подходе Сеула к внешней политике, при котором, с одной стороны, нужно поддерживать тесные отношения с США, а с другой — учитывать и интересы других стран, даже тех, кто конфликтует с Вашингтоном. Юн Сок Ёль, победивший на выборах, напротив, является сторонником ориентации на США, усиления южнокорейско-американского военного союза, а также выступает за давление на КНДР, не соглашаясь со стилем межкорейского диалога предыдущей администрации Республики Корея.

В.И. Волощак (ДВФУ) проанализировал итоги «военной реформы 2.0» в Республике Корея. Автор пришел к выводу, что реформа была выполнена частично — наблюдается прогресс по ряду изначальных инициатив, таких как сокращение срока обязательной службы, решение отдельных вопросов комплектования армии, но не была решена проблема передачи Сеулу контроля со стороны США над вооруженными силами Республики Корея в случае войны.

В.В. Вишнякова (НИУ ВШЭ) представила доклад о космической программе Республики Корея. Южная Корея сделала качественный скачок в этой сфере и в скором времени может войти в клуб космических держав. Кроме того, космическая программа имеет и военное измерение, что может стать одним из ответов на ракетно-ядерную программу КНДР.

А.В. Пак (ИВ РАН) проанализировал опыт корейской протестантской церкви в борьбе с коронавирусом. Скандалы времен первой волны распространения COVID-19 привели к расколу протестантской церкви в стране на три лагеря: ультраправых и фундаменталистов, которые выступали в первую очередь за свободу ритуальных мероприятий от коронавирусных ограничений, и прогрессивных протестантов, которые пытались помогать в борьбе с пандемией в рамках церковных структур.

Доцент МГИМО **И.В. Дьячков** рассмотрел механизмы южнокорейской политики памяти в отношении Японии. Она имеет заметный прикладной характер, воздействуя не только на внутреннюю, но и на международную аудиторию, формируя нарратив критики в отношении японских преступлений времен Второй мировой войны и колониального периода, требуя от японской стороны извинений и компенсаций.

Доцент МГИМО **А.А. Киреева** проанализировала, как внутри Японии относятся к недавнему ухудшению отношений между Республикой Корея и Японией. В Токио с неприязнью относятся к постоянным попыткам взыскать с Японии компенсации за ее преступления колониального периода, считая этот вопрос закрытым. Кроме того, японские политические круги настороженно относились к инициативе Мун Чжэ Ина по межкорейскому сближению 2018–2019 гг. Настораживают Японию и тесные экономические контакты Сеула и Пекина.

Четыре доклада были представлены в рамках заседания, посвященного экономике Республики Корея. Докладчиками были обозначены основные социально-экономические вызовы Республики Корея на современном этапе, даны прогнозы по борьбе с пандемией. Кроме этого, в связи с избранием нового президента авторы акцентировали внимание на ожидаемых в скором времени изменениях в южнокорейской экономике.

П.С. Лешаков, сотрудник российского посольства в РК, обозначил три главных вызова для экономики Республики Корея на современном этапе: продолжающаяся пандемия, энергопереход и смена внешнеэкономического курса. Было проанализировано влияние пандемии на экономику Южной Кореи и дана положительная оценка мерам, принимаемым правительством Мун Чжэ Ина для поддержки экономики. С учетом нарастающей напряженности в американо-китайских торговых отношениях, Республике Корея придется диверсифицировать свои внешнеэкономические связи. Докладчиком были выделены основные сложности декарбонизации экономики этой страны: рост цен при форсированном энергопереходе, необходимость использовать альтернативные источники энергии и др.

Доклад, представленный **А.Г. Зуевой** (ИДВ РАН), развил тему внешних и внутренних вызовов, встающих перед южнокорейской экономикой. Были рассмотрены успехи правительства Мун Чжэ Ина, достигнутые в последние годы при реализации национального плана «Корейский новый курс», а также обозначены глубинные проблемы социально-экономического характера, решение которых так и не было найдено. Кроме этого, был сделан упор на переходный этап в экономике, связанный со сменой руководства страны и диверсификацией не только социально-экономического развития, но и переориентацией внешнеэкономических связей. Особое внимание докладчица уделила росту военного бюджета как фактору того, что безопасность, в том числе и экономическая, выходит для Республики Корея на первый план.

А.Ф. Сनियाкова (МГИМО) проанализировала социально-экономическую программу новоизбранного президента Республики Корея Юн Сок Ёля. Приоритетным направлением названо повышение эффективности рынка и, как следствие, уменьшение роли государства в экономических процессах, создание благоприятных условий для бизнеса. Автор отметила, что важным направлением работы нового президента станет восстановление экономики от ущерба, вызванного пандемией COVID-19. В частности, будет оказана поддержка малому предпринимательству, пострадавшему от пандемии. Юн Сок Ёль обещает бороться с ростом цен на жилье, сделать приобретение малогаба-

ритных квартир доступным для молодежи. Кроме прочего планируется уделить особое внимание проблеме бедности среди пожилого населения Республики Корея.

Большой интерес вызвал доклад **Л.И. Семиной** (ИДВ РАН), посвященный оценкам эффективности системы здравоохранения Республики Корея во время пандемии коронавируса COVID-19. Автор провела анализ, сделала объективные выводы о мерах борьбы с пандемией коронавируса в период 2020–2021 гг. и дала позитивный прогноз по развитию ситуации на 2022 г. Докладчица считает, что южнокорейской системе здравоохранения удастся избежать коллапса, несмотря на рост числа заражений. Позитивный опыт Республики Корея в борьбе с пандемией может быть использован в России и других странах.

Второй день конференции открыло заседание, объединившее исследователей политики и экономики КНДР. Первым выступил **А.В. Воронцов** (ИВ РАН) с докладом на тему «Особенности внутривластной ситуации в КНДР при Ким Чен Ёне». Большой интерес слушателей вызвали описанные автором способы поддержания политической стабильности в Северной Корее: наличие механизмов обратной связи в форме «руководства на местах»; критика и самокритика, распространяющаяся в том числе на высшее руководство; поддержание высокой интенсивности политической жизни населения и др.

Отличительным особенностям развития северокорейской идеологии после VIII съезда Трудовой партии Кореи посвятил свой доклад профессор **С.О. Курбанов** (СПбГУ). По мнению исследователя, можно выделить «идеологический базис», т.е. идеи *чучхе*, и «идеологическую надстройку», которая в настоящий момент представлена концепцией «социалистической цивилизации». При этом такая система включает в себя и элементы традиционной корейской культуры, такие как коллективизм.

В.В. Хрусталёв (независимый эксперт) представил анализ результатов анонсированной КНДР программы развития вооружений. В настоящий момент Пхеньян поставил перед собой ряд целей: создание беспилотных летательных аппаратов различного назначения, крылатые ракеты и т.д. и уже добился некоторых успехов в их достижении. В частности, можно говорить о принципиально работоспособных гиперзвуковых баллистических блоках и крылатых ракетах.

Доклад **А.Л. Поленовой** (ИДВ РАН) был посвящен развитию северокорейско-кубинских отношений при Ким Чен Ёне. По мнению исследовательницы, за прошедшее десятилетие связи Пхеньяна и Гаваны только укрепилась, несмотря на возникавшие вызовы, например, временное потепление в американо-кубинских отношениях. Упрочение двусторонних связей можно объяснить сходством внешнеполитических позиций по целому ряду международных вопросов и идеологической близостью.

В докладе **Г.Д. Толорая** (ИЭ РАН) были проанализированы причины значительного ухудшения гуманитарной ситуации в КНДР. Автором обозначены основные факторы, имеющие серьезное влияние на социально-экономическую обстановку в КНДР в настоящий момент: закрытие внешних границ, прекращение внешнеэкономических связей, воздействие экономических санкций. Также на экономике КНДР негативно сказывается попытка руководства страны централизовать экономическое управление. В докладе был дан не только анализ существующей ситуации, но и рекомендации для выстраивания российской политики в рамках двухстороннего сотрудничества с КНДР.

Л.В. Захарова (ИДВ РАН) представила доклад о состоянии сельского хозяйства в КНДР на современном этапе. Автор описала государственную систему управления сельским хозяйством, структурировала исторические этапы сельскохозяйственного производства и обозначила современные задачи, стоящие перед аграрным сектором. В 2020 г. ситуация осложнилась на фоне введенных ранее санкций и карантинных ограничений. В экономическом плане развития страны с 2021 по 2025 г. решение продовольственного вопроса является одним из самых приоритетных для КНДР. Для достижения этой цели руководство страны планирует увеличение государственных ассигнований, строительство масштабных

тепличных комплексов, увеличение производства технических культур, модернизацию сельских поселений с помощью масштабного строительства современного жилья и др.

В.С. Акуленко (ДВФУ) в своем докладе рассмотрел функционирование рыбохозяйственного комплекса КНДР во время пандемии COVID-19. Материал исследования основан на детальном анализе северокорейской прессы. Добыча морепродуктов в водах КНДР до сих пор является важным видом экономической деятельности. Во время пандемии новый толчок развития получила аквакультура, в стране наращивают собственное производство комбикорма и различных биодобавок. Тем не менее техническое оснащение рыбохозяйственного комплекса невелико, повсеместно применяется ручной труд. В настоящий момент правительство КНДР уделяет больше внимание модернизации рыболовного флота, хотя основные силы планируется сосредоточить на работе с аквакультурой, как более предсказуемой и не имеющей сезонности.

Заседание конференции, посвященное вопросам развития корейской культуры, открыл доклад доцента МГИМО **В.Е. Сухинина** с обзором советской документальной литературы по корейской тематике. В очерках и путевых заметках советских авторов нашли отражение оценки колониального периода истории страны, становления и развития КНДР и Республики Корея. Писатели-документалисты в основном описывали происходящее с позиций, совпадающих в официальной линии КПСС — такой вывод совпадает с результатами предыдущего исследования, касавшегося корейской темы в советской художественной литературе.

И.В. Цой (СПбГУ) представила доклад на тему «Современная южнокорейская литература в контексте последних социально-экономических и политических изменений». В числе ключевых тенденций развития литературного пространства в Республике Корея докладчица отметила размывание жанровых границ, растущий интерес к жизни людей из маргинализированных сообществ. При этом сохраняют свои позиции уже ставшие привычными темы одиночества и отчужденности, а также социальная проблематика.

А.А. Гурьева (СПбГУ) проанализировала сплав политической и экологической тем в творчестве современных южнокорейских поэтов. Многие выдающиеся авторы соединяли эти мотивы в своих произведениях, выступая с критикой экологических проектов властей и чрезмерного потребления. Новое звучание обретает традиционная для корейской литературы концепция взаимосвязи разных сфер жизни: разлад в природных процессах приводит к политическому и социальному кризису и наоборот.

Оценки российской политики в области культурно-гуманитарного сотрудничества с Республикой Корея привела **М.Е. Осетрова** (ИДВ РАН). Как программные документы, формулирующие российскую стратегию в этой сфере, так и практические шаги показывают, что в настоящее время, несмотря на большой потенциал российско-южнокорейских культурно-гуманитарных связей, это направление не является для Москвы приоритетным, что сказывается на реальном наполнении двусторонних отношений.

В выступлении «Трансформация образа Республики Корея в российском информационном пространстве в 2010-х — 2020-х гг.» **К.В. Иванов** (ИГУ) продолжил тему взаимного культурного влияния России и Южной Кореи. Исследователь отметил, что наблюдается рост интереса россиян к корейской культуре (музыке, кухне, языку), вызванный в том числе целенаправленными усилиями Республики Корея по формированию своего позитивного образа. В то же время этот интерес не приводит к появлению у российских граждан долгосрочных планов, связанных с РК.

Реакции современного южнокорейского искусства на пандемию коронавируса свой доклад посвятила **Е.А. Хохлова** (НИУ ВШЭ). Автор предложила обзор выставок, составленных кураторами в государственных и частных музеях для освещения актуальной повестки. Культурные институции становились пространством документирования трагических событий, поиска возможности исцелиться и преодолеть последствия пандемии. Опе-

ративная реакция музеев на актуальную повестку, по мнению исследователя, говорит о значительном уровне гражданской ответственности южнокорейских арт-институций.

Конференция завершилась заседанием, посвящённым проблемам интеграции и эволюции социального статуса корейцев в России.

Ж.Г. Сон (НИУ ВШЭ) рассказала о результатах исследования трудовой деятельности корейских рабочих на промышленных предприятиях Урала в годы Первой мировой войны. Докладчица детально описала особенности найма, регламентацию труда и условия, в которых работали корейцы. Благодаря активному участию в развитии экономики, в особенности сельского хозяйства, позволившему существенно улучшить продовольственное снабжение армии и населения, корейским поселениям уже в первые годы удалось значительно повысить свой социальный статус.

Ю.И. Дин (Сахалинский областной музей) представила доклад на тему «Интеграция сахалинских корейцев в советское общество (1940-е — 1960-е гг.)». Понимая важность детства образования в деле интеграции, советская власть вскоре после освобождения Сахалина от японских войск открыла корейские школы. В рассматриваемый период также активно принимались меры по сохранению национальной корейской культуры (создание корейских театров, газет). Корейцы Сахалина интегрировались в советское (а затем и российское) общество, прошли успешный путь от общины низкоквалифицированных работников к важному социальному институту, играющему значительную роль в экономической, политической и общественной жизни Сахалинской области.

Большой интерес вызвало выступление **Е.У. Кима** (ИДВ РАН), осветившего эволюцию социального статуса корейцев в России. Доклад показал их участие в боях в составе частей русской, затем советской армии в годы русско-японской войны и двух мировых войн, а также значительный вклад в экономическое развитие страны: корейцы стали народом с самой большой долей Героев Социалистического Труда на 10 тыс. чел. Корейцы также активно включились в социальные преобразования в Советской России. Сегодня высокий социальный статус корейцев во многом сохраняется за счет вклада СССР в раскрытие творческих способностей, интеллекта, трудолюбия корейцев.

По результатам конференции и на основе представленных материалов будет подготовлен сборник статей.

SCIENTIFIC EVENTS

The 26th Conference of Russia and CIS Koreanists “Contemporary Problems of the Korean Peninsula”

Alexandra G. Zueva

Junior researcher, Center for Korean Studies, IFES RAS (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9394-0733.
E-mail: fedorovalex87@gmail.com.

Anna L. Polenova

Researcher, Center for Korean Studies, IFES RAS (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1854-6733.
E-mail: polenova.a.l@my.mgimo.ru.

Danil E. Shkatov

Assistant-researcher, Center for Korean Studies, IFES RAS (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6690-0181.
E-mail: d.szkatow@gmail.com.

РЕЦЕНЗИИ / BOOK REVIEWS

Рецензия на коллективную монографию «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями» / под ред. Д.В. Стрельцова. Москва: издательство «Аспект Пресс», 2022. 336 с. ISBN 978-5-7567-1164-6

Review of the monographic book: Problems of the historical past in Japan's relations with neighboring countries / ed. D.V. Streltsov. Moscow: Publishing House "Aspect press", 2022. 336 p. ISBN 978-5-7567-1164-6

Коллективная монография является первым подготовленным в нашей стране комплексным изданием, посвященным проблемам исторической памяти в отношении Японии со странами-соседями и Россией. Авторы поставили перед собой задачу всесторонне рассмотреть проблемы исторического прошлого как единый фактор, воздействующий на отношения Японии со странами Восточной Азии и Россией.

Рост актуальности проблем исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями обусловлен сочетанием ряда факторов, далеко не ограничивающихся регионом Северо-Восточной Азии: общим возрастанием конфликтности в международных отношениях, повышением значимости информационно-пропагандистского инструментария в качестве средства давления на другие государства, а также возрастанием значимости общественного мнения, эмоциональная реакция которого на вопросы исторического прошлого может быть и инструментом в руках правительств, и автономной силой, способной создавать конфликты на почве исторических обид.

В монографии содержится панорамный взгляд на проблемы исторического прошлого в отношении Японии со странами-соседями. Стоит отметить, что исторические обиды отравляют атмосферу международных отношений и приводят к серьезным дипломатическим конфликтам. При этом поиск путей решения подобных проблем, основанных на компромиссе и взаимных уступках, оказывается крайне затруднительным, а зачастую и невозможным. Накопленный груз исторического негатива вынуждает политических лидеров, зависимых от общественных настроений, оставаться на максималистских позициях и отказываться от проявления гибкости, что препятствует поиску путей решения проблем.

Логичной и отвечающей единой научной концепции представляется структура монографии. Сначала авторы рассматривают вопросы исторического прошлого во внутриполитическом дискурсе современной Японии, затем фокусируют свое внимание на проблемах исторического прошлого в отношениях Японии с государствами Корейского полуострова, Тайванем и КНР. В книге содержится политическая оценка экспансионистской политики Японии в отношении материковых государств Восточной Азии, включая оценку масштаба и характера злодеяний, совершенных японской военщиной в этих странах.

Интересной представляется глава монографии, посвященная проблеме осознания военного прошлого Японии в политическом дискурсе современного японского государства (с. 29–51). В частности, продемонстрировано, что в период пребывания у власти правительств во главе с Абэ Синдзо (2012–2020) официальная риторика японского руководства постепенно эволюционировала в сторону ослабления акцента на ответственности Японии за агрессию в Азии и усиления репрезентации Японии как страны – жертвы войны. В японском общественном мнении преобладает отрицательное отношение к России, во многом связанное с оценкой ее роли во Второй мировой войне как страны, совершившей против Японии агрессивные действия и отторгнувшей от нее ее исконные территории.

Рассмотрение заявленных проблем позволило определить, какое место занимает историческая память в восприятии Японии странами-соседями на современном этапе. Авторы показали, как формировался имидж Японии в Китае и Республике Корея в контексте проблем исторического прошлого и как проблема исторической памяти взаимодействует с

другими противоречиями, накопившимися в отношениях Японии с Китаем, Тайванем и Республикой Корея. Авторами предпринята попытка оценить перспективы улучшения неблагоприятной ситуации во взаимном восприятии Японии и стран-соседей.

Изучены подходы КНР к интерпретации вопросов истории, связанных с войной сопротивления Японии, а также в период разморозки двусторонних отношений и обновления подхода к вопросам прошлого. Отдельно рассмотрены малоизученные в отечественной науке проблемы развития Тайваня в период японского господства в 1895–1945 гг. Их изучение позволило сделать выводы о значительной роли японских властей в распространении западной модели образования, что в свою очередь служило распространению государственного языка не только в японский, но и послевоенный период. При этом к ностальгическим чувствам и осознанию того, что японская культура и традиции все же трансформировали «культурный код» жителей бывшей колонии, тайваньцев в значительной мере подтолкнуло авторитарное правление китайской администрации под началом Гоминьдана после 1949 г. Можно утверждать, что тесное взаимодействие Токио с Тайбэем и сохраняющиеся до сегодняшнего дня теплые отношения между японцами и тайваньцами связаны с «раздвоенной» самоидентификацией, которую последние приобрели ещё в колониальный период.

Рассмотрение проблем исторического прошлого в отношениях Японии и корейских государств концентрировалось главным образом на вопросах, связанных с различными аспектами колониальной экспансии и владычества Японии на Корейском полуострове в первой половине XX в. Особое место среди них занимают вопросы колониального закабаления Кореи Японией в начале XX в., включая попытки корейского императора отстоять независимый статус Кореи, борьбу корейцев с насильственно навязанным Корею протекторатом. Были освещены попытки Коджона вынести вопрос о действиях японцев в Корею и решение дальнейшей судьбы вверенного ему государства на рассмотрение международного суда, в частности Гаагской конференции. Также была рассмотрена одна из самых болезненных в современных японо-южнокорейских отношениях проблем, оказывающая серьезное влияние на весь комплекс отношений между двумя этими странами – проблема сексуального рабства корейянок в японских военных борделях в годы Второй мировой войны (т.н. проблема «женщин для уте-

шения»). Показано, как, несмотря на все попытки урегулировать этот вопрос, он так и не был решен и на данный момент не только остается существенным дестабилизирующим фактором отношений между Японией и Южной Кореей, но и создает реальную угрозу региональной стабильности в целом.

В отдельной главе исследованы роль и место «дипломатии извинений» в отношениях Японии с КНР и Республикой Корея, в которых она продолжает выступать важнейшим инструментом, регулирующим градус напряженности в условиях высокой их конфликтности. Авторы делают обоснованный вывод о том, что «дипломатия извинений» играла важную роль в послевоенной политике Токио по примирению с восточноазиатскими странами.

Важное место в монографии занимают главы 7–11, посвященные проблемам исторического прошлого в отношениях Японии с Россией. Следует высоко оценить анализ этих проблем авторами исследований. В частности, показано, как развивалось и каковы были результаты японской интервенции в России. Подробно рассмотрены также вопросы, связанные с памятью о японском господстве на о. Сахалин в 1905–1945 гг. Известно, что в советские годы японский след в истории Сахалина замалчивался: на острове были уничтожены или разрушены большинство идеологических объектов, которые были символами губернаторства Карафутто. Однако начиная с 1990-х гг. российские историки проделали большую работу по сохранению и каталогизации остатков объектов идеологического и хозяйственного назначения периода Карафутто. В освещении темы японского наследия на Сахалине присутствует значительный элемент новаторства.

Одна из глав посвящена анализу роли и места вопросов исторического прошлого в общественном сознании россиян и японцев. Убедительно показано, что образ Японии в послевоенном СССР не ассоциировался с «историческими обидами», т.к. послевоенное поколение советских людей уже не помнило о русско-японской войне, а японская интервенция в Сибирь и на Дальний Восток 1918–1922 гг. не стала причиной негативного отношения к Японии на массовом уровне. К тому же считалось, что Япония, страдающая под пятой американцев, уже и так получила жестокий урок истории. Интересен и поучителен анализ феномена виктимности в японском общественном сознании (с. 192–193). Ощущение себя жертвой в данном контексте создает японцам чувство психологического комфорта и позво-

ляет ослабить чувство вины в связи с агрессивной политикой Японии в Азии в годы Второй мировой войны.

В настоящее время важнейшей среди проблем исторического прошлого в отношениях Японии с Россией остается проблема отсутствия мирного договора. В монографии дан анализ этой проблемы пограничного размежевания в исторической ретроспективе. Авторы справедливо указывают, что любые территориальные уступки Японии, даже в русле исполнения международно-правовых обязательств, с точки зрения многих россиян, являются не чем иным, как подрывом легитимности полученного в результате Победы статуса великой державы (с. 333), что, в свою очередь, является серьезнейшим препятствием на пути ее решения. Учитывая занятую Японией в связи с военной операцией на Украине солидарную с США и Европой и весьма жесткую антироссийскую позицию, на которую российская сторона ответила внесением Японии в реестр «недружественных государств»

и прекращением переговоров по мирному договору, можно предположить, что ухудшение двусторонних отношений будет носить долгосрочный характер при отсутствии перспектив урегулирования территориальной проблемы и иных «исторических обид».

Авторы исходят из того, что проблемы исторического прошлого не теряют своей актуальности с течением времени. Обобщение и концептуализация опыта решения этих проблем дает возможность выработки практических рекомендаций для внешнеполитических органов по выстраиванию отношений России с Японией с учетом роли фактора исторического прошлого.

Вместе с тем желательно было бы больше внимания уделить тому, как меняется восприятие проблем исторического прошлого с течением времени в контексте смены поколений в двух странах. Хотелось бы также, чтобы больше внимания было уделено российской историографии поднимаемых проблем.

© 2022

Панов Александр Николаевич

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (адрес: 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3). ORCID: 0000-0003-0236-3756. E-mail: Panov.Taishi@yandex.ru.

Alexander N. Panov

Professor (Political Science), Head of the Department of Diplomacy (MGIMO University), chief researcher, Institute of the USA and Canada, Russian Academy of Sciences (address: 2/3, Khlebnnyy, Moscow, 121069). ORCID: 0000-0003-0236-3756. E-mail: Panov.Taishi@yandex.ru.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Александр Игоревич Салицкий
08.06.1955 — 09.04.2022

На 67-м году жизни скончался известный российский экономист и китаевед Александр Игоревич Салицкий.

А.И. Салицкий закончил в 1977 г. факультет международных экономических отношений МГИМО МИД СССР, получив квалификацию экономиста-международника со знанием китайского и английского языков. После окончания аспирантуры при Институте востоковедения АН СССР и защиты в 1981 г. кандидатской диссертации по теме: «Внешнеэкономическая политика КНР по отношению к азиатским развивающимся странам (70-е гг.)» А.И. Салицкий поступил на работу в Институт востоковедения АН СССР. Он дважды прошел научную и языковую стажировку в Пекинском Народном университете.

В 1987 г. А.И. Салицкий, наряду с другими сотрудниками Института востоковедения, перешел в Отдел тихоокеанских исследований Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, решение об укреплении которого было принято по инициативе директора Института, академика Е.М. Примакова. В тот период в ИМЭМО вышла первая монография А.И. Салицкого «Открытая политика Китая: опыт 80-х годов».

В 1992 г. А.И. Салицкий вернулся на работу в Институт востоковедения РАН. В сложные для ученых 1990-е гг. он остался преданным делу науки, продолжил исследования внешнеэкономической деятельности КНР, места и роли Китая в мировой экономике. В 2000 г. в Институте востоковедения РАН им была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему «Взаимодействие КНР с мировым хозяйством в 80–90-е годы». На ее основе в 2001 г. вышла в свет монография «Взаимодействие КНР с мировым хозяйством».

В 2001 г. по приглашению директора ИМЭМО РАН, академика Н.А. Симонии А.И. Салицкий вернулся в Институт мировой экономики и международных отношений, и с тех пор работал главным научным сотрудником Центра проблем развития и модернизации. Ряд лет он являлся по совместительству главным научным сотрудником Центра социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН.

Круг научных интересов А.И. Салицкого был очень широк. В него вошли проблемы мирохозяйственных связей, соотношения процессов глобализации и регионализации, экономическое развитие азиатских стран, поиск модели развития Китая, пути китайских экономических реформ, вопросы энергетики КНР, проблемы присоединения Китая к ВТО и многие другие темы. С его непосредственным участием, в соавторстве с М.А. Потаповым и А.В. Шахматовым, были изданы интересные исследования по азиат-

ской экономике: «Возрождение Азии: горизонты модернизации» (2007) и во многом новаторский учебник «Экономика современной Азии» (2008). Его второе переработанное и дополненное издание вышло в свет в 2011 г.

Публикации А.И. Салицкого неизменно встречают повышенный интерес, отличаются нестандартным взглядом на исследуемые темы, дискуссионным подходом, зачастую носят «провокационный» характер, призывая читателей к открытому обсуждению и диалогу. При этом Александр Игоревич относился с большим уважением и вниманием к другой точке зрения, с удовольствием работал совместно с коллегами-востоковедами по разным темам исследований, активно участвовал в коллективных монографиях ИМЭМО, ИВ РАН, ИДВ, МГИМО. Его многочисленные публикации в журналах «Проблемы Дальнего Востока», «Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность», «Мировая экономика и международные отношения», «Азия и Африка сегодня», «Вестник РАН» и многих других хорошо известны научной общественности, как и выступления по радио, телевидению, на интернет-сайтах.

А.И. Салицкий — автор более 200 публикаций — книг, статей в коллективных монографиях и журналах общим объемом более 200 авторских листов. Нельзя не отметить также активную деятельность профессора А.И. Салицкого в подготовке научной смены. Многие годы Александр Игоревич преподавал мировую экономику и экономику Китая, руководил аспирантами в ряде высших учебных заведений Москвы, был членом несколько диссертационных советов и редколлегии нашего журнала.

Нет сомнения, что прочную память об А.И. Салицком, его трудах и научной деятельности сохранят коллеги-востоковеды и представители других смежных гуманитарных специальностей.

Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»

AD MEMORIAM

Alexander Igorevich Salitsky 08.06.1955 — 09.04.2022

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ и базу данных RSCI. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://pdv.jes.su>.

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) Пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) В меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) Можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**». Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – **Е38827**.

Возможно оформление льготной подписки в редакции. Для ее оформления с получением печатной версии в Институте Дальнего Востока РАН необходимо направить заявку на e-mail pdvjournal@mail.ru с указанием Ф.И.О. и контактов. Подписка может оформляться на полгода и на весь год. После формирования списка подписчиков заявителям направляется бланк квитанции на оплату с банковскими реквизитами. Заявители оплачивают по квитанции или реквизитам подписку и передают на вышеуказанный e-mail подтверждающие документы, после чего уже как подписчики получают журналы в ИДВ РАН (к.1115, 11 этаж) под роспись по мере выхода номеров журнала из печати.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;
тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdvjournal@mail.ru
Оригинал-макет © 2022 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 15.04.2022 г. Формат 70 × 100^{1/16} Уч.-изд. л.14,6.
Тираж 285 экз. Зак. 14/2а. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и
африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое
востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте
востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛИ**

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
ПОДХОД**

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО**

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).